

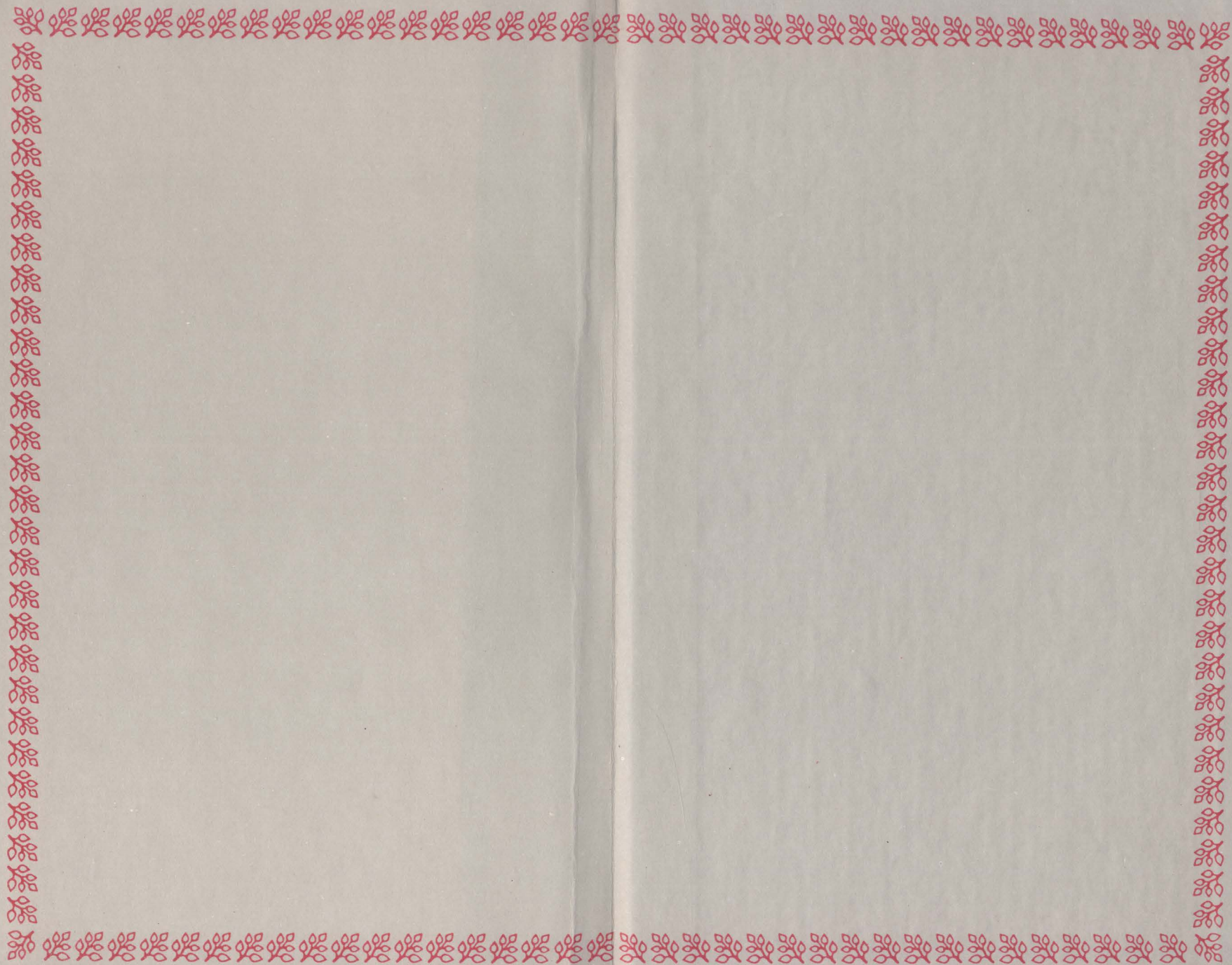
Муза пламенной
сатиры

Муза пламенной сатиры

РУССКАЯ СТИХОТВОРНАЯ САТИРА

1880-1910-е гг. 20008

*Муза пламенной
сатиры*

РУССКАЯ СТИХОТВОРНАЯ САТИРА

1880-1910 - х годов

«Сельская библиотека Нечерноземья»
издается по решению Коллегии Госкомиздата РСФСР
для тружеников села Нечерноземной зоны РСФСР

Общественная редакционная коллегия:

Дементьев В. В. — председатель	
Белов В. И.	Грибов Ю. Т.
Васильев И. А.	Гусев Г. М.
Викулов С. В.	Шуртаков С. И.
Воронин С. А.	

*Муза пламенной
сатиры*

РУССКАЯ СТИХОТВОРНАЯ САТИРА

1880-1910 - х годов

Москва
«Современник»
1990

ББК 84Р1
М89

Составитель, автор вступительной статьи
доктор филологических наук Л. Ф. Ершов
Примечания А. Л. Ершова

Рецензент С. Ф. Дмитренко

Муза пламенной сатиры: Русская стихотворная са-
М89 тира 1880—1910-х годов / Сост., автор вступ. статьи
Л. Ф. Ершов; Примеч. А. Л. Ершова.— М.: Современ-
ник, 1990.— 447 с.— (Сельская б-ка Нечерноземья).
ISBN 5-270-00458-5

В книге собраны эпиграммы, пародии, стихотворные фельетоны русских поэтов от начала 80-х годов XIX века до предоктябрьских дней. Сборник составили произведения таких поэтов, как К. Случевский, В. Соловьев, А. Жемчужников, М. Горький, Ф. Сологуб, К. Бальмонт, В. Ерюсов, А. Блок, И. Логинов, В. Маяковский и другие. Блистательные страницы русской стихотворной сатиры, бесспорно, привлекут внимание самой широкой читательской аудитории.

Настоящее издание является продолжением 2-х ранее вышедших книг: «Муза пламенной сатиры. Русская стихотворная сатира от Кантемира до Пушкина» и «Муза пламенной сатиры. Русская стихотворная сатира 1830—1870-х годов».

М 4702010102 — 236 17-89
М106(03)—90

ББК 84Р1

ISBN 5-270-00458-5

© Составление, вступительная статья, примечания, Л. Ф. Ершов 1990

РУССКАЯ СТИХОТВОРНАЯ САТИРА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Сатира подобна запальной свече, воспламеняющей горючую смесь народного недовольства. Этот вид творчества особенно тесно связан с социально-политическими и духовно-нравственными противоречиями людей, с развитием общественных конфликтов. Естественно, что и в интересующую нас эпоху сатира не могла не выполнять присущих ей родовых функций.

1

«Глухая ночь», «серое ненастье», «черная темница» — такие и подобные им оценки найдем в поэзии 80-х годов XIX века о том кризисном времени. Герой этой поэзии нередко «измучен жизни битвой», «смят борьбой», натура у него «изнуренная», грудь «усталая», а сердце «разбитое». И это были не обычные ламентации на тему засасывающей обыденности, не просто эмоциональные отклики, но некие метафорические знаки сущего, отнюдь не располагающего к сколько-нибудь оптимистическому взгляду на тогдашнюю действительность.

В результате очередного покушения и убийства царя Александра II (1 марта 1881 г.) и вступления на престол Александра III во внутренней политике государства резко обозначился переход к реакционному курсу. Несмотря на некоторые вынужденные экономические реформы в пользу крестьян, с назначением в 1882 г. на пост министра внутренних дел Д. А. Толстого (вместо Н. П. Игнатьева), известного сторонника «сильной власти», жесткого административного правления, начался период открытой реакции, коснувшийся почти всех сфер жизни.

Конец XIX столетия — это не только закат движения народников, кризис крестьянского утопического социализма. Это и начало рабочего движения, возникновение первых марксистских групп (группа «Освобождение труда» Г. В. Плеханова, 1883, ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», 1895).

Литература, эстетика, философия переживают переходный период, обещающий выход из кризисного состояния. Часть интеллигенции испытывает настроения разочарования и погружается в область идеалистической философии и эстетики. Происходит очевидная эстетизация искусства, в поэзии не только сохраняются, но и получают дальнейшее развитие традиции «чистой лирики». Другая часть творческой интеллигенции готовит новый подъем революционного движения. Однако даже лучшим поэтам 80-х годов не было дано подняться до уровня революционного обличения, достигнутого демократической поэзией 60-х. Тем не менее происходившая демократизация литературы способствовала появлению новых тенденций. Зреют гражданские мотивы, все слышнее голоса протеста против отживающего государственного правления, за социальное обновление общества (А. П. Чехов, М. Горький).

80—90-е годы минувшего века — нелегкое время для сатиры. Все еще слышен набатный голос Щедрина (умер в 1889 году). Антоша Чехонте становится к началу 90-х годов Антоном Чеховым, а к концу этого десятилетия создает лучшие из своих произведений. Гневная публицистика Л. Н. Толстого вызывает в форме философской проповеди и исповеди («Исповедь», 1882, «Так что же нам делать?», 1888), где великий писатель подвергает анализу «метафизику лицемерия»¹, вырабатывает учение, отрицающее все существующее общественное устройство.

Массовая сатирико-юмористическая журналистика 80—90-х годов мельчает, теряет завоеванный в 60—70-е годы уровень. Уже ни «Будильник», ни «Осколки», эти наиболее либеральные журналы, не могут набрать идеологической высоты «Искры» (1859—1873) и «Свистка» (1859—1863). А что уж говорить об откровенно развлекательных «Стрекозе» (1873—1908), «Сверчке» (1886—1891) или «Шуте» (1879—1914)?

80—90-е годы — время зрелого творчества таких поэтов, как А. М. Жемчужников, К. К. Случевский, В. С. Соловьев. Своего противника (самодержавную деспотию, буржуазные порядки и порожденные ими нравственно уродливые нормы и обычаи) названные поэты отнюдь не переоценивали, что нередко делали представители разгромленных в постмартовской ситуации народовольческих кругов. Более того, они стремились прозреть корни российских бед в европейской цивилизации. Известная осторожность при размышлениях о политических и организационных структурах народовластия диктовалась не столько ограниченностью их общественных позиций, сколько трезвым пониманием реального положения дел в стране, исключавшем подхлестывание истории.

Зарево Парижской коммуны по-новому осветило весь клубок не только французских, но и общеевропейских противоречий. Русская сатира, учитывая этот опыт, обращает свои взоры за пределы национальных

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 209.

границ. Так возникает знаменитый цикл Салтыкова-Щедрина «За рубежом» (1880—1881).

Стихотворная сатира тоже пробует свои силы в этом направлении. На страницах сатирической поэмы Д. Минаева «Демон» (1878) как раз и запечатлено стремление к всероссийскому охвату событий. На зарубежном материале ведет речь о Сатане и его присных В. Соловьев в стихотворной комедии «Альсим» (конец 70-х годов). Думается, на этой же волне возникает несколько лет спустя, в самом начале 80-х годов, интерес у К. Случевского к образу Мефистофеля.

В 80—90-е годы ощутимо тяготение к философской оснащенности искусства слова, к интегрированию, к емким художественным обобщениям-символам. Не обошла эта тенденция и сатирическую поэзию. Здесь на первом плане не прямое и открытое поношение царящего зла, но косвенные формы насмешки.

Бичующий голос автора как бы смягчается горькими раздумьями, острота реакции на общественную злобу дня затушевывается. Умалется конкретная изобразительность, публицистическая острота. Зато возрастает аналитическая роль исследования недостатков и пороков не только данного русского жизнеустройства, но и всеобщего миропорядка.

У К. Случевского, В. Соловьева, А. Жемчужникова на первом плане не столько сатира явлений, сколько состояний. То есть не конкретный сатирический образ того или иного носителя порока, но суммарное обобщение, слабо индивидуализированное воплощение пошлости, лживости, лицемерия. В центре внимания не образ бюрократа, мздоимца, хапуги, а некое универсальное социально и этически окрашенное состояние определенного слоя или группы людей.

О прямом влиянии на текущую действительность, что было альфой и омегой предшествующей сатирической традиции, не могло быть и речи. Оставалась сфера опосредованных этических влияний, обращение к здравому смыслу, к совести.

Новое слово, которое было сказано сатирой К. Случевского, В. Соловьева, А. Жемчужникова,— это открытие духовного вакуума, аморального прозябания личности в условиях, когда угасают этические принципы. Поэты разоблачают эгоизм, потребительство, ханжество не просто как образ жизни, но как систему идей, целое мировоззрение. В этом их специфическая черта по сравнению со стихотворной сатирой предшествующего периода.

В. И. Ленин, давая оценку русскому обществу 80-х годов, отметил, что «...революционеры исчерпали себя 1-ым марта, ...либеральное общество оказалось ...политически неразвитым»¹ для борьбы. Все это так. Но ни на минуту не затухала внутренняя работа общественно-философской мыс-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 44.

ли. За счет ослабления публицистической остроты происходило углубление интеллектуального пафоса. Сложность и трагическая противоречивость мироощущения человека кризисной эпохи — в этом направлении шла трансформация гражданственного начала русской сатиры. Так эпоха безвременья углубила философский характер искусства обличения смехом.

Обостренные интеллектуальные искания обусловили иной тип обличений, иные метафоры, символику. Ощутимо откровенное тяготение к мировому образному репертуару, к европейской философской литературе.

Важное значение в творчестве К. Случевского имеет цикл из десяти стихотворений «Мефистофель» (1881), посвященный, как об этом свидетельствует заглавие, духу «отрицанья и сомненья» с его максимализмом разрушительной декларации:

Будет день, я своею улыбкой сожгу
Всех систем пузыри, всех миров пустельгу,
Всё, чему так приятно живется...

Мефистофельская сардоническая позиция задает тон и в обличительной поэме «То же нравственность», и в серии произведений «Из дневника одностороннего человека». Поскольку перед поэтом стоит задача разрушения определенной системы иллюзий, снятия завлекательных покровов с наиболее распространенных пороков, он создает не одно произведение, а целый цикл под общим заглавием «Мефистофель». Читатель проведен здесь последовательно по всем кругам современной действительности: Мефистофель на прогулке и на городской площади, на великосветском рауте и в музее, в соборе и в вертепе, словом, везде, где творится действие, именуемое жизнью.

В таком замысле мы наблюдаем соединение просветительской критики с правдоискательскими намерениями. При этом реализуется противоречивая природа человеческого познания, составляющая, скажем, основу композиционного построения философских романов Достоевского — про и contra, реальных соотношений добра и зла. Может быть, с несколько гипертрофированным скептицизмом и иронией (у В. Соловьева «романтической иронией»), но непременно против утопических соблазнов нетерпеливого претворения идеалов общественного благополучия.

В цикле «Мефистофель» К. Случевский восстает против человеческого прозябания в условиях неумолимой власти плутократии и чистогана. Поэт как бы принимает вызов Мефистофеля: показывая грязь и нечисть современной действительности, он пытается по контрасту прозреть светлый нравственный идеал. Но как снять трагизм противоречий, тупиковый характер исторической ситуации? Как отринуть оболстительные акции современного дьявола, как нейтрализовать роковые чары его греховных деяний?

К. Случевским начисто отвергнута возможность такой трактовки образа Мефистофеля, которая была закреплена мировой традицией: вопре-

ки собственной злой воле иногда творить добро. Стихотворения, заключающие цикл — «В вертепе» и «Полишинели», — не оставляют на этот счет ни малейшего сомнения.

Тут проявляется, в темных фигурках своих,
Крайнее слово всей вашей крещеной культуры!
Стоит, мощной побренчав, к преступленью позвать:
Всё, всё исполнят милейшие эти фигуры...

Из хаоса случайностей постепенно проступают закономерности. Пестрая мозаика тем в финале цикла складывается в цельную картину порочности общественной системы и ее институтов. Вскрывать не житейские, а сущностные пороки — к этому стремилась философская сатира. И вот все люди оказываются в руках дьявола — этикие поддегунчики, «картонажные полишинели на пружинках», которыми вертит и так и сяк нечистая сила. Этот символ всесветского вертепа будет подхвачен несколько позже А. Блоком в образе балаганчика и метафоре «страшного мира».

А страшен он потому, что сущие на этой земле не столько живут, сколько создают иллюзию жизни. В результате карнавал масок, бал манекенов, царство теней. И тогда у К. Случевского возникает недоуменный вопрос:

Уж не признать ли теплыми могилы
В сравненьи с жизнью в холоде и мгле?

«Односторонность» героя Случевского в том и состоит, что взор автора преимущественно направлен на противоречия, которые являют, как известно, суть, ядро явлений или процессов. Причем эти противоречия даны не в драматическом, а, как и положено сатире, в комическом освещении.

Именно так из контрастов соткано покрывало хваленной британской демократии, как показывает К. Случевский в небольшой сатирической поэме «Тоже нравственность». Сюжет ее несложен: пока английская герцогиня вела «тайные» амуры с итальянским оперным певцом, все было прилично, респектабельно. Однако стоило сановной аристократке выйти из-за ширмы, официально скрепив многолетнюю связь законным браком, — чопорное британское высшее общество брезгливо отвернулось от герцогини, посчитав себя скомпрометированным этим мезальянсом.

Нравственные постулаты разрушаются не столько извне, сколько подтачиваются изнутри. Вот эта интроспекция души и становится излюбленной сферой стихотворной сатиры 80—90-х годов наиболее крупных художников.

Главное в наследии В. С. Соловьева — философская лирика. Однако его музе не чужда и сатира. Все, кто знал философа, отмечали аналитичность его ума, скептицизм, ироничность.

Сатира под пером В. Соловьева становится изощреннее, топыше, изящнее в своих приемах. Вместе с тем речь здесь должна идти не просто об уровне техники, о блеске комических эффектов (в этом смысле многое, что создано было К. Прутковым или Д. Минаевым, оставалось непревзойденным), но о просветлении общего фона, о духовно-нравственном масштабе исканий.

Не случайно для В. Соловьева (так же, впрочем, как и для К. Случевского) был столь обязывающ пример Ф. М. Достоевского — художника и мыслителя, воплотившего не только кричащие контрасты действительности, но и острейшие противоречия философской мысли. Отсюда у В. Соловьева тяготение к совмещению крайностей — смысловых и лексических, pro и contra как композиционный и стилиевой прием, языковая дисгармония (сочетания слов «высокого» и «низкого» планов) как выражение социально-нравственных коллизий современной жизни.

В этом смысле характерно стихотворение «Признание» (1884). Здесь сатирик озабочен тем, чтобы выставить на публичное осмеяние реакционность и безнравственность, фальшивое «правоверие» и беспредельное «лицемерие», поскольку на деле, в повседневной практике «правоверие с безверием //Вспило то же молоко». Завершается инвектива ядовито-ироническим автопризнанием:

Стал либерал такого сорта я,
Таким широким стал мой взгляд,
Что снять ответственность и с черта я,
Ей-богу, был бы очень рад.

Он скверен, с гнусной образиной,
Неисправим — я знаю сам.
Что ж делать с этакой скотиной?
Пускай идет ко всем чертям!

В. Соловьев полагал себя рыцарем «Истины, Добра и Красоты». С позиций этого высокого идеала и исследовал он окружающую действительность. Если Достоевский был убежден, что «красота спасет мир», то Соловьев верит в «Вечную Женственность», назначение которой спасти человечество от всех зол. И прежде всего от пороков буржуазного строя, столь сильно ненавидимого поэтом.

В ранней стихотворной комедии «Альсим» одно из главных действующих сил — Сатана, с которым молодой поэт Альсим заключает договор. Сатана должен верой и правдой служить поэту; но если тот совершит преступление, то душа его станет собственностью сатаны. В финале поэт оскверняет себя убийством, и душа Альсима поступает в распоряжение дьявола.

Насколько важна для В. Соловьева эта тема, свидетельствует поздняя «автоэпитафия» (1892), где говорится:

Он душу потерял,
Не говоря о теле:
Ее диавол взял,
Его ж собаки съели.

Сатирик выступает против зла и безобразия окружающего мира, против самых разнообразных сторон самодержавно-буржуазной действительности: будь то капиталистические правопорядки или система реакционно-охранительной идеологии. Его демократизм неотделим от глубоких симпатий к Белинскому и Чернышевскому, от поддержки революционеров-народовольцев и от едкой критики царского деспотизма и победоносцевской «культурной политики». (Однако для В. Соловьева была неприемлема сама идея революционного преобразования России.)

Всем этим и питалась высокая, продиктованная аристократизмом духа сатира В. Соловьева. Но жила в его творчестве и откровенная шутивно-ироническая интонация, идущая от народной смеховой культуры «козьма-прутковской» традиции. Именно на этой волне создавались малые сатирические жанры: эпиграммы, пародии, пародийные перепевы. Особенно удачны его пародии на эстетствующих поэтов, на «старших» символистов.

Если сатира предшествующих десятилетий публицистически остро оценивала конкретные факты современной жизни, то мастера карающей строки 80—90-х годов, развивая традиции демократической сатиры 60-х годов, продолжили углубление в корневую систему общественных противоречий, придавая особое значение нравственно-эстетической стороне социальных контрастов. Глухие толчки в недрах освободительного движения, накопление сил у передовой части общества ощущались наиболее чуткими наблюдателями русской действительности конца XIX века. Нарастание трагизма жизни передавалось и искусству. Мощные аллегории добра и зла, света и тьмы, запечатленные с помощью символических образов философской литературой прошлого как выявление глобальных контрастов современного мира, переходящего к этапу войн и революций, — мимо всего этого не прошла и поэзия А. М. Жемчужникова.

В 1900 году, когда отмечался 50-летний юбилей творческой деятельности поэта, вся литературная Россия чествовала его, а Л. Н. Толстой откликнулся теплой дружеской (они и были друзьями) телеграммой. В отзывах русской прессы замелькали определения: «поэт-гуманист», «певец гражданской чести», «уцелевший колосс доброй старой русской литературы».

Философская лирика и сатира с философским уклоном — значительная часть наследия А. М. Жемчужникова. Поэт исповедывал демократические идеалы, и его место находилось значительно левее центристских позиций К. Случевского и В. Соловьева. Но для всех них девизом всегда оставалось «торжество разума и чести», нравственная порядочность, противостояние всякого рода бюрократии, деспотии, обскурантизму. Не

случайно А. Жемчужников говорил о «непримиримой, беспощадной, жгучей ненависти» к тупоумию и подлости.

Еще в стихотворении «Грустно смотрю я на жизнь...» была такая строка:

Страшно подумать, что жизнью зовется подобие смерти!

Вот против такого рода «жизни», которая подобна смерти, и направлено острое сатиры поэта. Разве не знаменательно, что спустя десять лет перифраза этой строки составит суть стихотворения О. Н. Чюминой «Пасть бойцом на поле битвы» (1889), где образ смерти представлен в виде особой формы жизни:

Но бывает смерть иная:
Это — жизнь среди болот,
Это — тина роковая
И покой стоячих вод.
.....
Где вокруг царит всецело
Непробудный тяжкий сон,
Где живет одно лишь тело,
Дух же — смерти обречен.

Вот этот апофеоз торжествующего «тела», непробудный сон духа был предметом особенно глубокого исследования крупнейших поэтов-сатириков 80—90-х годов, что и определило своеобразие их взгляда и художнического инструментария. Разве не потому стал как бы символом эпохи призыв А. Жемчужникова в стихотворении «Духа не угашайте»:

О, если чувство в нас еще не вовсе глухо,
Детей и родину спасем, рассеяв сон!
Завет апостола: «Не угашайте духа!» —
Напоминаю вам. Как знать? В дали времен,
Быть может, к нравственной воззвать придется силе...

Сатирикам-моралистам было свойственно обращаться к библейским образам, к «нравственной силе», к формулам иносказания и средствам Эзоповой речи. Невозможность воспеть героическую личность диктовало прямо противоположное — обличение всего, что шло с нею вразрез.

Если лирика народнического движения создала тип самоотверженного альтруиста, героя, растворившегося до конца в общественной борьбе, то и передовая сатира (только, так сказать, от обратного) делала то же самое, низвергая с пьедестала эгоизм, сребролюбие, Мамону и Ваала. Как и положено сатире, она в особой форме утверждала передовой этический и гражданский идеал. Вот почему неверно укоренившееся понятие о поэзии 80—90-х годов, которая трактовалась как «ущербная, сумеречная поэзия». Сатира этого периода не ослепляет, но внутри ее разлит сильный и ровный свет социально-нравственного познания.

Именно в духе такой медитации выдержаны сатиры-раздумья А. Жемчужникова «На родине», «Как будто все всем надоело...», «Забытые слова», «Умные политики» и другие. Автор скорбит о том, что «нас всех заволокло» равнодушие, что двуличие определяет нормы поведения (хотя «по горло все в делах», нет нигде «живого дела»), что в мертвящей атмосфере «вступили в связь добро и зло», а оголтелая серость и скука правят бал. Сатирические стрелы метят в самые крупные и закоренелые пороки. На посмеяние выставлен и «казенный нигилист, свирепый Аракчеев» с единственным любимым присловьем: «Не рассуждать!», и мозговой центр самодержавия — «священная дружина», и, наконец, Сенат («Конь Калигулы»). «„Скерцо“ на гражданские мотивы» — как бы итог этих раздумий, едкая насмешка над ретроградными публицистами, пустозвонными либералами и всей той благонамеренной толпой, что холопствует перед мошной и троном.

Стихотворная сатира 80—90-х годов — переходный момент и в то же время соединительный мостик от 60-х годов XIX века к началу XX века. Сатира нового этапа и нового века продолжила и развила лучшее, что было у ее предшественников. Она не сумела сберечь всех их достижений — многогранности, рельефности бытийных проблем добра и зла, нравственно-философской глубины, но расширила сферу своего действия, освоила новые мотивы и темы, подсказанные жизнью, усовершенствовала арсенал выразительных средств.

2

1900-е годы — начало новой полосы в истории России. Еще заметнее обозначился разрыв между основами народной жизни и системой общественно-государственных отношений, между чаяниями широких масс и жестоким прессом правящей верхушки. Позорное поражение царизма в русско-японской войне 1904—1905 годов еще резче выявило развал экономики, дальнейшее обнищание основных слоев населения.

Драматизм и даже трагизм положения в стране ощущались всеми. Но было в тогдашней действительности немало и достойного осмеяния. Вмиг потускнело бывшее величие царизма, трещина расколола самый фундамент государственной системы. А судорожные усилия сохранить незыблемым фасад империи доставлял и сатирикам великое разнообразие тем.

Сатирическая поэзия 1905—1907 годов обратила главное внимание на деяния столпов режима. Повсеместное воровство и коррупция на фоне пышного словоблудия, отсутствие элементарных свобод и безудержное суесловие о благе подданных — эти и многие другие контрасты — главный предмет обличения мастеров карающей строки. Еще в самом начале царствования царя Николая II в русском обществе ходило четверостишие, ставшее вскоре крылатым:

На Руси — увы!
Злые две напасти:
На низу Власть Тьмы,
А вверху — тьма власти.

Это коренное противоречие — выключенность народа из организма общественно-политической власти — становится основной мишенью сатириков, от лобовой обличительной агитки до изощренных форм иронии, пародий, гротеска. Вплоть до Октября 1917 года, когда, по слову А. Блока, наступила пора «*Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью*»¹.

Стихийный взрыв народного гнева в 1905—1907 годах основательно потряс устои российской империи. В борьбе с самодержавием особую роль сыграли радикальная публицистика и политическая сатира. События этих революционных лет всколыхнули русское общество и обнаружили мощь новой социальной силы — пролетариата. Были забыты и отброшены принципы развлекательной юмористики. Появилась сатирическая литература, которая развила и приумножила достижения революционно-демократической печати. В течение нескольких лет вышло около трехсот сатирико-юмористических изданий.

Осенью 1905 года, до и после 17 октября, когда был опубликован царский Манифест, «гарантировавший» россиянам неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов, возникают десятки журналов политической сатиры. С большой страстностью и негодованием обрушиваются они на прогнившие устои самодержавия, саркастически издеваются над дарованными «свободами», «конституцией», карикатурной булыгинской Думой. Даже в таких традиционно умеренных журналах, как «Стрекоза» и «Осколки», «проблемы» налога на собак или ношения дамских корсетов уступают место подлинно социальным мотивам. Здесь появляются и такие строки, как «беснованье репрессивных мер», или перепев известного стихотворения Фета «Шепот, робкое дыханье...»:

Массы обысков, доносов,
Произвола тьма,
Плач и стоны славных россов
И тюрьма, тюрьма!²

В журнале «Жало» печатались произведения М. Горького («О сером», «С натуры»), в которых разоблачались все те, кто «задерживает смерть отжившего, затрудняет рост живого»³. «Зритель» резко выступил

¹ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М. — Л., 1962. Т. 6. С. 12.

² Осколки. 1906. № 4. С. 5.

³ Жало. 1905. № 1. С. 2.

против либералов, шумно обличавших самые крошечные неполадки государственного механизма, но трусливых, как зайцы (басня Чуж-Чуженина «Заяц-обличитель»). В серии миниатюр «Новогодние шалости эха» содержались открытые призывы к революционным действиям:

«— Что делаешь, мужичок? — Кору жую.

«Эхо... к оружию!

«Возьми косу и всю вольную печать в корень выкоси!

«Эхо... выкуси!»¹

Из всей плеяды революционных сатирических изданий выделялся новаторскими приемами «монтажного» построения карикатуры, смелыми до отчаянной дерзости выпадами журнал Н. Шебуева «Пулемет» (1905—1906). На обложке первого номера «Пулемета» был изображен оратор с иступленным лицом и подписью «Долой!» Всем ясно было, кого долой. Завершался номер рисунком, воспроизводившим текст «высочайшего Манифеста» с отпечатком кровавой ладони.

«Пулемет» не ограничивался издевкой, презрением, насмешкой над царем и всем строем России. Этот журнал ввел впервые в русскую сатирико-юмористическую литературу положительную, героическую тему рабочего класса. В одном из номеров на фоне зданий заводов и фабрик было воспроизведено энергичное лицо рабочего, а подпись гласила: «Его рабочее величество пролетарий всероссийский». На других рисунках изображались мощные манифестации со знаменами РСДРП, зарисовки баррикадных боев и другие эпизоды революционной борьбы.

Этот принцип сочетания сатирического с героическим, впервые с такой силой проявившийся в лучших журналах 1905—1906 годов, впоследствии подхваченный советской сатирической периодикой, весьма знаменателен. Обличая, передовая идеология выдвигает то, чему нужно следовать, за что бороться. В то же время, когда в условиях разгрома и спада революции из официальных кругов раздалось в очередной раз брюзжание по поводу разлива смелой сатиры и призыв создавать «положительный образ» образцовых российских обывателей, журнал «Зритель» так откликнулся на эту чиновничью инициативу:

Пусин-Мушкин, Дусин-Хрюшкин,
Как не стыдно... ахти-хти!
Надо ум иметь лягушкин,
Чтоб такое напести.
Положительные типы?
Дайте списочек, чудак.
Нет — казенных перьев скрипы
Оглушили ваш чердак.
Известили лет бы за сто
Циркулярно всех творцов:

¹ Зритель. 1906. № 1. С. 8.

С отрицательными — баста.
Поставляйте молодцов¹.

Политическая сатира расцвела на страницах таких периодических изданий, как «Зритель», «Жало», «Дятел», «Красный смех» и другие. Мишенью стихотворцев стали все общественные институты тогдашней России: основные буржуазные партии от кадетов до верных монархистов, от царя и всесильного Победоносцева до таких глушителей свободы, как Трепов, Дубасов, Дурново. Не только деяния, но и сами фамилии этих царских сатрапов давали благодарный материал для сатирических экспромтов:

Господь Россию приукрасил —
Он двух героев ей послал:
Один в Москве народ дубасил,
Другой же в Питере — трепал.

Хочется обратить внимание на то, как искусно сделана эта стихотворная миниатюра. Прежде всего она лишена даже подобия угромо-обличительного оттенка, чем грешили многие материалы в тогдашней сатирико-юмористической периодике. И первая строка «Господь Россию приукрасил» и строка вторая «Он двух героев ей послал» сами по себе, в отдельности и вместе взятые, не заключают ни осуждающей экспрессии, ни комического заострения. Более того, они как бы демонстрируют полное и, казалось, безраздельное приятие. Шутка ли сказать: сам всевышний украсил Россию, послав ей сразу двух героев. Так, усыпив читательскую бдительность, как бы душевно расположив его к благожелательному восприятию заключительных строк миниатюры, автор вдруг совершенно неожиданно опровергает начальную посылку. Оказывается, на самом-то деле ниспосланные свыше деяния «двух героев» и официально прокламированная благодать не имеют ничего общего. То есть и московский генерал-губернатор Ф. В. Дубасов, и его петербургский коллега Д. Ф. Трепов совершали действия, отнюдь не равные ангельскому чину, а в некотором смысле прямо ему противоположные.

Даже внешне безобидная фамилия царя — Романов — остроумно и едко обыгрывалась в эпиграмме В. С. Лихачева «Писателю Самозванову»:

Сочинена тобою, Самозванов,
Романов целая семья,
Но молвлю, правды не тая:
Я не люблю твоей семьи романов.

В этой эпиграмме автор не обличает, а как бы играет от избытка сил. Озорной смысл этой каламбурной игры расшифровывается в финале.

¹ Зритель. 1908. № 3. С. 8.

Для передовых сатириков не было секретом, что именно царь и приближенные к нему чиновники являются вдохновителями поднимающей голову реакции. Вот почему столь актуально было четверостишие того же Лихачева «Сомнение», развеивающее остатки былых верований, расстрелянных еще 9 января:

«Без царя в голове» — говорят про того,
Головою кто слаб иль недужен...
Я ни *против*, ни *за* не скажу ничего;
В голове царь, быть может, и нужен.

«Во Франции гильотина, а у нас фонарь»¹ — вот основной мотив передовой стихотворной сатиры 1905—1907 годов. Разоблачению кадетского предательства, лживых октябристских посулов, конституционных иллюзий и либерального соглашательства тоже отводилось немало места. После Манифеста 17 октября пресса как бы обрела новое дыхание. Но длилось это недолго. Уже 24 ноября появились временные правила о печати, согласно которым строптивым редакторам грозили уже не цензурные ножницы, но судебная ответственность, уголовные кары. Вот откуда появлялись такие ядовитые стихи:

Печатай книги и брошюры,
Свободой пользуйся святой —
Без предварительной цензуры,
Но с предварительной тюрьмой.

Тема свободы — обретенной и вновь утерянной — широко представлена в стихотворной сатире. Тут и обличительное стихотворение, и эпиграмма, и басня, и пародия, и травестирование классических образцов. Сатирики тотчас же разобрались в фальшивом характере этих «вольностей», умело раскрывая истинную картину читателю. Очень показательно стихотворение Е. Э. Сно «Свободная печать», повествующее о том, как писатель сочинил «шесть строчек о скотах». Из них редактор, «сохранить желая шкуру», сократил две, а потом издатель и типограф внесли свою лепту, добавив к ним еще по две строки, тем самым повторив дальновидный шаг издавшего виды газетного деятеля. В результате басня вышла из печати в виде шести строк из одних точек:

Читатель дорогой! Сие стихотворенье
Прочти внимательно. Свободная печать
Нас приучила обличать
Скотов без тени сожаленья.

К той же теме прибегает и В. В. Трофимов в стихотворении «Сон» (ноябрь 1906 года). Автору приснилось, что он едет по улице и видит

¹ Ключ. 1905. № 1. С. 5.

похороны. Везут на дорогах четыре гроба: в одном «Свобода всех союзов и собраний», в другом «Свобода... слова и печати», в третьем «Свобода совести и веры», в четвертом «Свобода личности». Процессию сопровождает «таинственная особа»:

Я — Конституция! А в каждом гробе
Моя *свобода* едет на погост!

Проблема взаимоотношений власти и народа, человека и государства в царской России обрела под пером сатириков особый вид. Опираясь на наследие революционно-демократической сатиры и весь опыт русской поэзии XIX века, художники средствами комического раскрывали несостоятельность самодержавного режима, его вопиющее противоречие с основами народной жизни. Здесь сослужила добрую службу и многовековая фольклорная традиция, закрепившая способы карнавального видения мира, приемы народной сатирической сказки. Отсюда частое использование образов клоуна, шута, дурака, посрамляющих высокопоставленных «умников».

На этой основе построена сказка С. А. Басова-Верхоянцева «Конек-Скакунок» (1906). В поэме-памфлете автор опирается на ритмико-стилевою строй знаменитой сказки П. П. Ершова «Конек-Горбунок», насыщая его новым содержанием в духе революционной эпохи 1905 года. События первой русской революции осмыслились здесь с позиций крестьянской, неонароднической идеологии. Прозрачна ткань аллегории: под маской царя Берендея представлен Николай II. Под личиной «дворцового воеводы» проступали черты генерала-карателя Трепова, а в облике «Воеводы Сыся» отчетливо видны повадки премьер-министра Витте. Кроме того, в сказке ожила зловещая фигура Победоносцева и других приближенных царя. Написанная легким, упругим стихом, языком, доступным даже малограмотному читателю, сказка Басова-Верхоянцева, преследуемая цензурой, имела большой успех.

Формула «лицо и маска» в поэзии символистов (А. Блок, К. Бальмонт, Ф. Сологуб) была примечательна тем, что в ней прочитывались общекультурные традиции европейской литературы, итальянского народного театра, русского скоморошества. В стихотворении Ф. Сологуба «Шут» (ноябрь 1905 года) были характерные строки:

Шутовской колпак честнее,
Чем корона у царя.

В период революции 1905—1907 годов произведения ряда символистов, до этого отмеченные довольно отвлеченной общегуманистической и общедемократической направленностью, насыщаются острым политическим содержанием. Скажем, даже такой поэт, как М. А. Волошин, не очень-

то жалующий сатиру, заостряет свое перо, чтобы в стихотворении «Граф Витте стал премьером...» (1906) жестоко высмеять правительство. Стихотворению предпослано введение М. Волошина: «У Алексея <Константиновича> Толстого имеется известная шуточная эпопея, представляющая обзор государства Российского <«История государства Российского от Гос-томысла до Тимашева», 1868>; причем каждый исторический период имеет один рефрен:

Земля у нас обильна —
Порядка ж нет как нет...

Вот оному обзору продолжение.

И далее М. Волошин, используя форму уже сатирического, а не шуточного, как было у А. К. Толстого, обозрения, пишет:

Граф Витте стал премьером —
Устроил «кабинет»...
И новым стал манером
В России сеять свет...

Что же это за «новый манер»? На самом деле старый-престарый способ кнута и пряника, любезный всем сатрапам:

Мы, вместо экзекуций,
Попробуем теперь
Посредством конституций —
Закрывать покрепче дверь...

А чтобы «дело шло скорее», премьер избирает себе в помощники П. Н. Дурново, известного своей свирепостью и реакционностью министра внутренних дел. Следует финальный куплет, выдержанный в сардоническом тоне:

И правят уж «с любовью»
И с фирмой: «Кабинет...»
Земля покрыта кровью —
Порядка ж нет как нет.

Читатель, знакомясь с этим и другими подобными ему произведениями, наглядно убеждался, какую эволюцию претерпела русская жизнь за четыре десятилетия.

Надо заметить, однако, что в массе своей сатирики 1905—1907 годов, как правило, уповали не на силу слова, а на более радикальные меры и поступки. Эшафот, виселица, пуля — излюбленные понятия якобинского их лексикона, предназначенного для тиранов. Наиболее популярными оказывались открытые формы обличения, лобовая атака. Вот почему чаще всего силуэты «крамолы гонителей» сопровождали тени казненных.

образы нагайки, дубины, патрона, веревки, то есть тех орудий насилия, к которым чаще всего прибегали душители свобод.

Эти уподобления лозунгу, непосредственному призыву, столь необходимые в конкретных условиях исторического момента, когда наконец-то отпала необходимость в намеках и иносказаниях, отнюдь не способствовали совершенствованию искусства комического. Сатира теряла силу воздействия от частого употребления бранных слов, поношений (подлецы, гады, супостаты, хапуги, негодяи и т. п.). Более того, эти приемы превращались в трафареты. Вместо самостоятельного исследования жизни, ее казусов и пелопостей, просто ставили размашистый знак минуса там, где официальные власти поставили плюс. Не этим ли в какой-то мере объяснялось столь частое желание заменить работу над оригинальной формой заимствованием чужих поэтических находок, в размер и ритм которых вкладывалось прямо противоположное содержание. К тому же толкала и потребность в срочном сатирическом «репортаже». Такого обилия перепевов ни раньше ни позже не знала наша стихотворная сатира.

В перепеве травестируется произведение классика. Возникающая при этом ирония направлена не на пародируемый источник, а на факты, которые автор намерен подвергнуть испытанию. Кажется, не было ни одного крупного поэта от Крылова и Пушкина, Лермонтова и Тютчева до Некрасова, А. К. Толстого, К. Пруткина, А. Майкова и А. Фета, произведения которых не становились бы предметом травестийной переработки.

Более дюжины перепевов насчитывает лирический шедевр А. Фета «Шепот, робкое дыханье...». Страшно далека от суровой действительности 1905—1907 годов тема, но именно это стихотворение, видимо, по контрасту, и стало излюбленной мишенью поэтов-сатириков, тяготеющих к жанру перепева. Однако только один-два из них можно признать относительно удачными. Таково, например, стихотворение И. М. Василевского «В деревне» (1906):

Голод... Долгое терпенье...
 Нищенский надел...
Кровь... Насилье... Опьяненье...
 Плети и расстрел.
Залп... Толпа... Убитых тени.
 Муки без конца...
Ряд безмерных преступлений
 Важного лица...
Стоны... Ужас... Боль и слезы...
 Нищего сума...
И нагайки... И угрозы...
 И тюрьма, тюрьма...

Тему завоеванной и отобранной (с помощью либеральных реформ как видимости послабления жестоких уз режима) свободы с блеском

воплотил Саша Черный в стихотворении «До реакции. Пародия» (февраль 1906), представляющем собой «перепев» стихотворения К. Прутова «Из Гейне»:

Дух свободы... К перестройке
Вся страна стремится,
Полицейский в грязной Мойке
Хочет утопиться.
Не топись, охранный воин, —
Воля улыбнется!
Полицейский! Будь покоен:
Старый гнет вернется...

Здесь остроумно обыгрываются понятия «свобода», «воля», «гнет», «полицейский». Поставленные в одном ряду и потому-то получающие особое освещение, они создают тот неотразимый сатирический эффект, на который рассчитывал поэт.

К сожалению, в массовых листках и журналах 1905—1907 годов часто печатались стихи весьма невысокого профессионального уровня, созданные случайными авторами — канторскими служащими, представителями технической интеллигенции, учителями и журналистами, уловившими «социальный заказ» времени. Жаркое желание обличить, пригвоздить к позорному столбу, заклеить не обеспечивалось «золотым запасом» смеха. Отсюда — массовая инфляция сатиры, комического слова.

Элемент инвективы здесь неизбежен, но только к бранному или уничижительному слову сатира отнюдь не сводится. Не сводима хотя бы потому, что сатирик в своем творчестве так же часто пользуется как гневным осуждением, так и юмором, как сарказмом, так и шуткой. Он отыскивает в социально несовершенном или этически и эстетически неполноценном (порочном, злом, пошлом) комические стороны, смешные несообразности.

Рассуждения Гегеля из «Науки логики» об остроумии, законспектированные Лениным в «Философских тетрадах», помогут постичь природу рассматриваемого предмета: «Остроумие схватывает противоречие, *высказывает* его, приводит вещи в отношения друг к другу, заставляет «понятие светиться через противоречие»...»¹

Сатира и есть такая материализация остроумных, то есть неожиданных идей и наблюдений, которые отражают многообразные конфликты действительности. При этом суждение, вывод художника начинает «светиться через противоречие», переданное особой формой стихотворной строки, ритма, языковых контрастов (игра слов, двусмысленность, каламбур, смешение стилей и т. п.).

Слабости тогдашней сатиры не ускользали от взора людей внимательных и заинтересованных. С этой точки зрения интересно стихот-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 128.

ворение Н. Г. Шебуева «Раньше лучше» (конец 1905 г.), посвященное афере с овсом министра внутренних дел Дурново. Начинается оно с обрисовки того, как в ту пору массовой печатью освещалась эта тема:

Брань на вас несется градом:
Вас ругать считают спортом,
Вас крестят то овсокрадом,
То свиной, ослом иль чертом...

Критически-неприязненно осветив манеру поверхностного обличительства, маскирующегося под сатиру, Н. Шебуев переходит к истинно комическому воплощению темы, реализуя замысел, заявленный в издевательски-иронически звучащем заголовке:

Нет, ей-Богу, раньше жили
Втрое лучше, если вникнуть...
Об овсе бы запретили
Циркуляры даже пикнуть,
Не трескали б, как шарманка,
О «поступке некультурном»...
Даже слово бы «овсянка»
Почиталось нецензурным!..

Стихотворная сатира в чем-то подобна плакату. Тут и расчет на моментальность действия, и почти мгновенная обозримость, и предельный лаконизм художественных средств. Однако ошибся бы тот, кто только к этому свел бы суть поэтического сатирического искусства. Подлинный образец жанра вызывает не просто сиюминутную эмоцию (улыбка, раздражение, гнев, ярость), но и призывает к раздумью. Ибо подлинная сатира — не только анализ, но и глубокий синтез, уплотненный до нескольких поэтических строк. Если этого нет — меткого выстрела не состоялось. Отсюда двуплановость сатиры, неременное присутствие в ней подтекста.

Кратковременный, но мощный взлет политической стихотворной сатиры во время первой русской революции сменился в последующие годы ослаблением наступательного пафоса. Боевая сатира большевистских изданий не могла говорить полным голосом в условиях разгула реакции и жестоких цензурных репрессий. В этой обстановке широкое распространение получила сатирическая литература либерального толка.

Резко умалилось количество форм открытого обличительства, зато возросли все виды косвенной насмешки: от иронии до гротеска. Правда, в самой тональности происходили перемены: вместо былого мажора чаще всего звучали ноты горечи, разочарования, сомнения, а то и отчаяния.

Произошли изменения тем, выбираемых для обличения: центр тяжести с личностей переместился на анализ состояний. Так в четверостишии неизвестного автора «Из кулька в рогожку» (1906) зафиксирован начальный этап этого процесса:

Наше житье преплохое,
Всем нам хотя и привычное:
Было недавно — дурное,
Нынче оно — горемычное¹.

Еще более показательна эпиграмма В. С. Лихачева «История в четверостишии» (1909), где прослеживалась эволюция русской жизни за последние полвека:

Искони была обломовщина,
Народилась карамазовщина,
Вслед за нею — передоновщина,
Увенчала все — азефщина.

(Передоновщина — от имени героя повести Ф. Сологуба «Мелкий бес» (1907), воплотившего натиск реакции, озлобленного обывателя; азефщина — по имени провокатора Е. Азефа.)

В начале нового века появилась группа пародистов, «специализировавшихся» на шутовском, ироничном осмеянии произведений разных мастеров изящной словесности, в том числе символистов. Это были поэты, «выполнявшие заказ» образованного обывателя, ставившие перед собой задачу прежде всего развлекать, смешить, забавлять. Отсюда зачастую мелкотемье, непритязательность сюжетов, отсутствие постановки общественно-значимых вопросов. Не случайно А. Амфитеатров, один из весьма плодотворных писателей, заметил: «Литературного смеха сейчас в России хоть отбавляй, но когда ищешь, на что он направлен, где практические цели этого смеха, — увы и ах! — редко слышен иной ответ, кроме: «Так-с, ничего-с, своему смеху смеемся...»²

Например, в стихах А. А. Измайлова, Ф. Ф. Благова, С. Горного, Е. Венского и ряда других поэтов действительно подмечалось самое характерное в образном строе и тематике стихотворений символистов, но в конечном счете все подчинялось копированию внешней формы произведения. Их мало интересовала общественная позиция автора, ибо и пародисты и пародируемые отнюдь не принадлежали к разным лагерям, как это было во времена Некрасова и Добролюбова. Не удивительно поэтому, что в ряде журналов помещались стихи, скажем, Блока, Бальмонта, Брюсова и здесь же пародии на них Измайлова, Горного и др.

После поражения революции фаланга либерально-буржуазных сатирических изданий была возглавлена такими журналами, как «Сатирикон» (1908—1914) и «Новый Сатирикон» (1913—1918), где сотрудничали Тэффи, Саша Черный, П. Потемкин, А. Бухов и другие. Путь от «Будиль-

¹ Игра слов: от фамилий П. А. Дурново, министра внутренних дел с октября 1905 г., и председателя Совета министров И. Л. Горемыкина, занимавшего этот пост в апреле — июле 1906 г.

² Цит. по кн.: Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XX в.). Л., 1960. С. 83.

ника» (1865—1918) и «Осколков» (1881—1916) к «Сатирикону» — это движение от развлекательно-увеселительной юмористики, вращающейся в неизменном кругу традиционных тем (дачный муж, злая теща, купец, подвыпивший на маскараде, рождественско-пасхальные квипрокво), к журналу нового типа — своеобразному сатирико-юмористическому обозрению общественно-политической злобы дня. В «Сатириконе» учитывая высокое искусство редактирования (ред. А. Т. Аверченко) и высокий профессионализм его сотрудников, появились новые приемы создания комического. Вместо отдельных «смешных» словечек и строк появилось умение пронизывать иронической, насмешливой экспрессией всю ткань стиха, в том числе даже пейзаж.

Основными объектами обличений сатириконцев являлись Дума, ее лидеры, некоторые политические партии (особенно октябристы, кадеты). Либерально-оппозиционный дух витал в журнале вплоть до начала первой мировой войны. Авторы «Сатирикона» ополчились на лихоимцев, казнокрадов, растратчиков, клятвонарушителей, малых и больших, вплоть до министров и «их высокопревосходительств», но не подвергали осмеянию основы частной собственности и буржуазного правопорядка. При всем своем фрондерстве, резком и громком протесте против мещанства и пошлости они отнюдь не покушались на общественные устои в целом и поэтому воспринимались в революционных кругах как адвокаты сытых и власть имущих (см. заметку «Сытый смех» — «Правда», 1912, № 74, 25 июля),

Иропия сатириконцев пропитана скепсисом, исполнена горечи от сознания своего бессилия противостоять историческому ходу событий. В ней сложный сплав: страх перед будущим, ибо назревают силы, которые могут смести «наши святыни», а писательская зоркость не позволяет не видеть болезненных пятен и струпов на этих святынях. Сатириконцы замечают, что люди их окружения «ноют, разлагаются, дичают» (Саша Черный), но противопоставить им нечто крепкое и положительное не в силах, ибо сами они стоят на той же почве. Отсюда «бессилие гнева» в их сатире.

Неверно было бы высказываемую горечь, пессимизм (произведения лидера сатириконской поэзии Саши Черного в первую очередь) воспринимать как косвенное отрицание общегосударственных устоев, общественных институтов. Это скорее следствие предчувствия гибели того мира, над несообразностями которого поэт смеется или негодует.

Индивидуальное мастерство Саши Черного было достаточно высоким. Поэт верно подмечал крайности и вывихи, например, модернистского искусства («Рождение футуризма»). В эпиграмматическом цикле «Вешалка дураков» он зло высмеял засилье пошлости, глупости, самодовольства. Однако в сатире его бросалась в глаза какая-то вторичность. Неоклассицизм в графике, отчасти в поэзии, культивировавшийся на страницах «Сатирикона», определил некоторые существенные черты художественной практики ведущего поэта журнала. Возвратом к классицистической манере были многочисленные эпиграммы на дураков, болванов, «баранов», наце-

ленные на отвлеченные пороки вообще. В ряде случаев давало себя знать понимание сатиры как искусства второго и даже третьего отражения. Отсюда многочисленные стилизации Саши Черного, его пародии на пародии («Юнкер Шмидт», «До реакции» и др.).

Как видим, через полтора века круг стал замыкаться. Разорвать его могла только революция. Но это уже принципиально иной этап в истории древних и вечно обновляющихся жанров сатиры, этап, находящийся за хронологическими рамками настоящего издания.

С начала 1910-х годов и вплоть до 1917 года, в период неуклонного нарастания освободительного движения и подготовки решающей классовой битвы, русская стихотворная сатира еще раз превосходно послужила делу революции. Нельзя не вспомнить в этой связи многочисленные басни и эпиграмматические стихи Демьяна Бедного. В его боевой, хлесткой сатире нашли воплощение идеи русской социал-демократии: необходимость союза рабочего класса и крестьянства, борьба с буржуазно-помещичьей реакцией, с враждебными большевикам политическими партиями. При этом, в отличие от басни, где торжествовала аллегория, иносказание, намек, в эпиграмме — лаконичной и часто афористичной — поэт бил по крупнейшим политическим мишеням. Особенно доставалось царским министрам, лидерам буржуазных партий, ликвидаторам и меньшевикам. Остроумно и зло разрабатывались Д. Бедным темы, выдвигаемые и отстаиваемые большевистской «Правдой». Отсюда особый накал и страстность обличительных выступлений поэта, ставшего одним из крупнейших родоначальников революционной пролетарской сатиры.

Близкую к Д. Бедному позицию занимали И. С. Логинов, В. В. Князев, Красный (К. М. Антипов). Их стихи сыграли известную роль в разоблачении реакционных сил. Здесь были продолжены традиции Некрасовской сатиры, а также эпиграммы, культивируемой плеядой демократических поэтов 1860-х годов.

Особое место в передовой сатире 1910-х годов принадлежит Владимиру Маяковскому. По своим идейным позициям и взглядам он более всего был близок пролетарским поэтам. Но, в отличие от них, сосредоточил огонь своей сатиры не на тех или иных персоналиях, а на фактах общего порядка, на скрупулезном диагнозе порочных, вредных социально-общественных явлений или процессов.

Уже в поэме «Облако в штанах» (1915) основное ее содержание воплощено в четырех лозунгах-призывах: «Долой вашу любовь!», «Долой ваше искусство!», «Долой вашу религию!», «Долой ваш строй!» В 1915—1916 гг. Маяковский пишет двадцать пять сатирических произведений. Особенно показательна серия пародийных «гимнов» на стыке фельетона и памфлета, опубликованных в «Новом Сатириконе» («Гимн судье», «Гимн ученому», «Гимн критику», «Гимн обеду»), а также такие шедевры, как «Великолепные нелепости», «Внимательное отношение к взяточникам», «Чудовищные похороны», «Надоело».

Для обличительной музыки Маяковского характерны гротеск и предельный гиперболизм, сочетание трагизма и иронии. Поэт стремится создавать собирательные сатирические образы, в которых и сфокусировано то или иное злое, порочное, вредное в жизни. Обостренный историзм, искусство видеть обновленные модификации порока помогали поэту углубленно исследовать наиболее типичные отрицательные явления времени.

* * *

Смех — не только веселость и остроумие. Это — опыт и мудрость народа, глубокое постижение комических и трагикомических несообразностей жизни. Смех не только разоблачает, но и утверждает, помогая нам вернее понять доброе и величественное.

Бесконечно разнообразны сатирические жанры во всех родах литературы: от эпиграммы до поэмы, от афоризма до романа, от миниатюрной сценки до многоактной комедии. Дерзкое и остроумное слово эпиграммы и пародии, тонкий аналитический смех крупного прозаического жанра — это то эстетическое богатство нации, которое поистине непреходяще.

Отбор авторов в третий том «Муза пламенной сатиры» определялся прежде всего желанием составителя представить на суд читателей по возможности самые разнообразные образцы сатирической поэзии. Ряд имен кажется нам бесспорным. Это К. К. Случевский, В. С. Соловьев, А. М. Жемчужников, А. В. Амфитеатров, С. А. Басов-Верхоянцев, Саша Черный, Ф. Сологуб, В. Я. Брюсов, В. Маяковский, Д. Бедный и многие другие. Близкую к Бедному позицию занимали И. С. Логинов, В. В. Князев, Красный (К. М. Антипов), в чьих произведениях были продолжены традиции демократических поэтов 1860-х годов. Ряд поэтов был включен в антологию благодаря лишь отдельным произведениям, которым суждено было остаться в истории русской сатирической поэзии.

В стихотворной сатире конца XIX — начала XX века нашли продолжение и развитие многие тенденции, наметившиеся еще на ранних этапах становления этого вида искусства обличения смехом. Наибольшее распространение получили эпиграмма и пародия, фельетон и памфлет; к середине 1910-х годов стал возрождаться такой древний жанр, как басня. Все, что запечатлено в лучших образцах стихотворной сатиры, сохраняет и для нас социально-историческую и эстетическую значимость.

Л. Ершов

ТОЖЕ НРАВСТВЕННОСТЬ

Ф. В. Вишневскому

Вот в Англии, в стране благоприличий,
Где по преданиям зевают и едят,
Где так и кажется, что свист и говор птичий,
И речи спикеров, и пискотня щенят
Идут по правилам! Где без больших различий
Желудки самые по хартии бурлят,—
Вот что случилось раз с прелестнейшей миледи,
С известной в оны дни дюшессой Монгомеди!

Совсем красавица, счастливая дюшесса
Во цвете юности осталась вдруг вдовой!
Ей с окончанием старинного процесса,
Полвека длившегося с мужниной родней,
Как своевременно о том кричала пресса,
Достался капитал чудовищно большой:
В центральной Индии права большого сбора,
Леса в Австралии и копи Лабрадора!

Таких больших богатств и нет на континенте!
Такой красавицы бог дважды не творил!
С ней встретясь как-то раз случайно в Агригенте,
Король Неаполя — тогда покойник жил,—
Как был одет — в штанах, в плюмаже, в яркой ленте,—
Узрев, разинул рот, бессмысленно застыл,
И с самой той поры — об этом слух остался —
Тот королевский рот совсем не закрывался!

Дюшесса в Англии была высоко чтима.
Аристократка вся, от головы до пят,
Самой Викторией от детских лет любима,
С другими знатными совсем незауряд,

За ум свой и за такт, за блеск превозносима!
Сиял спокойствием ее лазурный взгляд,
И, как о рыцарше без страха и упрека,
Шла слава о вдове широко и далеко!

И возгордились все предки Монгомеди,
В гробницах каменных покоясь под землей,
Такой прелестнейшей и нравственной миледи,
Явившейся на свет от крови им родной!
Французский двор тех дней, ближайшие соседи,
Мог позавидовать красавице такой —
Созданию грации, преданий, этикета
И ренты трех частей платившего ей света!

Дюшесса это всё, конечно, понимала,
И, как поведает об этом наш рассказ,
Себе не только то порою позволяла,
Что не шокировало самых строгих глаз, —
Но также многое, что в службе идеала
В британском обществе, почти как и у нас,
Не допускается, считаясь неприличным,
Пригодным челяди, лакеям и фабричным.

И стали говорить тихонько и секретно,
Кой-где, украдкой и в откровенный час,
Что герцогине той понравился заметно
Красавец писанный, певец, известный бас,
Что чувство это в ней совсем не безответно,
Но ловко спрятано от посторонних глаз;
Что года два назад в Помпее повстречались
И что от той поры совсем не расставались.

Тот бас — красавцем был, и рослый, и могучий,
И в полном цвете лет, и в силе мастерства!
А голос бархатный, как бы песок зыбучий,
Был мягок и глубок! Когда он пел — слова
Осиливать могли оркестр и хор трескучий;
И чудно на плечах торчала голова,
Когда красивый рот пускал октаву!
И вправду он умел пускать ее на славу.

Бас в оперу попал, как говорят, от плуга!
Но был он не глупцом, со смётливым умом,

Он скоро в обществе отборнейшего круга
Сумел не погрешать решительно ни в чем!
Совсем без ухарства, но также без испуга
Являлся он в любой, хоть в королевский, дом,
И скоро он прослыл по всем своим манерам
Вполне законченным, отменным кавалером.

С такими деньгами, какие части света,
По дням, по месяцам, а чаще по третям,
К миледи птичками слетались, — слабость эта
Ее к басистому кумиру многих дам
Была, как песенка удачная, запета,
Неслась, как лодочка по шелковым волнам,
И обеспеченно, и вовсе неопасно,
От всех припрятана, но очень, очень ясно...

Она устроилась удачно и толково:
Имела в Лондоне различных пять квартир.
Все в полной роскоши отделаны ab ovo¹;
Одна красивей всех: до мелочей — Empire²!
Все было в них всегда принять ее готово,
Царили в них во всех спокойствие и мир!
И там она себя служенью посвящала
Совсем обычного, другого идеала...

Хитрее всех других была одна квартира:
В нее вел узкий ход из церкви, и туда,
Из области молитв, смирения и мира,
Легко было пройти, укрыться без следа!
Пастор был умницей, не признавал кумира,
Но был со слабостью к мирянам иногда!
Он был с дюшессою вполне, вполне любезен
И милостив к греху, да и семье полезен!

И с той же целью высокой герцогиня
Облюбовала вдов и нищенских детей!
Благотворительность, как некая святыня, —
Так утверждали все — была по сердцу ей!
Своих обязанностей верная рабыня,
И в тусклом свете дня, и в темноте ночей,

¹ Здесь — от начала до конца (лат.).

² Ампи́р. См. примечания.

Она по сиротам и вдовам разъезжала
И в эти именно объезды исчезала...

И шло прекрасно все! Миледи оставалась
Непогрешимою, везде во всем вольна!
Она всегда, везде, повсюду принималась
И — уважением людей окружена —
Всегда величественно, кротко улыбалась,
Всегда бестрепетна, сознательно пышна,
И — как бы раут ни был горд, богат и знатен —
Без Монгомеди был он пуст и непонятен.

Ей много делалось повсюду снисхожденья,
От всех и вся, с различнейших сторон!
Так, если только ей пошлется приглашенье
На бал — тогда и бас туда же приглашен!
Конечно, как артист, не более, для пенья,
За что умел брать большие куши он...
Держа себя всегда с совсем отменным тактом,
Он с ней не говорил ни слова по антрактам!

И всё бы это так, конечно, долго длилось,
Когда б не странный вдруг у женщины каприз!
К поступку дикому миледи устремилась!
Она поставила вдруг головою вниз
Все, все приличия... Ужасное случилось!
Она потребовала от него: женись!
Конечно, мощный бас за это ухватился
И где-то в Швабии, действительно, женился...

Увы, преступницей явилась Монгомеди!
Вернулась в Лондон с мужем; стали жить... Куда!
Не принимают больше славную миледи
Ни двор, ни прочие большие господа...
Добро: нашлись у них хорошие соседи —
Париж! Поехали, чтоб там вкушать плода
От утвердившихся законно отношений...
О факте можно быть весьма различных мнений!

<1881>

ИЗ ЦИКЛА «МЕФИСТОФЕЛЬ»

МЕФИСТОФЕЛЬ, НЕЗРИМЫЙ НА РАУТЕ

В запахе изысканном,
С свойствами дурмана,
В волнах Jockey Club'a,
И Jlang Jlang'a¹,
На блестящем рауте
Знати святолобой
Мефистофель движется
Сам своей особой!
И глядит с любовью
На одежды разные,
Как блестят на женщинах
Крестики алмазные!

Общество сидело,
Тараторило,
Издевалось, лгало,
Пустословило!..
Чудилось: то были
Змеи пестрые!
В каждом рту чернели
Жала острые!
И в роскошном зале
Угощаючись,
В креслах, по диванам
Извиваючись,
Из глубоких щелей
Из земли сырой
С сладостным шипением
Собрался их рой...

Чуть кто выйдет в двери —
Как кинжалами,
Вслед за ним стремятся,
Блещут жалами!
Занимались долго
С умилением,
Часто чуть не плача,
Поношением...

¹ Название духов.

А когда донельзя
Иззлословились,
Задушить друг дружку
Приготовились!
А когда хозяйка —
Очень крупный змей —
Позвала на ужин
Дорогих гостей, —
Веселы все были,
Будто собрались
Вешать человека
Головою вниз!..
В запахе изысканном,
С свойствами дурмана,
В волнах Jockey Club'a
И Jlang Jlang'a
Мефистофель движется,
Упиваясь фразами,
И не меркнут крестики —
Все блестят алмазами!!

〈1881〉

МЕФИСТОФЕЛЬ В СВОЕМ МУЗЕЕ

Есть за гранью мироздания
Заколоченные здания,
Неизведанные склады,
Где положены громады
Всяких планов и моделей,
Неисполненных проектов,
Смет, балансов и проспектов,
Не добравшихся до целей!

Там же тлеют ворохами
С перебитыми венцами
Закатившиеся звезды...
Там, в потемках свивши гнезды,
Силы темные роятся,
Свадьбы празднуют, плодятся...

В том хабсе гелерея
Вьется, как в утробе змея,

Между гнили и развалин!
Щель большая! Из прогалин
Боковых, бессчетных щелей, —
От проектов и моделей
Веет сырость разложения
В этот выкидыш творенья!

Там, друзьям своим в потеху,
Ради шутки, ради смеху,
Мефистофель склад устроил:
Собрал все свои костюмы,
Порожденья темной думы,
Собрал их и успокоил!

Под своими номерами,
Все они висят рядами,
Будто содранные шкуры
С демонической натуры!
Видны тут скелеты смерти
Астароты и вампиры,
Самотракские кабиры,
Сатана и просто черти,
Дьявол в сотнях экземпляров,
Духи мора и пожаров,
Облик кардинала Реца
И Елена — a Belezza!¹

И в часы отдохновенья
Мефистофель залетает
В свой музей и вдохновенья
От костюмов ожидает.
Курит он свою сигару,
Ногти чистит и шлифует!
Носит фракную он пару
И с мундиром чередует;
Сшиты каждый по идее,
Очень ловки при движении...
Находясь в употребленьи,
Не имеются в музее!

〈1880〉

¹ Красота (итал.).

ПОЛИШИНЕЛИ

Есть в продаже на рынках, на тесьмах, на пружинках
Картонажные полишинели.

Чуть за нитку потянут — вдруг огромными станут!
Уменьшились, опять подлиннели...

Вот берет Мефистофель человеческий профиль,
Относимый к хорошим, к почтенным,
И в общественном мнении создает измененье
По причинам, совсем сокровенным.

Так, вот этот! Считают, что другого не знают,
Кто бы так был умен и так честен,
Всё в нем складно — не худо, одним словом, что чудо!
Добр и кроток, красив и прелестен!

А сегодня открыли, всех и вся убедили,
Что во всем он и всюду ничтожен!
Что живет слишком робко, да и глуп он как пробка,
Злом и завистью весь растревожен!

А вот этот? Сегодня, как у гроба господня
Бесноватый, сухой, прокаженный,
И поруган, и болен, и терпеть приневолен,
Весь ужасной болезнью прожженный!

Завтра — детище света! Муж большого совета,
Где и равный ему не найдется...
Возвеличился профиль! Дернул нить Мефистофель
И кривляню фигурки смеется...

(1881)

ИЗ ДНЕВНИКА ОДНОСТОРОННЕГО ЧЕЛОВЕКА

* * *

Да, нынче нравятся «Записки», «Дневники»!
Жизнишки глупые, их мелкие грешки
Ползут на свет и требуют признанья!

Из худосочия и умственных расстройств,
Из лени, зависти и прочих милых свойств
Слагаются у нас бытописанья
И эта пища по зубам
Беззубым нам!

⟨1883⟩

* * *

Всё юбилей, юбилей...
Жизнь наша кухнею разит!
Судя по ним, людьми большими
Россия вся кишмя кишит;
По смерти их, и это ясно,
Вослед великих пустосвятств,
Не хватит нам ста Пантеонов
И ста Вестминстерских аббатств...

⟨1883⟩

* * *

Вот Новый год, нам святцы принесли.
Повсюду празднуют минуту наступленья,
Молебны служат, будто бы ушли
От зла, печали, мора, потопленья!
И в будущем году помолятся опять,
И будет новый год им новою обидой...
Что, если бы встречать
Иначе: панихидой?

⟨1883⟩

* * *

Свобода торговли, опека торговли —
Два разные способа травли и ловли:
Всегда по закону, в угоду купцу,
Стригут, так иль этак, всё ту же овцу.

⟨1883⟩

За целым рядом всяческих изъятий
У нас литературе нет занятий,
И литераторы от скуки заняты
Тем, что гвоздят друг друга на кресты
 Являя взорам меньших братий
 Ряды комических распятий...
 Вздохнешь ли ты?

〈1883〉

Каких-нибудь пять-шесть дежурных фраз;
Враждебных клик наскучившие схватки;
То жар, то холод вечной лихорадки,
Здесь — рана, там — излом, а тут — подбитый глаз!
Талантики случайных содержаний,
Людишки, трепетно вертящие хвосты
В минуту искренних, почтительных лизаний
И в обожании хулы и клеветы;
На говор похвалы наставленные уши;
Во всех казнах заложенные души;
Дела, затеянные в пьянстве иль в бреду,
С болезнью дряхлых тел в ладу...
Все это с примесью старинных, пошлых шуток,
С унылым пеньем панихид, —
Вот проявления каждых суток,
Любезный жизни милый вид...

〈1883〉

Не стонет справа от меня больной,
Хозяйка слева спорить перестала,
И дети улеглись в квартире надо мной,
И вот вокруг меня так тихо, тихо стало!

Газета дня передо мной раскрыта...
Она мне не нужна, я всю ее прочел:

По-прежнему в ходу ослиные копыта,
И за клочок сенца идет на пытку вол!

И так я утомлен отсутствием свободы,
Так отупел от доблестей людей,
Что крики кошек и возню мышей
Готов приветствовать, как голоса природы.

Еду по улице: люди зевают!
В окнах, в каретах, повсюду зевки,
Так и проносятся, так и мелькают,
Будто над лугом весной мотыльки.
Еду... И сам за собой замечаю:
Спал я довольно, да будто не впрок!
Рот мой шевелится... право, не знаю:
 Это улыбка или зевок?

〈1883〉

ПОСВЯЩЕНИЕ К НЕИЗДАННОЙ КОМЕДИИ

Не жди ты песен стройных и прекрасных,
У темной осени цветов ты не проси!
Не знал я дней сияющих и ясных,
А сколько призраков недвижных и безгласных
Покинуто на сумрачном пути.

Таков закон: все лучшее в тумане,
А близкое иль больно, иль смешно.
Не миновать нам двойственной сей грани:
Из смеха звонкого и из глухих рыданий
Созвучие вселенной создано.

Звучи же, смех, свободною волною,
Негодования не стоят наши дни.
Ты, муза бедная, над смутною стезею
Явись хоть раз с улыбкой молодою
И злую жизнь насмешкою незлою
Хотя на миг угомони.

1880

***РАЗМЫШЛЕНИЕ
О НЕИЗМЕННОСТИ ЗАКОНОВ ПРИРОДЫ***

Депá пожарного служитель
Горé над прахом вознесен
И, как орел — эфира житель,
Всезрящим оком наделен.
Он одинок на сей вершине,
Он выше всех, он бог, он царь...
А там, внизу, в зловонной тине,

Как червь, влачится золотарь, —
Для сердца нежного ужасен
Контраст клоаки и депá...
Смирись! Закон природы ясен,
Хоть наша мудрость и слепа.
Заходит солнце, солнце всходит,
Века бегут, а всё, как встарь,
На вышке гордый витязь ходит,
И яму чистит золотарь.

Середина апреля 1889

ЭПИГРАММЫ, ПАРОДИИ, ЭПИТАФИИ

1

Благонамеренный
И грустный анекдот!
Какие мерины
Пасут теперь парод!

2

Протяжённо-сложённое слово
И гнусливо-казенный укор
Заменили тюрьму и оковы,
Дыбу, сруб и кровавѣй топор.
Но, с приятным различьем в манере,
Сила та же и тот же успех,
И в сугубой свершается мере
Наказанье за двойственный грех.

Январь 1885

ПРОРОК БУДУЩЕГО

Угнетаемый насилием
Черни дикой и тупой,
Он питался сухожилием
И яичной скорлупой.

Из кулей рогожных мантию
Он себе соорудил
И всецело в некромантию
Ум и сердце погрузил.

Со стихиями надзвездными
Он в сношение вступал,
Проводил он дни над безднами
И в болотах ночевал.

А когда порой в селение
Он задумчиво входил,
Всех собак в недоумение
Образ дивный приводил.

Но, органами правительства
Быв без вида обретен,
Тотчас он на место жительства
По этапу водворен¹.

<1886>

¹ Не скрою от читателя, что цель моего «Пророка» — восполнить или, так сказать, завершить соответствующие стихотворения Пушкина и Лермонтова. Пушкин представляет нам пророка чисто библейского, пророка времен давно минувших, когда, с одной стороны, прилетали серафимы, а с другой стороны, анатомия, находясь в младенчестве, не препятствовала вырывать у человека язык и сердце и заменять их змеиным жалом и горячим углем, причиняя этим пациенту лишь краткий обморок. Пророк Лермонтова, напротив, есть пророк настоящего, носитель гражданской скорби, протестующий против нравственного упадка общественной среды и ею натурально изготовляемый. Согласно духу современности, в стихотворении Лермонтова нет почти ничего сверхъестественного, ибо хотя и упомянуто, что в пустыне пророка слушали звезды, но отнюдь не говорится, чтобы они отвечали ему членораздельными звуками. Мой пророк, наконец, есть пророк будущего (которое, может быть, уже становится настоящим); в нем противоречие с окружающей общественной средой доходит до полной несоизмеримости. Впрочем, я прямо продолжаю Лермонтова, как и он продолжал Пушкина. Но так как в правильном развитии всякого сюжета третий момент всегда заключает в себе некоторое соединение или синтез двух предшествовавших, то читатель не удивится, найдя в моем, третьем пророке, мистический характер, импонирующий нам в пророке Пушкина, в сочетании с живыми чертами современности, привлекающими нас в пророке Лермонтова. Но пусть дело говорит за себя.

ВИДЕНИЕ

Сочинено в состоянии натурального гипноза

По небу полуночи лодка плывет,
А в лодке младенец кричит и зовет.
Младенец, младенец, куда ты плывешь?
О чем ты тоскуешь? Кого ты зовешь?
Напрасно, напрасно! Никто не придет...
А лодка, качаясь, все дальше плывет,
И звезды мигают, и месяц большой
С улыбкою странной бежит за ладьей...
А тучи в лохмотьях томятся кругом...
Боюсь я, не кончится это добром!

〈1886〉

СКЕПТИК

И вечером, и утром рано,
И днем, и полночью глухой,
В жару, в мороз, средь урагана —
Я все качаю головой!
То потупляю взор свой в землю,
То с неба не свожу очей,
То шелесту деревьев внемлю —
Гадаю о судьбе своей.
Какую мне избрать дорогу?
Кого любить, чего искать?
Идти ли в храм — молиться богу,
Иль в лес — прохожих убивать?

1886

ПРИЗНАНИЕ ДАМЕ, СПРАШИВАЮЩЕЙ АВТОРА, ОТЧЕГО ЕМУ ЖАРКО

(Из Гафиза, подражание Лермонтову)

Мне жарко потому, что я тебя люблю!
Хоть знаю, что вконец себя я погублю,
Но тем не менее как свечка я горю.
Как свечка я горю и таю, как она!

А ты? Ты в ледяной покров облечена,
Как льдина горная, губительно-ясна,
Не внемлешь ты отчаянной мольбе...
Мне жарко потому, что холодно тебе!

1886

ПАРОДИИ

ТАИНСТВЕННЫЙ ПОНОМАРЬ

Баллада

Двенадцать лет граф Адальберт фон Крани
Вестей не шлет.
Быть может, труп, его на поле брани
Уже гниет?
Графиня Юлия тоскует в божьем храме,
Как тень бледна;
Но вдруг взглянула грустными очами —
И смущена.
Кругом весь храм в лучах зари пылает,
Блестит алтарь;
Священник тихо мессу совершает,
С ним пономарь.
Графини взгляд весьма обеспокоен
Пономарем:
Он так хорош, и стан его так строен
Под стихарем...
Обедня кончена, и панихида спета;
Они вдвоем,
И их уносит графская карета
К графине в дом.
Вошли. Он мрачен, не промолвит слова.
К нему она:
«Скажи, зачем ты так глядишь сурово?
Я смущена...
Я женщина без разума и воли,
А враг силен...
Граф Адальберт уж не вернется боле...» —
«Верррнулся он!

Он беззаконной отомстит супруге!..»
Долой стихарь!
Пред нею рыцарь в шлеме и кольчуге —
Не пономарь.
«Узнай, я граф, граф Адальберт фон Крани;
Чтоб испытать,
Верна ль ты мне, бежал я с поля брани —
Верст тысяч пять...»
Она: «Ах, милый, как ты изменился
В двенадцать лет!
Зачем, зачем ты раньше не открылся?»
Он ей в ответ:
«Молчи! Служить я обречен без срока
В пономарях...»
Сказал. Исчез. Потрясена глубоко,
Она в слезах...
Прошли года. Граф в храме честно служит
Два раза в день;
Графиня Юлия все по супругу тужит,
Бледна как тень,—
Но не о том, что сгиб он в поле брани,
А лишь о том,
Что сделался граф Адальберт фон Крани
Пономарем.

1886

ОСЕННЯЯ ПРОГУЛКА РЫЦАРЯ РАЛЬФА

Полубаллада

Рыцарь Ральф, женой своею
Опозоренный, на шею
Навязал себе, бледнея,
Шарф большой,
И из жениной уборной,
Взяв под мышку зонтик черный,
Устремился он проворно
В лес глухой.
Ветер дул, уныло воя;
Зонт раскрыв над головою,
Неизвестною тропюю
Рыцарь шел.

Сучья голые чернели,
Листья желтые летели,
Рыцарь Ральф шел еле-еле,
Рыцарь Ральф в душе и теле
Ощущал озноб.

Ревматические боли
Побеждают силу воли,
И, пройдя версту иль боле,
Рыцарь молвил: «Стоп».

Повернул назад и скоро,
Выйдя из глухого бора,
Очутился у забора

Замка своего.

Обессилен, безоружен,
Весь промочен и простужен,
Рыцарь молча сел за ужин,

С ним жена его.

«Рыцарь Ральф! — она сказала. —
Я Вас нонче не узнала,
Я такого не видала

Шарфа никогда». —

«Этот шарф был очень нужен, —
Молвил рыцарь Ральф, сконфужен, —
Без него б я был простужен

Раз и навсегда».

⟨1886⟩

* * *

Город глупый, город грязный!
Смесь Каткова и кутьи,
Царство сплетни неотвязной,
Скуки, сна, галиматьи.

Нет причин мне и немножко
Полюбить тебя, когда
Даже милая мне ножка
Здесь мелькнула без следа.

4 апреля 1887

ЗНАМЕНИТОМУ ГРАЖДАНИНУ

1

ОДА

О ты, средь неевского содома
Хранящий сердце в чистоте!
Твоею мудростью блюдома,
Русь шествует к своей мете.

И скоро, скоро заблужденья
Она отраву изблюет
И на руинах просвещенья
Благонамеренно заснет.

И если сон сей величавый
И посетят еще мечты,—
О, не страшись: в сиянье славы
Ей будешь сниться только ты.

19 апреля 1887

2

ГИМН

Содома князь и гражданин Гоморры
Идет на Русь с «газетою большой».
О боже! суд свой праведный и скорый
Яви, как встарь, над гнусностью такой.

Август 1887

Каюсь, древняя ослица,
Я тебя обидел дерзко,
Ведь меж нашими ослами
Говорит и князь Мещерский.

Говорит такие речи,
Что, услышав их, от срама
Покраснела бы в Шеболе
Тень ослицы Билеама.

⟨1887⟩

Во-первых, объявлю вам, друг прелестный,
Что вот теперь уж более ста лет,
Как людям образованным известно,
Что времени с пространством вовсе нет;
Что это только призрак субъективный,
Иль, попросту сказать, один обман.
Сего не знать есть реализм наивный,
Приличный ныне лишь для обезьян.
А если так, то, значит, и разлука,
Как временно-пространственный мираж,
Равна нулю, а с ней тоска и скука,
И прочему всему оценка та ж...
Сказать по правде: от начала века
Среди толпы бессмысленной земной
Нашлось всего два умных человека —
Философ Кант да прадедушка Ной.
Тот доказал методой априорной,
Что, собственно, на все нам наплевать,
А этот — эмпирически бесспорно:
Напился пьян и завалился спать.

1890

〈АКРОСТИХИ〉

〈Цикл второй: Матрена〉

1

Мадонной была для меня ты когда-то:
Алмазною радугой лик твой горел,
Таинственно все в тебе было и свято,
Рыдал я у ног твоих тысячекрат и
Едва удавиться с тоски не успел,
Но скрылся куда-то твой образ крылатый,
А вместо него я Матрену узрел.

2

Майская роза давно уж отпета,
Август... И август исчез.
Только как лысина старого Фета,

Роща твоя так печально раздета,
Елью одною красуется лес...
Новой природе сочувственно вторя,
Ах, ты Матреною сделалась с горя.

Начало сентября 1892

〈НА К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА〉

На разных поприщах прославился ты много:
Как евнух ты невинностью сиял,
Как пиетист позорил имя бога
И как юрист старушку обобрал.

〈1892〉

ЭПИТАФИЯ

Владимир Соловьев
Лежит на месте этом.
Сперва был философ,
А ныне стал скелетом.
Иным любезен быв,
Он многим был и враг;
Но, без ума любив,
Сам ввергнулся в овраг.
Он душу потерял,
Не говоря о теле:
Ее диавол взял,
Его ж собаки съели.

Прохожий! Научись из этого примера,
Сколь пагубна любовь и сколь полезна вера.

15 июня 1892

〈Н. Я. ГРОТУ〉

1

Скоро, скоро, друг мой милый,
Буду выпущен в тираж
И возьму с собой в могилу

Не блистательный багаж.
Много дряни за душою
Я имел на сей земле
И с беспечностью большою
Был нетверд в добре и зле.
Я в себе подобье божье
Непрерывно оскорблял,—
Лишь с общественною ложью
В блуд корыстный не впадал.
А затем, хотя премного
И беспутно я любил,
Никого зато, ей-богу,
Не родил и не убил.
Вот и все мои заслуги,
Все заслуги до одной.
А теперь прощайте, други!
Со святыми упокой!

Начало ноября 1893

2

О Грот сверхвременный, пещера созерцаний!
Увы! не упразднил ты времени полет¹.
Как встарь, оно — предмет скорбей и ожиданий,
Без усталости бежит и нас с собой влечет.

26 декабря 1894

ПРИЗНАНИЕ

*Посвящается гг. Страхову,
Розанову, Тихомирову и К^о*

Я был ревнитель правоверия,
И съела бы меня свинья,
Но на границе лицемерия
Поворотил оглобли я.

Душевный опыт и история,
Коль не закроешь ты очей,

¹ Это не означает порицания. Статью твою о времени и третью, как вторую, в общем одобряю. Частные возражения сообщу при свидании.

Тебя научат, что теория
Не так важна, как жизнь людей,

Что правоверие с безверием
Вспоило то же молоко
И что с холодным лицемерием
Вещать анафемы легко.

Стал либерал такого сорта я,
Таким широким стал мой взгляд,
Что снять ответственность и с черта я,
Ей-богу, был бы очень рад.

Он скверен, с гнусной образиною,
Неисправим — я знаю сам.
Что ж делать с этакой скотиною?
Пускай идет ко всем чертям!

Октябрь 1894

МЕТЕМПСИХОЗА

Сочинено во время холерных судорог

Подсолнечник желтый
Цветет в огороде,
А сердце открыто
Любви и природе.

В холерное время,—
Недавно здоровый,—
Лежу без движения,
Зелено-лиловый.

Подсолнечник желтый
Поблек в огороде.

В тревоге родные,
Печальна прислуга,
Пришли издалёка
Два старые друга:

Один пьет как губка,
Другой — сумасшедший,

Но вспомнили оба
О дружбе прошедшей.

Подсолнечник желтый
Увял в огороде, —
И сердце закрылось
Любви и природе.

И в гроб положили.
Снесли на кладбище!..
Довольны ль вы, черви,
Присвоенной пищей?

Подсолнечник желтый
Погиб в огороде.

Из праха и тлена
Цветок вырастает,
К забытой могиле
Пчела прилетает...

Сидит на балконе
Прелестная дева;
Сияет красую
И справа, и слева.

Подсолнечник желтый
Расцвел в огороде.

На блюдечке меду
Приносят той деве.
И вдруг я очнулся
В прелестнейшем зеве!

Но будь он стократно
Прелестен, а все же
Мое помещенье
С могилою схоже!

И мрачно, и сыро,
И скользко! О горе!..
Но с крошечкой воска
Я выплюнут вскоре!

Подсолнечник желтый
Цветет в огороде.

О счастье, о радость!
Я вновь на свободе.

Вновь сердце открылось
Любви и природе!
Подсолнечник желтый
Цветет в огороде...

Лето 1894

ПОЭТ И ГРАЧИ

Краткая, но грустная история

ОСЕНЬ

По сжатому полю гуляют грачи,
Чего-нибудь ищут себе на харчи.
Гуляю и я, но не ради харчей,
И гордо взираю на скромных грачей.

ЗИМА

Морозная вьюга, в полях нет грачей,
Сижу и пишу я в камерке своей.

ВЕСНА

Ласкается небо к цветущей земле,
Грачи прилетели, а я — на столе.

Октябрь 1894

〈АВТОПАРОДИЯ〉

Нескладных виршей полк за полком
Нам шлет Владимир Соловьев,
И зашибает тихомолком
Он гонорар набором слов.

Вотще! Не проживешь стихами,
Хоть как свинья будь плодовит!

Торгуй, несчастный, сапогами
И не мечтай, что ты пиит.

Нам все равно — зима иль лето, —
Но ты стыдись своих волос,
Не жди от старости расцвета
И петь не смей, коль безголос!

Между 14 и 23 апреля 1895

〈Я. П. ПОЛОНСКОМУ〉

С жизнью алмазная свадьба поэта!
Боги — хранители прочных союзов!
Дайте увидеть ему вслед за этой
Свадьбу алмазную с верною музой.

1895

Вы — стадо баранов! Печально...
Но вот что гораздо больней:
На стадо баранов — нахально
Набросилось стадо свиней!

1895

〈ТРИ ПАРОДИИ〉

1

Горизонты вертикальные
В шоколадных небесах,
Как мечты полужеркальные
В лавровишневых лесах.

Призрак льдины огнедышащей
В ярком сумраке погас,
И стоит меня не слышащий
Гиацинтовый Пегас.

Мандрагоры имманентные
Зашуршали в камышах,
А шершаво-декадентные
Вирши — в вянущих ушах.

2

Над зеленым холмом,
Над холмом зеленым,
Нам, влюбленным вдвоем,
Нам, вдвоем влюбленным,
Светит в полдень звезда,
Она в полдень светит,
Хоть никто никогда
Той звезды не заметит.
Но волнистый туман,
Но туман волнистый,
Из лучистых он стран,
Из страны лучистой,
Он скользит между туч,
Над сухой волною,
Неподвижно летуч
И с двойной луною.

3

На небесах горят паникадила,
А снизу — тьма.
Ходила ты к нему или не ходила?
Скажи сама!
Но не дразни гиену подозренья,
Мышей тоски!
Не то, смотри, как леопарды мщенья
Острыят клыки!
И не зови сову благоразумья
Ты в эту ночь!
Ослы терпенья и слоны раздумья
Бежали прочь.
Своей судьбы родила крокодила
Ты здесь сама.
Пусть в небесах горят паникадила,
В могиле — тьма.

ЗАМЕТКИ

1

Для человека — вот условия:
Чтобы душой он не был стар;
Чтобы не с рыбьей был бы кровью;
Чтоб иль враждою иль любовью
Его палил сердечный жар;
Чтоб полным обладал он правом
Сказать в сознании величавом
Своих достоинств: «Ното sum!»¹
Людские страсти, скорби, нужды,
Во мне воспитывая ум,
И сердцу пылкому не чужды!»

2

Я бескорыстного лица
Прошу у жизни современной.
Где ж ты, о деятель почтенный
Без грубой примеси дельца?

3

ВОЛЯ

О, наши прежние затеи!!
О, волей грезившие дни!..
Хоть были и тогда лакеи,—
Но под шитьем своей ливреи
По ней вздыхали и они!..

¹ Я человек! (Лат.)

ИЗ СОВРЕМЕННЫХ ТИПОВ

Все в нем двусмысленно, неверно, непонятно.
 С плодом сомнительным сравнен он может быть:
 Посмотришь, повертишь, решишься раскусить
 И думаешь: а ну как выплуну обратно?

ПОСЛЕ ЧТЕНИЯ ГАЗЕТ

Над миром туча все висит...
 Чем это кончится — бог знает!
 И разразиться не грозит,
 И разойтись не обещает.

В насмешку и в позор моей родной земли,
 Так некогда сказал наш враг иноплеменный:
 «Лишь внешность русского немножко поскобли,
 Под ней — татарин непременно».

Теперь проявимся мы в образе ином.
 Так отатарит нас «народников» дружина,
 Что сколько ни скреби татарина потом,—
 Не доскребешь до славянина.

ФИЛОСОФИЯ ЧЕРВЯКА

Вперед я двигаюсь без фальши;
 Ползну, отмеряю, и — дальше.
 Живу смиренно здесь внизу,
 Но все куда-нибудь ползу,
 И доползти всегда в надежде,—
 Коль не раздавлен буду прежде.

Идет трагедия. Набрали без разбора
 Актеров с улицы. Своих ролей никто

Вперед не вытвердил. Все смотрят на суфлера.
Суфлер или молчит, иль говорит не то.
По сцене мечется толпа в переполохе.
То невпопад кричит, то шепчет лицедей...
Довольно!.. Оттого душе не веселей,
Что драму мрачную играют скоморохи.

14 апреля 1883

НА РОДИНЕ

.....
О край ты мой! Что ж это значит,
Что никакой другой народ
Так не тоскует и не плачет,
Так дара жизни не клянет?

Шумят леса свободным шумом,
Играют птицы... О, зачем
Лишь воли нет народным думам
И человек угрюм и нем?

Понятны мне его недуги
И страсть — все радости свои,
На утомительном досуге,
Искать в бреду и в забытьи.

Он дорожит своей находкой,
И лишь начнет сосать тоска —
Уж потянулась к штофу с водкой
Его дрожащая рука.

За преступления и пороки
Его винить я не хочу.
Чуть осветит он мрак глубокий,
Как буйным вихрем рок жестокий
Задует разума свечу...

Но те мне, Русь, противны люди,
Те из твоих отборных чад,
Что, колотя в пустые груди,
Всё о любви к тебе кричат.

Противно в них соединенье
Гордыни с низостью в борьбе,
И к русским гражданам презренье
С подобострастием к тебе.

Противны затхлость их понятий,
Шумиха фразы на лету
И вид их пламенных объятий,
Всегда простертых в пустоту.

И отвращения, и злобы
Исполнен к ним я с давних лет.
Они — «повапленные» гробы...
Лишь настоящее прошло бы,
А там — им будущего нет...

27 апреля 1884
Рунторг

Как будто все всем надоело.
Застыли чувства; ум зачах;
Ни в чем, нигде — живого дела,
И лишь по горло все в делах.

Средь современности бесцветной
Вступили в связь добро и зло;
И равнодушие незаметно,
Как ночь, нас всех заволокло.

Нам жизнь не скорбь и не утеха;
В нее наш век лишь скуку внес;
Нет в этой пошлой шутке — смеха;
Нет в этой жесткой драме — слез.

Порой, как сил подземных взрывы,
Нас весть беды всколышет вдруг, —
И быт беспечный и ленивый
Охватят ужас и испуг.

Иль вдруг родится мысль больная,
Что людям надобна война, —

И рвемся мы к войне, не зная
Ни почему, ни с кем она.

Но чуть лишь мы, затишью веря,
От передраги отдохнем,
Как страх и злая похоть зверя
Уж в нас сменились прежним сном.

И вновь, унылой мглой одеты,
Дни скучной тянутся чредой,
Как похоронные кареты
За гробом улицей пустой.

*4 апреля 1887
Петербург*

СТОЛКОВАЛИСЬ

К о н с е р в а т о р

Ведь ум — гордец и забияка!
Будь по природе он слугой —
И разговор бы был другой!
Не так ли?

Л и б е р а л

Да, но всё ж, однако...

К о н с е р в а т о р

(перебивая)

Его замкнуть бы в тесный круг
Рукою властною полезно.
Так прыть коня уздой железной
Мы умеряем.

Л и б е р а л

Ну, а вдруг?..

К о н с е р в а т о р

(перебивая)

По духу времени, не есть ли
Политики задача в том,

Чтоб руководствовать умом?
Чтоб подчинять его?

Л и б е р а л
А если?..

К о н с е р в а т о р
(перебивая)

Против ума вести умно
Борьбу обдуманную надо.
Ум — крепость вражья...

Л и б е р а л
Но...

К о н с е р в а т о р
Осада
Ее нужна!

Л и б е р а л
Конечно; но...

К о н с е р в а т о р
(перебивая)

Что «но»?

Л и б е р а л
(сконфуженный)

Конечно, мы упрочим
Так безопасность; но... но мы...
А если вдруг? Ведь есть умы,
Напротив, так сказать... А впрочем!!

(Махает рукой.)

7 мая 1887
Петербург

«ДУХА НЕ УГАШАЙТЕ»

Первое послание к фессалоникийцам
св. ап. Павла (IV, 19)

Я к вам, ровесники мои, отцы и деды,
О родине скорбя, держать задумал речь.
Мне кажется, что я как гору скину с плеч,
Вам душу высказав средь искренней беседы.
Ведь в сети юных грез нам, зрелым, трудно впасть;
В нас нет охоты быть ни жертвой, ни героем;
Итак, в беседе мы, порядок чтя и власть,
Лишь на себя глаза откроем.

Хоть тот же деятель на сцене, да не тот!
Участник дел былых порой не узнаваем...
Мы время темное теперь переживаем;
Кто скажет: что в судьбах грядущего нас ждет?
Участник дел былых, надеждами богатых,
Почтенный деятель в недавней старине,—
Как будто опьянев, почил на лаврах смятых
И спит, кощунствуя во сне.

Благочестивыми воздвигнут был руками,
Как благолепный храм, России новый строй;
Пред алтарем служил тот деятель былой,
И верующих сонм теснился в этом храме...
Теперь он опустел; все входы прах занес;
Священнодействий нет; он темен и печален;
И ползает в нем гад; и, лая, бродит пес,
Как средь заброшенных развалин.

Подумать — страх берет, что ныне меньшинство,
Покуда верное гражданственным началам,
Уж представляется явлением запоздалым.
Таков переворот. Чем объясним его?
Что возбуждает в нас враждебность и сомненья?
Иль барщина честней свободного труда?
Иль мрак невежества полезней просвещения?
Бессудье ль правильной суда?

Я знаю: был объят за родину тревогой
Ты, русский гражданин, в те смут крамольных дни...
Ты прав: учение преступное казни,

Но неповинных в нем святых начал не трогай!
Та проповедь средь нас опасностей полна,
Что будто бы они с порядком несовместны;
Порядка верный страж — тот в наши времена,
Кто их последователь честный.

Но смелость доблести в нас никнет; дух наш спит;
Звучат еще слова, но мысли — ни единой,
Но искры божьей нет. Затянутого тиной
Болотного пруда таков сонливый вид.
Грешны и жалки мы, без пользы жизнь кончая
И без луча надежд! Что сеешь, то пожнешь.
И сердце черствое, и голова пустая —
Так в жизнь вступает молодежь.

О, если чувство в нас еще не вовсе глухо,
Детей и родину спасем, рассеяв сон!
Завет апостола: «Не угашайте духа!» —
Напоминаю вам. Как знать? В дали времен,
Быть может, к нравственной воззвать придется силе;
И вот — сердца молчат, заглохший разум — нем...
Ответит тишина могильная — затем,
Что духа нет, дух угасили.

12 октября 1888
Павловка

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАМЕТКИ

1

О ЧЕСТИ

Он, честь дворянскую ногами попирая,
Сам родом дворянин по прихоти судьбы,
В ворота ломится потерянного рая,
Где грезятся ему и розги, и рабы.

2

О ПРАВДИВОСТИ

Все тайны — наголо! Все души — нараспашку!..
Так люди не были правдивы никогда.

Но можно маску снять; зачем снимать рубашку?
Пусть лицемерья нет; зачем же нет стыда?
Что ж! Просто ль их теснят приличные одежды?
Иль представляются им выше наконец:
Гонитель знания — стыдливого невежды,
И робкого льстеца — отъявленный подлец?

3

О ПРАВДЕ

Друзьям бесстыдным лжи — свет правды ненавистен.
И вот они на мысль, искательницу истин,
Хотели б наложить молчания печать —
И с повелением — безропотно молчать!

4

О ПРИЛИЧИИ

Чернить особенно людей он честных хочет.
Блудница трезвая, однако, не порочит
Нахально женщину за то лишь, что она —
И мать хорошая, и честная жена.
Вот только где теперь встречаются примеры,
Как и в бесстыдности блюдется чувство меры.

5

О ДУХОВНОЙ СКУДОСТИ

Для творческих идей дух времени — препопа;
От лучших замыслов получится урод.
Из мрамора резцом ваяют Аполлона,
Но разве вылепишь его из нечистот?

27 февраля — 5 марта 1890
Стенькино

УМНЫЕ ПОЛИТИКИ

Порой в отчаянье приводит
Меня наш старый шар земной:
Он так давно вокруг солнца ходит

Своей незримою тропой;
В нем все так сложно, так огромно;
Так он красив и так богат...
Но качеств этих результат
Для жизни — менее чем скромный.
Зачем вертится он века,
Как в колесе вертится белка?
Зачем так форма велика,
Коль содержание так мелко?..
Всему политики виной,
С душой ко злу лишь только чуткой.
Без них такой нелепой шуткой
Мне не казался б шар земной.
Ну не обидно ль, в самом деле?
Они пришли, как ночью тать,
Судьбой вселенной завладели
И род людской вернули вспять.
Хоть грезят миром филантропы,
Но их задача пелегка;
В цивилизацию Европы
Вновь лезет право кулака.
Опять — стремленье всех ослабить,
И к старой цели — старый путь:
Нахально друга обмануть,
Нещадно недруга ограбить.
Народы все возбуждены
И ждут лишь рокового часа,
Потехам бешеной войны
Готовя пушечное мясо.
Какой тут нравственный успех?
Мы только грубой силе верим,
Когда, в чаду таких потех,
От человека пахнет зверем...

Мне и досадно и смешно,
Когда я слышу хор хвalebный
Творцам политики враждебной:
«Как дальновидно! Как умно!»
Ума тут нет. Я протестую.
И, кстати, истину простую
Пусть подтвердит мое перо:
«Умно то только, что добро».

5 ноября 1891
Стенькино

НОВАЯ ВАРИАЦИЯ НА СТАРУЮ ТЕМУ

Послание к публицисту ретроградной печати

1

Положим — ты умен; допустим даже — гений;
Коль мало этого, решим,
Что ты в суждениях своих — непогрешим;
Но мы-то, прочие, — ведь также не без мнений;
И худо ль мыслим, хорошо ль —
Ты наши мнения нам высказать дозволяй.
Друг друга выслушав, поспорим и посудим,
Как образованным приличествует людям.
Одерживать меж тем победы любишь ты,
Нам просто зажимая рты.
Так спорить, может быть, легко, но неучтиво,
Да и к тому ж едва ль умно.
Я знаю: приобрести у нас немудрено
Привычки дерзости кичливой.
Твоя наставница — московская печать,
Себя провозгласив главой газетной знати,
Учила от нее брезгливо отличать
«Разбойников пера, мошенников печати».
Я знаю: ты пленен тем в жизни наших дней,
Что ни одной черты в ней резкой не откроешь...
Я вспомнил скромную природу нашу: в ней
Бывает вечером спокойствие такое ж.
Недвижный пруд заснул под отблеском зари;
Порой лишь зарябит поверхность круг случайный
Да изредка со дна всплывают пузыри —
Немые вестники какой-то жизни тайной,
Всплывут и лопнут, и опять —
Как мертвая, тиха темнеющая гладь.
Тебя смиренностью такой же привлекают
Скрижали бледные доверчивой души:
На них что хочешь, то пиши, —
Всё с благодарностью покорной принимают...
*Не верь, не верь себе, мечтатель зрелых лет*¹,
И бойся с жизнью расплаты!
В послании к тебе благой подам совет
Я — старец, опытом богатый.

¹ Не верь, не верь себе, мечтатель молодой... (Лермонтов)

Нередко слыхивал я в детские лета
 Рассказы о творце военных поселений.
 Вот он действительно казарменный был гений,
 Не вам, теперешним, чета.
 Казался б между вас колоссом средь пигмеев
 Казенный нигилист, свирепый Аракчеев.
 Он рассуждал: «Хоть будь семи пядей во лбу,
 Не потерплю противоречья!»
 Ему — то зверю, то рабу —
 Была неведома природа человечья.
 Ни жалоб, ни борьбы он не встречал ни в ком
 И на судьбу людей не мог взирать иначе,
 Как на судьбу почтовой клячи,
 Всегда безмолвной под кнутом.
 Жестокость в нем росла, как в час прилива море,
 И воля вьюгою гуляла на просторе...
 Желанье выразил раз деспот в старину,
 Чтоб голову имел народ его одну;
 Желанье странное пришло к нему недаром:
 Он обезглавил бы его одним ударом.
 Но не был фантазер российский наш герой
 И не давал притом потачки;
 Охотно весь народ прогнал бы он сквозь строй,
 Не торопясь, поодиночке.
 Должно быть, часто он вздыхал: «Кабы мне власть,
 Уж я потешился бы всласть!»
 Вошла нам в плоть и в кровь им созданная школа.
 Дух аракчеевский, дух дикий произвола,
 Средь детских игр моих пугал меня не раз;
 Вот почему о нем продлил я мой рассказ.
 И юности во мне так живы впечатленья!..
 Какой-то серый тон... немая тишь да гладь...
 Лишь громко заповедь звучит: «Не рассуждать!» —
 Основа главная отечеству служенья.
 Та жизнь мне чудится как плесень и застой,
 Как пруд, о коем здесь сейчас упоминалось,
 Но только с разницею той,
 Что даже пузырям всплывать не разрешалось.

Вот с временем каким знакомы были мы.
 Уж, кажется, чего решительней и строже!

Все знали, что запрет наложен на умы;

И что же!

Не обходилось, однако, без беды,—
Порядка и тогда случались нарушения.
Все гладко, чисто... Вдруг то здесь, то там следы

Проявятся мышленья —

И засоряется метёная стезя.

Запретов много есть, их всех не перечислить;

Все можно выполнить, лишь одного нельзя:

Коль мысли есть,— нельзя не мыслить.

Ты возразишь мне: «Да, но можно онеметь.

Нам думать про себя никто не воспрещает.

Не мысль, а просто речь свободная прельщает,

Пред суетной толпой звенящая, как медь».

Нет! Недействительна людская мысль без слова,

И только смерть кладет безмолвия печать;

Сегодня мысль нема, а завтра будет снова

Во всеуслышанье вещать.

Бывает, что врагу сдается ум без бою,

Не ведая стыда, не мучимый тоской,

Без вынужденья, сам собою

Он удаляется от жизни на покой.

Идут события — в порядке ли согласном,

В судьбу ли родины неся переполох —

Ум, обессиленный покоем безучастным,

Не видит — он ослеп; не слышит — он оглох.

Сменяется гоньбой за выгодою личной

Великодушные, так дружное с умом;

И слово глупое бесчинствует публично;

Ему и лесть, и ложь, и подлость нипочем.

Бывало так не раз; теперь, пожалуй, будет...

Но аракчеевым причины все же нет

Венчаться лаврами побед.

Что, если совесть ум разбудит?

Ведь он тогда, наперекор

Их сжиданьям и надежде,

С себя стряхнув наносный сор,

Воспрянет смел и чист, как прежде.

Так снова на стене являются порой,

В былой красе и в прежнем блеске,

Когда-то грубою рукой

Заштукатуренные фрески...

Но я в высокий слог пустился. Извини.
 Потребны для тебя лишь доводы одни.
 Чтоб дани не платить невольной увлеченью,
 Я прямо приступлю теперь к правоученью...
 А впрочем, ежели ты логике не враг,
 Обоим без него нам обойтись возможно;
 Придешь ты к истине простой и непреложной
 Без помощи чужой, сам рассуждая так:
 «Походит наш народ на прочие народы;
 Подумать, посудить не прочь подчас и он.
 Хоть это в нем порок, но вместе и закон
 Людской его природы.
 Уму для жительства пределов не дано;
 Ему лишь был бы мозг, а чей он — все равно.
 Хоть в этом-то и вред, хоть я вполне уверен,
 Что миновала бы нас всякая беда
 При разделении труда:
 Я буду умница, ты будь благонамерен...
 Тогда бы все дела пошли не на авось,
 А к благу общему бесспорно;
 Хоть нам без критики задорной
 Едва ли хуже бы жилось;
 И образ мыслей был превратен
 Без мыслей мог бы быть едва,—
 Но ведь как солнце не без пятен,
 Так не без мыслей голова».

10 января 1892
 Стенькино

ИЗ «ПЕСЕН СТАРОСТИ»

КОНЬ КАЛИГУЛЫ

Калигула, твой конь в сенате
 Не мог сиять, сияя в злате;
 Сияют добрые дела.

Так поиграл в слова Державин,
 Негодованием объят.
 А мне сдается (виноват!),
 Что тем Калигула и славен,

Что вздумал лошадь, говорят,
Послать присутствовать в сенат.
Я помню: в юности пленяла
Его ирония меня;
И мысль моя живописала
В стенах священных трибунала,
Среди сановников, коня.
Что ж, разве там он был некстати?
По мне — в парадном чепраке
Зачем не быть коню в сенате,
Когда сидеть бы людям знати
Уместней в конном деннике?
Что ж, разве звук веселый ржанья
Был для империи вредней
И раболепного молчанья,
И лестью дышащих речей?
Что ж, разве конь красивой мордой
Не затмевал ничтожных лиц
И не срамил осанкой гордой
Людей, привыкших падать ниц?..
Я и теперь того же мненья,
Что вряд ли где встречалось нам
Такое к трусам и к рабам
Великолепное презренье.

1892

Стенькино

РАДОСТНЫЕ КУПЛЕТЫ

Ура! Открытье! Я — Ньютон!
Открыл, что каждый — хоть и связан
Узлами пут со всех сторон —
Не быть собою не обязан.

Так, например: коль скоро есть
Черта особенная в мозге,
Блюсти дворянства можно честь,
Не сомневаться в пользе розги.

И можно, если личный нрав
Даст направление иное, —
Не соглашаться, что из прав
Всех выше — право крепостное.

Здесь будет кстати не забыть:
Тем иль другим служа началам,
Возможно публицистом быть,
Не быв безграмотным нахалом.

Затем открытье передам,
Что вообще быть можно русским
Без принадлежности к умам
Необразованным и узким.

1893

Стенькино

ПИСЬМО К ЮНОШЕ О НИЧТОЖНОСТИ

Пустопорожный мой предмет
Трактата веского достоин;
Но у меня желанья нет
Трактатом мучить; будь спокоен.
Полней бы в нем был мыслей ряд;
Они яснее были там бы;
Зато тебя не утомят
Здесь предлагаемые ямбы.

Ошибка в том и в том беда,
Что в нас к ничтожности всегда
Одно презрение лишь было.
Ничтожность есть большая сила.
Считаться с нею мы должны,
Не проходя беспечно мимо.
Ничтожность тем неуязвима,
Что нет в ней слабой стороны.
Несет потери лишь богатый;
Ее же верно торжество:
Когда нет ровно ничего,
Бояться нечего утраты.
Нет ничего! Всё, значит, есть!
Противоречье — только в слове.
Всегда ничтожность наготове,
И ей побед своих не счесть.
Ее природа плодovита;
К тому ж бывают времена,
Когда повсюду прозелита

Вербует с легкостью она.
И если б — так скажу примерно —
У нас задумали нули,
Сплотясь ватагою безмерной,
Покрыть простор родной земли,—
Ведь не нулям пришлось бы скверно.

Когда б ничтожность в полусне,
В ответ на думы, скорби, нужды,
Лишь свой девиз твердила: «Мне
Все человеческое чуждо»;
Когда б свой век она могла
Влачить лениво год за годом,
Не причиняя много зла
Ни единицам, ни народам,—
Тогда б: ну что ж! Бог с нею!.. Но
Ей не в пустом пространстве тесно.
Она воюет с тем, что честно;
Она то гонит, что умно.
И у нее в военном деле,
Чтоб сеять смерть иль хоть недуг,
Точь-в-точь микробы в нашем теле,
Готова тьма зловредных слуг.
Узрели б мы под микроскопом —
Когда б он был изобретен,—
Как эти карлы лезут скопом
В духовный мир со всех сторон.
И каждый порознь, и все вместе
Они — враги духовных благ.
Кто — враг ума; кто — сердца враг;
Кто — враг достоинства и чести.
Кишат несметною толпой
Микробы лжи, подвоха, злобы,
Холопства, лениности тупой
И всякой мерзости микробы...
Итак, мой друг, вся в том беда,
Что в нас к дрянным микробам было
Пренебрежение всегда.
Ничтожность есть большая сила
И в сфере духа. Так и в ней:
Чем тварь ничтожней, тем вредней.

1893

Стенькино

ПЯТНО

Я понимаю гнев и страстность укоризны,
Когда, ленива и глупа,
Заснувшей совестью на скорбный зов отчизны
Не отзывается толпа.

Я понимаю смех, тот горький смех сквозь слезы,
Тот иногда нещадный смех,
Что в юморе стиха иль в желчной шутке прозы
Клеймит порок, смущает грех.

Я понимаю вопль отчаянья и страха,
Когда, под долгой властью тьмы,
Черствеют все сердца и, словно гады праха,
Все пресмыкаются умы.

Но есть душевный строй, который непопятен...
Возник он в наши времена,
И я не нахожу, меж современных пятен,
Позорней этого пятна.

Чем объясняются восторги публициста,
Лишь только весть услышит он,
Что вновь на родине нечестно и нечисто,
Что попирается закон?

Меж тем как наша мысль все никнет понемногу
И погружается во тьму, —
Он в умилении твердит: «И слава богу!
Ум русским людям ни к чему.

На воле собственной мы немощны и жалки;
Нам сил почина не дано;
А станем нехотя работать из-под палки —
И дело ладится умно».

Встречал я нищего на людном перекрестке.
Чтоб убедить, что он не лжив,
И зная, что сердца людей счастливых жестки,
Он плакал, язвы обнажив.

Но русский публицист ликует, выставя
Болезни родины своей...

Что ж это? Тупость ли? Политика ли злая,
Плод крепостнических затей?

Недаром, доблестью хвалясь пред нами все,
Властям он лестию кадит
И лжет, в пленительных чертах живописуя
Былых времен порочный быт.

1893

Стенькино

**КОМЕДИЯ РЕТРОГРАДНЫХ ПУБЛИЦИСТОВ
И ТОЛПА**

На сцене — бред и чепуха;
Но пусть комедия плоха
И пусть все эти скоморохи,
Ее ломающие, плохи:
Не в пьесе и не в них беда.
Я глупых пьес видал немало,
Но «публика» не раздражала
Меня так больно никогда.
Какой безвкусица избыток!
Какой в смышлености изъян!
Она не видит белых ниток
И грубый чествует обман...
Но в чем же суть? Дела какие
Внушить нам авторы хотят?
Предмет комедии: Россия.
Ее заглавие: «Назад!»
И вот — дитя их измышлений,
Какой-то злобствующий бес,
А по афише добрый гений —
Нас вводит в область превращений
И фантастических чудес
На безобразной пьяной тризне,
При реве диких голосов,
Там погребают полных жизни
И воскрешают мертвецов.
Герой из времени былого,
Теперь одетый в куцый фрак,
Пришел грозить народу снова
Опричник, земства лютый враг.

И что ни речь, что ни картина —
Жизнь опрокинута вверх дном;
Шут носит званье гражданина,
А гражданин слывет шутом.
Нелепость творческой задачи
Доходит в пьесе до того,
Что люди в ней затылком зрячи,
Вперед не видя ничего.
Таких чудес на сцене много;
И тайну авторских затей
В правоученьях монолога
Разоблачает лицедей:
«Назад! Долой с пути успеха,
С пути гражданственных начал!
В них — благоденствию помеха,
В них гибнет русских идеал».
За край родной стоит он грудью;
Он — патриот и потому
Враждой пылает к правосудию,
К свободе, к слову и к уму...
«И смерть судам! И гибель школам!» —
Кричит он, злобою дыша;
И, словно неким ореолом,
Нахальным светит произволом
Невежды рабская душа.
Всем проявлениям высшим духа,
Всему, чем жизнь для нас свята,
Со сцены шлется оплеуха
Иль комом грязным клевета.
А между тем толпа немая
За речью тщательно следит,
Удары дерзкие обид
Беспрекословно принимая.
Он ей внушил холопский страх;
Вели ей верить он, что прочно
Земля стоит на трех китах, —
И, в вольнодумстве безупречна,
Она ответила б: «Так точно!»

Вот держит речь другой актер.
Другие формы и приемы.
Ему салонный разговор
И нравы светские знакомы.

«Несправедливо за корысть
Нас подвергают укоризне,—
Мы просто из любви к отчизне
Рекли: «Да будет мрак!» И бысть!
О, воскресим то время оно,
Блаженной памяти тот век,
Когда ни права, ни закона
Не ведал русский человек!
И будет Русь нам благодарна
За свой покой внутри и вне.
Позвольте несколько вульгарно,
Но ясно выразиться мне:
У нас народ своеобычен;
Сам зная чем себе помочь,
Он не бежит от зуботычин,
Да и от порки он не прочь...»
Тут раздались рукоплесканья.
Толпе внушила эта речь
Неодолимое желанье.
Иль побить, или посечь...

Толпа, толпа!.. С негодованьем
Я говорю: как ты тупа!
Не нищей черни, чуждой знаньям,
О нет! людей с образованьем
Пустая, темная толпа!
За козни злобные обмана,
За убыль смелой правоты,
За мрак ума в ответе — ты,
А не фигляры балагана.
Не будь тебя, для мест пустых,
Поверь, что даже лбы из меди
Не создавали бы таких
Непозволительных комедий.

1894
Москва

ЗАМЕТКИ О НЕКОТОРОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

1

Он, с политической и с нравственной сторон
Вникая в нашу жизнь, легко с задачей сладил.

То сердцем, то умом в своей газете он,
Всего касаясь, все изгадил.

2

Увы! Праматерь наша Ева
Грех даром на́ душу взяла,
Дав и ему в наследство древо
Познания добра и зла.
Порукой в том — его газета,
И в ней плоды его пера:
Он распознать ни тьмы от света,
Ни зла не может от добра.

3

Служитель слова, я невольно чую страх
При мысли о иных в печати властных барах;
Все грезится, что червь господствует в садах,
Что крыса властвует в амбарах.

4

Порой смягчит он голос свой,
Тупою злобой не пугая...
Напрасно! зверя дикий вой
Эффектней речи попугая.

1894
Петербург

«СКЕРЦО»
НА ГРАЖДАНСКИЕ МОТИВЫ

Все в бедной отчизне
Преступно иль глупо!
Все веянья жизни —
Как запахи трупы!

Считают потребным
Сдавать — не впервые —
Машинам служебным
Вопросы живые!

Те — рады не рады —
С улыбкой безверья,

Но, чая награды,
Берутся за перья,

Не видят, не слышат,
Но, полны отваги,
Всё пишут, всё пишут
Бумаги, бумаги.

И в пыльной их груди
Сгнивают вопросы,
Как в грязной посуде
Гнилые отбросы...

Хоть мы — патриоты,
Но факт не случаен,
Что наши заботы
Все — ради окраин.

Мы там как бы вроде
Собаки на сене:
Чуть речь о свободе —
Кричим об измене.

Ни духа не надо,
Ни внешнего глянца!
Отсюда досада
У нас на финляндца.

Коль вправду не манит
К измене Европа,
Пусть честно, мол, станет
В условиях холопа!

Ход вольного роста
Собрания сейма —
Для нас это просто
Позорные клейма!

Хоть приняты меры —
Все было б исправно,
Однако же веры
Не все православной.

Поляков и полек
Нас бесит привычка:

Он вечно католик,
Она — католичка.

От Крыма до Колы,
Сославшись на бога,
Мы наши расколы
Преследуем строго.

Средь нравственной суши —
Ни чувства, ни мысли;
А честные души
Разрыхли, раскисли.

Я знаю — есть лица,
Душа в них живая;
Но то единицы
Для целого края!

Мне скажут: «Что ж лиру
Ты держишь под мышкой?
Ну, гаркни сатиру
С гражданственной вспышкой!»

Сатира, сатира —
Великое дело!
Но сильных бы мира
Моя не задела.

Такая уж доля
Указана русским!
Велит мне неволя
Быть мелким и узким,

С убогим бага́жем,
С притупленным жалом,
Хоть был бы я, скажем,
Самим Ювеналом.

В пылу вдохновенья
Попробуй-ка, ухни —
Сейчас на съеденье
В цензурные кухни!

Иль труд наш (быть может,
Одоблив учтиво)

Бартенев положит
В портфели «Архива».

Там, сысков цензурных
Отравы кто не пил,
Хранится, как в урнах
Покойников пепел.

Вот будущность в муках
Рождаемым песням!
А впрочем, при внуках,
Быть может, воскреснем.

Притом же, признаться,
Сатирики жалки
В странах, где боятся
Не слова, а палки.

При всей бы охоте,
Не вызывать стихами
Ни дум в идиоте,
Ни доблести в хаме!

Быть может, понятие
У вас не такое;
Но всё ж меня, братья,
Оставьте в покое.

На рабские нравы,
На срам публициста,
На тех, кто не правы,
На то, что нечисто,—

В летах уже хилых,
С душою усталой,
Я гаркнуть не в силах;
А плюнуть — пожалуй!

Вот вместо сатиры
Дарю вам от сердца
В созвучиях лиры
Шумливое скерцо.

1895
Петербург

СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ ЛЕТ

1

Два «древних» периода;
Один уж мной воспет;
Тот — семьдесят два года;
Вот — семьдесят пять лет.

2

Три года пережиты;
И всё пока поэт,
Хоть с прозвищем «маститый»
Я в семьдесят пять лет.

3

Под тяжестью их груза
Один-другой куплет
Сложи, старушка муза,
Про семьдесят пять лет.

4

Устал я жить в надежде
На умственный рассвет;
Хоть меньше тьмы, чем прежде —
За семьдесят пять лет.

5

Все ждал; то опасался,
То верой был согрет...
Чего ж, гляжу, дождался
Я в семьдесят пять лет?

6

В пародиях Пруtkова
Весь смысл иных газет;
Но в этом мне смешного
Нет в семьдесят пять лет.

«Законность — враг порядка...»
 Я старый правовед,¹
 И это — только гадко
 Мне в семьдесят пять лет.

Для разной светской встречи
 Мой заперт кабинет,
 Скупиться я на речи
 Стал в семьдесят пять лет.

А пышные чертоги,
 Где соль земли и цвет,—
 От них давай бог ноги
 Мне в семьдесят пять лет.

Вдруг спросят там наивно:
 За розгу ль я иль нет...
 Мне с новыми противно;
 Мне — семьдесят пять лет.

Иль скажут: «Ты — отсталый;
 Лелея старый бред,
 Всё носишь идеалы
 Ты в семьдесят пять лет».

Прибавят бюрократы:
 «Готов давать совет,
 Сам годен же куда ты —
 И в семьдесят пять лет?!»

¹ Я кончил курс в Училище правоведения в 1841 г.

13

К тому ж тебе, по справке,
Судить совсем не след:
Чуть не был ты в отставке
Все семьдесят пять лет».

14

Вам был бы враг я кровный,
Хотя б в мундир одет;
Имел я чин сановный —
И семьдесят пять лет.

15

Таков я спозаранку;
И мне охоты нет
Явиться наизнанку
Вдруг в семьдесят пять лет.

16

Я так бы им ответил;
Но крепок мой ответ,
Покуда разум светел...
Ох, семьдесят пять лет!

17

Ведь этот срок — не шутка!
Хоть мил еще мне свет,
Шагнуть мне как-то жутко
За семьдесят пять лет.

18

Лишусь, пожалуй, мозгу:
Узрю в ученье вред
И стану славить розгу
Сам в семьдесят пять лет.

Мольбу сложить бы в гимне:
 — Господь! Храни от бед
 И честным помоги мне
 Быть в семьдесят пять лет!

Я силы в распре с веком
 Прошу не для побед:
 Остаться б человеком
 Мне в семьдесят пять лет!..

*10 февраля 1896
 Петербург*

ЖИВОТНАЯ ПРОЗА И ДЕКАДЕНТСКАЯ ПОЭЗИЯ

Одни — двуногое, пасущееся стадо,
 Без дум, надежд и грез, которых людям надо.
 Не зная ни тоски, ни порываний ввысь,
 Они как бы в грязи для грязи родились.
 Так есть животные, которым воспретила
 Природа подымать к небесным высям рыла.
 Другие — до того чуждаются земли,
 Что в мир неведомый из нашего ушли.
 Когда их над землей, как духов, носят крылья,
 Они, с своих высот, из рога изобилья
 Нам сыплют песенок летучие листки.
 И ропщем мы: «Зачем, рассудку вопреки,
 Нам эти пряности и эти карамели,
 Меж тем как досыта и хлеба мы не ели?»
 Итак — две крайности. Когда одна из двух
 Иль обе вместе наш пленять желают слух —
 Та хрюканьем свиным, а эта птичьей песней, —
 Решить я не берусь, из них что́ интересней —
 Лишь люд бы людом был! Вот отповедь моя!
 А птицей и свиньей... уж птица и свинья.

*1896
 Ильиновка*

Одна статья теперь поэтов сосчитала
Живых известных — пять. Меня в числе их нет.
Не потому ль, что счет ошибочен? Пять — мало.
На это звание прошу мне выдать номер.
Меня молчанием нельзя же обойти.
Мне место надо дать среди живых пяти, —
Ведь я еще пока не умер.
«Тот за шлагбаумом, — цитирую статью, —
Кого именовать не вспомнили с пятью».
Но я «известным» быть себя считаю вправе,
Доверчиво пойду к опущенной заставе;
И при писательской почетной братье всей,
Пред теми, от кого действительно зависит,
Впустить иль нет, скажу: «Подвысь; я — Алексей
Жемчужников». И страж подвысит.

18 ноября 1908

ИЗ «ПРОЩАЛЬНЫХ ПИСЕМ»

ПОГИБШАЯ НИВА

Пред нами красовалась нива...
Какая странная краса!
Колосья, стоя горделиво,
Тянулись кверху, в небеса.
Влеченья их к надменным позам
Причину я разведаль ту,
Что рожь, уж бывшая в цвету,
Побита утренним морозом.
Вот и разгадка — почему
Кичливый колос так упорен
В стремленьи ввысь. Увы! Ему
Поникнуть нечем. Он — без зерен.
И мне представилась тогда
Умов и душ людская нива,
Когда над ней стряслась беда.
Она, как эта, — молчалива...

Ей громко воля не дана
Свои оплакивать утраты...
Высоко в эти времена
Пустые головы подъяты.

1900

Ильиновка

ПОСМЕРТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА

Спирит мне держит речь под гробовую крышу:
«Мудрец и патриот! Пришла чреда твоя;
Наставь и помоги! Прутков! Ты слышишь?»

— Слышу

Я!

Пером я ревностно служил родному краю,
Когда на свете жил... И, кажется, давно ль?
И вот, мертвец, я вновь в ее судьбе играю —
Роль.

Я власти был слуга; но, страхом не смущенный,
Из тех, которые не клонят гибких спин,
И гордо я носил звезду и заслуженный —
Чин.

Я, старый монархист, на новых негодую:
Скомпрометируют они — весьма боюсь —
И власть верховную, и вместе с ней святую —
Русь.

Торжественный обет родил в стране надежду
И с одобрением был встречен миром всем...
А исполнения его не видно между
Тем!

Уж черносотенцы к такой готовят сделке:
Когда на званный пир сберется сонм гостей —
Их чинно разместить и дать им по тарелке —
Щей.

И роль правительства, по мне, небезопасна;
Есть что-то *dinachevé*¹... Нет. Надо власть беречь,

¹ Незавершенное (*франц.*).

Чтоб не была ее с поступком несогласна —
Речь.

Я, верноподданный, так думаю об этом:
Раз властью самой надежда подана,
Пускай же просьба: «Дай!» — венчается ответом:
«На!»

Я главное сказал, но из любви к отчизне
Охотно мысли те еще я преподам,
Которым тщательно я следовал при жизни —
Сам.

Правитель! Дни твои пусть праздно не проходят;
Хоть камушки бросай, коль есть на то досуг;
Но наблюдай: в воде какой они разводят —
Круг?

Правитель! избегай ходить по косягору:
Скользя, иль упадешь, иль стопчешь сапоги;
И в путь не выступай, коль нет в ночную пору —
Зги.

Дав отдохнуть игре служебного фонтана,
За мнением страны попристальной следи;
И чтобы жертвою не стать самообмана, —
Бди!

Напомню истину, которая поможет
Моим соотчикам в оплошность не попасть:
Что необъятное обнять сама не может —
Власть.

Учение мое, мне кажется, такое,
Что средь борьбы и смут иным помочь могло б...
Для всех же верное убежище покоя —
Гроб.

11 октября 1907

*СТИХОТВОРЕНИЯ
НА СЛУЧАЙ ШУТКИ*

Теперь на наш народ простой
Смотрю я:
Как славит он Христа, душой
Ликуя.
Он, вместо «Смертью смерть поправ»,
Так песни
Орет, живот свой надорвав,
Хоть тресни.
Наклавши крашенных яиц
В карманы,
Пред богом падает он ниц
Лишь пьяный.
Он — плод отечественной тьмы,
А впрочем,
Простой народ напрасно мы
Порочим.

28 марта 1885

*МОЙ ОТЗЫВ О ПОЧЕТНОМ ОТЗЫВЕ АКАДЕМИИ,
МНЕ ЕЮ ПРИСУЖДЕННОМ ЗА МОИ СТИХОТВОРЕНИЯ*

Я скромно смотрю на мои дарования,
Но ждал от других к ним побольше внимания.
За слог, за удачи мои стихотворные,
За чистые чувства, за мысли невздорные
Я ждал, что меня отличит академия...
Признаться, мне грезилась Пушкина премия —
Хоть пусть бы неполная, пусть — половинная;
Но, видно, надежда была беспричинная!..
Я полон теперь и за то благодарностью,
Что не был на старости признан бездарностью.

26 октября 1893

В. П. БУРЕНИН

САРА БЕРНАР ПРИЕХАЛА!

I

ПУБЛИКА

1

«Видел ты?» — «Видел вчера!»
«Ну, каково впечатленье?»

«От Боборыкина слышал — Петра:
Гений, талант вне сравненья!
Все в ней равно высоко —
Мимика, пластика, чувство...
Критик известный Чуйко
Зрит в ней царицу искусства...
Стасов в театре кричал
Громко, как будто валторна:
Сара — актрис идеал,
К ней равнодушие позорно!
Пролил Грустилин Тарас
Слез умиления пару,
И под конец десять раз
Публика вызвала Сару».

«Гм... но, скажи, каково
Мнение твое-то?»

«Да что же...
Внешность не очень тово:
Кости, брат, только да кожа.
Платья, брильянты... Игра?...
Ну, да не стоит об этом! —
Мне в департамент пора —
Завтра прочтем по газетам».

«Искусства дивная Весталка!
 Верх благородства каждый жест!» —
 «Эх, что мне жест? Тонка, как палка —
 И признака нет этих мест...» —
 «Но в голосе какие нотки,
 Каким трагизмом полон взор!..» —
 «Ну, братцы, бросьте — что за спор!
 Идем в буфет и хватим водки!»

Мельхиоровый кофейник,
 Спирт пылает огоньком;
 То повеет эс-букетом,
 То запахнет чесноком.

Жозефина Стасюлаки,
 Ривка Шмуль, Орас барон,
 Ицка Шутин, Мошка Шабаш —
 В сборе весь синадрион.

Ицка Шутин горячится:
 «Пред талантом Сары в прах
 Надо падать!..» Жозефина
 Стасюлаки молвит: «Ах!»

«Маньифик!» — лепечет Ривка,
 Изготовив бутерброд;
 Мошка Шабаш, улыбаясь,
 Молча смотрит Ривке в рот.

Поджимая важно губы,
 Говорит барон Орас:
 «Да, мы избранное племя —
 Сколько гениев у нас!»

И кипит кофейник звонко,
 Спирт пылает огоньком;
 То повеет эс-букетом,
 То запахнет чесноком...

II

ЦЕНИТЕЛИ И СУДЬИ

Боборыкин Петр несется
Легче ветра или пара
И в восторге восклицает:
«Сара, Сара, Сара, Сара!»

Рядом с ним стремится Стасов,
Полон дикого угара,
И гудит, как сто тромбонов:
«Сара, Сара, Сара, Сара!»

Вслед за ними мчится Утин,
Надуваясь, как опара,
И кричит он в упоеньи:
«Сара, Сара, Сара, Сара!»

Господин Чуйко вприпрыжку
Скачет, красный весь от жара,
И лепечет, задыхаясь:
«Сара, Сара, Сара, Сара!»

III

ПОКЛОННИКИ

Я видел Сару в Адриене —
И пал пред нею на колени.
Я видел Сару в Маргарите —
И молвил: «Люди, все умрите!»
Я Сару увидал в «Фру-Фру»
И вскрикнул: «Нет, я сам умру!»

ПАРОДИИ

ПОД ВЕТКОЙ СИРЕНИ

(Бесконечное стихотворение)

Под душистою веткой сирени
Пред тобой я упал на колени.

Ты откинула кудри на плечи,
Ты шептала мне страстные речи,
Ты склонила стыдливо ресницы...
А в кустах заливались птицы,
Стрекотали немолчно цикады...
Слив уста, и объятья, и взгляды,
До зари мы с тобою сидели
И так сладко-мучительно млели...
А когда золотистое утро
Показалось в лучах перламутра,
Ты сказала, открыв свои очи:
«Милый, вновь я приду к полуночи,
Вновь мы сядем под ветку сирени,
Ты опять упадешь на колени,
Я закину вновь кудри за плечи
И шептать буду страстные речи,
Опущу я стыдливо ресницы,
И в кустах защебечут вновь птицы...
Просидим мы, о милый мой, снова
До утра, до утра золотого...
И когда золотистое утро
Вновь заблещет в лучах перламутра,
Я скажу, заглянув тебе в очи:
Милый, вновь я приду к полуночи,
Вновь мы сядем под веткой сирени...»

И так далее, без конца.

1880-е годы

(На Ф. Сологуба)

**ГОЛУБЫЕ ЗВУКИ И БЕЛЫЕ ПОЭМЫ
ПРИДИ**

В золотистых предместьях моей души
Гуляют голубые курицы с белокуроыми волосами.
Они клохчут в сонной неге, а зеленое сомнение
Запеваает свою печальную трупную песню.
Белые думы, оранжевые мечты о счастье,
Будто мотыльки в вечерний час над тростником,

Кружатся и трепещут над лазурью моего сердца,
Отражают теплые муки и отблески любви.
Приди, о приди, мое божество, моя тихая ласка!
Месяц уже завел бледную музыку своих мечтательно-
вдумчивых лучей:
Фиолетовые тоскующие ароматы
Обвивают замирающую от страсти землю...
Приди!

СОНЕТ

Красные собаки желтой ненависти
Грызутся с белыми собаками розовой любви,
А беззаботные гуси людского равнодушия
Смотрят на это и глупо гогочут: «га-га».
Моя ультрамариновая фея с морковными кудрями!
Разве ты не поняла еще
Своим лазурно-кристальным сердцем,
Отчего грызутся в моей душе
Красные собаки желтой ненависти
С белыми собаками розовой любви?
Отчего беззаботные гуси людского равнодушия
Смотрят на это, вытягивая свои шеи,
Отчего они глупо гогочут свое «га-га» —
Разве ты не поняла, не поняла еще?

1895

(На А. А. Блока)

〈ШАГИ КОМАНДОРА〉

В спальне свет. Готова ванна,
Ночь, как тетерев, глуха.
Спит, раскинув руки, донна Анна,
И под нею прыгает блоха.

Дон Жуан летит в автомобиле,
На моторе мчится командор,
Трех старух дорогой задавили...
Черный, как сова, отстал мотор...

Настежь дверь — и Дон Жуан сел в ванну,
Фыркать начал, будто рыжий кот.
Вдруг шаги. — «Подай мне донну Анну!» —
Командор неистово орет.

Но, дурацким криком не сконфужен,
Дон Жуан все фыркает в воде.
«Я ведь к Анне зван тобой на ужин:
Где же донна Анна, где?»

На вопрос жестокий нет ответа.
Фыркает средь ванны Дон Жуан.
Донна Анна дремлет до рассвета.
Командор стоит как истукан.

⟨1912⟩

(На А. А. Ахматову)

I. ПОЭТИЧЕСКАЯ АТЛЕТИКА

В ЛЕСУ (А. А. Ахматова)

Аполлон, № 4)

Четыре алмаза — четыре
глаза,
Два совиных и два моих,
О страшен, страшен конец
рассказа
О том, как умер мой жених.
Лежу в траве я густой и
влажной
Бессвязно-звонки мои
слова,
А сверху смотрит такую
важной,
Их чутко слушает сова.
Нас ели тесно обступили
Над нами небо, черный
квадрат,
Ты знаешь, знаешь — его
убили,

В ЛУЖЕ

(Пародия)

Имею я четыре носа,
Четыре «пяточка» свиных,
Тремя глазами смотрю я
косо —
Один совиный и два своих.
Лежу я в луже зловонной,
липкой,
Носами чую в квадрате
смерд,
А на меня с немой улыбкой
Четыре борова глядят.
Сова дивится, что глаз
совиный
В затылке у меня блестит,
И смотрит сверху с важной
миной,
А мой жених убит, убит.
Соплю я четырьмя носами,

Его убил мой старший
брат—
Не на кровавом поединке
И не в сражении, не на
войне,
А на пустынной лесной
тропинке,
Когда влюбленный шел
ко мне.

НАД ВОДОЙ

Стройный мальчик—
пастушок,
Видишь, я в бреду.
Помню плащ и посошок
На свою беду.
Если встану — упаду.

Слышу тихое ду-ду.
Мы прощались, как во сне,
Я сказала: «Жду!»
Он, смеясь, ответил мне:
«Встретимся в аду!...»
Если встану, упаду.
Дудочка поет ду-ду.
О, глубокая вода
В мельничном пруду,
Не от горя, от стыда
Я к тебе приду.
И без крика упаду.
И вдали звучит ду-ду.

МНЕ БОЛЬШЕ НОГ МОИХ НЕ НАДО

Мне больше ног моих не
надо —
Пусть превратятся в рыбий
хвост —
Плыву, и радостна прохлада,
Белеет тускло дальний мост...
Не надо мне души покорной,

Но что ж мне делать —
судите сами,
Когда я в луже улеглась.

ДУДА (Пародия)

Ах, Маковский-пастушок, —
Я пишу, пишу в бреду:
В «Аполлоне» мой стишок
Поместишь ты на виду?
От восторга заведу

На дуде мотив: ду-ду.
Мне Маковский — милый
он —
Молвит: «Пусть сгорю в аду,
Но тебя я в «Аполлон»
Рядом с Брюсовым введу.
Заиграй скорей — я жду —
Заиграй в дуду ду-ду».
И Маковский-пастушок
И себе и мне к стыду
В «Аполлоне» мой стишок
Напечатал на виду.
От восторга я пойду —
Утоплюсь с дудой в пруду.

ТА ЖЕ ГЛУБОКО ПОЭТИЧЕСКАЯ ТЕМА

(Пародия)

Мне ног не надо — ноги к
черту!
Пусть превратятся в рачий
хвост:
Предавшись раковому
спорту,
Нырну под полицейский
мост.

Пусть станет дымом. Легок
дым.
Взлетев над набережной
черной,
Он будет нежно-голубым.
Смотри, как глубоко пыряю,
Держусь за водоросль рукой,
Ничьих я слов не повторяю
Я не пленюсь ничьей тоской.
А ты, игрушечный, ужели
Стал бледен и печально-нем,
Что слышу?—целых три
недели
Все шепчешь: «Бедная,
зачем?»...

Коль в голове все мысли
пусты —
На что она, скажите? Ах,
Пусть вырастет кочан
капусты
На беломраморных плечах.
А ты, игрушечный, что
станешь
Тогда со мною делать — ну?
За рачий хвост меня
потянешь,
Как в волны Мойки я
нырну?
Сняв с плеч моих кочан,
разрубишь.
Чтоб жирный борщ сварить
иль щи?
Ты побледнел. Не так ты
любишь?
Другую для себя ищи!

ПРОВОКАТОР

Мой слух испортился совсем:
Услышу слово «губернатор»,
Я уж бледнею и дрожу:
Что? Провокатор?

Провокатор?

Приятель как-то говорит:
«Граф — настоящий реформатор!»
А я вскочил, кругом гляжу:
Где провокатор?

Провокатор?

Жена читает, что «в Сиам
Сиамский прибыл император».
Я обомлел... Я задрожал...
Кто провокатор?

Провокатор?

Конец 1905

ЕЩЕ!

Весь ужас боевой расправы пережив
И груди жертв ее оплавав,
Мы слышим тот же вновь велительный призыв:
«Еще казаков!»

И нам в кровавой мгле мерещится простор
Лугов и нив без трав и злаков...
Холмы казачьих тел... И гневный, грозный хор:
«Еще казаков!»

Ноябрь 1905

«Ваше мнение?» — «Мое? —
Со стены я снял двустволку
(Превосходное ружье!)
И прочистил. — Что же толку?
Хитрость в чем же? Хитрость в том
(Говорю как старый воин),
Что с двуствольным-то ружьем
За себя уж я спокоен.
Как увижу, чья взяла,
Так решительно и смело
Из того ль, сего ль ствола
И хвачу я без прицела.
Вправо надо — правый ствол,
Влево — левый: вся наука!
Сам своим умом дошел,
А любой из «этих» — ну-ка!»
(1908)

ТИШЬ ДА ГЛАДЬ

Тишь да гладь — божья благодать.
Народная поговорка

В чистом поле — что за диво! —
Ни травинки, ни цветка;
В бороздах чернеет нива:
 Ни ростка.
Спит иль вымерла деревня?
Не поживится в ней тать:
Ни коровушки, ни певня
 Не слыхать.
Прикорнули даже избы,
Дремлет дед один в тени;
Дети хоть отозвались бы!
 Где они?
Где? Да там вон, на пригорке,
Под крестами... Тишь да гладь...
Уж как есть по поговорке:
 Благодать!

1908 (?)

ГДЕ МАЛО — ГДЕ МНОГО

Ну и порядки! Никого
Не дозовешься,
И что заказано — того
Едва дождешься.
Поесть охота и была,
Да вся пропала,
И злой встаешь из-за стола...
Лакеев мало!

То водомет угодных слов
И раболепство;
То, как в зверинце, дикий рев
И непотребство.
И где ж заботы о стране?
Где ей подмога?
Всё по заветной старине...
Лакеев много!

〈1909〉

ИСТОРИЯ В ЧЕТВЕРОСТИШИИ

Исконí была обломовщина,
Народилась карамазовщина,
Вслед за нею — передоновщина,
Увенчала всё — азефщина.

〈1909〉

ОБЫВАТЕЛЬСКИЕ РИФМЫ

За утратою пергамента
(Пронеслась такая весть)
Для любого темперамента
На Руси — ни стать, ни сесть.

Невозможно без регламента
Жить на свете, пить и есть!
Истукану без постамента —
Так и то стоять не в честь!

Слава богу, нет парламента?
Или, слава богу, есть?
Дума вроде лишь орнамента?
Иль ее за правду счесть?

Хоть добратся до регламента
Нам какого бы ни есть,
Чтобы — так ли, сяк ли — амен¹-то
С чистым сердцем произнести!

⟨1910⟩

ЭПИГРАММЫ, ПАРОДИИ

ПИСАТЕЛЮ САМОЗВАНОВУ

Сочинена тобою, Самозванов,
Романов целая семья;
Но молвлю, правды не тая:
Я не люблю твоей семьи романов.

⟨27 ноября 1905⟩

СОМНЕНИЕ

«Без царя в голове» — говорят про того,
Головою кто слаб иль недужен...
Я ни *против*, ни *за* не скажу ничего;
В голове царь, быть может, и нужен.

⟨4 декабря 1905⟩

ЭКСПРОМТ

На каждую приветственную речь
Он отвечает лишь: «Я *тронут*»...
Признанию, читатель, не перечь:
Ответ таков, что в нем все обвинения тонут.

⟨4 декабря 1905⟩

¹ Аминь (лат.).

ДОЖДАЛИСЬ!

Верен был взгляд у великого
Щедрина, друзья мои:
Дождались мы царства дикого
«Торжествующей свиньи»!

8 января 1906

SIC TRANSIT...¹

Старины родной блюстители,
Вековых заветов данники,
Где вы, наши охранители?
Замепили вас охранники.

⟨1908⟩

¹ Так проходит... (Лат.)

М. П. СВОБОДИН

РЕФОРМАТОРЫ

СИЛУЭТЫ

Гляжу я в жизненный поток
И безусловно убедился,
Что реформаторов кружок
Неимоверно расплодился...
Что день, то новый восстает
С великолепной мыслью новой,
Громит все старое сурово
И ряд проектов создает.

Вот старец. Чином облечен,
Сверкают густо эполеты...
— Как, вашество?.. Да вы ли это?
— Мой дорогой, я поглощен
Реформой пашего балета!

Столоначальник. Зако sneл
В делах... Как есть по вытчик древний!
А пыне стал и скор, и смел,
И бредит... русскою деревней!
До ночи с рацне го утра
Он занят новою реформой:
Он утверждает, что пора
Снабдить крестьян особой формой.

И даже, право, я слышал:
Один ретивый губернатор
Себя нежданно показал
Как самый ярый реформатор!
Он говорит, что русский дух
Не любит терминов туманных,
Что просто русских режут слух
Ряды названий иностранных:

— Не «губернатором» назвать
Меня российский должен житель!
По-русски, должен вам сказать,
Я называюсь — у-пра-ви-тель!

На днях случайно заглянул
Я в грустный дом умалишенных.
Кругом стоял и шум, и гул,
И крик болезнью удрученных.
Гляжу — в углу сидит кружок.
Совсем устроились как дома...
Хотел пуститься наутек —
Но оказались все знакомы...
Амалья Грингмут-паладин,
Шарапов, сумрачный кликуша,
И Берг, и Ярмонкин-горюша,
И храбрый Павлов-дворянин.
Сидит, потупив скромно взоры,
Весь субсидированный строй,
И дружески между собой
Ведут тихонько разговоры.
И вмиг увидел я, на чем
Их бедный ум свалился с нормы:
Они помешаны на том,
Чтоб реформировать реформы!

⟨28 августа 1905⟩

ИЗ ПЕСЕН О СВОБОДНОМ СЛОВЕ

Я был издателем газеты...
Был горек прежний мой удел!
Но если тлели искры света,
Я их в тиши раздуть умел...
Вдруг — целый ряд мероприятий
Мне свыше грозный рок послал —
И я из цензорских объятий
Чуть-чуть в кутузку не попал.
Мой орган, стриженный и бритый,
Едва хрипел, едва дышал,
А злобный цензор ядовитый
Черкал-кромсал, кромсал-черкал.

Уж я чуть-чуть не бросил дело
Во избежание хлопот,
Как вдруг откуда-то слетело
Пять штук обглоданных «свобод»!
Желанный миг! Свобода слова!
Какой я номер выпускал!
Клянусь, от номера такого
Покойный цензор (бич суровый!)
В своем гробу затрепетал.
Но, ах! Пути свободы узки,
И случай вышел вдруг такой,
Что сам я избежал кутузки —
Зато в кутузке орган мой!

Конец 1905

МЕРЫ

На соборе на Констанцском...

На собраньи чрезвычайном
Звездоносцы заседали.
Осудивши всю Россию,
Казни ей изобретали.
Длинной речи впечатление
Не боясь в умах ослабить,
Дурново рекомендует
Просто — всех и вся ограбить.
Предложил Малюта Трепов,
Чтоб отечество прославить,
Все, что можно, уничтожить,
Остальное — окровавить.
Адмирал Дубасов грозный,
Рассмеявшись беззаботно,
Предложил Россию сделать
Всю — мишенью пулеметной.
А Коковцев думал просто,
Что польются счастья реки,
Если всю страну заложим
Мы немедленно — и навеки.
Граф Игнатьев неуклонный
Предложил — совсем по-русски! —
Русских граждан поголовно
Рассадить сейчас в кутузки.

И промолвил граф Портсмутский,
Озираючись тревожно:
«Мы, конечно, примем меры...
Что возможно!.. Что возможно...»
Нерешительность такая
Многим странной показалась, —
А в окошко заглянула
Жизнь — и громко рассмеялась...
(6 января 1906)

ПОСТЕПЕННО

Кое-что переменялось,
Остальное — неизменно,
Нам все время говорилось:
«Надо, чтобы все свершилось, —
Но, конечно, постепенно!»

Не во всякий верим вздор мы,
Но во благо — несомненно!
Вот и ждем благой реформы.
И остались все без корма
Постепенно, постепенно...

Ждем свободной, новой школы...
«Это надо непременно!»
Но по вещему глаголу
Педагогов, как крамолу,
Вытравливают постепенно...

«Кроме доблестной печати,
Слова мощного — все тленно!»
Но бойцов из этой рати
Расхватили так некстати,
Всё прикрыли постепенно...

Вера детская — все стынет,
Горький стыд растет отменно...
Скоро, скоро время минет,
И, как сон тяжелый, сгинет
Постепенность... Постепенно.

(19 января 1906)

БАЛЛАДА О ГЕНЕРАЛАХ

Шли по улице два генерала.
Их у нас, слава богу, немало.
И один был простой,
А другой
Был морской: чин носил адмирала.
«Вы с войны? Как сраженья, победы?..
Чай, вконец придушили соседа?»
Но в ответ генерал
Пробурчал:
«Были только несчастья да беды...
Но к победам нельзя не стремиться:
На своих я решил ополчиться!
Ведь и внутренний враг —
Не пустяк!..
Для чинов, орденов — пригодится».
«Ну и вы?» — «Тут большая забота:
Есть моря — не доищемся флота!
Я решил: так и быть,
Победить
Можно «внутренних»... Годны для счета.
На сухом берегу мне чудесно.
Долг исполнил я твердо и честно:
Приказал тысяч пять
Расстрелять —
И... победа моя всем известна».
Шли, идут и теперь... генералы...
Их у нас, слава богу, немало...
И один был простой,
А другой
Был морской: чин носил адмирала.
(21 февраля 1906)

ПОД УСИЛЕННОЙ ОХРАНОЙ

Право, можно жить спокойно
Под усиленной охраной...
Пусть вначале — дикой, странной
Жизнь покажется нестройной,

Но потом... когда взглядишься,
Путь спокоен, чист и гладок.

Поневоле изумишься:
Боже мой! Какой порядок!
Было смутно, было бурно,
Тяжело во мгле туманной...
Отдохнуть — ей-ей — недурно
Под усиленной охраной!

Преступлений пет. Не крадут...
Даже те, кто неповинны
(Миг короткий, путь недлинный!),
На покой в кутузку сядут.
Исчезает зло бесследно,
Агитаторы пропали,
Вся печать давно безвредна,
Мысли — скованы в опале.
Скрыты язвы, скрыты бездны,
Недостатки и обманы...
Как спокойно, как полезно —
Под усиленной охраной!

Мыслей вольных — нет в помине,
Если хочешь развлеченья —
Помечтай о храбре Мине,
О герейском усмиреньи...
Станет на сердце уныло —
Брось сомнения пустые:
В «Государстве Русском» милы
Все статьи передовые!
Есть и пить совсем свободно,
В карты — действуй невозбранно...
Расчудесно! превосходно
Под усиленной охраной!

Начало 1906

А. В. АМФИТЕАТРОВ

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Позвольте рекомендоваться:
Я петербургский либерал.
Люблю в идейках завираться...
Но — кто не врал? Но — кто не врал?

Я красен, но и осторожен:
Рад слово смелое прочесть,
Но — тем, кто неблагонадежен...
Имею честь! Имею честь!

Мысль зарубежную смакуя,
Шлю эмигрантам комплимент,
Но в русских недрах — начеку я:
Я не студент! Я не студент!

Прогресса заповеди верен,
Клянусь я тьме: да будет свет!
Но — друг мой неблагонамерен...
Нас дома нет! Нас дома нет!

Пленяем остроумья ширью,
Бывает, брякну что-нибудь...
Но — чтобы рисковать Сибирью?!
Счастливый путь! Счастливый путь!

Святой гуманности поборник,
Я равноправья женщин жду.
Но — если бьет курсистку дворник,
Я обойду! Я обойду!

Люблю раскупорить котомку!
Когда с друзьями я кучу,

Пью смело тост — «за Незнакомку!!!»
Но кто она — молчу! молчу!

Я зол, что нравы наши грубы:
От произвола гибнет Русь!
Но — треснет мне хожалый в зубы...
Я оботрись! Я оботрись!

Всегда, везде, во всем я — влеве!
Отрежу правду — хоть царю!..
Молчал как мертвый я при Плеве,
Зато при Мирском — говорю!!!

За право земства — повый Муций —
Борюсь я в гордой тишине.
Но... земцы ищут конституций!!
Я в стороне! Я в стороне!

Свободу я люблю без меры
И проповедую везде.
Но — сколь противны мне эсеры!
Как ненавистны мне эс-де!

Горит душа невыносимо!
Я революцией дышу!
И только Горького Максима
Не выношу! Не выношу!

Свободу прессе! К свету! К свету!
Я — гласной правды паладин!
Но — хлопнут честную газету...
Так подпишусь на «Гражданин»!

На безобразия цензуры
Негодовать я храбр и быстр.
Но — на меня карикатуры?!
Карай, министр! Ссылай, министр!

Я в убеждениях упорен,
В устоях — просто исполин:
Я тверд, как Алексей Суворин...
Отец, конечно, а не сын!

Еврейства мукам и печалям,
Согласен я, предела нет...
Но — мы знакомы с Левендалем:
К нам на журфикс! К нам на обед!

Я прогрессист, но без нахальства,
Мне страшен каждый генерал:
Лишь с дозволения начальства
Я — петербургский либерал!

Характер у меня — лягушкин,
Я — земноводный по уму:
Мне руку даст Бобрищев-Пушкин,—
Что ж? Я пожму! Что ж? Я пожму!

Я компаньон весьма веселый,
Певали мы недурно встарь...
Залиться жутко «Карманьолой»,
Так гряну «Слався, русский царь!»

Пророк пиров, при звоне кубков
«Глаголом жгу сердца людей»...
Вы лишь не требуйте поступков:
Я без затей! Я без затей!

Я не построю баррикады
И цитадели не взорву:
Я к Пасхе жду себе награды
И к Рождеству, и к Рождеству!

Приятен мне огонь протеста,
Но — надо ж чем-нибудь и жить:
Коль прогорит по земству место,
Пойду в полицию служить.

Конечно, горькая опека...
Но учит нас разумный век:
Не место красит человека,
Но красит место человек!

Плачу в гимназию за сына...
По дому трачу денег тьму...
Покорен долгу гражданина,
Я приспособлюсь ко всему!

Готов ходить во всяких бармах,
Кто палку взял — тот мой капрал.
Но — верьте: даже и в жандармах,
Я — либерал! Я — либерал!

1904

Рим

ПЕРВАЯ ЗАПОВЕДЬ

(Гимн Петру Николаевичу Дурново)

Он расцвел, подобно розе,
И сказал родной стране:
«Да не будут тебе бози
Инии разве мене!

Подражать маркизу Позе
Не способен я вполне,
Но — не будут тебе бози
Инии разве мене!

В государственном морозе
Натянул я нос «весне»:
Днесь не будут тебе бози
Инии разве мене!

Покорил я Русь под позы,
Будто витязь на войне,—
И не будут тебе бози
Инии разве мене!

Витте тащится в обозе,
Я ж гарцую на коне...
Нет! Не будут тебе бози
Инии разве мене!

Как хорош я в этой позе
Не приснится и во сне...
Верь: не будут тебе бози
Инии разве мене!

Шлю угрозу на угрозе
Сей и оной стороне:

Пусть не будут тебе бози
Инии разве мене!

Тех повешу на березе,
Этих вздерну на сосне...
Врешь! Не будут тебе бози
Инии разве мене!

Пулемет в огромной дозе —
Вот спасение казне!
Не помогут тебе бози
Инии разве мене!

Суд — в акимовском психозе,
Кремль — в дубасовском огне...
Да не будут тебе бози
Инии разве мене!

Пресса — в мертвенном гипнозе,
Как утопленник на дне...
Ну-ка, ну-ка! где вы, бози,
Инии разве мене?

Соберу я дани мнози —
Где овсом, где на зерне,—
Но заплатят тебе... бози
Инии разве мене!

Не свезти на целом возе,
Что проклятий слышно мне...
Всё ж — не будут тебе бози
Инии разве мене!

Чести больше и в навозе,
Смысла больше и во пне...
А не будут тебе бози
Инии разве мене!

Брань гремит в стихах и прозе
Даже всей моей родне,—
Но не будут тебе бози
Инии разве мене!»

Декабрь 1905 или январь 1906

**АКАФИСТ СМУТИТЕЛЮ НЕПОДОБНОМУ
СЕРГИЮ КАМЕННООСТРОВСКОМУ,
ВО ГРАФЕХ СУЩУ И СЛАВУ ВСЕЛЕНСКУЮ
ВЕЛЪМИ ПРИЯВШЕМУ, ГОСУДАРСТВЕННОЙ
МАГИИ ПРОФЕССОРУ, ВСЕГО ПЕТРОГРАДА
ОБЕР-КУВЫРКАТЕЛЮ И, ПРЕВОКУСНЫЯ КОЛЕНА
ТВОРЯЙ, ЦАРЕДВОРЦУ**

Коим похвальными венцы узавем смутителя? Плотию в Петербурзе суща, но циркулярно всех достигающа, всех предателя и отступника и всех скорбных заточителя и от всех сущих в бедах затворенное убежище, Российскаго бесчестия столпа, лицемерных поборника? Его же ради шатания, Дурново Россию разложи, вопий: позвольте выпороть вашу милость!

Курноса образом, всемирна суща плутовством, яви тебе бюрократическия твари создатель. Многорасходную бо широту беспрограммия твоего провидев, протяженносложенне Сергие, научи ны вопияти тебе сице:

Радуйся, конституции вилами на водах песнотворче!
Радуйся, мистификаторе, тебя же на свете несть горче!
Радуйся, царя многократны за глупый нос водивый!
Радуйся, демократов по тюрьмам и местам
отдаленным рассадивый!

Радуйся, клятвенных обещаний неисполнение!
 Радуйся, в честном слове своем произволение!
 Радуйся, публике очков втирание!
 Радуйся, к народным нуждам невнимание!
 Радуйся, отечественной прессы подкупательство!
 Радуйся, в иностранных корреспондентах искательство!
 Радуйся, возложивший Вильяма Стэда на лоно!
 Радуйся, пригласивший Луи Нодó и Диллона!
 Радуйся, лести торжество и над истиною издевательство!
 Радуйся, новоиспеченное сиятельство!
 Неподобный отче Сергие Каменноостровче,
 Радуйся!

Радуйся, сочинителю конституционного самодержавия,
Радуйся, жену свою приведший в православие!
Радуйся, в Портсмуте-граде врази японстии победивший!
Радуйся, Россию монопольною водкою спoiвший!
Радуйся, давший нам золотую валюту!
Радуйся, произведший Вуича в Скуратова Малюту!
Радуйся, отечества разорение велие!

Радуйся, французских и немецких рептилий веселие!
Радуйся, парижских банкиров надувательство!
Радуйся, новоиспеченное сиятельство!
Неподобный отче Сергие Каменноостровче,
Радуйся!

Радуйся, обещавший нам четыре свободы!
Радуйся, велевший сидеть у моря да ждать погоды!
Радуйся, како спасти Россию знающий!
Радуйся, секрета сего никому не открывающий!
Радуйся, на два фронта играние всегдашнее!
Радуйся, забвение сегодня про вчерашнее!
Радуйся, готовность лгать в ежеминутие!
Радуйся, Хлестакова за пояс заткнутие!
Радуйся, друзей своих и сотрудников предательство!
Радуйся, новоиспеченное сиятельство!
Неподобный отче Сергие Каменноостровче,
Радуйся!

Радуйся, доверия напрасное прошение,
Радуйся, доверия ни справа, ни слева неполучение!
Радуйся, Петра Николаевича Дурново возвышение!
Радуйся, административной ссылки воскрешение!
Радуйся, печати русской погашение,
Радуйся, студентов поношение,
Радуйся, гимназистов заушение,
Радуйся, просвещения истребление,
Радуйся, к черным сотням вожделение,
Радуйся, над мыслью русской надругательство!
Радуйся, новоиспеченное сиятельство!
Неподобный отче Сергие Каменноостровче,
Радуйся!

Радуйся, департамента полиции владычество,
Радуйся, Акимова во судах неприличество,
Радуйся, обожание Димитрия Трепова,
Радуйся, командировка Орлова Свирепаго,
Отправляемого ныне в поход заново.
Радуйся, дружбе Меллера и Алиханова,
Радуйся, Карангозова в Одессу ниспослание,
Радуйся, Дубасовым Москвы расстреляние,
Радуйся, сожжение сел и обывателей убийство,
Радуйся, Гурьева и прочих, елицы с ним, витийство,
Радуйся, купле продажного писательства!

Радуйся, новоиспеченное сиятельство,
Неподобный отче Сергие Каменноостровче,

Радуйся!

Радуйся, «Русского государства» поощрение,
Радуйся, с Сергеем Шараповым примирение,
Радуйся, с Манасевичем-Мануйловым яക്ഷание,
Радуйся, воров опора и честным людям мешание,
Радуйся, Василия Касперова протекция,
Радуйся, финансов русских вивисекция,
Радуйся, громождение обмана на обмане,
Радуйся, показание царю кукиша в кармане,
Радуйся, либерале, страхом свободы объятый,
Радуйся, низкопоклонниче пред Звездною палатой,
Радуйся, скрутивый в бараний рог обывательство.
Радуйся, новоиспеченное сиятельство!

Неподобный отче Сергие Каменноостровче,

Радуйся!

Радуйся, щедродавче «С.-Петербургского

телеграфного агентства»,

Радуйся, подложная рекламы совершенство,
Радуйся, научного невежества беспредельность,
Радуйся, ноздревщины неслыханная цельность,
Радуйся, таланте врать, о чем угодно, не зная скончания,
Радуйся, языкоблудства увенчание,
Радуйся, нарицаемый волшебником и магом,
Радуйся, Михайлу Кречинского оставивший за флагом,
Радуйся, хвостовилия направо и налево,
Радуйся, — с позволения сказать — министерская полудева,
Радуйся, великий мастер на все обстоятельства!
Радуйся, повоиспеченное сиятельство,

Неподобный отче Сергие Каменноостровче,

Радуйся!

Радуйся, Сахалина пополам разделение,

Радуйся, кредитов русских ущемление,

Радуйся, узаконение российского пианства,

Радуйся, кабаков премещение на уличный скандал

и буянство,

Радуйся, любителю хулиганския резвости,

Радуйся, учредителю «народных трезвости»,

Радуйся, насадителю православной морали кафешантанами,

Иде же несть болезнь и печаль, а только —

девки с канканами!

Радуйся, протекционных пошлин торжество
и превосходство!
Радуйся, промышленности русской повсеместное банкротство!
Радуйся, налогов, яко прессом, выжимательство!
Радуйся, новоиспеченное сиятельство,
Неподобный отче Сергие Каменноостровче,
Радуйся!

Радуйся, меценате российския лиры,
Радуйся, одеваяй пиит своих в лакейские мундиры,
Радуйся, Константина Константиновича глупостей
свидетелю,
Радуйся, академии без академиков радетелю,
Радуйся, из оной академии Максима Горького изгнание,
Радуйся, невежества геройство и приличия незнание!
Радуйся, охотниче снимать со всякой каши пенки!
Радуйся, получивый нос от Чехова и Короленки!
Радуйся, издателю газеты без подписчиков,
Радуйся, редакцию составивший из сыщиков!
Радуйся, предвидевший обжорство сей породы,
Радуйся, испросивший субсидию им на бутерброды,
Радуйся, миллиона народных денег в сей печи сожжение!
Радуйся, Гурьева любовь и Сигмы глубочайшее уважение,
Радуйся, Никольского восторг и Гурлянда обожательство!
Радуйся, новоиспеченное сиятельство,
Неподобный отче Сергие Каменноостровче,
Радуйся!

Радуйся, рабочих именующий «братцы»,
Радуйся, — бух в крлокол, не посморя в святцы!
Радуйся, одесских погромов научительство,
Радуйся, Богдановича оплата и покровительство,
Радуйся, Матюшенского и Гапона подстрекательство,
Радуйся, черных сотен пристанодержательство,
Радуйся, депутатов в сахарныя уста целующий,
Радуйся, о дне грядущем в ус себе не дующий!
Радуйся, охранителю — своей собственной шкуры!
Радуйся, изобретателю генерал-губернаторской цензуры!
Радуйся, над свободой слова издевательство!
Радуйся, новоиспеченное сиятельство,
Неподобный отче Сергие Каменноостровче,
Радуйся!

Радуйся, возлюбивший служебное бескорыстие,
Радуйся, учредивший мышеловку из амнистии!
Радуйся, чинов, наград и пенсий нехотение,
Радуйся, земель в Австрии и Пруссии приобретение!
Радуйся, Вильгельма II интимный друже,
Радуйся, курса направителю что день, то хуже!
Радуйся, прельщение Мещерского, охальника!
Радуйся, превращение Николая Второго в целовальника!
Радуйся, Государственной думы бессрочныя отсрочки!
Радуйся, рабочих обнищание до последней сорочки!
Радуйся, укрощение митингов и прочия мятежные орды,
Радуйся, отдавание выборов под кулак Держиморды,
Радуйся, забастовок и стачек победноборче,
Радуйся, конституции вилами на водах песнотворче!
Радуйся, до всего, тебе некасаемого, касательство!
Радуйся, новоиспеченное сиятельство,
Неподобный отче Сергие Каменноостровче,
Радуйся!

О преславный и пречудный Отче Сергие, витии суемудренныя нечестивых видим тобою посрамленные!!

Тимирязева бо хульника разделяющего правительство, и Толстого, смешающа министерскую троицу¹, препрел, нас же во ежовых рукавицах укрепил еси.

О, колика туга обдержит ны от стреляний дурновских и язвы терпеть ны есть мощно: пластыря приложить несть врача... Балмашев бо умре, и Карпович, иже министры воспитуяй, далече от нас!

Архистратига, великаго министра и храмины председателя Мариинской Сергия восхвалим: многи бо мужи погуби неправедно умрети имущия, и жительству российскому является с Дубасовым во сне, реша неправедное изречение. Прескверных же твоих деяний, яко песка морского и множества звезднаго, исчеши не могущи, недоумением объяти бывше, вопием ти: караул!! Егда же соблаговолиши покинути ны? Отпусти душу на покаяние!

*<19 февраля 1906>
Париж*

¹ Министр-отец — С. Ю. Витте, министр — с<укин> сын — П. Н. Дурново, и министр — плут простой — г. Акимов.

**СТИХИРЫ РОССИЙСКИЯ,
ИСПРАВЛЕННЫЯ И УСОВЕРШЕНСТВЕННЫЯ
ПО ЗАКОНУ СЕГО ВРЕМЕНИ**

1. СТИХИРА АДМИРАЛЬСКАЯ

Поется при спуске броненосцев, при осмотре портовых сооружений и приеме заказов, а равно при всяком высоко-торжественном происшествии по морскому ведомству, главным же образом — во дни тезоименитства и рождения его императорского высочества великого князя Алексея Александровича

Волною морскою
Крал еси древле:
На балетную,
На оперетную,
На всякую прочую девку скравше!

**2. СТИХИРА ГЕНЕРАЛЬСКАЯ,
ОНА ЖЕ КУРОПАТКИНСКАЯ**

Исполняется при встречах главнокомандующих и прочего генералитета, возвращающихся на родину с полей битв маньчжурских

Взбранный воевода отступительный,
Яко избавлен от побед!
Восписуют тя штабы твои, полководче!
Но, яко имущий команду всепобедимую,
От бед своих нас свободи, да поем ти:
Сгинь от нас, несчастье разнесчастное!

3. СТИХИРА ОБЫСКНАЯ

Се — жандарм грядет во полунощи,
И блажен муж, его же обрящет бдяща!
Кольми паче блаженна бдящая жена,
«Литературу» в печке сожегшая,
Шрифт и браунинги в реку спустившая,
Во сретенье жандарма чистосердце уготованная!
Не ворвется он к ней в спальню, гремя шпорами,

Не поднимет с постели полуголую,
Не покажет понятым тело белое.
Если треснет нагайкою, — не по нагим плечам,
Не поставит босыми ногами на холодный пол,
Не принудит в развращенном виде перед ним стоять,
На допросе неумытном ответ держать —
Во единой ночной рубашечке
Под открытою форточкою.
Лишь велит он у жены благоразумных
Понятым пошарить за пазухою,
Поискать крамолы под юбками —
Не таит ли умысла противу самодержавия, —
Да прикажет протокол подписать:
«Всем довольна, не имею претензии!»

4. СТИХИРА ИМПЕРАТОРСКАЯ¹

*Читается членами императорской фамилии ежедневно пред
отходом ко сну*

Отче наш! Хорошо, что еси на небеси,
А если бы ты был на земли,
То поселил бы тебя Вуич где-нибудь вдали,
Да исполнится воля Дурново,
И да приидет царствие его!
Заем в Европе даждь нам днесь,
Петру Николаевичу овса отвесь,
А народ пусть заплатит долги наши, —
Только не так, как мы платим кредиторам нашим!
Не подведи нас под покушение,
Но избави нас от Каляева!

5. СТИХИРА ИЗДАТЕЛЬСКАЯ

Воспою прокимен:
Акимов — злой скимен...
Суди ж меня, судия
Неправедный!!!

¹ Ранее, цензурного гонения для, печаталась jako «министерская»

6. СТИХИРА КРОНШТАДТСКАЯ

Исполняется на радениях иоаннитов и тому подобных празднествах российской юродивости, преимущественно же — во сретение преподобного отца протоиерея Иоанна Ильича Сергиева, от черных сотен суца, бабия пророка, блаженномздоимца, всих плутов и казеннотатей молитвенника и дреймадерного чудотворца.

Плуте тихий
Хмельная славы!
Близ тебя, священного,
Близ тебя, блаженного,
Жулик на мазурике
И вор на плуте!
Выведше тебе из тьмы на солнце,
Видевше свет газетный,
Ждем до конца
Еще немного,
Чтобы твои плутни прокурор накрыл!

7. СТИХИРА БУТЕРБРОДНАЯ

Поется хором пред редакционными завтраками сотрудников газеты «Русское государство»¹

Иже в девятый раз ассигновку Матюшенскому
написавый,
Иже Гапону-попу протекцию оказавый,
Иже Ушакова и Коренева возложивый на лоно,
Иже поощрявый Зубатова во время оно,
Вящаго провокаторства учредивый мытарства,—
Хвален еси, сочинший ны «Русское государство»!
Девять тысяч на завтраки,— что может быть слаще?
Воспишем же, братие, что — несть власти аще!
Девятьсот тысяч бюджета! — пляшите, зовите:
Слався сим, болярин, граф Сергей Юльевич Витте!

¹ За не столь праведною, сколь скаредною кончиною «Русского государства» и прекращением сопряженных с оным завтраков стихира сия временно вышла из употребления, но не без упования паки воскреснуть. А завтракают ныне в «России».

*Рекомендуются к умному чтению кандидатам в палачи пред
исполнением экзекуции¹*

8

Разбойника нечестиваго искал еси вотще,
Чтобы лейтенанта Шмидта повесити.
Разбойникам нечестивым, плююще, отказавшимся,
Милосердия пример явил еси, адмирале,
Четырьмя залпами Шмидта поразивый!
Двенадцатью пулями Шмидта пронзивый!
Молимся ти, разбойников устыждение,
Молимся ти, дисциплины насаждение:
Яко палачам неопытным, даруй нам свое научительство!

9

Аще и во гроб низвел еси бессмертных,
Но флотскую сокрушил еси силу
И остался на бобах — победитель,
Министерству телеграфируя: «Радуйтесь!
Лейтенант Шмидт и матросы расстреляны,
«Пантелеймон» и «Очаков» на дно пущены!
Разрешите утопить остальную флотилию,
С офицерством и с командами,
Дабы в эскадре Черноморской порядок был!»

10. СТИХИРА ТИМИРЯЗЕВСКАЯ

Чертог твой
Вижду, Витте мой²,
Но охоты не имам,
Да вниду в она

¹ Сия и следующая стихиры в честь выбывшаго из флотских списков адмирала Чухнина сохраняются в сем молитвослове исключительно на случай скорого открытия мощей означенного угодника, чудесами своими, уже при жизни своей, посрамившаго славу как Серафима Саровского, так и Феодосия Черниговского, и всех прочих собственноручных его величества чудотворцев.

² Обращение должно меняться соответственно имени того благочестивого вельможи, кой занимает пост министра-президента. Так, под игом г. Столыпина достойно и праведно есть воспевать: «Петя мой!»

Страшновато с твоим скопом
Сопрочислиться:
Никаким потом иссопом
Не очиститься!

*11. СТИХИРА ЖАНДАРМСКАЯ,
ИЛИ ОТВЕТСТВЕННЫЙ ВОПЛЬ НА ЗАПРОС
НАЧАЛЬСТВА О ПРЕВЫШЕНИИ ВЛАСТИ
И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ ОНОЮ*

Ваши превосходительства, услышьте нас!
Услышьте нас, ваши превосходительства!
Укорение Спиридоновой не женственное,
Яко обличила нас письмом,
Благоволите считать не существующим,
Да не подвергнемся суду!
Но трудам нашим в поощрение,—
Яко истязуемо девиц,
Не имеющих к началству почтения
И посягающих на государственный строй,—
Явите к нам велию милость,
Да не устршимся вовек!
При исполнении служебных обязанностей
Ни стыда у нас, ни совести, ни чести нет.
И не то еще творит наше усердие,
Да не все выходит на белый свет.
Рука руку моет, ваши превосходительства!
Ваши превосходительства, волк волка не ест!
Соизвольте положить милостивую резолюцию,
Да возликуем и процветем, яко сельний крин:
Представьте нас к денежной награде
С командировкою за границу на казенный счет,
Удостоите нас святыя Анны второй степени
И производства в следующий чин!

12. СТИХИРА БАЛЬНАЯ

*Исполняется на фестивалях гг. министров внутренних дел —
незадолго до переселения оных из мира земного
в мир небесный*

Давид играше,
Давид скакаше

Перед ковчегом
Веселыми погами.
Дурново играше,
Дурново скакаше
После расстрелов,
Перед гробами.
Министры не приехали,
Послы заболели,
Дамы не хотели:
Ох, бал, бал, бал!
Лучше б ты не бывал!
Без министров, без послов
Праздник все же был готов:
Гости наезжали
С усами, с усами,
Гостей угощали
Овсами, овсами.
Дурново увещевал,
Чтобы каждый ликовал:
Веселился, пристав!
Радуйся, подчасок!
Ходи живо, сыщик!
Шевелись, брандмейстер!
Воспляшите, дворники!
Танцуй, околоточный!
И не унывай, жандарм!!!

13. СТИХИРА БЕЗВЫХОДНАЯ

*С особенным чувством должна исполняться
молодыми людьми еврейского происхождения*

От юности моя
Мнози борют мя напасти:
В университет хотел бы я,
А меня сажают в части!
Мечтал я во время оно,
Что буду прилежный студент:
Ненавидящие Сиона
Подвели меня под «процент»!
Как поехал я в Питер из Бреста,
Сыщик в тот же уселся вагон.

Обязательны мне в месяц три ареста
И высылка — на каждый сезон.
О, когда б вы в моей шкуре побывали!
В году триста шестьдесят пять дней:
У меня обысков — меньше едва ли...
Я клянусь вам, как честный еврей!
Шарят, где револьверы, бомбарды:
Не хотят взять во внимание то,
Что давно уже снес я в ломбарды
Зонтик, брюки, шляпу и пальто!
Так меня ощупывают строго,
Будто в каждом пальце — по ножу,
Будто, лишь тряхни меня немного,
И тотчас я браунинг рожу!
Я знаком всем русским прокурорам,
Мне жандармов неизвестных нет,
Я живу в тюрьме иль под надзором,
По этапу исходил весь свет.
Записали меня, бедного, бундистом,
Увезли в Архангельск жить!
После — нет: признали сионистом, —
Переводят в Кадников тужить!
Каждый нерв истерзан, каждый атом!
С нашим братом счеты так просты:
 Записали социал-демократом —
 И отправили в «Кресты»!
А вчера я снова был утешен —
Мне сказал тюремный офицер:
«Вероятно, будешь ты повешен,
Яко социалист-революционер!»

14. СТИХИРА ЦАРСКАЯ

*Годится на каждый день, но с особенным чувством
исполняется в годовщину 9-го января*

Спаси, господи, люди твоя
И защити достояние твое
От нечестивейшего императора нашего
Николая Александровича,
Да твое не расстреляет
Под крестом твоим жительство!

15. СТИХИРА РОМАНОВСКАЯ,
БЛАГОДАРСТВЕННАЯ, ИЛИ ГИМН
ПРИЗНАТЕЛЬНОЙ РОССИИ ВО СЛАВУ ЕГО
ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА НИКОЛАЯ II
АЛЕКСАНДРОВИЧА, ИМПЕРАТОРА
ЦАРСКОСЕЛЬСКАГО, ЦАРЯ ПЕТЕРГОФСКОГО,
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ОХРАНСКАГО И ПР., ПР.,
И ВСЕЯ «ПОЛЯРНЫЯ ЗВЕЗДЫ» САМОДЕРЖЦА

Боже, царя стряхни!
Самодержавный,
Царь он — к позору, к позору нам!
Царь он — на смех врагам!
Злой, своенравный,
Глуп он — куда ни ткни!
Боже, царя стряхни!!!

⟨19 марта 1906⟩
Париж

БЛАГОДАРЮ!

*Романс литератора,
умиленного кадетским законопроектом о печати*

Я прочитал проект... Хоть он еще не в силе,
Но вижу хорошо грядущую зарю:
Всего лишь на пять лет меня вы засадили...
Благодарю!

Дождались мы цветов, дождемся, значит, ягод...
Российской власти впредь отнюдь не укорю:
По конституции за это — в крепость на год...
Благодарю!

В собрании умов, свободой знаменитых,
С почтеньем старину подьяческую зрю:
Вы честно сберегли суд при дверях закрытых...
Благодарю!

Священно сохранен порядок «диффамаций»,
Не допускающих сторон враждебных прю:
За то, что посрамлен уклад соседних наций,—
Благодарю!

В читальне у меня брошюрки очень прятки,
Но от жапдарма впредь шкафов не затворю:
Ведь риск теперь — всего три месяца

к отсидке...

Благодарю!

Прелестные статьи и чудо-параграфы
Я жадно проглотил — авось переварю!
Спасибо за тюрьму, особенно ж — за штрафы...

Благодарю!

Строжайшей логикой ваш кодекс лучезарный
Так полон, что — давай господь пономарю!
Пускай бранит его народ неблагодарный...

Благодарю!

Ах, злая клевета прилипчивей, чем клейстер!
В толпе гуляет слух, — его ли повторю? —
Что диктовал закон вам обер-полицмейстер...

Благодарю!

30 июня 1906

Париж

**РУССКИЕ В 1906 ГОДУ,
ИЛИ ПРЕКРАСНЫЙ КАДЕТ, ЗАКАЛЯЮЩИЙ СЕБЯ
НА АЛТАРЕ СВОЕГО ОТЕЧЕСТВА**

Нет, раньше чем что-либо провозглашать,
«кадеты» должны иметь власть в своих
руках. Только на таких условиях они мо-
гут взяться за образование министерства,
принести эту величайшую патриотичес-
кую жертву и выполнить высшую задачу,
возложенную на них историей.

«Речь». Статья А. С. Изгоева

Самоотверженны бывали люди встарь,
Но и теперь на этот счет мы быстры.
Прими меня, отчества алтарь!
Себя тебе я жертвую — в министры!

Когда-то пламя злобное сожгло
Длань Сцеволы при сборище немало.

Не хуже мы, и я, куда ни шло,
Согласен быть — российским генералом.

Любой кадет историей венчан
На подвиги... их список очень длинен!..
Когда я буду русский Ли Хун-чан,
То помните: пред вами — новый Минин!

Да, Минин я, но — возведенный в куб,
А может быть, в придачу и Пожарский:
Признался же, что я «не очень глуп»,
Язвительный писатель Луначарский.

Пусть клевета плетет паучью сеть!
Как патриот, утешу я парламент:
Коль не дадут мне ведомством вертеть,
Уж так и быть, возьму хоть департамент!

Возможно ль век свой в праздности прожить,
Став, так сказать, своей карьеры вором?
Готов по гроб я родине служить, —
Назначьте только обер-прокурором!

Держа в кармане каждом по шишу,
Я издаю неявственные звуки
И лишь тогда кой-что «провозглашу»,
Когда всю власть возьмут кадеты в руки!

Я подпишу, пожалуй, хоть контракт,
Что всех реформ я рыцарь и оратор,
Но требует сперва кадетский такт,
Чтобы я был — военный губернатор!

Ну, словом, так: отечество любя,
Не дрогну я ни пред какой напастью —
Спасу его, пожертвую себя..
Чур, только быть мне «предержащей властью».

*4 июля 1906
Париж*

ЗЛОВРЕДНЫЙ ПОЛКОВНИК И СПАСИТЕЛЬНЫЙ КОСТЕР

Петербургская баллада

По распоряжению морского министерства у слушателей Военно-морской академии был отобран учебник полковника Клада. Из учебника были вырезаны и сожжены страницы, заключавшие в себе критику некоторых деятелей русско-японской войны, а также проводившие взгляды на необходимость отстаивания своих мнений. После операции книга была возвращена слушателям.

«Киевская мысль», № 64

Споем мы на лад петербургской земли:
«Ой, ладо, ой ладушки-ладо!
В морском министерстве намерен сожгли
Учебник полковника Клада».
Почто же такой возгорелся костер,
Как призрак былых инквизиций?
Крамольный учебник был слишком остер
В разборе цусимских позиций.
Коварною ложью смущая умы,
Шептал он, с кивком на уронцы,
Что в битве тогда победили не мы,
А нас расчесали японцы.
Сплетая для внемлющих юношей¹ сеть,
Шипел он змеиным обманом,
Что надобно думать, сужденья иметь,
Не быть автоматом-болваном.
Но зоркая правда на хитрую ложь
Восстала с коробкою спичек,
И вырезал ложь из учебника пож,
И вспыхнули пачки страничек.
Безумный полковник! ты вник ли, когда
Преступное тлело тиснение,
Что паче ерунд всех твоих ерунда —
Отстаивать право на мнение?
Держи, коли велено, руки по швам,
Нам критиков даром не надо...
На лад министерский пропели мы вам:
«Ай, Клада! Ай, Кладушки-Клада!»

⟨1912⟩

¹ Каждому не менее 30 лет от роду.

ПОСЛАНИЕ КНЯЗЕВУ

*ПО ПОЛУЧЕНИИ КНИГИ
«ДВУНОГИЕ БЕЗ ПЕРЬЕВ»*

От всей души вам говорю:
Благодарю!
Принес мне множество утех
Ваш дельный смех!
Бесперых пошляков обезобразив,
Вот так и впредь
Хлещите их сплеча, Василий Князев,
На то и плеть!
Долой со всякой ряженой вороны
Павлинний пух!
Жаль, плетка не достанет до короны,
А то бы — ух!

⟨1914⟩

ЭПИГРАММЫ, ПАРОДИИ, АФОРИЗМЫ

1

Наш век — таинственный и пестрый маскарад, —
Такого не найти ни в песне нам, ни в сказке! —
Где ум давно надел дурачества наряд,
А глупость с важностью гуляет в умной маске!

2

Когда ты истинный поэт,
Твори без фанаберий,
Не издавай свой юный бред
И не пиши мистерий.

⟨1912⟩

〈ТРИ ПАРОДИИ〉

Изучаю экзотическую поэзию И. А. Бунина. Какой Бедкер пропадает в этом академике! Основными элементами и отличительными признаками его лирики являются: 1) опытное знание географии; 2) точка среди стиха и 3) рифмы, подбираемые к собственным именам и «путешественным» словам, труднейшим жупела и металла. Остальное прилагается к сим лейтмотивам, в зависимости от их течения, по мере надобности, в качестве приварка.

В таком роде:

Прочитан Бунин. Как тяжелый куль,
Причуды-рифмы волоклись и вязли.
Весной поет над розою буль-буль.
В Одессе есть миллионер Маразли.

Велик поэт. Созвучных скрипов царь,
Он важен, как Апубисова крипта.
Но «Энциклопедический словарь»
Необходим к сим таинствам Египта.

Или в таком:

Луны светло-зеленой вырез
Глядится в Нил. Под гнетом пирамид
Пустыне сонной грезится Озирис.
А за морем султан Абдул-Гамид
Под стражею, в крамольных Салониках,
Угрюмо числит старые грехи.
Мерцает Пинд. И Бунина стихи
Текут, журча о войнах Аниках.

Конечное же впечатление:

Ассаргадон свершил свою судьбу.
Скончался Кир, обременен грехами.
Но Вечный Дух создал Ивана Бу...
Да! Бунина, Ивана, — со стихами!

Затеял он, задумчиво-жесток,
Воспеть весь мир, от кондора до крысы.
И чтобы Кира этого в мешок
Убрать, — увы! — нет новой Томирисы!

ПЕСНЬ ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ НЕВИННОСТИ

(Музыка русских премьеров)

Прекращенье парламентской сессии
С соблюденьем законнейших форм —
Неужели же это — репрессии,
А не путь либеральных реформ?

Если рот закрываю всей прессе я
Иль тюремный готовлю ей корм —
Неужели же это — репрессии,
А не путь либеральных реформ?

Тяготеют к союзам профессии,
Но боюсь я партийности уз,
Неужели же это репрессии —
Наш «тюремный союзов союз»?

Если казни на нашем конгрессе я
Утверждаю порой без забот —
Неужели же это — репрессии,
А не путь к дарованью свобод?

Если люди весьма прогрессивные
Совершают «сибирский поход» —
Это меры едва ль репрессивные,
Но к свободам прямой переход.

Мы дела совершим богатырские,
Не сойдя с министерских платформ,
И да скроют равнины сибирские
Всех противников наших реформ!

Июль или август 1906

БЛАГОПОЛУЧНО

Все обстоит благополучно:
Посажен Эн,
Упрятан Зет,
Штрафуют оптом и поштучно
Без перемен
Тьму-темь газет.
Встает свободная наличность,
Отрадный рост
Довольно прост:
Его мамаша — Непрактичность,
Отец — Заем...
Но... тс... о нем!

Растут и множатся налоги,
Но им бедняк
Совсем не враг:
Он знает — их судили боги...
И казнокрад
Им тоже рад...
Объединенное дворянство
Нашло резон:
Без панталон
Жить дворянину — окаянство,
«А посему
Дать их ему!»

Все обстоит благополучно.
Средь разных сфер
Лишь ждут афер.
И Дума нудно, сонно, скучно
Бюджетов счет
Жует, жует...

Между 1907 и 1909

ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Русский человек всю жизнь
не может обойтись без полиции.

Из думской речи Курлова

Полиция в двадцатый век
У нас первой всего.

На свет рождается человек —
Она прежде всего.
Вступает в школу он иль в брак
Затеет торжество —
Но с нею связан каждый шаг,
Она первой всего.
Захочет книгу он прочесть —
Она прежде него.
В темницу он не хочет сесть —
Она ведет его.
Но, ох, всего не перечесть,
Не перечесть всего!
И вот к концу подходит век,
И смерти торжество
Не может справить человек
Без спутника сего.
Пусть он умрет — она всегда
Переживет его,
Она бессмертна, господа,
Бессмертнее всего!

Между 26 и 28 февраля 1909

ПЕРЕПЕВЫ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

(Музыка г.-м. Трепова)

Спи, младенец, год за годом,
Баюшки-баю;
Четырем твоим свободам
Я отходную спою.
Я писать указы стану
Твердою рукой,
Дам покой тебе, смутьяну:
«Со святыми упокой!»

Если мало эскадронов,
Слабо хлещет плеть, —
Для тебя я и патронов
Не хочу жалеть.

Приложу к тому все силы,
Чтоб создать покой:
Нет покойнее могилы,
«Со святыми упокой!»

Я из дядек буду старшим,
Вот тебе мой сказ,
И наклею над монаршим
Треповский указ:
Там — свобода «арестантам»,
Здесь — свободным крест, —
Разъясню манифестантам
Царский манифест.

Хороните павших с миром
Говорите речь, —
Ей в ответ, сливаясь с клиром,
Прогремит картечь.
Брызнет кровь, по ленте красной
Потечет рекой...
Спи, младенец мой прекрасный,
«Со святыми упокой!»

Я — порядка оборона,
Всюду озарю
Светом факелов Нерона
Конституции зарю.
Спи, дитя, под сводом склепов,
Нас не беспокой.
Пропоеет свободе Трепов:
«Со святыми упокой!»

Октябрь 1905

ЗАЕМ

(На мотив Бернса)

«Кто там стучится в поздний час?»
«Кто ж, как не я?» — сказал Коко.
«Не след бы вам тревожить нас».
«А почему?» — сказал Коко.
«Ведь вы уж слышали отказ?»
«Что ж из того?» — сказал Коко.

«И всё ж явились в третий раз?»
«Да хоть в шестой!» — сказал Коко.

«Тебе ведь только дай деньги...»
«Ну что же, дай...» — сказал Коко.
«Да ты и так кругом в долгу!»
«Уж это так!» — сказал Коко.
«Пожалуй, дам, но подо что?»
«Под Думу дай!» — сказал Коко.
«А деньги вам нужны на что?»
«На то да се», — сказал Коко.

«Вот то-то! Нужен пулемет?»
«Да и тюрьма», — сказал Коко.
«А место кто в тюрьме займет?»
«Увидим там», — сказал Коко.
«Засадишь Думу вашу, чай?»
«Коль что не так», — сказал Коко.
«Ну, ладно, деньги получай».
«Давно бы так!» — сказал Коко.

«Вот только мне беда с молвой!»
«Что нам молва!» — сказал Коко.
«Оно, положим, не впервой».
«И это так», — сказал Коко.
«Стрекочет пресса-егоза».
«Пугни ее», — сказал Коко.
«Пожалуй, плюнет мне в глаза?»
«Утрись, как мы», — сказал Коко.

Начало 1906

АРИЯ РЕДАКТОРА

(Перед судебным разбирательством. Ор. 129)

Куда, куда вы удалились,
Товарищи моей весны?
Одни — в тюрьму переселились,
Другими — деньги внесены.

Что суд грядущий нам готовит?
Его мой взор напрасно ловит.
В судебной мгле таится он.

Нет нýжды: прав иль нет закон?
Сражен ли я — под стражу взятый,
В тюрьме влачащий житие —
Статьею сто двадцать девятой,
Иль гибну по иной статье, —
Отсюда, из «приюта неги»,
Мне путь один — в снега Пинеги.

Заутра купят две столицы
Лишь «Время новое» и «День».
А я с газетой — я темницы
Сойду в таинственную сень,
И судопроизводства Лета
Поглотит нас с тобой газета,
И опечатают листы...
Читатель мой, придешь ли ты
На свежий холм литературный —
Сказать: винимый в массе дел,
Из-за меня в тюрьме сидел
Он на рассвете¹ жизни бурной.
Читатель мой, в такие дни
Добром Кобеку помяни!

⟨8 января 1906⟩

К ФЕМИДЕ

«Матушка-Фемидушка,
Что сидишь невесело?
На тебя, Фемидушка,
У людей обидушка:
Аль кого повесила?
Аль неладно взвесила?»

«...У меня, родименький,
Свет мой подсудименький,
На случаи всякие
Есть весы троякие:
Для Петра, для Якова,
Для иного всякого».

¹ Можно на закате.

«Как же так, Фемидушка,
Тут и впрямь обидушка:
За одно деяние — Разно воздаяние?»

«У меня, родименький,
Свет мой подсудименький, —
Нервные явления,
Так сказать, «давления».
Нелады ли с шумною
Нашей Думой думною,
Струйка ль родовитая,
Песня ль щеголовитая —
Всем я проникаюся,
Чутко откликаюся!
Тех, за душу милую,
Я, глядишь, помилую,
С тех возьму рублевики,
Звонкие целковики,
А иных — для крепости —
Я упрячу в крепости!»

Апрель 1907

ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ СХОДСТВА

Генералы и хулиганы — отличаются.
Иконы и чины — почитаются.
Тоска и Дума — разгоняются.
Ученики и пальто — порются.
Преступники и адвокаты — ссылаются.
Пуришкевич и палки — ломаются.
Октябрист и мельница — мелют.
Министры и дураки — рождаются.
Попы и кабатчики — молятся.
Безумцы и лампы — вешаются.
Люди и печи — топятся.
Свобода и мясо — душатся.
Журналы и двери — закрываются.
Пьесы и потолки — проваливаются.

⟨1908⟩

КАК БУДТО ИЗ ГЕЙНЕ

На севере диком сосна одиноко
На голой вершине стоит...
В тюрьме за решеткой редактор печальный
На голой скамейке сидит.

И думает он о свободе прекрасной,
Что скоро ли к бедным придет,
А выйдет, то снова его оштрафуют,
И вновь он в тюрьму попадет.

⟨1908⟩

НЕ ПОЙМУ

Не пойму я: люди плачут,
А о чем?
Шубы нет — гуляй свободно
Нагишом...
Солнца нет, тебе бесплатно
Бог дает...
А начальство опекает,
Бережет.
Если хочешь быть горбатым —
Работай,
Быть отечеству полезен —
Выпивай.
А что хлеба нет, землицы —
Не беда,
В земском складе есть в запасе
Лебеда.
Так о чем же в мире плачет
Весь народ?
Иль он благостей господних
Не поймет?
Если б я был властелином —
Повелел,
Чтоб никто на небо даром
Не глядел.
Чтоб никто бесплатно воздух
Не вдыхал
И весною пенье пташек
Не слышал,
А землю б всю распродал
На вершки...
Вот тогда бы поплясали
Бедняки!

〈1909〉

ПОСТНИК

Постится Мироныч;
На брюхе, блистая,
Играет на солнышке
Цепь золотая.

Постится Мироныч;
В кармане ж не пусто,
И волосы смазаны
Маслицем густо.
Постится Мироныч,
Не ест и не пьет.
В амбаре ж рабочих
Считает за скот.
Постится Мироныч
И молится богу...
Ругается в лавке
И грубо и строго.
Постится Мироныч
И с маслом — ни-ни...
Надут же — надует
И в постные дни!..
Постится Мироныч
И ласков с попом,
А бедных на книжку
Снабжает гнильем...
Постится Мироныч
И свечи всё жжет,
И думает: как бы
Умножить доход?
Постится Мироныч,
Свершая мольбу,
А как ответит,
Бог даст, и в трубу...
Постится Мироныч,
Вздыхает, кряхтит,
А цепь золотая
На брюхе блестит.

〈1910〉

ДИАЛОГ

Мужичок в затылке чешет:
«Брешешь, барин, ой, как брешешь
В этой Думе про народ!
Ведь найдет же на урода!
Аль не видел он народа
Никогда, что этак врет?..»
И промолвил гневно барин:
«Должен быть мне благодарен,
За тебя я здесь стою,
Для тебя ввожу порядки...
Не тебе ль, надев перчатки,
Даже руку подаю?»

⟨1911⟩

БЕСПЕЧАЛЬНОЕ ЖИТЬЕ

Два больших запроса,
Триста два доноса,
Сотен пять протестов,
Тысячи арестов,
Много беззаботных,
Масса безработных,
Миллион голодных,
Круглый ноль свободных,
Тьмы безумно пьющих,
Ничего не ждущих, —
Всякого спроси:
Славно на Руси!

⟨1911⟩

НА ДАЧЕ

Открыв на даче настежь окна,
Следите облаков волокна,
Любуйтесь травкой изумрудной,
Забыв о жизни вашей нудной.
Вон жук навозный исполинский, —
Куда он чище, чем Шубинский!
Вот муравей. Рабочий, видно,
И на свободе... Не завидно?
Вот светлячок, он полон светом,
Но в «списках» нет его при этом!
Глядите, там растут поганки, —
Они милей мне, чем Родзянки;
Ей-ей, их дружное семейство
Совсем живет без фарисейства...
А этот воздух, вешний воздух,
Дающий легким сладкий роздых,
Зовущий в лес, в зеленом шуме
Забуть о третьей нашей думе!

〈1911〉

ПАНТЕЛЕЙ

Мужичок Пантелей,
Ты господ пожалей,
Посмотри, как изводятся бедные:
Всё хотят доказать,
Что тебе голодать
Элементы советуют вредные...
Что любой недород
Только пользу дает, —
Рожь в цене в эти дни поднимается,
И, сбывая зерно
Не спеша и умно,
Наш крестьянин при том наживается...
Что, нажив на зерне,
Он доволен вполне, —
Ведь с деньгами — пируй хоть до ноченьки...
Не стони же, чудак,
Не ворчи натошак:

«Голодать, дескать, нет больше моченьки!»
Пантелей-мужичок
Пред иконою лег,
Белый саван надел для опрятности...
Мужичок Пантелей,
Ты господ пожалеи,—
Ты помрешь, а ведь им — неприятности!!!
<1912>

ВЕСЕННИЙ МОТИВ

Накануне расцвета природы
Я чего-то томительно жду...
Не свободы, о шпик, не свободы,—
О свободе молчу и в бреду...
О, я знаю, свобода опасна,
Мы для благ ее не доросли...
Но весною так солнышко ясно,
Так красива поверхность земли,
Ручейки так шумят без стеснения,
Так лепечет свободно листва...
(Для сравнения, о шпик, для сравнения,—
Быть свободной не может трава!)
Птичек хоры поют без указки,
Не боится тюрьмы лунный свет...
(Вы нахмурились, шпик?) Только ласки,
Женской ласки ждет глупый поэт!
<1912>

РАЗГОВОР С АНГЛИЧАНИНОМ

Фантазия

Англичанин-чудак, изучивши весь мир,
К нам приехал в студеную пору.
Показали ему — и расшитый мундир,
И красавиц, приятных столь взору;
Показали собор, галереи, дворцы,
Показали, как пьют россияне,
Показали, как врут в Петербурге льстецы...
«Ну, а где же, скажите, крестьяне?»

Где, джентльмены, народ? Ведь не может же быть
Государство совсем без народа?»
«Ах, народ?! Здесь не хочет он жить,
Он живет в полосе недорода.
О, милорд! Наш народ самобытен вполне,
Он таится в глуши деревенок...
Но как любит он нас! Жаждет даже во сне
Нам доставить сюда больше денег!
Он ведь постник большой, соблюдает посты
И соблазн видит в днях урожая.
Он подвижник! Весь век он питает мечты
Жить в глуши, свою плоть убивая...»
«О, да это, джентльмены, феномен народ!
Покажите, пускай позабавит...»
«Можно, можно, милорд! И двух дней
не пройдет,
Как его к нам урядник доставит...»
Англичанин-чудак на себя не похож,
Весь от радости ярко сияет.
Всё увидит: красавиц, и пышных вельмож,
И народ, что, постясь, голодает...

1912

ГОСПОДИН РЕНЕГАТОВ

В Четвертую думу попасть
Решил господин Ренегатов.
«Хотя и отсутствует власть
У русских пока депутатов,
Но все же приятно весьма
Носить депутатское званье!..
И много ли нужно ума,
Чтоб шансы иметь на избранье?!»

Пошел Ренегатов сперва
К высокой особе с поклоном,
Там льстивые сыпал слова
Чарующе-ласковым тоном:
«Ваш-ство, я пришел попросить
Поддержки... Обласкан сизмальства,
Хотел бы, ваш-ство, послужить
И в Думе я... видам начальства!..»

Затем он пошел к вожакам
Особенно взысканных партий:
«Я знаю, что нужен я вам
Для ваших предвыборных хартий!
Со мною вступайте вы в блок
Своим назревающим блоком,
Чтоб съест избиратель не мог
Все чаянья ваши наскоком!»

Гуляет, высоко задрав
Свой нос, господин Ренегатов...
А что, если вдруг он да прав —
И будет в числе депутатов?!

1912

ВСЕРОССИЙСКИЙ КУПЕЦ

Страшной германца и австрийца
(Их победим мы наконец!)
Наш всероссийский кровопийца,
Стыда не знающий купец!
Взрастив у нас дороговизну,
Врагу принес он лучший дар...
Он, мнится, продал бы Отчизну,
Когда б была она — товар.

⟨1916⟩

ЭПИГРАММЫ НА III ДУМУ

1

Хоть умерла, — похвал ни слова!
Народ с правительством не сблизил...
Возвысив странного Гучкова,
Россию всю она унизила.

2

Увы, без всяких междометий
(И междометье ведь карается!)

Стыдились все мы Думы третьей,
Где было право попираемо!

1912

*ИЗ ЦИКЛА «ЭПИГРАММЫ»
ПРЕДВЫБОРНОЕ*

1

Нам предлагают всем кутью...
И обыватель этим пронят,
«Чьему конец житью-бытью?
Не конституцию ль хоронят?!»

2

В Ревеле сооружают военный порт.

Каков бы ни был спор там,
Но вывод мой таков:
Россия будет с портом,
Хотя и без... портов.

Июль 1912

НЕЦЕНЗУРНАЯ МЕБЕЛЬ

О мебели писать цензурно или нет?
Ведь мысль о мебели — что может быть безвредней?
А напиши-ка: «Этот кабинет
Во многом схож, по-моему, с передней!!!»

⟨1916⟩

М. ГОРЬКИЙ

〈СТИХИ ПОЭТА СМЕРТЯШКИНА ИЗ «РУССКИХ СКАЗОК»〉

1

Бьют тебя по шее или в лоб —
Все равно ты ляжешь в темный гроб...
Честный человек ты иль прохвост —
Все-таки оттащат на погост...
Правду ли ты скажешь иль соврешь —
Это все едино: ты умрешь!..

2

Нас ежедневно жизнь разит,
Нам отовсюду смерть грозит!
Со всяких точек зрения —
Мы только жертвы тления!

3

Чу, смерть стучит рукою честной
По крышке гроба, точно в бубен!..
Я слышу зов ее так ясно
Сквозь пошлый хаос скучных буден.

Жизнь спорит с нею — лживым кличем,
Зовет людей к своим обманам,
Но мы с тобой не увеличим
Число рабов, плененных ею!

Нас не подкупишь ложью сладкой,
Ведь знаем мы с тобою оба:
Жизнь — только миг, больной и краткий,
А смысл ее — под крышкой гроба!

Что такое наше «я»,
 Смертная моя?
 Нет его иль есть оно —
 Это все равно!
 Будь активна, будь инертна —
 Все равно, ты не бессмертна!

В жизни мы — как будто на вокзале
 Пред отъездом в темный мир загробный...
 Чем вы меньше чемоданов взяли,
 Тем для вас и легче, и удобней!

Будем жить бессмысленно и просто!
 Будь пустым, тогда и будешь чистым.
 Краток путь от люльки до погоста!
 Служит Смерть для жизни машинистом!..

Всюду жирный трупный запах
 Смерть над миром пролила.
 Жизнь ее в когтистых лапах,
 Как овца в когтях орла.

Маленькая девочка ходит среди сада,
 Беленькая ручка дерзко рвет цветы...
 Маленькая девочка, рвать цветы не надо,
 Ведь они такие же хорошие, как ты!

Маленькая девочка! Черная, немая,
 За тобою следом тихо смерть идет,
 Ты к земле наклонишься, косу поднимая,—
 Смерть оскалит зубы и — смеется, ждет...

Маленькая девочка! Смерть и ты — как сестры;
 Ты ненужно губишь яркие цветы,
 А она косою острой — вечно острой!—
 Убивает деток, вот таких, как ты...

Долго, сладостно и ярко
 На земле мы любим жить,
 Но придет однажды парка
 И обрежет жизни нить!

Обсудивши этот случай
 Не спеша, со всех сторон,
 Предлагаем самый лучший
 Матерьял для похорон!

Всё у нас вполне блестяще,
 Не истерто, не старо:
 Заходите же почаще
 В наше «Новое бюро»!

*Могильная, 16
 1912*

ЭПИГРАММЫ

〈НА Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО〉

О господи! Помилуй нас!
 Здесь в настроении игривом
 Заехал Митя на Парнас
 С фрегатом и локомотивом!

Он ради вящего комизма
 Здесь мистицизмом накурил,
 И храбро в бездне пантеизма
 Он здесь смысл здравый уморил.

Между 1892 и 1896

Смертный, входящий в Самару с надеждой в ней встретить
 культуру
 Вспять возвратися, зане город сей груб и убог.

Ценят здесь только скотов, знают цены на сало и шкуру,
Но не умеют ценить к высшему в жизни дорог.

1895

* * *

Сквозь железные решетки
С неба в окна смотрят звезды...
Ах! В России даже звезды
Смотрят с неба сквозь решетки.

1901

А. А. РАДАКОВ

ЭВОЛЮЦИЯ

В 25 ЛЕТ

Вперед без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я!

В 35 ЛЕТ

Вперед без страха, и сомненья
Пусть не смущают вас, друзья!
Хотя порой от пресечения
С овчинку небо вижу я.

В 45 ЛЕТ

Вперед со страхом, полн сомненья,
Гляжу и думаю, друзья:
Противно грубое сечение,
Но в легком вижу пользу я!

В 55 ЛЕТ

Вперед! Ни страха, ни сомненья
Власть не должна иметь, друзья!
Искоренять без сожаленья —
Вот в чем спасенье вижу я!

⟨1908⟩

Ответствуй, гражданин, могла б стоять вселенна,
Когда бы человек умом не сознавал,

Что «собственность для всех всегда священна»?

Нет — шар земной тогда бы вор украл!

Ответствуй, гражданин, могла б стоять вселенна,
Когда б полиция преступный элемент

По тюрьмам не сажала каждоденно?

Нет, — утонул бы мир в крови в один момент!

И если у тебя к законности привычка

В душе крепка и ты не идиот,

Ты не подумашь, что жалкая отмычка,

Хотя б английская, пробьет закона свод.

И если ты не слеп, и если видят очи

И утра яркий свет, и сумрак тихий ночи,

Ужели скажешь ты, что жулика фонарь

Затмит свет истины?.. Алтарь — всегда алтарь!

Скажите мне вы, нежные супруги,

Когда, довольные, идете вы в постель,

А за окном беснуется метель,

Вы думали ль о том, кто там, под флером вьюги,

Стоит один, уставя на панель

Свой кроткий взор, борясь со сном злодейским?

Вы думали ль, что вы хранимы полицейским?!

А вы, любители валют, процентов, рент,

Кому стук счет милей, чем кастаньеты, —

Вы думали ль о том, что к вам в любой момент

Ворваться могут те, кто обществом отпеты,

Что вашей кассы сталь соломой станет ломкой

Пред их отмычкою, стамескою и фомкой?!

О, если думали, то заклинаю вас,

Не собирайтесь там, где не нужно, скопом!

Для каждого найдется свой указ:

Дворянам — барское, холопское — холопам.

Ее удел все знать и превратить сумеь

Преступных в честных, буйных — в чинных...

Уловлен ты в ее живую сеть,

Живи спокойной жизнью душ невинных.
Читай цензурное, люби и будь любим,
И сладок для тебя отчизны станет дым.

⟨1912⟩

ЖИРНЫЙ

Ни за какие сокровища Голконды
Ты не купишь вдохновения,
Жирный дядя! Ведь для тебя фонды,
Биржевые фонды — высшее откровение!

Для тебя, кроме пользы, — нет в жизни сути.
Тебе говорит море — о пудах соленой рыбы,
Пáры влюбленных — о дороговизне ртути,
О фабриках и металлах — горные глыбы.

Для тебя твое брюхо — центр вселенной,
Солнце имеет честь над ним подниматься.
Звери, птицы, рыбы — жратвой отменной
Только и мечтают в твое брюхо пробраться!

Я, чердачный поэт, лучше откажусь от мира,
От стихов, лучше все несчастья приемлю,
Чем видеть, как эти тупые комья жира
Поганят нашу святую землю!

Эх! Натопить бы из этих дядь сала
Да сделать свечу до небес высоту,
Чтобы она ночью ярким маяком сияла
Над нашей мирно спящей землею.

Чтобы и ночью читали мое стихотворение,
И в тиши мансард, и в вихре шумов пирных...
Чтобы и ночью проклинали терпение
Слабых душ — так долго терпевших жирных!

⟨1915⟩

ПЕЧАТЬ

«Речь», и «Колокол», и «День»
Стали очень хмуры.
Всё на свете дребедень,
Окромя цензуры.

«Нам не нужен вовсе смысл,
Было б лишь цензурно.
Жил же раньше Гостомысл
Без газет недурно!»

⟨1915⟩

САТИРИКОН

Как страшен умный Дон Кихот!
Как страшен глупый Санчо Панса!
Я против них иду в поход
В порыве бешеного транса!

Под гнетом цензорских цепей
Не стал я все же хамски кроток,
И я Тобосских Дульциней
Не превращал ни в чьих кокоток!

Мой Россинант покорно нес
Меня к врагам, узде послушен;
Он никогда не ел овес
Превосходительских конюшен.

Я сильным мира не слуга,
Из власти их не делал бога,
И никогда моя нога
Не обивала их порога!

Я знаю — умный Дон Кихот,
В кредит настроив мельниц всюду,
В поход на них идет, и жжет,
И за страховку тянет ссуду.

⟨1916⟩

КОНЕК-СКАКУНОК

(Русская сказка)

Часть первая

Сказка «Конек-Скакунок» стилизована под известного «Конька-Горбунка» П. П. Ершова, однако содержание ее, самобытное и оригинальное, обусловлено событиями революционной эпохи 1905 года. В первой части ведется рассказ о крестьянине Даниле и трех его сыновьях: старшем Гавриле, «умном мужике», среднем сыне, ушедшем в солдаты, и младшем Иванушке-дурачке. Как и в сказке «Конек-горбунок», неожиданно в мирное житее семьи ворвалось горе: злой вор по ночам стал топтать пшеницу на поле Данилы. Изловил злого врага, златогривого Коня, не умный детина Гаврила, а Иван-дурак, отпустил его на волю, а взамен получил Конька-Скакунка. Не стерпел этого завистливый старший брат, выкрал Конька да и продал его за пять тысяч. Только вернулся Скакунок все же к Ивану и долго еще служил ему верой и правдой. Вскоре приключился в краю том неурожай, нечем стало платить подати государю-батюшке; тут-то и хлебнул народ горяшка.

.....
Время шло, а не стояло,
И воды уже немало
Убежало в сине море, —
И случись в том царстве горе:
Не родилось вовсе ржицы,
Ни картошки, ни пшеницы.
Тут не то что продавать —
Самим нечего жевать.
С голодухи мужики
Свищут громко в кулаки.
Да начальству дела нет,
Есть иль нет у них обед:
Урожай, неурожай —
Царю подати подай.

Вот на троечке на быстрой
Становой несется пристав.
И урядничек катит,
Громким голосом кричит.
Тут и земский сам начальник,
Деревенских бед печальник.
С ним сидит письмоводитель,
Удивительный грабитель.
А за ними казачки —
Всё донские мужички —
Слома голову летят
Да нагайками грозят.
Собралась эта рать
Царю подати собирать.
На деревню прилетели,
Сход собрать скорей велели.

Говорит тогда Данила:
«Ваня, сбегай до Гаврилы:
Дай, мол, нам рублишек пять,
Недоимку с шеи снять».
Парень выскочил из хаты
И бегом пустился к брату.
Он застал Гаврилу в лавке.
Тот баланцы на прилавке
В счетной книге подводил
И с утра не в духе был.
Он Ивана грубо встретил
И на «здравствуй» не ответил.
«Вы с отцом-то больно ловки.
У меня такой сноровки
Нет, чтоб деньги зря давать,—
Нелегко их добывать.
Кабы меньше вы гуляли,
Да начальство почитали,
Да ходили б в церковь божью,—
Вот и были бы вы с рожью».
Тут Иван купца прервал:
«Брат, ведь ты Конька украл».
Разобиделся Гаврила,
Закричал что было силы:
«Ишь, такой-сякой болван,
Неотесанный мужлан!

Поднимать пришел здесь шум?
У меня урядник кум:
Вот стащу тебя в расправу —
Угостят тебя на славу,
Всыпят, сколько захочу,
Да и сам поколочу, —
Позабудешь, как ругаться!» —
И полез уж было драться;
Вспомня ж братнину ухватку,
Не решился с ним на схватку.

На деревне ж становой,
Словно лютый пес цепной,
Со дворов уводит скот,
За бесценок продает,
Сам же все крестьян пушит
И всех выпороть грозит.
А Данила, старик дюжий,
Не сробел; да он к тому же
Ходил в старостах в тот год.
Выступает он вперед
И такую речь ведет:
«Не дери ты, пристав, нос!
Ведь и сам ты знаешь, чай,
Что у нас неурожай,
Ты б царю о том донес.
Царь, узнав то, может быть,
Велит подать с нас сложить.
Ведь ему большой доход
И без подати идет.
Я те/дело говорю.
Напиши-ка ты царю:
Дескать, есть мужик Данила;
Сорок лет он через силу
На тебя, мол, работал,
Дани-подати справлял;
Нынче ж выбился из сил,
Почитай, что все прожил, —
Ходит в праздник без сапог,
Ждет, чтоб ты ему помог, —
Потерпи с него оброк:
Он отдаст тебе, мол, в срок!»
Пристав пуще взбеленился,

Чуть слюной не подавился:
«Ах, такой-сякой старик,
Сицилист и бунтовщик!
Вздумал ты царя учить,
Чертов сын, собачья сыть!»
Налетел на мужика,
Тычет он ему в бока,
Заезжает в ус и в рыло.
Тут и земский подскочил,
В шею тож ему хватил.
Заартачился Данила:
«Не извольте, барин, драться!»
«А, так ты и огрызаться!»
Ну-ка, стражники!»

«Ребята!

Сын мой тож пошел в солдаты,—
Говорит солдатам дед,—
А у вас отцов аль нет?»
Сперва стражники замялись,
Деда бить поопасались;
Да их земский подбодрил:
«Сын у деда, точно, был,
Да давно на службу взят.
Бравый он теперь солдат,
Тоже учит мужиков,
Вот таких же дураков».
Отлупили старика.
Чешет он свои бока
Да в избу к себе спешит,
Сам с собою говорит:
«Хоть до нитки разорюсь,
А до правды доберусь».
Возвратился той порой
И Иванушка домой.
Дед к нему:

«Ну, брат Иван,
Надевай-ка синь кафтан,
Отправляйся в град-столицу,
Отыщи царя-царицу
Да подай ты им прошение:
Мол, большое утеснение
От царевых воевод
В деревнях мужик несет».

Часть вторая

повествует о том, как Иван отправился на коньке в престольный град, чтобы подать прошение самому царю, так как не верили мужики, будто знает он об их бедах. Заканчивается глава крестьянским бунтом и расстрелами.

.
Вдруг пред Ванею палаты.
У ворот стоят солдаты,
В портупях, в тесаках,
Держат ружьица в руках.
Да Ивану что за дело?
Мимо них идет он смело.
«Эй, куда ты прешь, болван?» —
Удивился мой Иван,
Стал и смотрит на солдата.
«А не здесь царева хата?
Ты, служивый, не кричи,
Лучше толком научи,
Как бы мне найти царя?»
«Что ты, дурень, мелешь зря?
Али ты напился пьян,
Неотесанный мужлан?
Проходи! а то как раз
Накладу тебе сейчас!»
Почесал Иван затылок
И, хоть был он нравом пылок,
В спор напрасный не вступил,
От хором поворотил.

Вот на площадь он выходит.
Тьма по ней народу бродит.
Только мало из господ,
Больше всё простой народ.
Все Ивану незнакомы.
Дурачок к тому, к другому:
«Что такое тут, земляк?»
Отвечают: «Так и так.
Мы простые мужики,
От крестьянства ходоки;
Пришлелись сюда гужом
Бить царю-отцу челом.
Нас послал сюда народ:

От царевых воевод
Вовсе нам житья не стало.
Нас и земские дерут,
Становые в дугу гнут...
А землишки больно мало:
Негде курицу пустить, —
Где ж нам подать уплатить!
Хоть сиди да волком вой,
Коль не в прорубь головой.
А на фабрику пойдешь,
Так работы не найдешь.
Да и там, слышь, обижают,
Всё штрафами донимают.
Правды мы пришли искать,
Земли-воли добывать.
Глянь-ко вон на тот конец:
Государев там дворец.
Царь сейчас опочивает,
А проснется да узнает,
К нам он выйдет на крылец,
Нас послушает, отец».

Как во городе столичном,
Во дворце живет отличном
Царь страны той Берендей
(Под ним двадцать пять царей).
С ним живут и две царицы,
Две заморские девицы:
Берендея мать — одна,
А другая-то — жена.
Еще есть у них приплод —
Сын-наследничек растет.
Все живут который год
Без печали, без забот,
Сладки вина попивают,
Виноградом заедают.
На готовом царь живет,
И идет ему доход:
Получает он зараз
Сорок тысяч рублей в час.
Не берет совсем бумажек —
Ни рублевок, ни сотняжек, —
А берет он только злато
(Знать, страна его богата),

Корабли им нагружает,
В банк за море отправляет.

В этом царстве есть преданье,
Что в тот день, как на престол
Своих предков царь взошел,
Ему было предсказанье:
Девять лет он в тишине
Будет царствовать в стране,
На десятом же году
Повстречает он беду.
А как раз десятый год
Его царству настает.
Мудрено ль, что Берендей
Стал ночей недосыпать
И с супругою своею
Поздно ложе покидать.

Было так и в этот раз.
Не успел продрать он глаз,
Как вдруг слышит донесенье:
«Царь, в столице возмущенье...
На дворец толпа идет,—
Правды требует народ».
Царь как скатерть побледнел,
На чердак бежать хотел.
Заметалася царица,
Как подстреленная птица:
«Ахти, батюшка, беда!
Что нам делать, господа?»
Глядь, дворцовый воевода
Им кричит уже от входа:
«Ты не бойся, наш властитель!
Не возьмут твою обитель:
Я на тех бунтовщиков
Приготовил казаков
Да поставил за ворота
Роту гвардии-пехоты».
Посмелел тут царь немножко,
Глянул он в свое окошко.
В самом деле, у сеней
Стоит множество людей,—
Всё простые мужики,
В полушубках вахлаки.

Если б всех их сосчитать,
Набралось бы тысяч с пять,
А пожалуй, что и боле,—
И кричат: «Земли и воли!»

Берендей глазком мигнул,
Белой ручкой шевельнул —
Налетели гайдуки
И донские казаки,
С криком врезались в народ.
Казак плеточкой сечет,
Конь его зубами рвет.
От казачьих тех наград
Врассыпную стар и млад.
А один казак Ивану
Задал сабелькою рану.
Да Иван не растерялся:
В руки шест ему попался,
Вот и стал он тем шестом
Поворачивать кругом.
Шест попался ему в руки,—
Берегитесь, казаки!
В одну сторону махнет —
Целу улицу метет,—
А в другую отвернет —
Переулочек кладет.
Казаки тут отступали
И Ивана пропускали.
Кое-кто еще за ним
Вышел с поля невредим.
Да немногие успели
Без увечья убежать.
Вскоре ружья загревели:
Царь велел в народ стрелять.
Час, не больше, пролетел —
Навалили груду тел.

Заиграл рожок отбой,
Войско тронулось домой;
Царь с крыльца к нему сходил
И работу похвалил:
«Ой, гвардейцы и донцы,
Вы, ребята, молодцы!»

Всем поднес по рюмке водки,
На закуску дал селедки.

А по площади потом
Всё дозор ходил кругом:
Лужи крови всё искали
Да песочком засыпали.

Вот прошло деньков немало,
И, очухавшись, народ
Вновь собираться стал на сход.
Многих душ недоставало.
Тот на кладбище лежал,
Тот в больнице умирал,
А иной попал в острог
И кормил там царских блох.

Крик пошел, как на базаре:
«Виноваты-де бояре.
Кто не знает? — с давних пор
Ими полон царский двор.
Их проклятая порода
Обижает мужиков,
Берендей же для народа
С шеи крест отдать готов.
Коли б он про все мог знать,
Вышла б тут иная статья».
Час и два галдит народ,
Дело все на лад нейдет.
Кто кричит: без промедленья
Настрочить царю прошение;
Кто советует опять
Ходоков к нему послать...
Был на сходе и Иван
(Излечился он от ран).
Слыша, как галдит народ,
Он и ухом не ведет:
Знай себе свистит в кулак,
Будто это надо так.
Говорят ему:

«Ванюша!

Коль ты знаешь что, так слушай:
Ты нас толком научи,
Без пути же не кричи».

На дрова Иван взмогился
И к народу обратился:
«Будет горла-то вам драть!
Надо дело начинать:
Вот вы всё бояр вините,
На все корки их браните —
Нынче то же, что вчерась.
Плюньте вы на эту мразь
И признайтесь, ребята,
Что вы сами виноваты.
Кто на службе у господ?
Кто ж? — да мы, простой народ!
Воевода ведь не сам
Дал намедни трешку нам:
Гайдуки и казаки —
Это те же мужики.
Да куда ни повернись
И за что ты ни возьмись —
И вблизи, и вдалеке —
Все стоит на мужике.
Взять попа: он нас корит,
А ведь нашим хлебом сыт!
Мужик пашет и кует;
Всем идет с него доход —
И купцу, и дворянину,
И царю, и его сыну.
Брешь работу он — так, брат,
Господишкам сразу мат!
Да и царь наш Берендей
Примет нас тогда скорей,
И узнать он пожелает,
Отчего народ страдает».

Тут весь сход как закричит:
«Ваня дело говорит!
Вот что верно, так уж верно!
Воевода сам, примерно,
Не сумеет щей сварить,
А не то что нас побить!»
Порешили в тот же час
Забастовку сделать враз
И, чтоб время не терять,
Всех пошли с работ снимать.

Стали фабрики, заводы,
Поезда и пароходы,
Ни капусты, ни муки
Не подвозят мужики.
Пекарь булок не печет,
Дворник улиц не метет.
У царя у Берендея
Разбежались лакеи:
Ни кваску испить подать,
Ни лучины нащепать.
И стоит его дворец
Как неубранный мертвец.

От мужицких тех затей
Взвыл на троне Берендей.
От одной бессонной ночи
У него ввалились очи.
Войск в столице было мало, —
Знать, начальство оплошало.
Что тут делать, как тут быть?
Чем тут горю пособить?
У царя в то время жил
Злой кудесник — не то поп,
Не то дьяволов холоп.
Царь им сильно дорожил.
Колдуну уже сто лет;
Лыс и худ он, как скелет,
Берендей к нему бежит,
Крепко в дверь его стучит:
«Ты скажи, скажи, отец!
Аль приходит наш конец?»
Чародей в то время в келье
Кипятил в кастрюле зелье.
Дверцы он приотворил
И царю проговорил:
«В этот раз беда пройдет.
Больно темен твой народ;
Дури в нем еще нет сметы...
Есть хорошие приметы:
Над кастрюлей пар клубится,
А в кастрюле кровь варится...
Бой на улицах пойдет,
Брат на брата нападёт...

А теперь к себе ступай,
Доварить мне зелье дай;
Сядь на трон свой драгоценный,
Собери совет военный».

Царь от знахаря бежит
И совет собрать спешит.
Своих сродников сзывает;
На совет тот приглашает
От чиновных разных бар,
Именитых тех бояр,
Да уж кстати и попов,
Что морочат мужиков.
«Ой вы, други, помогите!
Мужика вы мне скрутите,
А не то ведь он как раз
В шею выгонит всех нас,
Вместе с свет моей царицей,
Со заморскою девицей.
Да и вам несдобровать,
Коль он будет бунтовать».
Посудили, порядили,
Ни на чем не порешили,
Вдруг поднялся воевода,
По прозванию Сысой,
Он не знатного был рода,
Только чин имел большой;
А в такую честь попал
Потому, что надувал
Лучше прочих воевод
Берендеевский народ
И бессовестно божился.
Вот царю он поклонился
И повел такую речь:
«Знаю я, как зло пресечь,
Пресветлейший Берендей!
Манифест издай скорей:
Объяви всему народу,
Что даешь ему свободу.
Пусть про верных слуг твоих,
Про чиновников лихих,
В деревнях и в городах,
На письме и на словах
Говорит, что знает, всяк —

Будь он умный, будь дурак,—
Не боясь за то попасть
К околоточному в часть.
Таким родом посмотри:
В две недели али в три
Ты узнаешь, кто буян,
Кто мятежник, кто смутьян.
Пусть себе кричат они;
Ты лишь время протяни
Да гляди не оплошай,
Войск поболе собирай.
Мы же той порой смекнем,
Как управиться со злом».
Просветлел лицом тут царь,
Стал он весел, как и встарь.
«Ой ты, гой-еси, Сысой,
Воевода славный мой!
Вижу, служишь ты мне верно,
Не ударил в грязь лицом.
Награжу тебя примерно:
Графским чином и крестом».

Порешили дело в час.
И подписанный указ
Повезли во все концы
Государевы гонцы.
Царь писал: «Отныне мы
Отрекаемся от тьмы.
Девять лет из года в год
Притесняли мы народ.
А теперь конец мытарству.
Пусть везде у нас по царству
Всякий смело говорит,
Что душа ему велит,
Про царевых воевод.
Знайте все, что наперед
За такие обличенья
Вам не будет утеснения,—
Станем царствовать законно.
Наша воля непреклонна.
А порукою мы в том
Слово царское даем».
Да еще царь прибавляет,
Что он выслушать желает

От народа ходоков,
Депутатов-мужиков.
Пусть пятьсот их изберут
Да в столицу всех пошлют.
Эту избранную рать
Надо Думой величать.

И едва простой народ
Про указ прослышал тот,
Все ожило, встрепелось,
Царство сонное проснулось.
В ход пошли опять заводы,
Понеслись пароходы,
Паровозы громко свистут,
Пассажиров к себе кличут,
Пекарь булочки печет,
Дворник улицу метет.
И на радости такой
Стал народ как бы шальной.
Люди в кучи собирались,
Как в Христов день целовались,
И ходили до полночи,
Протирая себе очи,
Манифест царев читали
Да «ура» царю кричали.
И, чтоб часу не терять,
Стали тут же выбирать
К Берендею ходоков,
Депутатов-мужиков.
А в числе других Иван
Депутатом был избран.

Вот прошло две-три недели,
В небе тучки почернели,
А черней свинцовой тучи
Берендей сидит могучий.
Он сидит в своем дворце,
На престоле и в венце.
А с ним рядом две царицы,
Две заморские девицы,
Словно облачки грустны,
Слезки в их очах видны.
Что же так царя тревожит?
Что его сердечко гложет?

Что! Конечно, не безделка!
В его войске перестрелка:
Полк один стал за народ,
А другой — за царский род.
«Что ж так долго нет Сысой?
Жду его уже давно я!» —
Царь с досадою вскричал
И в пол ножкой постучал.
Глядь, Сысой уж тут стоит,
На царя в упор глядит.

«Гой ты раб лукавый мой,
Воевода наш Сысой!
Обманул ты нас с царицей,
С свет заморской царь-девицей,
С нею весь наш царский род.
Взбунтовал ты нам народ!
И, что вовсе уж негоже,
Взбунтовал и войско тоже.
Ведь я слышу, за стеной
Нам кричат: «Долой! долой!» —
Уж вломились депутаты
В наши царские палаты,
Говорят, что мы не в воле
Никого казнить уж боле.
Дай же нам теперь ответ:
Царь я больше или нет?»
Воевода не смутился,
Царю в пояс поклонился,
На него глаза возвел
И такую речь повел:

«Пресветлейший Берендей!
Верен я семье твоей —
И тебе и двум царицам,
Двум заморским царь-девицам,
И всему их верен роду.
Не мирволил я народу,
Я ночей недосыпал,
Войско, гвардию собирал.
Не грусти, надёжа-царь!
Веселися, как и встарь,
И возьми себе ты в толк:
Усмирен мятежный полк;

Остальные же полки,
Твои верные стрелки, —
За тебя в огонь и в воду.
Где ж осилить их народу!
Всё назад ты можешь взять,
Что ему изволил дать». —
«Вот люблю такую речь!
Как гора свалилась с плеч!» —
Закричал тут Берендей
И добавил поскорей:
«Да и Думу тож пора
Гнать метлою со двора». —
«Государственную думу
Мы разгоним, царь, без шуму».
Тут же отдал царь приказ
Написать другой указ.
В час все было уж готово.
Вот указ тот слово в слово:
«Войску выступить в поход,
Усмирить везде народ.
Крикунам плетей отвесить,
Всех ораторов повесить,
Депутатов же схватить,
По острогам рассадить».
А в конце — рукой своей
Царь поставил: «Берендей».

И не прежние гонцы,
А жандармы-молодцы
Разносили под полой,
Да и то ночной порой,
Новый тот указ царев,
Чтоб никто из мужиков
Не проведал, не узнал,
Что сам царь его писал.

.

Что ни день, нужда сильнее
В славном царстве Берендея.
Вновь собирается народ
У помещичьих ворот.
Впереди старик Данила:
«Ты послушай, барин милый!
На тебя мы гнули век.

Будь же добрый человек,
Дай муки; тебе за ссуду
Лишку мы дадим по пуду.
А не то, так вот те крест,
Царь напишет манифест,—
Будешь ты с своей землицей
Под мужицкой рукавицей».
А палач в ответ на это
В мужиков из пистолета.

Ночка на землю упала.
Вот и полночь уж настала.
Барин спит невинным сном.
Вдруг он слышит стук и гром.
«Что за шум?» —

«Горят строенья;
Подожгли твое именье». —

«Эй, тушить!» —

«Не выйдет дело.

Почти все уже сгорело;
Занимается и дом, —
Хоть спасись бы нагишом!»
Да мужик не держит злобы,
Хоть нет хлеба для утробы.
Приготовил трех коней
Для господ и их детей,
Усадил на тройке той
Палача с его семьей:
«С богом, барин, отправляйся,
Да смотри не возвращайся!»

Поле топотом гудит,
В поле тучей пыль висит.
То не хан с ордой идет
Полонить честной народ,
Не турецкий царь Салтан
Едет грабить христиан, —
То идут, спешат стрелочки,
Всё крестьянские сыночки;
А начальство у стрелков
Из дворянских всё сынков.
Царь в поход их снарядил,
Поп крестом благословил,
А пастал отправки час —

Прочитали им приказ,
Чтобы в поле не робеть
Да патронов не жалеть.
Ой и быстро же идут,
С собой ружьица несут.
Впереди-то генералы,
По бокам бегут капралы.
Офицеры на конях,
В эполетах, в орденах —
Всё команду отдают.
Барабаны громко бьют,
Трубы кованы трубят,
Пушки медные блестят.
Словно лес густой — штыки,
Пулеметики легки.

Ой вы, каиновы дети!
На кого ж орудья эти?

Вот к деревне подошли,
Пулеметы навели.
«Эй, какой тут есть народ?
Выходи-ка все на сход.
Вылезай из изоб вон, —
Мы покажем вам закон!»
Высыпают мужики;
Стали против них стрелки.
Генерал тут держит речь:
«А! так вы именья жечь!
Вы просить земли и воли!
Я попотчую вас вволю:
Сколько хочешь дам земли.
Эй, повзводно, рота, — пли!»
Грянул залп, за ним другой.
Огласил деревню вой.
Метки пули у стрелков:
Пало много мужиков.
А старинушке Даниле
Прямо в сердце угодили...
И пошла игра-потеха.
Да крестьянам не до смеха.
Бабы, девки, берегись!
Беги к проруби, топись!..

А потом сожгли строенья.
Лишь остался от селенья
Придорожный старый крест.
.....
Вот вам царский манифест!

А войска царевы с пеньем
По другим пошли селеньям
Волю царскую творить,
Мужиков землей кормить.
Хвалят их попы за это
И поют им «многи лета».
Жизнь малина для солдата,
Коль идет он против брата.
Кормят, поят на убой,
Чаем голову хоть мой.
За расстрелянную душу
Табаку дают папушу;
На придачу кусок мыла,
Чтоб стрелять повадней было.
Угощают и вином,
Да забыто об одном:
Сколько мылом рук ни мыть,
Братской крови с них не смыть.

Ой, солдатский грех тяжел.
Плач по всей земле пошел:
Знать, пришло лихое время,
Что крестьянские сынки —
Государевы стрелки —
Отреклись от рода-племя,
Идут кровь родную лить,
Села, слободы палить,
В пламя детушек бросать!
Горе вам, отец и мать,
Что у груди у своей
Вы вскормили лютых змей!..

Народ войско проклиняет.
А не ведает, не знает,
Что не сам солдат казнит,
А царь-батюшка велит.

На подмогу тем войскам
По селам и городам
Собралась другая рать —
Черной сотней ее звать.
И дворяне, и купцы,
И духовные отцы
С Берендеем заодно.
Да оно немудрено:
Ворон ворону ведь глазу
Не выклевывал ни разу.

Усмиряют год и два;
И пошла везде молва,
Что крестьяне присмирели, —
Знать, пардону захотели.

Часть третья

рассказывает о том, как Иван, освободившись с помощью Конька-Скакунка из тюрьмы, куда был посажен вместе с другими мужиками за участие в бунте, решает все же добраться со своим прошением до царя Берендея. Помогает ему проникнуть в царские палаты шапка-невидимка, полученная им па правое дело в чудесной стране, где нет ни слуг, ни господ, ни царя, ни министров.

.....
Ехал близко ли, далёко,
Ехал низко ли, высоко,
Но к концу другого дня
Стал он сдерживать Коня:
Берендеевой столицы
Перед ним блеснули шпицы.
Не поехал он к заставе,
А свернул Коня к дубраве.
Тут шатер он свой расставил,
У шатра Конька оставил,
Невидимку-шапку вздел
И в столицу полетел.
Вдоль по улицам идет,
Сам он видит весь народ,
А его никто не видит,
Не затронет, не обидит.
Вот уж он и у дворца

И по лестнице крыльца
Незамеченный идет.
Не закрыли пред ним вход
Часовые у порога, —
Всюду вольная дорога.
Ваня мыслит: «Вот так шапка!
И затейница же бабка!»
По коврам он вверх идет,
Обгоняючи народ.
Во дворце в тот день был бал.
«Знать, к обеду я попал!» —
Говорит себе мужик
И с другими в зал проник.
Там у печки притаился,
И немало подивился,
Как узнал, что за народ
Во дворец к царю идет.
В раззолоченной палате,
Сам как жар сияя в злате,
Царь их ласково встречает,
За столы с собой сажает.
Что ни гость, то важный пан.
Никогда еще Иван
Не видал такого схода:
Тут был славный воевода, —
Из военного похода
Он вернулся со стыдом,
Не вступая в бой с врагом, —
Берендею ж тем он мил,
Что рабочих усмирил.
Был другой тут генерал:
На войне он не бывал
И не видывал врагов,
Зато с месяц мужиков
По десятку вешал в день
Да спалил сто деревень.
Царь за подвиг таковой
Ему — перстень золотой.
И еще пришел один
Знаменитый господин:
Он-то в праздничек престольный
Пушки вез на колокольни
Да втащил и пулемет,
Чтоб расстреливать народ.

Царь и этого любил
И крестами наградил.
На гостях кафтаны шиты,
Златом-серебром покрыты.
На ином такой наряд,
Что за полу аль за зад
Прокормить бы можно в год
Душ поболее пятисот.
Были тут и две царицы,
Две заморские девицы,—
Гостей ласково встречали
И с царем за стол сажали.
А придворные девицы
Голы все до поясницы.
Был немало тем смущен
Деревепский парень Ваня.
«Что за штука,— думал он,—
Не готовится ль тут баня?»
Только нет, за стол все сели:
Пили, пили, ели, ели...
А потом мужчин и дам
Развозили по домам.

За гостями царь встает,
В свою спальенку идет,
Подпираясь посошком
(Знать, не брезгал он вином).
Вслед за ним идут царицы —
Две заморские девицы.
А Иван в покоях бродит,
Незаметно всюду входит.
Пышны царские палаты:
Всюду серебро и злато,
Самоцветные каменья;
Райских птиц несется пенье,
Что расселись на ветвях
В царских компаных садах.
Ваня ходит и вздыхает,
Сам с собою рассуждает:
«Вишь, сколь много здесь добра!
А с мужицкого двора,
Чай, последний уж лоскут
Царю в подати берут».
Он до спальни уж добрался,

Да вдруг царь тут показался.
«А ведь царь-то, кажись, пьян»,—
Говорит себе Иван
И идет за ним тайком.
«Фу, как пахнет мужиком!» —
Закричали вдруг царицы,
Две заморские девицы,
Зажимая платком нос.
Тут Иван уже не снес.
С головы он шапку снял
И всем сразу виден стал.
Берендей остолбенел,
Сразу хмель с него слетел,
И в испуге две царицы
Заслонили себе лица.
А Иван промолвил так:
«Я мужик, Иван-дурак,—
Тот, кто пашет, сеет, жнет,
Рубит лес и сталь кует,
Кто всех кормит, одевает,
Кровь на войнах проливает,
Роет землю, словно крот,
Соль и уголь достает,
Добывает мед, свинец.
Я ваш выстроил дворец!
Царь, скажу те напрямик:
Если б только не мужик,
Ты ходил бы без сапог,
Ты бы с голоду издох.
Ведь на мой крестьянский грош
Ты богато так живешь.
Ты владеешь вот один
Миллионом десятин,
У меня ж, у мужика,
Всей земли-то два вершка.
Ты с нас десять шкур дерешь,
А взамен нам что даешь?
Всякий день ты сыт и пьян
И забыл, что у крестьян
В деревнях с двора на двор
Ходит голод, ходит мор,
И солдатики твои
В нашей плавают крови.
Ты у нас детей берешь

И на нас же их ведешь.
В твоём царстве нет угла,
Где б не делали нам зла!..
Дай же мне теперь ответ:
Знаешь ты про то аль нет?»
Тут царицы враз вскричали,
Обе в обморок упали.
Царь стал палкою махать,
На Иванушку кричать:
«Вздумал ты царя учить!
Чертов сын, собачья сыть!
Ах, такой-сякой мужик,
Сицилист и бунтовщик!
Я велю тебя повесить
Да плетей допрежь отвесить!..
Велю шкуру в ленты драть!..
Взять его! Связать! Сковать!..
Челядь к Ване тянет лапки,
Да Иван опять уж в шапке,—
Из очей у них исчез
И пошел обратно в лес.

Тут Конек его встречает,
Мордой ласково кивает:
«Что, хозяин мой, невесел,
Что головушку повесил?
Ты ходил ли во дворец,
Что поведал царь-отец?
Аль отведать дал нагайки?»
Рассказал тут без утайки
Мой Иван, что он видал
И что царь ему сказал.
А на то ему Конек:
«Эй, послушай, куманек!
Ты без толку не грусти:
Не все быть царю в чести.
Сослужу тебе я службу,
Чтоб ты помнил мою дружбу.
Ты ступай-ка во шатер,
Бери письменный прибор,
Пиши письма-ярлычки,
Чтобы знали мужички,
Как царь ласков к мужикам,
К молодым и старикам».

Входит Ваня во шатер,
Берет письменный прибор,
На ременчат стул садится,
Строчить письма торопится.
Валит кучей ярлычки:
«Гой вы, братья-мужички!
Полно, полно, други, спать,
Время волю добывать.
Разогните-ка вы спины
Да повырежьте дубины.
Встаньте, други, брат за брата
На лихого супостата.
Супостат у нас один —
Берендей, наш властелин!»
Пишет Ваня день и ночь;
Уж писать ему невмочь.
Тут вошел в шатер Конек,
Златогривый Скаунок.
«Ну, Иванушка, довольно.
Уморился ты, чай, больно.
Ляг на коврик да сосни;
Бог во сне тебя храни.
А те письма я уж сам
Развезу по деревням».
Ярлычки Конек тут взял
Да все в сумочку поклад,
На себя суму повесил
И поклон дружку отвесил.
Ваня тут же, словно сноп,
На шелковый коврик — хлоп
И, забывши обо всем,
Засыпает крепким сном.

Спал он долго ли аль мало,
Только солнышко стояло
Над узорчатым шатром,
Как Иван слышал гром.
Он вскочил на резвы ножки,
Натянул свои сапожки.
«Уж вставать давно пора», —
Молвит он и из шатра
На полянушку выходит
И по небу взором водит.
На безоблачной лазури

Ниотколь не видно бури.
«Что за штука, — говорит, —
Да откуда ж гром гремит?»
И на дерево он влез,
Чтобы глянуть через лес.
Видит, в поле пыль столбом,
И оттоле слышен гром.
Видит он, народ бежит,
Как вода в котле, кипит.
Много красных там знамен,
Острых кос несется звон,
Оглашает чисто поле
Громкий крик: «Земля и воля!»
И солдатики бегут
Да народа уж не бьют.
Понял каждый, зная, солдат,
Что мужик солдату брат, —
Все с народом заодно.
Эх, когда бы так давно!
Ваня с дерева скатился
И бегом туда пустился.

Во дворце ж у Берендея
Вышла новая затея.
Он опять на сход зовет
И попов и воевод:
«Ой вы, други, помогите,
Поскорее научите,
Что нам делать, как нам быть?
Стал опять народ шалить.
Как бы нам его унять,
Чтобы царство удержать?»
Посудили, порадили
Да и тут же порешили:
Войску выступить в поход —
Усмирять опять народ.
Вдруг приходит донесенье,
Что средь войска возмущенье
И столичных семь полков
Не идут на мужиков.

Словно треснул неба свод
Над собраньем воевод,
Когда вдруг они узнали,

Что войска от них отпали,
Что к столице мужики
Уж ведут свои полки.
Все пустились, кто как мог,
От народа наутек,—
Побросали животишки;
Плачут жены, ребятишки,
Их назад к себе зовут,
А они бегут, бегут...
Только многие сплошали,
Головой в петлю попали,—
Их давно ждала уж плаха...

Берендей чуть жив от страха.
И уж чудится ему,
Что везут его в тюрьму
И на площади дворцовой
Ставят столб ему сосновый:
Знать, уж близок час расплаты...
Пусты царские палаты,
Ниоткуда нет подмоги:
Все бегут — давай бог ноги.
Мать-царица, как на горе,
Укатила тож за море.
Ой, догадлива старуха!
Как досадливая муха,
Только вьется вокруг Сысой,
Быть не знает как с собой.
Уж он вьется, вьется, вьется,
Да лишь в руки не дается.
Вдруг пришел царю на ум
Злой кудесник, чертов кум.
Захватив с собой царицу,
Он бежит к нему в светлицу.
И едва его застал:
Чародей уж умирал.
Лишь успел сказать: «Беги!
Да сына побереги»,—
И черна душа из тела
В когти к черту полетела.
А народ уж тут как тут —
Вот сейчас дворец возьмут.
Да, по счастью, тайный ход
Из дворца того ведет.

Бросив скипетр и венец,
Покидает царь дворец.
А за ним в единый миг
И Сысой тем ходом — шмыг.

К морю царь с семьей бежит,
Где корабль его стоит.
А за ними след Сысой
Заметает бородой.
Впереди них виден брод,
За спиною же — народ.
Добежал Сысой до броду,
Повернул лицом к народу,
И сказал тут речь он вкратце:
«Не гоните меня, братцы!
Вот порукой моя честь, —
Помогу я вам завести
В царстве новые порядки!..»
«Уходи-ка без оглядки!» —
Закричали мужики,
Поднимая кулаки.
«Уходи, покуда цел!»
«Его взять бы на прицел! —
Из народа крикнул кто-то. —
Али вздернуть на ворота!»
Сысой свистнул без оглядки,
Лишь в воде сверкают пятки.

Той порою Берендей
Со царицею своей
И с наследником родимым,
Своим чадушкой единым,
К синю морю подбегает,
Где корабль их поджидает.
Вот по кладочкам спешат,
На корабль тот сесть хотят.
Да царица тут со страху
Пребольшого дала маху:
Сын-наследничек из рук
У ней в воду выпал — бух!
Но царю уж не до сына,
Коль над ним самим дубина.
Мальчик тонет и кричит,
Царь отчаливать велит.

Вскоре смолк ребенка крик.
Тут из жалости мужик
Его граблями достал
И товарищам сказал:
«Захлебнулся паренек.
Ну да что ж? — каков пенек,
Чай, такой же и отросток!..»
Воевода же Сысой,
Сняв кафтан свой золотой,
В воду кинулся с подмосток —
Вплавь догнать корабль спешит;
Царь веслом ему грозит.
А народ от смеха стонет:
«Ну, уж этот не потонет!»
Царь катит на всех парах
У народа на глазах.
Мужики ж на берегу:
«Улю-лю!» да «Гу-гу-гу!»
Беглецы из глаз пропали,
А они всё рассуждали:
«От такой, прости бог, гниды
Сколь мы вынесли обиды!»

Собирался тут народ
Да на общий Вольный Сход.
Посудили, порядили,
Перво-наперво решили,
Чтоб не быть у них царям —
Ни царям, ни их псарям:
Пусть крестьянский-де народ
Сам дела свои ведет.
А потом пошло равнение.
Отобрали все именья
У дворян и у купцов,
Мироедов-кулаков:
Пусть землей владеет тот,
Кто свой пот на пашне льет.
Шло равнение шире, шире.
Много фабрик в божьем мире:
Там трудятся у станков
Руки тех же мужиков.
Значит, должен всяк завод
Мужикам давать доход.
Отобрали все заводы

У купеческой породы.
Говорит Иван тут: «Браты!
Уж поделим и палаты —
Чай, ведь строили дворцы
Не дворяне, не купцы.
Всем в палатах не вместиться,
Так чтоб нам не побраниться,
Пусть с хором тех весь доход
В пользу общую идет —
На сиротскую, слышь, долю...
Да, ребята! Надо б волю
Уж и бабам нашим дать —
С нами их в правах сравнять».
Старики как загалдят:
«Очумел, должно, ты, брат!»
А Иванов сват Нефед,
Тот повыступил вперед:
«Коль права все бабе дать,
Так ее и не унять.
Тут, к примеру, весь твой дом
Она вывернет вверх дном.
Хоть у бабы длинен волос,
Да башка-то пустой колос».
А Иван — горазд молчать
Да и знает что сказать:
«Вижу, слаб ты, сват, умом.
Бабой держится весь дом.
Где бы сам ты был, когда б
Не рожались мы от баб.
Мать детей на свет родит —
А в глаза ей смерть глядит.
Где нет бабы — жизни нет,
Не стоит без бабы свет!»
Тут весь сход как закричит:
«Ваня дело говорит!
Равны баба с мужиком,
Держат мир они вдвоем!»
Как покончили с равнением,
Разошлись все по селеньям
И на радости такой
Пир устроили горой.
Жаль, что не было нас там, —
Поднесли б, наверно, нам!..

Ф. СОЛОГУБ

ШУТ

Дивитесь вы моей одежде,
Смеетесь: что за пестрота!
Я нисхожу к вам, как и прежде,
В святом облиии шута.

Мне закон ваш — не указка.
Смех мой — правда без границ.
Размалеванная маска
Откровенней ваших лиц.

Весь лоскутьями пестрея,
Бубенцами говоря,
Шутовской колпак честнее,
Чем корона у царя.

Иное время, и дороги
Уже не те, что были встарь.
Когда я смело шел в чертоги,
Где ликовал надменный царь.

Теперь на сходке всепародной
Я поднимаю бубен мой,
Смеюсь пред Думою свободной,
Пляшу пред мертвою тюрьмой.

Что́, вас радуют четыре
Из святых земных свобод?
Эй, дорогу шире, шире!
Расступитесь — шут идет!

Острым смехом он пронизет
И владыку здешних мест,
И того, кто руку лижет,
Что писала манифест.

2 ноября 1905

У правительства — нагайки, пулеметы и штыки.
Что же могут эти средства? Так, немножко, пустяки.
А у нас иное средство, им орудуем мы ловко,
Лютый враг его боится. Это средство — забастовка.
Рядом с ловкой забастовкой очень весело идет
Хоть и маленький, но тоже удалой и злой бойкот.

20 ноября 1905

ВЕСЕЛАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Что вы, старцы, захудали,
Таковы невеселы,
Головы повесили?

— Отошшали!

Что вы, старые старухи,
Таковы невеселы,
Головы повесили?

— С голодухи!

Что вы, парни, тихи стали,
Не играете, не скачете,
Всё ревете, плачете?

— Тятку угнали.

Что вы, детки, приуныли?
Не играете, не скачете,
Всё ревете, плачете?

— Мамку убили.

4 декабря 1905

ЗА ЧАЙ, ЗА МЫЛО

Солдатская песня 1905 года

Братцы солдатúшки,
Бравы ребятушки,
Шибко поспешайте,
Бунты утишайте.

— То-то вот, что тощи,
Черви лезут во щи.
Наши командиры
Отрастили брюхи.

Братцы солдатúшки,
Бравы ребятушки,
Злым не верьте людям,
Мы вас не забудем.

— Речи эти стары —
Тары-растабары,—
Наши командиры
Знают всю словесность.

Братцы солдатúшки,
Бравы ребятушки,
По сему случáю
Не хотите ль чаю?

— Чаю мы желаем,
Только вместе с чаем,
Добрым обычаем,
Дайте командиров
Нам не мордобойцев.

Братцы солдатúшки,
Бравы ребятушки,
Что вас сомутило?
Не хотите ль мыла?

— Прежде дули в рыло,
Нынче дали мыла,—
Ишь, залебезило
Грозное начальство
Перед нашим братом.

8 декабря 1905

ХАЛДЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

Ц а р ь Х а л д е й с к и й
(соло)

У меня ли не житье!
Все казенное — мое.
Государство — это я,
И над всеми власть моя.

Х а л д е й с к и е л ю д и
А у нас-то вот житье!
Что встаем, то за вытье.
Мы несем во все места,
А мошна у нас пуста.

Х а л д е й с к и й ц а р ь
Не пойти ль мне на войну
В чужедальную страну,
Злата, серебра добыть,
Чтоб еще богаче быть?

Х а л д е й с к и е л ю д и
Собирают нашу рать.
Знать, нам время умирать.
Нас погонят на войну
За халдейскую казну.

Х а л д е й с к и й ц а р ь
Что там? Вздумали роптать?
Стройся, верная мне рать!
Поострей точи мечи!
Бей! коли! руби! топчи!

Март 1907

ПОРТРЕТ

Запятнав ковер своею тучной тенью,
Он стоит ничтожный, грузно-прям,
И бессмысленною дребеденью
Забавляет никому не нужных дам.

Отвратителен до дрожи
Оловянный взор его, совсем пустой.
Ловко скроенный костюм его дороже
Содержимого коробки черепной.

Но, зверино-хитр, он дешево все купит,
Не поступится он лишним пятакom.
И никто на эту тушу не наступит,
Чтоб пробить ее высоким каблуком.

С нами вместе он зачем-то дышит,
Он на то же солнце смотрит, что и мы.
Даже он для нас порой законы пишет
И порой нам открывает дверь тюрьмы.

И умеет дать он поцелуй Иуды,
Чтобы жертва вскрикнула: «Боюсь, боюсь!»

Вот каких сокровищ груды
Возрастить сумела ты, святая Русь!

⟨1916⟩

ЭПИГРАММА

Стоят три фонаря — для вешанья трех лиц:
Середний — для царя, а сбоку — для цариц.

1905

К. Д. БАЛЬМОНТ

ПРИТЧА О ЧЕРТЕ

С великолепною иронией эстета,
Который тонко чтит изысканный свой дар,
Ко мне явился Черт, взял за руку Поэта,
И вот меня повел — куда бы? — на пожар.

Горел огромный дом, пятнадцатизэтажный,
Стропила рушились сквозь дымы надо мной,
Пожарные, толпой картинной и отважной,
Спасали в этажах людей и хлам чужой.

И Черт помолвил мне: «Не трогательно ль это?
Поджог, конечно, мой, и дом я строил сам.
Но сколько блесков здесь изменчивого цвета,
Как дым молитвенно восходит к небесам!

А те мундирники — что делали пред этим?
Сидели в кабаке и пили дрянь свою.
Теперь же сколько в них геройства мы заметим
В самоотверженном служеньи бытию!

А вон цветник там вдов, в них чую благодарность:
Погиб весь бельэтаж, там каждый муж был стар,
Но в ночь да с мерою мы вводим светозарность».
И Черт? Схватив насос, стал заливать пожар.

⟨1905⟩

НАШ ЦАРЬ

Наш царь — Мукден, наш царь — Цусима,
Наш царь — кровавое пятно,

Зловонье пороха и дыма,
В котором разуму — темно.

Наш царь — убожество слепое,
Тюрьма и кнут, подсуд, расстрел,
Царь — висельник, тем низкий вдвое,
Что обещал, но дать не смел.

Он трус, он чувствует с запинкой,
Но будет, час расплаты ждет.
Кто начал царствовать — Ходынкой,
Тот кончит — встав на эшафот.

〈Апрель 1906〉

НАРЫВ

Самодержавие разорвано, разбито,
Ему приходится к разбойникам взывать.
Но мути мерзостной еще довольно скрыто,
Гнойник насилия все ж будет нарывать.

Царь губошлепствует. В дворце его — громила,
Кричащий с наглостью: «Патронов не жалеть».
Другой холоп, поняв, что пролетарий — сила,
Лопочет: «Братцы, стой. Я вам готовлю — клеть»

О, мерзость мерзостей! Распад, зловонье гноя!
Нарыв уже набух и, пухлый, ждет ножа.
Тесней, товарищи, сплотимтесь все для боя,
Ухватим этого колючего ежа.

Его колючки — штык, его колючки — пули,
Его ухватка — ложь, фальшивые слова.
Но голос вольности растет в безмерном гуле:
«Прочь, старое гнилье! Пусть будет жизнь жива!»

〈Апрель 1906〉

В. Я. БРЮСОВ

ПАРОДИИ

НА СЕБЯ

Я — фараон. Я жил на свете.
В Египте занимал я трон.
Тому уж двадцать пять столетий,
Как умер я. Я — фараон.

1900-е годы

НА З. Н. ГИППИУС

Я знаю удовольствие смерти,
Но еще пожить хочу.
Мне новое платье примерьте
С крылышками — и я полечу.
Я дорогой иду непрохожей.
Но знаю, дух мой высок.
Мы с тобой, о боже, похожи,
За что же ко мне ты строг!
Я боюсь удовольствий смерти,
Жить, о, жить я хочу!
С крылышками мне платье примерьте,
И, дрожа, я отдамся лучу.

1900(?)

НА К. Д. БАЛЬМОНТА

Бело-синей резедой
Веет воздух над водой,
Но к сырой земле припав,
Ласки жаждут кудри трав.

Я хочу быть красивым, красивым, красивым,
И ходить по земле, и ходить по водам,
Опьяняться приливом, упиваться отливом,
И рыдать по индийским ядам.
Я хочу быть красивым, красивым, красивым.

Я испанец, я в болеро, шпагой мой украшен бок,
Если б я вонзать кинжалы в севильянок вечно мог!
Мой отец был инквизитор, жаждой крови я в отца.
Вижу Солнце, Солнце, Солнце, Солнце, Солнце,
Солнце... Нет конца.

1900(?)

Из всех поэм, что скрою я от мира,
Прекрасней прочих Le-Di -a-bl e, Черт.
Я в ней изобразил наложниц Кира.
О, что за ряд бесстыдно гнусных морд!
Одна на корточках и скалит груди,
И круп ее невыразимо тверд.
Другая моется в большом сосуде,
И манят жабы формы живота.
А третья... перед ней бледнеют люди.
Но ты не знал, что всех их больше ста!

В СТИЛЕ СОЛОГУБА

Не говори мне о длиннотах
Жирафьих лап,
В их льстиво-ласковых заботах
Мой дух ослаб.

И если луч весенний зелен,
Будь смелой, ведь
Для нас двоих в углу постелен
В меху медведь.
Поверь на медведе двуспальном
Моим мечтам,
И пусть бредет в песке опальном
Гиппопотам.

**ИЗ ЦИКЛА «ИСТОРИЯ ЛИРИКИ
ОТ ТРЕТЬЯКОВСКОГО ДО КУЗЬМИНА» 1902 год**

ЛЮБОВЬ ЭКЗОТИЧЕСКАЯ

Я взойду при первом дне
Хохотать к зубцам, на выси,
И на смех заворят мне
Неумолчным смехом рыси...
Повлекут меня с собой
К играм рыжие Силены.
Мы натешимся с козой,
Где лужайку сжали стены.
Всем настанет череда
Выпить острый сок улады.
Лица скроют от стыда
В чашах белые дриады.

ПОЭТЫ

За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты,— и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.

Напрасно и день светозарный вставал
Над этим печальным болотом:
Его обитатель свой день посвящал
Вину и усердным работам.

Когда напивались, то в дружбе клялись,
Болтали цинично и пряно.
Под утро их рвало. Потом, запершись,
Работали тупо и рьяно.

Потом вылезали из будок, как псы,
Смотрели, как море горело.
И золотом каждой прохожей косы
Пленились со знанием дела.

Разнежась, мечтали о веке златом,
Ругали издателей дружно.
И плакали горько над малым цветком,
Над маленькой тучкой жемчужной...

Так жили поэты. Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть,— хуже
Твоих ежедневных бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи?

Нет, милый читатель, мой критик слепой!
По крайности, есть у поэта

И косы, и тучки, и вск золотой,
Тебе ж недоступно все это!..

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцой,
А вот у поэта — всемирный запой,
И мало ему конституций!

Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, —
Я верю: то бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

24 июля 1908

Как тяжело мертвецу среди людей
Живым и страстным притворяться!
Но надо, надо в общество втираться,
Скрывая для карьеры лязг костей...

Живые спят. Мертвец встает из гроба,
И в банк идет, и в суд идет, в сенат...
Чем ночь белее, тем чернее злоба,
И перья торжествующе скрипят.

Мертвец весь день трудится над докладом.
Присутствие кончается. И вот —
Нашептывает он, виляя задом,
Сенатору скабрзный анекдот...

Уж вечер. Мелкий дождь зашлепал грязью
Прохожих, и дома, и прочий вздор...
А мертвеца — к другому безобразью
Скрежещущий несет таксомотор.

В зал многолюдный и многоколонный
Спешит мертвец. На нем — изящный фрак.
Его дарят улыбкой благосклонной
Хозяйка — дура и супруг — дурак.

Он изнемог от дня чиновной скуки,
Но лязг костей музыкой заглушен...

Он крепко жмет приятельские руки
Живым, живым казаться должен он!

Лишь у колонны встретится очами
С подругою — она, как он, мертва.
За их условно-светскими речами
Ты слышишь настоящие слова:

«Усталый друг, мне странно в этом зале»
«Усталый друг, могила холодна».
«Уж полночь». — «Да, но вы не приглашали
На вальс NN. Она в вас влюблена...»

А там — NN уж ищет взором страстным
Его, его — с волнением в крови...
В ее лице, девически прекрасном,
Бессмысленный восторг живой любви...

Он шепчет ей незначащие речи,
Пленительные для живых слова,
И смотрит он, как розовеют плечи,
Как на плечо склонилась голова...

И острый яд привычно-светской злости
С нездешней злостью расточает он...
«Как он умен! Как он в меня влюблен!»

В ее ушах — нездешний, странный звон:
То кости лязгают о кости.

19 февраля 1912

ПАРОДИЯ, ЭПИГРАММЫ

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ БАЛЬМОНТА ИЗ МЕКСИКИ

Я бандит, я бандит!
От меня давно смердит!
Подавая с ядом склянку,
Мне сказала Мексиканка:
— У тебя печальный вид:

— Верно, ты ходил в Пампасы —
Загрязненные лампы —
Стыд!
Увлеченный, упоенный, обнаженный, совлеченный
Относительно одежд¹,
Я искал других надежд,
Озираясь,
Упиваясь,
С мексиканкой обнимаясь,
Голый — голый — и веселый
Мексиканские глаголы
Воспевал,
Мексиканские подолы
Целовал,
Взор метал
Из-под пьяных, красных, страстных,
Воспаленных и прекрасных
Вежд...
Сдвинул на ухо сомбреро,
Думал встретить кабалеро,
Стал искать
Рукоять
Сабли, шпаги и кинжала —
Не нашел
(Вечно гол).
Мексиканка убежала
В озаренный тихий дол
И, подобная лианам,
Выгибала красный стан,
Как над девственным туманом —
Вечно странным
И желанным,
Зыбким,
Липким —
Красной кровью окропленный караван.
Пал туман. —
Я же вмиг, подобен трупцу,
Прибыл утром в Гваделупу
И почил
В сладкой дреме,
И в истоме,
В старом доме,

Перевод с греческого (впервые в русск<ой> поэзии).

На соломе
Набираясь новых сил.
И во сне меня фламинго
В Сан-Доминго
Пригласил.

1905

* * *

Чулков и я стрелой амура
Истыканы со всех концов,
Но сладким ядом каламбура
Не проведет меня Чулков.

1907 — 1908

* * *

Чулков «Одною ночью» занят,
Я «Белой ночью» занялся,—
Ведь ругань Белого не ранит
Того, кто все равно спился...

Май 1908

Что француз нам ни сболтнет,
Выйдет деликатно;
Ну, а русский как начнет,
Берегись, понятно.

У французов шоколад,
А у нас рассольник;
По-французски депутат,
А у нас крамольник.

По-французски сосьете¹,
А по-русски шайка;
У французов либерте²,
А у нас — нагайка.

У французов пепермент,
А у нас сивушка;
У французов парламѐнт,
А у нас ловушка.

По-французски друг и брат,
А у нас изменник;
У французов бюрократ,
А у нас мошенник.

По-французски дилетант,
А у нас любитель;
У французов интендант,
А у нас грабитель.

Общество (*франц.*).

² Свобода (*франц.*).

По-французски декаданс,
И по-русски то же,
У французов «Vive la France»¹,
А у нас по роже.

У французов чтут спрутá,
А у нас налива;
У французов Балеттá,
А у нас Цусима.

По-французскому протест,
Здесь — борьба всех классов,
У французов манифест,
А у нас Дубасов.

По-французски мадмазель,
А по-русски милка;
У французов карусель,
Здесь же «предварилка».

У французов стиль нуво²,
А у нас мочало.
Как дошел до Дурново,
Начинай сначала!

Конец 1905

¹ «Да здравствует Франция» (франц.).
² Новый стиль (франц.).

ЗНАМЕНИТЫЕ ВСТРЕЧИ

*Из литературных воспоминаний
Анкудина Козодоева*

...Застал я то славное время, когда
На путь мы прогресса вступили.
Колоссы таланта, титаны труда —
Я с гордостью это признаю всегда, —
Свое мне вниманье дарили.

Некрасова зрел я на склоне уж лет
И полн посейчас восхищенья!
В приемную вышел с сигарой поэт
И взял мой рассказ для прочтенья.
Писал он ко мне... У меня посейчас
Две кратких записки хранятся.
Ласкают они мой любительский глаз...
Одна говорит: «Не подходит рассказ»,
Другая: «Стихи не годятся».

Тургенев, кумир поколения всего,
Отчизны краса и светило!..
На музыке в Павловске видеть его,
В вокзале, судьба мне судила.
Красивый мужчина!.. Взор полный огня,
Волос серебристые нити...
Он мимо прошел и, задевши меня,
Чуть слышно сказал: «Извините!»...

На Пушкинском празднике я увидал
И автора «Мертвого дома».
Всегда, признаюсь, я запоем читал
Его вдохновенные томы.
Как бледен был он, истощен и угрюм...
Морщины чело покрывали...

И видно, что жил он под бременем дум,
Под гнетом всегдашней печали...
Когда он окончил, студентов семья
Ему заградила дорогу.
Качали писателя дружно, и я —
Держал его левую ногу.

Щедрин и Слепцов предо мною прошли
Однажды на Невском. Я встретил
С восторгом сатирика русской земли,
И он меня ясно заметил.
Со мною почти поравнявшись плечом,
Соседу он рек хладнокровно:
«Вот странный субъект: и штаны-то на нем
Сидят, на покойнике словно...»

Островский, сумевший так дивно понять
Дух русских — купца и мещанки!..
Мне выпало счастье его увидеть
Однажды в Москве, на Лубянке.
В окно магазина писатель смотрел...
Фарфор там и бронза лежали.
Я, помню, от счастья почти обомлел,
Все струны души задрожали...

Я жадно смотрел, близорукость кляня
/Так тянет подсолнечник к солнцу/.
Он вздрогнул и, бросивши взгляд на меня,
Прошел ко второму окнцу.
Я был словно трансом каким одержим,
Пигмей — при таком исполине!
Он вправо — я вправо. Он влево — за ним
И я стал налево, к витрине.
Он плюнул и в улицу стал уходить,
Махнув своей тростью, как пикой.
И скрылся из глаз... Да, могу подтвердить:
Был нервен писатель великий!..

Я ездил к Толстому. Был болен Толстой...
К Толстому меня не пустили...
Все в Ясной Поляне дышало весной,
Ходил Тенеромо, как зверь там лесной,
По нивам туманы ходили...

Я с горечью вынес досаду мою,
Хоть был я утешен немало:
С кухаркой я графской имел интервью,
Мне прачка кой-что диктовала.
Был конюх допрошен и с ним водовоз
(Никто не увидел потачки!)
И графскую блузу домой я увез —
Сознаюсь — без ведома прачки.
С рукою на сердце могу я сказать,
Что снял я со сливок там пенки,
И верю, когда все увидит печать,
Придется вздохнуть Сергеенке!

С Якушкиным пил я и пиво, и чай,
Провел его с Мойки на Невский.
И мне на мозоль наступил невзначай
Однажды маститый Старчевский.
Да! Есть мне чем вспомнить былые года!
Я жил, когда гении жили!..
Прогресса столпы и титаны труда —
Я с гордостью это признаю всегда! —
Свое мне вниманье дарили...

〈1908〉

РОТМИСТР НА ВОЕВОДСТВЕ

Монокля теребя шнурок,
Величием исполнив каждый атом,
Цивилизации урок
Немецкий офицер давал своим солдатам:
«Тевтон, не пачкай поля чести
И обывателя обидеть не моги!
Пусть целый мир обходят вести,
Что мы — куль-тур-ны-е враги!
Пусть не услышим мы укора
За блудника иль мародера».
«Но ваша честь, — капрал разинул рот, —
Хоть маленький реванш за наши сокрушенья!..
Такой везде зажиточный народ,
Панёнки ж просто искушенья!..»

«Ну что ж, несете труд, и мзду свою примите,—
В ответ тевтон, вертя шнурком,—
Но я излишества не потерплю ни в ком:
По шкурке, так и быть, возьмите,
А больше их — не троньте волоском!»
<1916>

ПАРОДИИ

* * *

Я вижу Толедо,
Я вижу Мадрид,
О белая Леда! Твой блеск и победа
Различным сияньем горит...
К. Бальмонт. «Испанский цветок»

Я плавал по Нилу,
Я видел Ирбит.
Верзилу Вавилу бревном придавило,
Вавила у виллы лежит.

Мне сладко блеск копий
И шлемов следить.
Слуга мой Прокопий про копи, про опий,
Про кофий любил говорить.

Вознес свою длань я
В небесную высь.
Немые желанья пойми, о Маланья! —
Не лань я, не вепрь и не рысь!..

О, щель Термопилы,
О, Леда, о, рок!
В перила вперила свой взор Неонила,
Мандрилла же рыла песок...

<1907>

Ты в поля отошла без возврата.
Да святится имя Твое!
Снова красные копыя заката
Протянули ко мне острие.

.....
О, исторгни ржавую душу!
Со святыми меня упокой.
Ты — держащая море и сушу
Неподвижно тонкой рукой!

А. Блок

Луна в белом чепчике с узором...
Лунный мир мне так привлекателен.
Гляжу на всё растерянным взором,
Размер для меня необязателен.

Ловлю весны поцелуй я.
Мил мне гномик в куртке затертой.
Не спеть ли мне аллилуйя, —
Аллилуйя на глас четвертый?

В мозгу перья страуса качаются,
Ненавижу серые пушки.
Папа с мамой в баню собираются,
Свистнул карлик на лесной опушке.

Мне мила моя греза Фантаста.
Жду я с белой Девой встречи.
Ах, зачем, ах, зачем я так часто
Перехожу за черту человеческой речи?

Как скучает крендель над булочной,
Как квартального смех раскатист!
Пересыпается солнце в пыли переулочной...
Спою-ка чертенятам акафист.

Чертенятки милые, малые,
Ах, вы лучше целой столицы!..
Серебряю я сны небывалые.
Вскую шаташася, языцы?

⟨1907⟩

И я такая добрая:
Влюблюсь — так присосусь.
Как ласковая кобра я,
Ласкаясь, обовьюсь.

И опять сожму, сожму,
Винт медлительно ввинчу,
Буду грызть, пока хочу,
Я верна — не обману.

З. Гиппиус

Углем круги начерчу,
Надушусь я серою,
К другу сердца подскачу
Сколопендрой серою.

Плоть усталую взбодрю,
Взвизгну драной кошкою,
Заползу к тебе в ноздрю
Я сороконожкой.

Вся в мистической волшбе,
Знойным оком хлопая,
Буду ластиться к тебе,
Словно антилопа я.

Я свершений не терплю,
Я люблю — возможности.
Всех иглой своей колю
Без предосторожности.

Винт зеленый в глаз ввинчу
Под извив мелодии.
На себя сама строчу
Злейшие пародии...

1907

Свет от света оторвется,
В недра темные прольется,
И пробудится яйцо.
Хаос внуку улыбнется...

С. Городецкий. «Ярь»

Тучи в кучи взбаламучу,
Проскачу волчком качучу,
Треском рифм наполню свет.
Как звонки двуконных конок,
Стих мой тонок, ломок, звонок,—
Звону много, смыслу нет.

Я нашел под подворотней
Приболотный, приворотный
Легкой славы корешок...
Трех чертяк с лесных опушек,
Двух поповен, трех старушек
На Парнас я приволок.

Сколь приятно в вечер росный
Поблудить с старушкой постной,—
Бородавки пощипать,
До утомы и одышки
У косматых ведьм подмышки,
Щеки-щетки щекотать...

Ой, Ярило, в бор, за прудом
Приходи, займемся блудом,—
И, взглянувши нам в лицо,
Древний Хаос воссмеется,
И с моих стихов прольется
Смертным — всмятку яйцо.

1907

Не похож я на певца.
Я похож на кузнеца.
Я для кузницы рожден.
Я — силен!

Скиталец

Мне вместо головы дала природа молот.
Не сердце в грудь, а горн, не руки, а клещи.
В безумной роскоши тонул ваш гнусный город,
А я... ел щи!

К вам, трупы палые, прогнившие колосья,
Я вдруг упал, как гром, покрыв ваш совий визг.
И кузнеца девиз в поэзию принес я:
«Бей вдрызг!..»

Вампиры-богачи, удавы, змеи, жабы,
Вы пролетария затискали в норы!..
Отрыжка сатаны, как вас спихнуть пора бы
В тартарары!!

⟨1907⟩

Жили-были я да он:
Подружились с похорон.
Приходил ко мне скелет
Много зим и много лет.
Костью крепок, сердцем прост —
Обходили мы погост.
Поминал со смехом он
День веселых похорон:
Как несли за гробом гроб,
Как ходил за гробом поп,
Задымил кадилом нос.
Толстый кучер гроб повез.
«Со святыми упокой!»
Придавили нас доской.
Жили-были я да он.
Тили-тили-тили-дон!

А. Белый. «Пепел»

Тили-тили-тили-бом,
Загорелся кошкин дом.

Ах, не месяц! — целый год
Будет плакать рыжий кот.
Насандалил повар нос,
Дремлет в юрте эскимос.
В монопольке торгу нет,—
Для поэта все сюжет:
Келья, зори и кабак,
С дыркой старый четвертак,
Запах жареных котлет,
Генеральский эполет,
Новобранца узкий лоб,
Гроб на дрогах, рядом поп,
Бриллиант или берилл,
Павиан или мандрил,
Мрак и правда, свет и ложь,
Пара стоптанных калош,
Сколопендры острый нос
И довременный Хаос,
И Гоморра и Содом —
Тили-тили-тили-бом.

1909(?)

НОВЫЙ ВЕК

...Это дульцинировало ее влечение к
принцу Танкреду и альдонсировало ее
любовь к жениху...

Сологуб. «Королева Ортруда»

Офеоктивившись сначала,
Осоловьевившись позднее¹,
Живет успехами скандала
Писатель наших серых дней.
Подонкихотил он изрядно,
Как был прогресс в умах у всех,
И человек не мыслил стадно,
И салтыковился нещадно
Над пошляками гневный смех.

¹ Феоктистов и Соловьев — начальники Главного управления по делам печати, в некотором роде кормчие былой литературы.

Теперь иных поэтов куча,
Завет отцов сочтя за гиль,
Претенциозна и трескуча,
Морализировать наскуча,
Рамолизирует свой стиль.
И тщетно с ними кто бы спорил:
Уж блещет свет иных светил.
Егор Чулков нас объегорил,
Кузмин нас крепко подкузьмил.

Одульцинирован успехом
И альдонсирован толпой,
Одетый в шубу кверху мехом,
В лицо смеется явным смехом
Модернизированный герой.
И с легкомысленностью женской
Толпа все славит сотней губ,
Что санатолит ей Каменский,
И намудрит Сергеев-Ценский,
И нафедорит Сологуб...

⟨1909⟩

В зале, за столом,
Под постелью, вешалкой —
Словом, полон дом.
Сыщики ретивые,
В синих все очках,
Выражают преданность,
Выражают страх.
Дети революции
Тронут ли его,
Генерала-сыщика —
Пьера Дурново?
Перейдем насупротив...
Сыщики и тут:
Гордо подымается
Здесь военный суд.
Сыщики и сыщики...
Кину ль вправо взор:
Вон — наряд гороховый;
Вон — стоит дозор...
Влево — боже праведный! —
Сыщики кругом:
В фонарях, за окнами,
В доме, за углом.
В суд вхожу ль с опаскою:
Вижу — судьи в ряд...
Нет, уж не обманете:
Сыщики сидят.
Прокурор старается...
Ордена, кресты,
Офицер как будто бы...
Сыщик, брат, и ты...
Словом, Мойка бедная
Сыщиков полна,
Оттого-то грязная
У нее волна...
Оттого-то хочется
Без конца кричать:
«Прочь! Довольно сыщиков,
Сыщиков убрать!»
Тсс... О муза милая,
После поподем...
Сыщики слоняются,
Сыщики кругом.

Ноябрь 1905

НЕБЫВАЛЬЩИКИ

Уж случись-приключись небывальщинки,
Небывальщинки немалые:

По чисту полю наш флот бежит,
На дне моря капитал лежит,
Во Париже — Трепов-президент,
Готтентоты денег дали под процент,
Во поднебесьи овес растет,
Дурново карикатуры издает,
Городовые разгоняют казаков,
Казаков амнистированных,
Всех от казни отвоеванных;
Витте стал купецкой свахою
И грозит рабочим плахою;
Дума мыслит учредительно,
Жизнь в России восхитительна,
Рыбы бегают по улицам пешком,
Ерш Шпионович гуляет петушком,
Он по форточкам не нюхает,
Комариный писк не слушает,
Ходит Ерш Шпионыч франтиком:
Все брюшко отделал кантиком...

Уж такие ж небывальщинки!
Уж такие небывалые!..

⟨6 марта 1906⟩

БАСНИ

СВОБОДНЫЕ СКОТЫ

«Друзья! — так начал речь Пастух
К стадам, бродившим на поляне.—
Я бью вам всем челом заране,
Досель я был и слеп, и глух.
Средь вас возникло недовольство...

Простите ж мне тиранство, своеволие:
Свидетель бог,—
Я вас стерег,
Чем только мог,
От гибельных и вредных заключений:
Рожком,
Арканами, кнутом,
Но всё из чистых побуждений.
Я заблуждался... Грянул гром!
Теперь, при всем честном народе,
Я волю объявляю вам!
Свободные! Молитесь небесам!
Я первый кнут бросаю сам!
Идите же, резвясь, в объятия свободе
И отдавайте дань природе,
Где захотите: тут иль там!»
Замолк Пастух... Разинув глотки,
Скоты свободные бегут...
Куда девался облик кроткий?!
Восторг оваций, счастья нотки,
Хвосты трубой, мычат, режут,
Туда, сюда,— а там и тут
Уже колючие готовы загородки.

Читатель, мысль тебе не надо пояснять:
Тех загоронок снять
Скоту буржуйному не по нутру, конечно:
Для них — что колется, то вечно.

Октябрь или ноябрь 1905

КАРАНДАШ И ЦИРКУЛЯР

Жил некий Карандаш на свете много лет.
Он популярен был: знал его поэт,
Редактор, метранпаж, издатель, литератор —
Будь то умеренный, свободный, консерватор,—
Ну, словом, целый свет
Перед его всевластьем преклонялся.
А так как «вольный дух» им строго возбранялся
И с ним борьба взяла немало сил,

То Карандаш решил
 Помощника себе сыскать, надежного служаку,
 Не дерзкого, не забияку,
 Но человека с умной головой,
 Чтоб таковой
 Меж строк умел бы видеть смуты,
 Чтоб злонамеренные пути
 Писак газетных пресекал,
 А главное — чтоб современные он нужды понимал.
 Прошло немного дней —
 И у дверей
 Цензуры Циркуляр стучится.
 Он — ловок, он — умен,
 Свободомыслом в меру надушен,
 Корректный тон,
 На лбу закон.
 К Карандашу вошел и даже не садится...
 «Я, ваше-ство, известный меценат!
 Редактор мне — и сват, и брат!
 С писателем — друзья мы.
 Читателю не рою ямы...
 Могу отечеству я с честью послужить:
 Статья у вас имеется такая...
 Сто... сто сороковая...
 По ней я буду жить,
 По ней дела вершить,
 И выйдет так, что всякому печатному уроду
 Дадим свободу:
 Едва назрел вопрос,
 Я весь к его услугам,
 Не буду действовать ни карой, ни испугом,
 Держать по ветру буду нос
 И только восклицать:
 «Нельзя писать
 Того-то и того-с!»
 Поверьте, ваше-ство, я стану общим другом!»
 Тут с дрожью в голосе воскликнул Карандаш:
 «Вы — мой, я — ваш!
 А в единении — сила!
 Нас разлучит одна могила,
 А до тех пор пойдем
 Вдвоем!..»

Мораль сей басни надо пояснить:
С Карандашом трудненько было жить,
При Циркуляре —
Нам скоро воспретят писать и о пожаре.

1905

ПЕСНЬ ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ СВИНЬИ

Уткнувшись в лужу пяточком
По самое свиное темя,
Хавронья хрюкала о том,
Что возрождается опять свиное племя:
«Мы начинаем вновь прогресс!
Нам дела нет до звезд и до небес,
Мы их совсем не почитаем,
И самым сущим раем
Свой хлев испачканный считаем!..
Настал опять счастливый миг,
Дух вольнодумства ныне стих,
И радикальные дворовые собаки
За вольнодумственные враки
Все — на цепях!..
Исчез отныне страх,
И безбоязненно в печати и искусстве,
Копытцами постукивая в чувстве,
На псов мы призываем гнев
И в одах восхваляем хлев;
А иногда (коль близко дворник),
Для развлечения и утех,
Собак привязанных толкаем мы в намордник;
Итак, без всяческих помех
Мы ходим всюду, где угодно,
И хрюкаем свободно,
Без личных счетов и без ссор,
И скоро весь захватим двор!..»

Читатель, для тебя не надо пояснений.
И, сидя на цепи, мы слышали не раз
Торжественный аккорд подобных песнопений:
Рептильная печать звучит и посейчас.

⟨7 октября 1906⟩

ЧТО ЗНАЧИТ «АВТОНОМНЫЙ»?

Нечто вроде басни

Однажды Некто в день скоромный
Задумался над словом «автономный»,
А так как Некто был фельдфебельский Вольтер
И с эрудицией огромной,
Всех орденов российских кавалер,
То он решил не мудрствовать лукаво,
Не рыться в словарях, а действовать в карьер,
И лишь скомандовал: «Направо
Известною казачьей лавой
Во весь опор,
А двери школы — на запор!»

Скажи, читатель, сей прием головоломный
Ужель не разъяснил, что значит «автономный»?

Октябрь 1906

〈ИЗ «НОВЫХ ЧАСТУШЕК- КОРОТУШЕК ПРО ВОЙНУ»〉

1

Деревенские девицы
Не едали чечевицы...
Эх, грехи, грехи, грехи,
Для кобыл дают жмыхи...
А солдат — не кобылица —
Ест, иначе, чечевицу!..

2

Развелось в России франтов,
Развеселых интендантов,
Как вели они войну
На российскую казну...

Всю казну в карман забрали,
Всю в бумажники связали,
Победили, разгромили,
Кошельки свои набили...

Интендантская порода
Воровала провиант,
А сегодня для народа
Нацепила красный бант...

⟨1917⟩

⟨ИЗ «НОВЫХ ПРИПЕВОК»⟩

1

Все законы — миротворцы,
Только судьи — крючкотворцы,
А закон — что дышло:
Повернешь, и вышло...

2

Выходил один оратор,
Оказался — провокатор...
Ох, оратель мой, оратель,
Сохрани от вас, создатель!

3

У богатого — телята,
А у бедного — ребята,
У окопных у солдат
Ни теляток, ни ребят...

4

Две копейки с полкопейкой
Получал солдатик в день.
Коли хошь, отдай цыганке,
Коли хошь, храни их в банке,
Коли хочешь, собирай
Да брильянты покупай!

⟨1917⟩

*ВСТРЕЧА
(ДВУХ РЕДАКТОРОВ
НА ШПАЛЕРНОЙ УЛИЦЕ)*

- А! Вы еще туда?
- А вы уже оттуда?
- Отпущен до суда.
- Я посижу покуда.
- Я внес уже залог!
- Мне, думаю, найдется!
- С трудом пять тысяч мог!
- Ужель и мне придется?!
- Прощайте! До суда!
- А не свершится чуда?!
- Бедняга! Вы туда!!
- Счастливцев! Вы оттуда!

Ноябрь или декабрь 1905

О ЧЕМ МОЖНО ПИСАТЬ

Нельзя писать: о бюрократе,
Об офицерстве, о солдате,
О забастовке, о движении,
О духовенстве, о броженьи,
О мужике, о министерстве,
О казни, о казацьем зверстве,
О полицейских, об арестах,
О грабежах, о манифестах!
Но остальное все — печать
Должна сурово обличать!
Когда ж напишешь — просмотри
«128» и «103»...

Ноябрь или декабрь 1905

**КАК ИВАН-ДУРАК
СПАС СЕЛО ГОЛОДНОЕ**

Сказка

Собирались мужички,
Мужички — не дурачки...
Стали думать, как им быть,
Где бы хлебушка добыть:
Нету сена, вышла рожь,
И на скот пошел падеж...
Надо сеять — нет овса...
Зарастает полоса...
Горевали мужички,
Мужички — не дурачки...
«Вон теперь у наших бар
От муки трещит амбар,
И мякина, и овса!!
Тьфу! Их леший забодай!!!
Эх, телега, пропадай,
Все четыре колеса!»

Судят этак, судят так...
Молвил вдруг Иван-дурак:
«Я вам в горе помогу,
Лишь об этом ни гугу!»
Засмеялись мужички,
Мужички — не дурачки...

Утром рано наш Иван,
Взяв дырявый свой кафтан,
Вороную впряг в соху...
«Ванька, дурень! Быть греху!» —
Говорили мужички —
Молодежь и старички...

Ванька с песнею лихой
Скачет по полю с сохой...
В полдень он на вороной
Вновь явился — с бороной...
Все хихикают в кулак:
«Что ж посеет наш дурак?»

Ванька лоб перекрестил,
В шапку пальцы запустил,

Начал кукиши кидать,
И смеяться, и рыдать...
Ваньке дали тумака
И связали дурака...

Год прошел, тяжелый год...
Обеднел совсем народ:
Нету сена, вышла рожь,
И на скот опять падеж...
Надо сеять, — нет овса...
Зарастает полоса...

Вот однажды мужичок,
Мужичок — не дурачок,
С перепугу поднял крик...
Все село сбежалось вмиг:
«Братцы! Диво! Не могу!!
У Ивана на лугу
Всё большие кулаки
Наподобие руки
Кверху лезут из земли!!» —
«Брось, Емеля, не мели!»
Стал божиться мужичок,
Мужичок — уж старичок...

Любопытство подвело:
Побежало все село.
«Диво! Верно — кулаки!!» —
Волновались мужики...
Ванька-дурень гоготал,
Над испугом хохотал:
«Ох, умру! Ой-ой, невмочь!
Я хотел селу помочь!
Если надо овсеца,
Ржицы, проса и сенца, —
Так бери себе кулак!» —
Говорил Иван-дурак...

Почесались мужики
И взялись за кулаки...

<4 декабря 1905>

ТЕЛЕГРАММЫ

(Срочные)

ОТ Г-НА ДУБАСОВА Г-НУ ДУРНОВО

Нету войска. Нет патронов,
Нету жизненных припасов.
Море крови, море стонов.
Я тону в Москве...
Д у б а с о в

ОТ Г-НА ДУРНОВО Г-НУ ДУБАСОВУ

Море крови?.. Я не стану
Говорить вам ничего,
Ведь плыву ж по океану,
Не тону я...
Д у р н о в о

ОТ Г-НА ДУБАСОВА Г-НУ ДУРНОВО

Жду ответа телеграфом.
Посоветуйтесь хоть с графом.
Повторяю — нет запасов.
Выручайте...
Ваш Д у б а с о в

ОТ Г-НА ДУРНОВО ГРАФУ ВИТТЕ

Адмирал Дубасов пишет,
Что в Москве он еле дышит,
Что сидит безо всего...
Чем помочь бы?
Д у р н о в о

ОТ ГР. ВИТТЕ Г-НУ ДУРНОВО

Я не верю; быть обману:
Шутит, верно, телеграф...
Чрезвычайную охрану
Мог ввести он...
В и т т е - г р а ф

ОТ Г-НА ДУРНОВО Г-НУ ДУБАСОВУ

Граф ответил очень грозно:
Есть «охрана» для того;
Коль в Москве еще не поздно,
Объявляйте...

Д у р н о в о

При передаче последней телеграммы произошло замешательство: явились телеграфисты-забастовщики «снимать» товарницей с работы. Телеграмма была передана спешно.

Г-НУ ДУБАСОВУ ОТ Г-НА ДУРНОВО

Граф ответил: слишком поздно,
И охрана ничего,
Развилось движенье грозно.
Убегайте!

Д у р н о в о

Телеграф забастовал.

Перехватил В. Троф

Декабрь 1905

сон

Проснулся я... Дрожу как в лихорадке;
В глазах моих неясные круги;
Чуть виден свет мерцающей лампадки,
И слышен храп усталого слуги...
Хотя темно, но за стеною глухо
Часы уже «прокуковали» шесть.
Встает, кряхтя, с молитвою старуха:
Сегодня ранняя обедня есть...
Придя в себя, я, сидя на постели,
Стал вспоминать зловещий, страшный сон.
И мысли тут такие налетели,
Что уж вконец меня расстроил он...
Иду один по улице пустынной,
Задумчиво нахмутивши свой лоб.
Навстречу вдруг мне вереницей чинной
Ряд погребальных дрог — за гробом гроб...
Один... другой... Я насчитал четыре,

И в красный цвет окрашены они;
Возницы все в особенном мундире,
А в факелах — кровавые огни...
Никто не шел на кладбище у гроба...
Иль мертвецов никто уж не жалел?!
Лишь в стороне плелась одна особа:
Тоской ее усталый взор горел...
Я подошел... Гроб совершенно новый...
«Кого везешь?» — я предложил вопрос.
В ответ возница указал суровый
На ленту и венок из алых роз...
Я прочитал: «От всех твоих страданий
Ты наконец нашла себе исход:
Свобода всех союзов и собраний
Здесь мирно спит и не проживши год!»
«Пришлось дни безвременно скончати!..—
На гробе так я прочитал втором.—
Свобода здесь и *слова и печати*,
До лучших дней покойся тихим сном!»
На третьем гробе: «Не дождавшись эры,
Когда должна была торжествовать,
Она, *свобода совести и веры*,
Легла опять сном мирным почивать!»
«*Свобода личности* здесь спит, бедняжка!..—
На ленте я четвертой прочитал.—
Жилось ей мучительно и тяжело,
И смертный час безвременно настал!»
Я подошел к таинственной особе...
Ответ ее был искренен и прост:
«Я — *Конституция!* А в каждом гробе
Моя *свобода* едет на погост!»

⟨5 ноября 1906⟩

Н. Г. ШЕБУЕВ

ЕГО ПЛАТФОРМА

«Мой программный центр — народ,
Все полдюжины свобод,
Общая реформа.
Ну, а ваша, генерал?»
На жену он указал:
«Вот моя платформа!»

Октябрь или ноябрь 1905

ШАНСОНЕТКА

(На мотив «Я — шансонетка»)

1

Я — Трепов. В свите
Я — генерал.
Мы в паре с Витте
Шли на скандал.
Мой герб: нагайка, штык и плеть,
Девиз: «Патронов не жалеть!»

2

Я очень быстро
Усвоил роль
Премьер-министра,
И мой пароль:
«Отнюдь портфелей не жалеть»,
Мой герб: бутылка, лавр (не плеть).

Я — Куропаткин,
Меня все бьют.
Во все лопатки
Войска бегут.
Девиз мой: «Не жалеть своих!»
Пыхтеть умею за троих...
Октябрь или ноябрь 1905

РАНЬШЕ ЛУЧШЕ

Брань на вас несется градом.
Вас ругать считают спортом,
Вас крестят то овсокрадом,
То свиньей, ослом иль чертом...
Вы едва моргнете глазом,
А на вас карикатуры
В двадцати журналах разом...
Вот что значит нет цензуры!..
Нет, ей-богу, раньше жили
Втрое лучше, если вникнуть...
Об овсе бы запретили
Циркуляры даже пикнуть,
Не трещали б, как шарманка,
О «поступке некультурном»...
Даже слово бы «овсянка»
Почиталось нецензурным!..
Декабрь 1905 или начало января 1906

№ 85

Я сегодня осчастливлен
Положительно тюрьмой,
Мне другим сменили номер
Пятьдесят восьмой.
Дали восемьдесят пятый
В воздаяние заслуг.
Вот так номер! Вот так номер!
В нем окно на юг!

«В прежнем номере, хотя бы
Я на табуретку влез,
Видел неба треть аршина,
Здесь — аршин небес!

〈16 апреля 1906〉

ПАРОДИИ

ФЕДОР СОЛОГУБ

Тары-бары
Растабары...
Ф. Сологуб

Тары-бары
Сплел намедни
Для кликуш
«Навыи чары»,
Навыи бредни,
Навью чушь.

〈1908〉

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

Стоит древесно.

О муза, даждь в бряцаньях лирных
Днесь Иванова превознести,
Который в странствиях эфирных
Хвалы своей возводит весть.
Не втуне быть Купидо тщится:
Хотя с чела и лысым зрится,
А сзади распушил власы,
Собой себя осуществляя,
Самодовольствием сияя,
Он позирует для красы.
И младостариц легионы
И староюноши текут.

Свои они творят законы,
Свое читают и поют.
Но их творений мириады —
Лишь отсвет некоей менады,
Твоей, Ива́нов Вячеслав.
Хотя твои стихиры тяжки,
Се мню: в писаньях без натяжки
Стяжал себе ты славу славе,
Ты сим в народе богоравен,
Что, тщась не тщетно, воскрешен
Тредиаковский и Державин
Тобой, прозревшим в тьму времен
Зоилы праздно дружным хором
Твои стихи мнят тщетным сором.
Сорóм для них изречь: «Се сор!»
Тебе зоилы не обида, —
Сопряг три звания: *Купидо*,
Пиита ты и *профессóр*.

⟨1908⟩

Д. И. ГЛИКМАН

ПЕРЕПЕВЫ

КАШИЦА

(По Алексею Толстому)

— Государь ты мой батюшка, государь
Сергей Юльевич,

Что изволишь в котле варить?

— Кашицу, матушка, кашицу,
Кашицу, родимая, кашицу!..

— Государь ты мой батюшка, государь
Сергей Юльевич,

А где ты изволил крупы достать?

— В канцеляриях, матушка, в канцеляриях,
В канцеляриях, родимая, в канцеляриях.

— Государь ты мой батюшка, государь
Сергей Юльевич,

А чем ты будешь кашицу размешивать?

— Нагайкою, матушка, нагайкою,
Нагайкою, родимая, нагайкою.

— Государь ты мой батюшка, государь
Сергей Юльевич,

А чем поливать будешь кашицу?

— Кровушкой, матушка, кровушкой,
Кровушкой, родимая, кровушкой...

— Государь ты мой батюшка, государь
Сергей Юльевич,

А ведь кашлица выйдет крутенька?

— Крутенька, матушка, крутенька,
Крутенька, родимая, крутенька.

— Государь ты мой батюшка, государь
Сергей Юльевич,

А ведь кашаца выйдег грязненька?
— Грязненька, матушка, грязненька,
Грязненька, родимая, грязненька.

— Государь ты мой батюшка, государь
Сергей Юльевич,

А как сия кашаца прозывается?
— Конституцией, матушка, конституцией,
Конституцией, родимая, конституцией.

— Государь ты мой батюшка, государь
Сергей Юльевич,

А кто будет кашацу расхлебывать?

.....
.....

На этот вопрос точный ответ даст будущее. Сергей Юльевич думает, что расхлебывать кашацу будет народ, а мы думаем — наоборот.

Между октябрем и декабрем 1905

В ЧЕМ НАШЕ СПАСЕНИЕ?

В охранном отделении,
В тюремном заключении,
В военном положении,
В расстрелах без суда;

В бессовестном грабительстве,
В заботливом правительстве,
В агентском сочинительстве
Без смысла и стыда;

В хроническом бесславии,
В синодском православии,
В бесхлебьи и бесправии,
В казенном кабаке;
В министрах-целовальниках,
В родных столоначальниках,
В лихих военачальниках
Да в буйном кулаке;

В цинизме развратителей,
Сувориных-служителей

И всех их покровителей,
В «порядке правовом»;

В победах над крестьянами,
В союзе с хулиганами,
С насилием и обманами,
В понятии — «погром»;

В чиновных декларациях,
В поддельных депутациях,
В «бесценных» ассигнациях
На каждый «сей предмет»;

В концессиях с доходцами,
В политике с подходцами,
В сраженьях с инородцами,
В закрытии газет;

В свирепом губернаторстве,
В бесстыдном провокаторстве,
В блистательном диктаторстве,
В чинах и орденах;
В лакеях разукрашенных,
Да в займах непогашенных,
Да в замках семибашенных,
В могилах и крестах!..

〈3 февраля 1906〉

ВОСПОМИНАНИЯ

То было раннею весной.
А. Толстой

То было раннею весной...
Доверие всходило,
Вооруженною рукой
Власть обществу кадила,
И о свободе золотой
У россов сердце ныло...
То было раннею весной,
При Святополке было...

На бюрократию пошли
Удалые наезды,
И земцы шумно потекли
На городские съезды.
И было дранье одежд,
И речи, и банкеты...
О, рой надежд! О, рой надежд!
О, Дума! О, кадеты!

То было летнею порой...
Доверие засохло,
Кадет речистый поднял вой,
И общество заглохло...
На ниве Витте — Дурново
Взошли успокоенья;
Сенат, как бог, из ничего
Творил нам разъясненья...
И на Руси был глад и мор,
Лидваль и Гурко были...
О, жизнь! О, нежный разговор!
О, сказочные были!..

⟨29 июля 1907⟩

ЭПИГРАММА

НЕПОНЯТЛИВЫЙ

«Вы слышали: был бал у Дурново...
Прекрасный бал...» — «И что же, ничего?..»
«Как «ничего»? И пили, и плясали...
Играли в винт, и в фанты, и в лото...
Так весело...» — «Да нет, я не про то!..»
«Про что же?» — «Никого не расстреляли?!»

1906

ЖАЛОБА МИНИСТРА

Когда в порыве слишком быстром,
Не посмотрев, куда иду,
Я согласился быть министром, —
В какую я попал беду!
Куда ни кинешься, все скверно,
Куда ни глянь, везде скандал,
И каждый час, смотри, наверно,
Уж кто-нибудь забастовал.

Бастуют лекарь и разносчик,
Девицы, конки, кучера,
Студент, швейцар, актер, извозчик,
Et caetera, et caetera...¹
Да вот пример: телеграфистам
(Их дух союзов обуял)
Я пригрозил: «Что́ собрались там?»
А телеграф — забастовал.

Я вышел к ним с сердитым ликом,
Осанку грозную храня,
Вдруг демократ, в экстазе диком,
Кричит: «Долой!» Кого ж? Меня!
Я на него взглянул сурово —
Еще наглей кричит нахал.
И я позвал городского...
Городовой забастовал!

Распались звенья цепи древней,
Бунтует жид, бунтует лях,
Встает деревня за деревней
«В экономических целях».

¹ И так далее, и так далее (*франц.*).

Любя помещика как брата,
Едва на помощь он позвал,
Я выслал экстренно солдата,—
Но и солдат забастовал.

Упала рента, нет доходов,
Грозит взысканьем кредитор,
Средь казначейских тайных сводов
Лишь пустоту встречает взор.
Трещит кредит, идет банкротство,
И я в Берлин гонцов послал:
«Воззри на горькое сиротство!»
Но Мендельсон забастовал.

Матросы обратились в банду,
Кто был сапер — стал хулиган,
Мятежный Шмидт берет команду,
Бежит блаженный Иоанн.
Видала Турция ль, Европа ль
Такой безумный карнавал?
Кронштадт сожжен, взят Севастополь,
И целый флот забастовал.

Ну, стал народ с какой закваской!
Чего им нужно, не поймешь!
Ни мерой строгости, ни лаской
Не образумишь, не уymeшь.
Стреляешь, режешь, рубишь, колешь —
Им все равно, им наплевать,
И остается мне одно лишь —
Хоть самому забастовать!

Ноябрь 1905

ГУЧКОВСКИЙ ГИМН

Чья-то песня разливается
Над рекою над Москвой?
То Гучков воспеть старается
Суд военно-полевой.

«Суд — отечества спасение,
Суд — опора всех реформ,

Суд — крамоле устрашение,
Верный якорь в бурный шторм.

Что врагов укоры дерзкие?
Мы сильнее во сто крат.
Против нас — писаки мерзкие,
А за нас — премерзкий¹ брат.

Пусть печать болтает гадости.
Что Шипов и Трубецкой?
Запою один я в радости
Над Москвою над рекой:

Славься, суд скорорешительный,
Суд мгновенно-роковой,
Суд неждущий, суд стремительный,
Суд военно-полевой!»

〈14 сентября 1906〉

¹ Не премьерский ли?

ПАТРОНЫ И ПАТРОН

Спрятав лик в пальто бобровое
От крамольников-врагов,
Получивши место новое,
Едет Трепов в Петергоф.

Покидая пост диктатора,
Льет он слезы в три реки.
Два шпиона-provокатора
Сушат мокрые платки.

«Ах! Подобного нелепого
Я не ждал себе конца:
Генерал-майора Трепова,
Благодетеля-отца,

Кто порядки образцовые
Ввел словами: «Целься! Пли!» —
В коменданты во дворцовые
Не спросяся уекли!

Ведь для них я был мессиею,
Охранял и строй, и трон,
Был один над всей Россиею
Покровитель и патрон!»

Трепов! Не по доброй воле ли
С места вам пришлось слететь?
Сами вы учить изволили,
Чтоб патронов не жалеть!

Октябрь 1905

БЕДНЫЙ АЗРА

Каждый день чрез мост Ани́чков
Поперек реки Фонтанки,
Шагом медленным проходит
Дева, служащая в банке.

Каждый день на том же месте,
На углу, у лавки книжной,
Чей-то взор она встречает —
Взор горящий и недвижимый.

Деве томно, деве странно,
Деве сладостно сугубо:
Снится ей его фигура
И гороховая шуба.

А весной, когда пробилась
В скверах зелень первой травки,
Дева вдруг остановилась
На углу, у книжной лавки.

«Кто ты? — молвила. — Откройся!
Хочешь — я запламенею
И мы вместе по закону
Предадимся Гименею?»

Отвечал он: «Недосуг мне.
Я агент. Служу в охране
И поставлен от начальства,
Чтоб дежурить на Фонтанке».

⟨1911⟩

ПЕРЕПЕВЫ

ИЗ МИЦКЕВИЧА

Снарядившись для похода,
Писарёвский-воевода
Говорит команде речь:
«Враг пред вами. Цель в прохвоста!

Меть верней! Бери в полроста.
Разом пули и картечь!
Бить меррррзавца — честь солдата.
Раз, два, три! Пали, ребята!
Пусть издохнет скверный гад!»
«Рад стараться!» — взвыли взводы,
Дружно в спину воеводы
Выпуская весь заряд.

⟨19 ноября 1905⟩

Ты пойдй, моя коровушка, домой,
Ты пойдй, моя непоенная!
За тобой давно следит городской:
Будешь скоро успокоенная!

Запишись скорей ты в партию П. П.
Иль возьмиись за ум да в «Русскую»:
Коль найдешь друзей в шпионе да в попе,
Не спознаешься с кутузкою.

Если ж нет — тебя сведут в арестный дом,
Изобьют тебя, как гадину,
Назовут тебя крамолы вожаком
И съедят твою говядину!

⟨5 февраля 1906⟩

ИЗ ГЕЙНЕ

На острове диком.

Дзунлúлу Десятый, король ганнибалов,
Решил подкрепиться чуть-чуть,
Съел двух стариков, трех девиц и ребенка
И лег на часочек всхрапнуть.

И снится ему, что в том крае далеком,
В том крае, где клюква растет,
Обжора Дубасов полковнику Мину
Такой же обед задает.

⟨1906⟩

ПОЭТ НАД ОЗЕРОМ

«Не хочу я яркого, шумного и звонкого;
Я люблю «неясное» — аромат духов,
Тихий голос издали, шелест платья тонкого,
Краски бледной осени, кружево стихов.
Что мне речи жаркие! Что мне «область умного»,
Позы олимпийские, лавры, пьедестал!
От всего безмерного, от всего безумного
Я давно избавился, я давно устал.
И об обладании смелостью и силою
Не взываю к Сущему, скорбно не молю.
Я сижу над озером и рукой унылою
Струны арфы трепетной тихо шевелю.
Но когда над озером — яростный, стремительный —
Ураган поднимется, загремит Перун —
Я очнусь и вырежу пламенный, губительный
Лук из арфы сломанной с тетивой из струн!»

Так поэт безвременья с арфой тихострунную
Песенку красивую о себе тянул
И под всплески озера мягкой ночью лунною,
Наклонясь над берегом, счастливо уснул.
Шли людишки темные, — мигом всё обтяпали:
Видят парня сонного, жалкого, как тля, —
Сперли арфу звонкую и из струн состряпали
То, что называется «мертвая петля».

⟨1912⟩

*CURRICULUM VITAE*¹

При конституции был в «маврах»,
Вершил туманные дела,

¹ Жизнеописание (лат.).

Мечтал о почестях, о лаврах
И крохах с барского стола;

Трещал на кафедре сорокой,
Как новорожденный юрист,
В законодательстве был докой,
Как в апельсинах октябрист;

В передних кланялся умело,
Умел где надо угодить,
Свершил указанное «дело»
И смело может уходить.

Гляди же гордо, без печали —
Мечты нарушены в пустом:
Не всех же лаврами венчали,
Иных — и фиговым листом!

〈1912〉

«МЫ»

*Прозаические стихи
или стихотворная проза*

Мы — сыны равнины дикой,
Мы — враги кривых путей,
Мы идем к мечте великой
Под веселый свист... полевого ветра.

Наше право за границей
Широко блюдут послы,
Указуя всем десницей
Путь, куда идут... осторожные люди.

Наши боги очень строги,
Но режим у нас не строг,
По бокам прямой дороги —
Что ни сажень, то... отдыхай сколько влезет.

Берегут нас чрезвычайно,
Не житье, а чистый клад!
Зазеваешься случайно —
В ухо просится... приглашение быть осмотрительнее.

Даровых «постановлений»
Намело вокруг сугроб;
Вместо «мирных обновлений»
Нам всучили прочный... государственный порядок.

Вам видны теперь причины,
Почему мы по ночам
Просим «мирных кончины»
Нашим добрым... покровителям из участка.

⟨1913⟩

*CREDO*¹

В годину тяжких испытаний,
Когда в обломках лжи и зла
Душа людей во мгле скитаний
Сама себя не обрела,—
Поэт, спугни звучащей лирой
Следы усталости на лбу
И пошлость пламенной сатирой
Прибей к позорному столбу.
Входи без страха в ров со львами,
Под кров лачуги и дворца
И жги горячими словами
Обледенелые сердца;
Коснись израненных губами,
Внимай их робким голосам,
Ищи людей между рабами,
Зови погрязших к небесам,
Неси в карающей деснице
Святое пламя в мертвой мгле...
Ты — огонь, сверкающий в темнице,
Ты — голос неба на земле.
Но если дашь, дрожа за шкуру,
В *самом себе* приют рабу,
Ты лучше сам свою бандуру
Прибей к позорному столбу!

⟨1913⟩

¹ Символ веры (лат.).

*ИТОГИ БАНКЕТА В ЧЕСТЬ
«РУССКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»*

Академик Бунин привлекается за
«оскорбление действием» пристава
Строева. Оскорбление это выразилось
в том, что Бунин... взял пристава
за рукав.

Из газет

Пристава Строева взяв за рукав,
Бунин затеял полемику.
Пристав, глазами в упор засверкав,
Отповедь дал академику
И, обнаружив чиновничий такт,
В «сферы» потек за содействием,
Квалифицируя названный факт
Как «оскорбление действием».
Что же тут странного? Бунин — поэт,
Имя, талант, эрудиция...
Ну, а у пристава «имени» нет —
Только мундир да амбиция!
О россиянин! Твой жребий лукав,
Жить на Руси нужно истово.
Ведай: поэту нельзя за рукав
Трогать казенного пристава.

Меру воздействия вмиг изыскав, —
Гордость должна быть приструнена, —
Пристав поспешно повлек за рукав
«В часть» академика Бунина.
И погрузился печальный поэт
В недра российской полиции,
Ибо «мундира» на Бунине нет,
Стало быть, нет и амбиции.
Умер в печати подавленный звук,
Тихо застыл, как чахоточный,
Ибо писателя взять за сюртук
Может любой околоточный...
Да, россиянин! Твой жребий лукав,
Жить на Руси нужно истово...

Цепятся розно — поэта рукав
И таковой же у пристава!

〈1913〉

ОЧЕВИДЕЦ

Посвящаю с великим уважением
Я. О., В. Б. и еще некоторым авто-
рам «военных рассказов»

Он сидел вон там, передо мною,
Наклонившись чуточку ко мне,
И, даваясь обильною слюною,
Говорил о нынешней войне:
«Чемоданы? Знаем. Испытали.
Целый ряд их видел наш отряд.
Снизу — пули; сверху — много стали:
Две недели около свистали,
Рассыпая смертоносный град.
С виду — так, конический снаряд,
Но осколки сыплет по спирали.
По спирали! Поняли? Иль нет?
Это ново! Крупновский секрет!
А потом пошли «гусары смерти»,
Это — штука, я вам доложу!
С превеликой склонностью к ножу,
На окопы лезут, словно черти!
Вот хотите — верьте иль не верьте,
Шапки — мех и кожа сапажу;
Хлеба нет — откормлены на дерти;
Всё мечтают о балтийском Дерпте!
Ну, да я еще им покажу!»
Я молчал, глядел куда-то мимо,
И досадно было мне вдвойне:
Ведь мерзавец *не был* на войне,
А сопит и врет неутомимо.

Он ушел, тряхнувши головой.
Я же думал: «Вот так индивидец!
Не о нем ли сказано молвой:
Этот сударь врет, как очевидец!»

〈1915〉

БРЕШЬ

Не бездарный,
Поэтичный,
Гибкотелый, как минога,
Легендарный,
Экзотичный
И мистический немного,
Многоликий
И бывалый,
На бумаге очень смелый,
Не великий
И не малый,
Но достаточно умелый, —
Расточительно настроив
Крепостей из картонажа,
Создал множество героев
В паутине шпионажа:
Многоликих
И бывалых,
На бумаге очень смелых,
Не великих
И не малых,
Но достаточно умелых,
Не бездарных,
Поэтичных,
Гибкотелых, как минога,
Легендарных,
Экзотичных
И мистических немного.
Тут и графы и графини,
Как клопы в большой перине,
Маргарин на парафине,
Парафин на маргарине!
Все шпионы, все мерзавцы
Эти рыцари успеха...
Но какие все красавцы!
Закачаешься от смеха!
Дочь красавица-плутовка
У красавца у магната...
И красавица-винтовка,
И красавица-граната!
О, синьоры, леди, дамы,
Сколько выпущено пара

Для красавицы-рекламы
И красавца-гонорара!
Я — серьезно! Ведь пасмешка
Далека моей натуре:
Натурально, этот Брешко
Брешь пробил в литературе!

〈1915〉

РОССИЯ В КАВЫЧКАХ

(Под Бальмонта)

Жалкая, мизерная,
В выдумках безмерная,
Вечно лицемерная,
Разве ты — «печать»?

По приказу страстная,
Умственно несчастная,
О казенно-частная,
Для чего кричать?

Малоблагородная,
Нагло-сумасбродная,
Мирно-бутербродная,
Что ты нам сулишь?

Грозная, курьезная,
Детски несерьезная,
И официозная,
Для чего скулишь?

〈1909〉

〈 ИЗ «ОБЗОРА ПЕЧАТИ» 〉

1

«РУСЬ»

Тихо плавает в тумане
Без руля и без ветрил
И на «братце Иоанне»
Портит озеро чернил.

«РЕЧЬ»

Я — не «Дело», всякий знает,
И — не «Мысль». Я просто — «Речь».
А отсюда вытекает —
Нужно Думу уберечь.

3

«РУССКОЕ ЗНАМЯ»

Как Венера, — в дни «измены»
Взоры «правых» веселя, —
Родилось оно из пены...
Кабинета «два ноля».

⟨1909⟩

От русского флота остались одни адмиралы —
 Флот старый потоплен, а новый ушел по карманам.
 Чухнин, Бирилёв и Дубасов — всё славные русские лица,
 Надежда и гордость страны, опора придворных и прочих.
 Чухнин с Бирилёвым себя показали довольно,
 А бедный Дубасов без дела сидит в Петербурге.
 В престольной Москве разгорается злая крамола,
 Рабочий, солдат и почтовый чиновник мятежный
 Хотят отложиться от славной державы Российской.
 Последние волосы Витте терзает в смертельном испуге:
 «Москва, ты оплот вековечный престола и церкви,
 Не ты ли себя сожигала в войне с Бонапартом,
 Не ты ли Дмитрием Ложным из пушки палила?
 А ныне — почтовый чиновник, солдат и рабочий
 Союз заключают, поправ и закон, и природу!
 О горе, о ужас! Кого же в Москву мне отправить,
 Чтоб был он собою ужасен, и пылок, и дерзок,
 Имел бы здоровую глотку и крепкие, львиные мышцы,
 Чтоб буйный почтовый чиновник,

солдат и мятежный рабочий

Взглянули... и в ужасе бледном закрыли бы лица руками.
 Людей даровитых не стало — иные бесславно погибли,
 Иные, продав свою ренту, позорно бежали на Запад...»
 И видит пророческий сон Сергей,

миротворец Портсмутский:

На снежном, изрытом копытами конскими поле
 Кровавые трупы лежат — и в небо застывшие очи
 Безмолвно и строго глядят... Ужасны их бледные лица!
 Над ними кружит воронье, и в хриплом,

зловещем их крике

Граф Витте отчетливо слышит: «Дубасов,
 Дубасов, Дубасов!...»

.....

Воспрянул от ложа Сергей, миротворец Портсмутский,
И быстро садится к столу и черные буквы выводит:
«Дубасов в Москву на гастроли...»
Чу, поезд несется в Москву,

с ним ветер летит вперегонку,
На небе зловеще горят багровые, низкие тучи,
Навстречу кружит воронье и каркает хрипло и злобно:
«Посмотрим, Дубасов, посмотрим...»

8 декабря 1905

Вчера в ресторане «Слава» неизвестный штатский толкнул случайно находившегося там же корнета N и не извинился. Корнет, бывший, по словам очевидцев, в нетрезвом состоянии, выхватил шашку и уложил несчастного на месте.

Хроника

Мундирную честь заливают вином
И топчут в публичных домах,—
Но это зовут пустяком
В военных кругах.

Крепка дисциплина, крепка кулаком
В пехотных и конных полках,—
Но это зовут пустяком
В военных кругах.

И кормят солдата протухшим пшеном,
Бывает и мясо в червях...
Но это зовут пустяком
В военных кругах.

Но если случайно заденешь плечом
Героя в орлах —
Услышишь: «К барьеру... убьем!» —
В военных кругах.

Декабрь 1905

К ПРАЗДНИКУ

До сих пор я знал, что копи,
Жеребцы, ослы и пони
Любят лакомый овес...
Но недавно был донос,
Что овес и Дурново
Также любит, — каково!

К обывателям взываю
И подписку предлагаю:
Выносите по полтине
На кормление скотине!
Купим десять мер овса
И увидим чудеса:
Съест обжора Дурново
Весь овес, и у него
Лопнет брюхо пополам...
То-то праздник будем нам!

Конец 1905

ЧЕПУХА

Трепов — мягче сатаны,
Дурново — с талантом,
Нам свободы не нужны,
А рейтузы с кантом.

Сослан Нейдгардт в рудники,
С ним Курлов туда же,
И за старые грехи
Алексеев даже.

Монастырь наш подарил
Нищему копейку,
Крушеван усыновил
Старую еврейку...

Взял Линеви́ч в плен спьяна
Три полка с обозом...
Умножается казна
Вывозом и ввозом.

Витте родиной живет
И себя не любит.
Вся страна с надеждой ждет,
Кто ее погубит.

Разорвался «апельсин»
У Дворцова моста...
Где высокий гражданин
Маленького роста?

Сей высокий человек
Едет за границу;
Из Маньчжурии калек
Отправляют в Ниццу.

Мучим совестью, Фролов
С горя застрелился;
Губернатор Хомутов
Следствия добился.

Безобразов заложил
Перстень с бриллиантом...
Весел, сыт, учен и мил,
Пахарь ходит франтом.

Шлется Стесселю за честь
От французов шпага;
Манифест — иначе есть
Важная бумага...

Иоанн Кронштадтский прост,
Но душою хлибок...
Спрятал черт свой грязный хвост —
Не было б ошибок!..

Интендантство, сдав ларек,
Все забастовало,
А Суворин — старичок
Перешел в «Начало».

Появился Серафим —
Появились дети.
Папу видели засим
В ложе у Неметти...

В свет пустил святой синод
Без цензуры святцы,
Витте-граф пошел в народ...
Что-то будет, братцы?..

Высшей милостью труха
Хочет общей драки...
Все на свете чепуха,
Остальное враки...

1905

КОМУ ЖИВЕТСЯ ВЕСЕЛО?

Попу медоточивому —
Развратному и лживому,
С идеей монархической,
С расправою физической...

Начальнику гуманному,
Банкиру иностранному,
Любимцу иудейскому —
Полковнику гвардейскому;

Герою с аксельбантами,
С «восточными» талантами;
Любому губернатору,
Манежному оратору;

Правопорядку правому,
Городовому бравому
С огромными усами
И страшными глазищами;

Сыскному отделению
И Меньшикову-гению;
Отшельнику Кронштадтскому,
Фельдфебелю солдатскому;

Известному предателю —
Суворину-писателю,
Премьеру-графу новому,
Всегда на все готовому.

Всем им живется весело,
Вольготно на Руси...

⟨1906⟩

ЖАЛОБЫ ОБЫВАТЕЛЯ

Моя жена — наследка,
Мой сын, увы, эсер,
Моя сестра — кадетка,
Мой дворник — старовер.

Кухарка — монархистка,
Аристократ — свояк,
Мамаша — анархистка,
А я — я просто так...

Дочурка-гимназистка
(Всего ей десять лет)
И та социалистка, —
Таков уж нынче свет!

От самого рассвета
Сойдутся и визжат, —
Но мне комедья эта,
Поверьте, суший ад.

Сестра кричит: «Поправим!»
Сынок кричит: «Снесем!»
Сваяк вопит: «Натравим!»
А дворник: «Донесем!»

А милая супруга,
Иссохшая, как тень,
Вздыхает, как белуга,
И стонет: «Ах, мигрень!»

Молю тебя, создатель
(Совсем я не шучу),
Я русский обыватель —
Я просто жить хочу!

Уйми мою мамашу,
Уйми родную мать —

Не в силах эту кашу
Один я расхлебать.

Она, как анархистка,
Всегда сама начнет,—
За нею гимназистка
И весь домашний скот.

Сестра кричит: «Устроим!»
Свойак вопит: «Плывать!»
Сыночек шипит: «Накроем!»
А я кричу: «Молчать!..»

Проклятья посылаю
Родному очагу
И втайне замышляю —
В Америку сбегу!..

〈1906〉

СЛИШКОМ МНОГО

Слишком много резонерства
И дешевого фразерства,
Что фонтаном бьет в гостиных
В монологах скучно-длинных,—
Слишком много...

Слишком много безразличных,
Опустившихся, безличных,
С отупевшими сердцами,
С деревянными мозгами,—
Слишком много...

Слишком много паразитов,
Изуверов, иезуитов,
Патриотов-волкодавов,
Исполнителей-удавов,—
Слишком много...

Слишком много терпеливых,
Растерявшихся, трусливых,
Полувзглядов, полумнений,

Бесконечных точек зрений,—
Слишком много...

Слишком много слуг лукавых,
Крайних правых, жертв кровавых,
И растет в душе тревога,
Что терпения у бога
Слишком много!

〈1906〉, 〈1908〉

ЭПИГРАММЫ

НЕДЕРЖАНИЕ

У поэта умерла жена...
Он ее любил сильнее гонора! —
Скорбь его была безумна и страшна —
Но поэт не умер от удара.

После похорон сел дома у окна,
Весь охвачен новым впечатленьем,—
И, спеша, родил стихотворенье:
«У поэта умерла жена».

〈1909〉

КРИТИКУ

Когда поэт, описывая даму,
Начнет: «Я шла по улице. В бока впился корсет»,—
Здесь «я» не понимай, конечно, прямо —
Что, мол, под дамою скрывается поэт.
Я истину тебе по-дружески открою:
Поэт — мужчина. Даже с бороною.

〈1909〉

1

Раз двое третьего рассматривали в лупы
И изрекли: «Он глуп». Весь ужас здесь был в том,
Что тот, кого они признали дураком,
 Был умницей — они же были глупы.

2

«Кто этот, лгущий так туманно,
Неискренно, шаблонно и пространно?»
 «Известный мистик N, большой чудак».
 «Ах, мистик? Так... Я полагал — дурак».

3

Ослу образование дали.
 Он стал умней? Едва ли.
 Но раньше, как осел,
 Он просто чушь пород,
 А нынче — ах, злодей! —
 Он с важностью педанта
При каждой глупости своей
 Ссылагся на Канта.

4

Дурак рассматривал картину:
Лилоый бык лизал моржа.
Дурак пригнулся, сделал мину
И начал: «Живопись свежа...
Идея слишком символична,
Но стилизовано прилично».
(Бедняк скрывал сильнее всего,
Что он не понял ничего.)

5

Умный слушал терпеливо
Излиянья дурака:
 «Не затем ли жизнь тосклива,
И бесцветна, и дика,
Что вокруг, в конце концов,

Слишком много дураков?»
Но, скрывая желчный смех,
Умный думал, свирепея:
«Он считает только тех,
Кто его еще глупее, —
«Слишком много» для него...
Ну а мне-то каково?»

6

Дурак и мудрецу порою кровный брат:
Дурак вовек не поумнеет,
Но если с ним заспорит хоть Сократ, —
С двух первых слов Сократ глупеет.

7

Пусть свистнет рак,
Пусть рыба запоем,
Пусть манна льет с небес, —
Но пусть дурак
Себя в себе найдет —
Вот чудо из чудес!

1909 или 1910

〈ИЗ ЦИКЛА «ЭПИГРАММЫ»〉

1

Художник в парусиновых штанах,
Однажды сев случайно на палитру,
Вскочил и заметался впопыхах:
«Где скипидар?! Давай скорее вытру!»
Но, рассмотревши радужный каскад,
Он в транс творческой интуитивной дрожи
Из парусины вырезал квадрат
И отослал в «Салон Ослиной кожи».

2

По мнению критиков суровых,
Парнас пустует много лет.

Бесспорно,— Пушкиных нет новых,
Но и... и Белинских тоже нет.

3

Когда б иную «знаменитость»
Цирюльник наголо остриг,—
Пожалуй, вся ее маститость
Упала б на пол с гривой вмиг!

⟨1912⟩

РАБОТА

Последний день по воле рока
Я, расстроенный глубоко,
За столом своим сижу,
Перья, нервы извожу.
Подбираю консопансы,
Истребляю диссонансы,
Роюсь в арсенале тем
И строчу, строчу затем.

Где смешное взять поэту?
Уязвить кого и как?
Минну? Карла? Турка? Грету?
Или бюргера колпак?
Но теперь по белу свету
То высмеивает всяк.

Есть удушливые газы.
Можно высмеять бы их,
Но, припомнив их проказы,
Я задумчиво притих:
Слишком мрачные рассказы
Для того, чтоб гнуть их в стих.

Хорошо. Войны не трону.
Но, желая гонорар,
Я пошлю «Сатирикону»
Мелочную злобу в дар.

И, имен не называя,
Всех приятелей своих
Так облаю, лая, хая,
Что займется дух у них.

Тот — бездарен, этот — грешен,
Этот — глуп, а этот — туп,
Этот — должен быть повешен,
Этот — просто жалкий труп!

Только я идейно честен,
Сверхталантлив и красив,
Только мне всегда известен
Вдохновения прилив!
Храбрый я — Аника-воин!
Вы прокисли! Ничего...
Всяк трудящийся достоин
Пропитанья своего...

⟨1915⟩

БАСНЯ

ЭСТЕТ И ЩИ

Однажды случилось, что в некоем эстете
Заснула душа;
Вздремнула, заснула и в сне потонула,
Забыв все на свете,
Легонько и ровно дыша.

Здесь следует оговориться,
Пока душе Эстета спится:
Что значит, собственно, — эстет?
Ответ:

Эстет — кошмарное, вульгарное создание,
Природы антраша и ужас мироздания.
Он красоту красотой сменил,
Его всегда «чарующе» манил
Мир прянично-альфонс-ралле картинок,
Альбомов и стихов, духов, цветов, ботинок;
Его досуг — о женщине мечты,
Его дневник — горнило красоты,
Шапы — диагональ, пробор — мое почтение,
Излюбленный журнал, конечно, — «Пробуждение»...
Короче говоря,
От января до января

Ходячая постель, подмоченная гнилью

С ванилью.

Словцо в сердцах, читатель, сорвалось,

Авось

Его редактор не заметит,

Сквозь пальцы поглядит... иль так... в уме отметит.

Ну, далее... Эстета на войну

Берут, стригут пробор, отвозят за Двину,

За Вислу — и пошло! Эстет зубную щетку

Молитвенно хранит и порошка щепотку

От крыс, клопов и блох. И зеркальце при нем

Последний дар души, что ночью спит и днем.

Эстетово в окопах тело

Обтерлось наконец и кашу лупит смело,

Хоть ранее поворотило б нос

От рубленых котлет (от отбивных — вопрос).

Однажды после перехода

К позиции подъехала подвода

С походной кухней. Хлещет щи Эстет...

Проснулась вдруг Душа, скорбит, а он в ответ:

«Коль щей не буду есть — умру, прощай красоту!»

Смири, Душа, спесивость!»

Тогда Души услышал он слова:

«Пустая голова!

О том лишь я скорблю, что щей осталось мало,

А то я б за двоих душевно похлебала!»

Мораль обязан я сей басни показать:

Щи были хороши; душа же — как сказать?..

⟨1915⟩

ПЕРЕПЕВ

ЭЛЕГИЯ

Когда волнуется краснеющая Дума,

И потолок трещит при звуке ветерка,

И старцев звездный хор из лож глядит угрюмо

Под тенью фиговой зеленого листка;

Когда, кровавою росю окропленный,
Румяным вечером иль в утра час златой,
Зловещим заревом погрома озаренный,
Мне Крушевац кивает головой;

Когда министр, почуявший отвагу
Перед своим восторженным райком,
Какую-то таинственную сагу
Лепечет мне суконным языком,—

Тогда смирятся души моей тревога,
И, затаив мечты о воле и земле
И истребив морщины на челе,
Сквозь потолок я вижу бога.

Март 1907

СЕРГЕЙ ГОРНЫЙ

ПАРОДИИ

(На А. А. Блока)

Ты слышишь признания, признания первые?
Коломбина, Пьеро смущенно стоят...
До Чулковской соборности напряг свои нервы я
Прекрасной девы увижу взгляд.
Ах, в квадрат потемневшей открытой форточки
Смотрит таинственно неба кусок.
Что будет, если я присяду на корточки?
Ничего не будет,
Александр Блок.

⟨1907⟩

ШКОЛА БРЮСОВА

(На В. Я. Брюсова)

Мне давит шею узкий ворот,
И жгут удары каблуков...
Я твой поэт, кошмарный город,
И рву сплетения оков:

Я без сапог, в косоворотке
Уйду по гладкому шоссе...
Смотри, смотри — кусок селедки
Пристал к девической косе!..

Хочу я зноя кровавой фески,
Я буду в «Вене» писать приказ,
Я на Босфоре увижу всплески,
Пуškai в гаремы плывет баркас.
Пуškai пылают дворцы султана,
В гарема двери уже стучу,

Я буду смелым... я не устану...
Пусть будут крики... я так хочу. .

С. Городецкий

Яры, яры, янычары,
Дикие лики, крики мулл.
Муэдзинов яры чары,
Навыи чары, новый гул.
Турки юрки с ятаганом,
Я в шаманы пригожусь,
Станный пьяный, за курганом
Муэдином закружусь.
Ах, как близки одалиски,
Белы зубы, бела грудь.
Под сырой землею, близкий
Проложу к Фатиме путь.
Познакомься-ка с Ярилой,
Ярью руки политы...
Отойди, Осман постылый,
Ты ли это, я ли ты?

А. Блок

Вдали, над Турцией таинственной,
Где будут слезы, будет плач,
Повешу символ я единственный,
Блестящий булочный калач.

Мы святость женщины забыли,
Шарами блещет магазин.
Гудя, снуют автомобили,
И страшен запах твой, бензин!..

Один, в мантилье, на кладбище
Я замолю свои грехи...
Смотри, смотри — с клюкою нищий
(Подам ему свои стихи).

Смотри, как четко в небе галка...
Смотри, пятно на сюртуке.
Смотрите, кисть у катафалка
И бледный волос на щеке.

Ты влил в отравленные вены,
Коварный город, жуткий яд.
...И с той поры под сводом «Вены»
Всю ночь избранники сидят.

⟨1908⟩

АНКЕТА О ВОЙНЕ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

К. Бальмонт

Хочу быть смелым... хочу быть храбрым...
Я Дарданеллы измерю вплавь...
Я у турчанок заметил жабры,
Увижу снова, увижу въявь...
Увижу ль я на старом цоколе
Виденье девы наяву.
Пойду бродить в Константинополе,
Куплю за гривенник халву...
В ее лице горят излучины...
Я на Босфоре... Весел всплеск...
В ночной тиши скрипят уключины,
Расстрел шпиона... Дымный треск.
Зачем казнить?.. Пускай постылые
Забудет он свои грехи!
Шпиону вытяну все жилы я,
Читая вслух свои стихи.

В. Брюсов

Я вижу камни. Вижу город.
Здесь были клики медных труб.
Смотри, штыком один распорот.
Смотри на бледность мертвых губ.
Я мрамор. Холодность поэта
Тебя венчает, Тирсофор.
Потомок гордый Магомета,
Властитель царственный Босфор.
Мечети в облаках тумана.
Вдали сражение гремит,
Бегите, пленницы Османа,
Пролив закрыт, Абдул Гамид.

Как четки тополи в Константинополе!
Над старой мечетью дрожит луна.
Патрули дальние ногами топали,
Заснули тополи. Блестит волна.
Аллеи дальние. Дворцы хрустальные.
Над светлой заводью холодный штык.

(Стихи ажурные, стихи печальные,
Ко всяким случаям писать привык.)

Ив. Рукавишников

Не хочу я идти на войну!
Нет!..
Я, как поэт,
Я, как поэт изнывающий,
Тайной глубокой страдающий,
В башне ступени считающий,
Льготу тяну...
Ну?..
Что мне война?..
На!..
Ты погибаешь, турецкий паяц.
Бац!..
День вчерашний
О башне,
О прошедших годах
Я писал в альманах...
Трах..

⟨1908⟩

Конституция стиль пуво¹,
Радуйтесь, народы, —
Арестует Дурново
Всех друзей свободы:
«На жандармов разорюсь,
Первое им место!
Шлиссельбургом станет Русь
После манифеста».

Между октябрем и декабрем 1905

СКАЗКА-БЫЛЬ

Я хочу вам рассказать,
Как министры управлять
Шли...
Первый — Трепов подошел,
Он один закон завел:
«Пли!..»
Ну и действовал закон:
Что ни слово, то патрон —
Хлоп!..
Да, народ российский прост, —
Вдруг как встанет во весь рост:
Стоп!..
Видит Трепов-генерал:
Сорвался и маху дал...
Ну-с.
Порешили меж собой
Поднести Руси другой
Кус.

¹ Новый стиль (франц.).

Витте-Портсмутский пришел,
Он другой закон завел:

«Ври!»

«Как, свободы не давать?

Я готов им обещать

Три!»

Ну и впрямь, до слов охоч,

Насвободил в ту же ночь,

Страх!

И наутро, в честь свобод,

Губернаторы в народ —

Трах!..

Тут парод как закричит:

«От свобод спина болит,

Ой!»

Мыслит Витте: ничего,

Позову-ка Дурново,

Стой!

Дурново уж тут как раз

И закон такой припас:

«Жать.

Сдать в кутузку пять свобод,

А бунтующий народ

Драть».

Так и правит до сих пор

Наш министр — и *сours*¹, и скор,—

Страсть!

Слив в закон единый три:

«Жать (и «драть»), и «пли», и «ври»...

Власть!!

Как пойдут дела потом,

Вряд ли ведает о том

Кто.

Верно, бог еще пошлет

Нам законов и свобод —

Сто.

Не сочтешь в один присест!

Но народу надоест

Ждать.

И министров перезвон

Он закончит, дав закон:

«Гнать!»

Между октябрём и декабрём 1905

¹ Удары, битье (*франц.*).

СВОБОДНАЯ ПЕЧАТЬ

Писатель написал шесть строчек о скотах.
Редактор, сохранить желая шкуру,
Две замарал из них, оставив на свой страх
Все остальные. Вот в цензуру
Издателя те строки держат путь —
Изъял тотчас еще две строчки...
Ну, а типограф лишь взглянуть
Успел, потребовал примочки,
Глубоко, искренно вздохнул
И уцелевшие, конечно, зачеркнул,
Поставив на их место точки...

Читатель дорогой! Сие стихотворенье
Прочти внимательно. Свободная печать
Нас приучила обличать
Скотов без тени сожаленья:

О СКОТАХ

Басня

.
.
.
.
.
.

⟨1906⟩

МОИМ ЗНАКОМЫМ

1

Ты человек был духом сильный...
И очутился в «Пересыльной».

2

Ты был борец, свободе верный!..
И очутился на «Шпалерной».

3

Мечтал о счастии народа!..
И «крепостным» стал на два года.

4

Умел насилье ненавидеть!..
Тебя нам больше не увидеть.

5

При обыске имел он спички!..
И сослан к черту на кулички.

6

Ты *им* сказал: «Свой пыл умерьте!..
И был избит до полусмерти.

7

Любил страну ты — вот в чем грешен!..
И в результате был повешен.

8

Он энергичен, смел и делен!..
И очень скоро был расстрелян.
<1906>

<ИЗ «СОВРЕМЕННОЙ ЧЕПУХИ»>

Интендантство раздает
Все свои доходы
И голодным в рот кладет
С сыром бутерброды.

Дипломатия у нас
Прямо несравненна...
Пьем сырую воду, квас
Неприкосновенно.

Вибрионов не найдешь
Даже и в Фонтанке...
Поцелуй дают за грош
Нынче иностранки.

Греки с турками друзья,
Весело на Крите...
Без тисков нам жить нельзя...
Бросили мы пити...

Арцыбашев стал писать
Сказки для малюток,
А Куприн, чтоб не отстать,
Для... для... институток.

Вместо русских балерин,
Юмором чреваты,
Парижан разгонят сплин
Наши депутаты.

Чтоб подальше от греха,
Петь не буду паки...
Часть куплетов — чепуха,
Остальное — враки.

1909

А. Т. АВЕРЧЕНКО

АДМИНИСТРАТОРУ

Студентом в «левых» состоял,
Пока на службу не попал!..
И вот на службе, как должнó,
Ты «вправо» все берешь искусно.
«Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно!»

⟨11 сентября 1906⟩

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ИСТОРИИ

(Смех сквозь слезы)

Кошмар войны.
О воле сны,
И недород..
Голодный год.
Народа стон.
Аванс. Милльон!
Голодный тиф.
Роскошный лиф
Эстер. Корсет.
Лидваль. Клозет.
Поставка — миф.
Милльон — за лиф,
Народу — кнут,
Милльон — капут!..

Начало 1907

ИЗ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ МОТИВОВ

Навозну кучу разрывая,
Петух не отыскал там ни зерна.
И говорит: «Ага, я понимаю:
То голодающим назначена она!»
〈1912〉

«ЗРИТЕЛЬ»

(Посвящается «Зрителю»)

Я люблю взглянуть на сцену,
Мне забавны лицедеи.
Уплатив за место цену,
Мирно сел я в галерею.
Созерцаю скромным взором
Театральную обитель,
И твердят лакеи хором:
«Вы здесь зритель, только зритель!»

Час проходит. Очевидно,
Что актеры учат роли,
Мне становится обидно,
Я кричу: «Играйте, что ли!»
Услыхав такое слово,
Благочиния блюститель
Наклоняется сурово,
Говоря: «Вы только зритель».

Дан сигнал. Два-три актера
Декламируют жестоко;
Слово каждое суфлера
Ясно слышно издалека.
Я кричу: «Суфлера к черту!»
Появляется служитель
И, приблизив палец кó рту,
Говорит мне: «Тсс... Вы зритель!»

Узнаю не без досады,
Что смотрел уж эту дрянь я:
Перекрашены наряды,
Переделаны названья...
«Стой! — кричу я. — Невозможно!
Стой! Я хлама не любитель!»

На меня глядят тревожно:
«Тише, зритель! Тише, зритель!»

Сыгран акт последний драмы,
Сняты шлемы, шпаги, ленты;
Подрумяненные дамы
Щедро шлют аплодисменты.
Я смотрю на них с укором...
Появляется служитель:
«Аплодируйте актерам!
Вы же — зритель! Вы же — зритель!»

Из театра выхожу я
И мечтаю громогласно,
Как друзьям своим скажу я,
Что спектакль прошел ужасно.
Но при выходе из зданья
Ждет меня распорядитель:
«Абсолютное молчанье!
Ради бога! Вы лишь зритель!»

⟨18 сентября 1905⟩

С.-ПЕТЕРБУРГ

(Отрывок из краткой географии России)

Чем известна, чем гордится
Развеселая столица?
Как поддержит свой престиж
Русский Лондон и Париж?

Александровской колонной,
Кавалерией салонной,
Медной статуей Петра
И конюшнями двора;

Правоведами в корсетах,
Хулиганами в манжетах,
Петропавловским мешком
И Семеновским полком;

Всей полицией угрюмой,
Государственной думой,

Резиденцией царя
И Девятым января;

Нововременской крамолой,
Заколоченною школой,
Ожиданием «конца»
И решеткой вокруг дворца;

Унижением человека,
Совещанием Кобека,
Храмом начатым Христа
И актрисой Балеттá.

⟨11 декабря 1905⟩

БЛАГОДАРЮ

Романс

За то, что на войне, играя в прятки
Храня присягу, данную царю,
Врагу вы дерзко показали пятки,
Благодарю.

За то, что вы нагайкою и пикой
Встречали обновления зарю,
За ваше зверство, за разгул ваш дикий
Благодарю.

За то, что женщин храбро вы рубили,
Что старикам кричали: «Запорю»,
За то, что граждан мирных победили,
Благодарю.

Служите ж верой-правдою до гроба,
О вас молитву к небу я творю;
А за разбой, за наглость вас особо
Благодарю.

⟨11 декабря 1905⟩

*〈ИЗ ЦИКЛА «ЭПИТАФИИ
НА СЛУЧАЙ КОНЧИНЫ»〉*

1

АРЦЫБАШЕВА

Лежу в гробу и женщин не целую...
Прохожий, это — общая судьба!
Зайди ж, как Санин некогда, в пивную
И помяни усопшего раба.

2

А. КАМЕНСКОГО

Пофилософствуй, путник-друг,
Как все превратно в этом мире:
Любить жену, иметь две пары брюк —
И написать рассказ «Четыре»!..

3

МУИЖЕЛЯ

Он для народа сделал больше всех,
Взывая каждою строкою;
Снабдите русского крестьянина землю
Иль повесть напишу длиннее втрое,
Чем «Грех».

4

БРЕШКО-БРЕШКОВСКОГО

Сей «писатель» умер от удара,
Ибо днем и ночью он строчил,
Отсылая четверть гонорара
В магазин бумаги и чернил.

1908

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

КУПЛЕТИСТЫ

На сияющей эстраде
В Петербурге — виноват,
В дивном граде Петрограде —
Пел нам нежно бюрократ:
«Знаем, знаем с давних пор мы,
Ох, как нам нужны реформы,
Но... всему же свой черед:
Успокойтесь наперед!»
Было худо, стало хуже.
Миновало десять лет, —
Бюрократ на тему ту же
Декламирует куплет:
«Входит жизнь в иные нормы,
Ох, как нам нужны реформы,
Но... позвольте погодить:
Дайте немца победить».

Что нам делать с куплетистом?
Отвечать, как прежде, свистом?
Но в тяжелый час потерь
Не до свиста нам теперь.
Куплетист (пусть он с талантом)
Нас избитым «вариантом»
В изумление не поверг.
Знаем: если ждать упорно,
И упорно, и покорно,
То получим все бесспорно...
«После дождика в четверг».

〈1915〉

«ПЕТЕЛЬКИ»

Кадет дрожит, как в бурю лист,
Кадет наводит новый глянец:
Вчера лишь был он монархист,
Сегодня он «республиканец».
Кадеты — сколько там «голов»!
Каких от них не слышишь слов!
Посоветались полнедельки,
В программе краску навели,
Тут поскребли, там подмели...
А как коснулося земельки —
Давай выкручивать петельки!

Апрель 1917

БАСНИ

«УМНИЦА»

«Ни капли гордости аль совести. Эх ты! —
Ворчал свинье Кудлай. — Есть разные скоты,
Но ты поистине особая скотина:
Тебя не оскорбить ни словом, ни пинком.
Наплюй тебе в глаза — умоешься плевком.
Скажи, пожалуйста: опричь тебя по ком
Гуляет часто так хозяйская дубина?»

«Эх-ма! —

Хавронья хрюкнула. — Большого ты ума.

Недаром ребра видно.

Ну, малость и побьют. Подумаешь: обидно!

Бокам, чай, больно да спине?

При чем же совесть тут? Голубчик, да по мне
Так, право, все равно: что бита, что не бита.

Не гнали б только от корыта!»

Свинья, а в ней ума какая бездна скрыта!

Философ — не свинья!

Ведь рассуждает как? Ну, ровно бы по нотам!

С согласия вашего, читатели-друзья,
Да будет басенка сия
Посвящена российским... «патриотам»!
<1912>

КОЛЕСО И КОНЬ

В телеге колесо прежалобно скрипело.
«Друг, — выбившись из сил,
Конь с удивлением спросил, —
В чем дело?
Что значит жалоба твоя?
Всю тяжесть ведь везешь не ты, а я!»

Иной с устало-скорбным ликом,
Злым честолюбьем одержим,
Скрипит о подвиге великом,
Хвалясь усердием... чужим.

<1916>

ВОЛК И ЛЕВ

У Волка Лев отбил овцу.
«Грабеж! Разбой! —
Волк поднял вой. —
Так вот какой ты есть защитник угнетенных!
Так вот изнанка какова
Твоих желаний затаенных!
Вот как ты свято стал чужие чтить права!
Пусть льстит тебе низкопоклонник,
А я... Когда при мне нарушил царь закон,
Я не боясь скажу, что он
Из беззаконников — первейший беззаконник!
Но, царь, есть божий суд! Есть справедливый
гнев!..»

«Брось! — усмехнулся Лев. —
Все это без тебя мне хорошо известно,
Как не секрет и волчий нрав.

В своих упреках ты, конечно, был бы прав,
Когда бы сам овцу добыл ты честно!»
<1916>

ЭПИГРАММЫ

19 ФЕВРАЛЯ

Так повелось, такая мода,
Что в этот предвесенний день
Все говорят кому не лень
О воле русского народа.

И говорят нам, и поют.
Но... почему ж все эти годы
Чем больше «воли» нам дают,
Тем больше жаждем мы свободы?!

НИ ТЬМА, НИ СВЕТ

Московским комитетом по делам печати
арестованы №№ 86 и 87 «Утра России»
за статьи: «Так было, так будет» и
«Так было, но так не будет».

Ни тьма, ни свет,
Ни да, ни нет,
Ни рыба, ни жаркое,
Ни дать, ни взять, —
Ой, срам сказать,
Читатель, что такое!
Нам даст ответ
Тот «комитет»
Что кстати и некстати,
И в день и в ночь —
Всегда не прочь
Ударить по печати.

Апрель 1912

Большевистская демагогия!

Н. Коробка

Про «демагогию» слова,
И — к удивлению — не робко!
Я думал: пишет голова,
Ан оказалось — Коробка!

Август 1912

«ГАЗЕТА-КОПЕЙКА»

Содержание номера

Билет
Варшавской лотереи,
Жилет,
Лакейских две ливреи,
Чулки,
Бумажные ботинки,
Брелки,
Секретные картинки,
«Эффект» —
Мазь для особых целей,
Комплект
Резиновых изделий,
Одна
Продажная индейка.
Цена
За весь товар — копейка.

Август 1913

«СОВРЕМЕНКА»

Пред «Речью»-маменькой — невинная кадетка
Перед рабочими — жемапница, кокетка,
Призывно-ласково юлит, юлит, юлит...
Да мама не велит!

Сентябрь 1913

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ЮМОР

В Ростове-на-Дону газета «Утро юга»
оштрафована 8 мая на 500 рублей за по-
мещение статьи «Необходимо кричать».

Из телеграмм

Свободна ли печать?
О господи! Вестимо!
Свободен всяк кричать,
Кому необходимо.

Нет гнета на Руси
На малую толику:
Полтысячи внеси
И — надорвись от крику!

Май или июнь 1914

НА СВОЕМ МЕСТЕ

Пуришкевич в Киеве снял для лекции цирк.

Из газет

Пусть убедятся все, что не остались втуне
Судьбою данные Володеньке дары:
Природный клоун, оп усердно на трибуне
Семь лет готовился для цирковой игры.
Порадоваться мы должны с Володиёв вместе,
Что на своем он месте!

1914

«МЕСТ БОЛЬШЕ НЕТ»

Что Николай «лишился места»,
Мы знаем все без манифеста,
Но все ж, чтоб не было неясности,
Предать необходимо гласности
Для «кандидатов» всех ответ,
Что «места» тоже больше нет.

2 или 3 марта 1917

Твердыня власти роковой.
А. С. Пушкин
(о Петропавловской крепости)

«Власть» тосковала по «твердыне»,
«Твердыня» плакала по «власти».
К довольству общему — отныне
В одно слилися обе части.
Всяк справедливостью утешен:
«Власть» в подходящей обстановке.
Какое зрелище: повешен
Палач на собственной веревке!

Март 1917

БРАТАНИЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Организованное братание возможно
лишь после заключения всеобщего мира.

«Известия Петрогр⟨адского⟩ Сов⟨ета⟩
р⟨абочих⟩ и с⟨олдатских⟩ деп⟨утатов⟩»,
№ 59, меньшевистская статья «Призывы
к братанию»

Товарищ, сойдемся вдвоем
И во всем поквитаемся:
Сначала друг друга убьем,
А потом... побратаемся.

Между 2 и 6 мая 1917

Ф. Ф. БЛАГОВ

ПАРОДИИ

ЖЕРТВА ТРАМВАЯ

Ах, трамвай так мчался, так мчался стремительно.
Вдруг толчки и звоны... И жуткий крик.
Кто-то был задавлен... И стонал мучительно...
И кроваво алел искаженный лик.

Подъехала карета. И тело окровавленное
Положили в карету. Увезли... Увезли.
Я ж писал стихи, стихи озаренные.
И она, Незнакомка, спилась вдали.

⟨1917⟩

«ПЛАМЕННЫЙ КРУГ» Ф. СОЛОГУБА

1

Елисавета, Елисавета,
Приди ко мне!
Я умираю, Елисавета,
Я весь в огне!
Но нет ответа, мне нет ответа
На страстный зов.
В стране далекой Елисавета,
В стране отцов.

Елисавета, Елисавета,
Ко мне спешి!
Пишу стихи я, Елисавета,
И ты пиши.
Прошу совета, о да, совета
Я твоего,
Елисавета, о, свет, о, лето,
О волшебство!

Стихи строчу я, во ржи ночуя
И на гумне,
Когда их тиснут, то не плачú я,
А платят мне.
Аванс почуя, скачу, лечу я,
Металл люблю.
Построчной платы за них хочу я:
Лишь по рублю.

Когда их тиснут, то боги свистнут,
Взбудя Парнас,
И девы пискнут, на мне повиснут,
Придя в экстаз.
У тех субъектов мозги прокиснут,
Кто их поймет.
В них образ Змия навек оттиснут,
В них — яд, в них — мед.

2

Затаился в траве и лежу,—
И усталость мою позабыл,
У меня ль недостаточно сил?
Я глубоко и долго гляжу.

Солнцем на небе сердце горит,
И расширилась небом душа,
И мечта моя ветром летит,
В запредельные страны спеша.

И на небе моем облака
То растают, то катятся вновь.
Позабыл, где нога, где рука,
Только в жилах торопится кровь.

«Затаился в траве и лежу»,—
Убаюкал меня мелкий бес.
И во сне я сметану лижу.
Ты с деньгами, а я пока без.

Сердце галкой на крыше сидит,
А душа на осине — орлом.
И мечта, как курьерский, садит.
На Парнас я пролез напролом.

Целый мир в моем небе застрял.
Тут и мул, тут и стул, и аул,
Я все члены свои растерял:
Где ж рука? Где нога? Караул!..

3

Лила, лила, лила, качала
Два тельно-алые стекла,
Белей лилей, алее лала,
Бела была ты и ала.

И в звонах ласково-кристальных
Отраву светлую тая,
Была милее дев лобзальных
Ты, смерть отрадная моя!

Пила, пила, пила, плясала,
Бутылку выпила до дна.
Жирней свиней, жирнее сала,
Жирна она и холодна.

И шла, и шла, и шла, качала,
Качалася, идя домой.
В желудке у меня ворчало,
Как будто я хлебнул помой.

Плелась, плелась, плелась, плелася,
Белей лилей, милей полей.
Меня же встретил дворник Вася,
Он — дуралей и Фалалей.

⟨1908⟩

О, братья: человек! бацилла! тигр! гвоздика!

В. Брюсов

О, братья: куры, гуси, индюки и утки,
Мне жалко вас: зачем сидите вы в плену...
Мне прутья ваших клеток так гнетуще жутки,
И я их, как поэт, в стихах своих кляну.

О, братья: лебеди, павлины и фазаны!
В вас чары неземной цветистой красоты.

Вы в сердце будите неведомые раны
И вновь тревожите забытые мечты.

О, братья: голуби, щеглы и канарейки,
Зачем в неволе вы? Мне жаль на вас глядеть.
Как вы таращите свои худые шейки,
Как вы желаете в воздушность улететь.

О, братья: журавли, и кролики, и дрофы,
Как мне хотелось бы освободить всех вас.
Но не могу — боюсь скандальной катастрофы
И все средь вас брожу, брожу — который раз!..

1908 г.

Вижу на западе волны я
Облачно-грозных твердынь.
Вижу — сапфирная молния
Блещет над далью пустынь.

Грохот небесного молота...
Что-то, крича, унеслось.
Море вечернего золота
В небе опять разлилось.

Вижу на западе вспышки я
Облачно-грозных твердынь.
Кушая теплые пышки я
С нежным вареньем из дынь.

Грохот небесного молота...
Дай-ка стихи построчу...
Все уж давно перемолото...
Как я строфу сколочу?..

Плачу над повой симфонией...
Море воды разлилось...
Кто-то грозит мне с иронией...
Кто там: олень или лось?..

⟨1908⟩

ВОДИТЕЛЬСТВО

Водительство... Родительство...
Созвездья... Луны... Боги...
Водительство... Мучительство...
Зубчатые пороги...

Глаза в глаза. Гляди, гроза.
Подъятый меч пою.
Луна, Звезда и Щит Златой,
Берите кровь мою!..

Воэзия... Поэзия...
Боэзия златая...
Сиам и Полинезия
И моря ширь пустая...

Кораблики, вораблики
Плывут. Уют кают.
Вот. Да. Мне снятся зяблики
И кровь из сердца пьют.

Рождение... Вождение...
Каждение буруна...
Из моря исхождение
Угрозного Нептуна...

Голландия... Молландия...
Волландия... Да. Так.
Поэма — симуляндия.
А ценность ей — пятак.

⟨1912⟩

СОЗВЕЗДИЯ

Он смотрит с доброю усмешкой
На простенькие чудеса,
А там *Медведица*, тележкой
Гремя, ползет на небеса.

Большое в небе оживленье...
Везет Возничий с гиком тёс,

Из конуры своей в волненьи,
Залязгав цепью, лезет Пес.

Вон с луком за Овном стремится
Изрядно выпивший Стрелец;
Задравши хвост, куда-то мчится
Буланный с пятнами Телец.

Вон скачет Дева в модном саке,
Неся пружинные Весы.
Вон Скорпион верхом па Раке
Ползет, надев на грудь часы.

А Водолей, оставив небо,
Кряхтя на землю соскочил
И из-за заработка хлеба
Стихи в «Шиповник» застрочил...

⟨1912⟩

КРАСНЫЙ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИРИКА

*В те дни, когда мне были новы
Все впечатления¹ свобод:
И сходок шум, и стяг багровый,
И гордо-радостный народ;
В те дни на митингах народных,
Дыша и верой, и войной,
Во всеоружьи грез свободных
Вы появлялись предо мной.
Вы страшных слов твердили гамму,
Ведя эсеровский маршрут,
И всю эсдекскую программу
Ниспровергали в пять минут...
Тогда на кафедру нещадный,
Трибун эсдекский, я спешил
И ваш лиризм и блеск нарядный
Без сожаления тушил...
Как сон, умчались дни свободы...
Туман и мрак опять кругом...
И средь тоскливой непогоды
Я вспоминаю о былом...
Теперь же я не тот завзятый
Ортодоксальный меньшевик,—
Мой меч в углу, ржавеют латы...
От дольных битв я поотвык...
К чему военных партий мерка?
Бесстрастный рок вражду отсека:
Вы — охлажденная эсерка,
Я — обезвреженный эдек...
Неумолимое течение
Обоих к берегу снесло,*

¹ Стих. А. С. Пушкина.

И ваша страсть и вдохновенье
Вошли в спокойное русло:
У вас дрожат иные струны,
Вы нежно любите семью,
Не прогремите вы с трибуны,
А я уж вас не разобью...

〈1908〉

ТО И ДРУГОЕ

О, что может быть прелестней,
Чем хождение в мир исканий,
Где лишь жертвой славен путь!..
Но гораздо интересней
Прочитать о том в романе
И за кофеом вздохнуть...

О, что может быть прекрасней,
Как за светлую свободу
Честно, гордо пострадать!
Но гораздо безопасней
Канцелярскую породу
Средь знакомых поругать...

О, что может быть достойней,
Как отдать себя отчизне
Там, где в бой зовет труба?..
Но куда, куда спокойней
О святом патриотизме
Распинаться у Кюбá...

О, что может быть приятней:
Взрыв души, и в ковах бурной,
В стих клеймящий перелить!
Но куда, куда занятней
Написать вполне цензурно
И аванс пополучить!..

〈1908〉

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЧАЙ

Столыпин пригласил на чашку
чая думских вождей.

Из газет

Он пригласил на чашку чая,
Они собрались, чуда чая.

Мелькали фалды и подносы.
Решались важные вопросы.

И были празднично-речисты
Вблизи начальства октябристы.

Сердца умильно трепетали,
Когда их звезды озаряли,

И становились спины гибки
От государственной улыбки...

Все укрепились в лучшем мнении
О современном положеньи.

Когда потом его спросили:
«Зачем вы думских пригласили?» —

Сказал он: «Сунуть неудобно
На чай вождям «трудоспособной» —
Так я — натурой, с булкой сдобной...»

1909

ХОР РОССИЙСКИХ ОБЫВАТЕЛЕЙ

После бури мы явились
Солнцем утренним:
Наши души засветились
Миром внутренним!
Обратил к нам ясны взоры
Вождь правительства
И узрел, что мы опоры
Для строительства.

Так, желанием невольным
Прозябания,
Стали мы краеугольным
Камнем здания!
Изменить натуре нашей
Не пытаемся:
Октябристской простоквашей
Не питаемся.
Пусть там где-то, что-то, как-то
Совершается,
До решительного акта
Не домается.
Дни промчатся лихолетья
Без сомнения,—
По душе нам Дума третья:
Запах тления!

〈1910〉

**ПЕСНЯ ПРО УСТАВ
УНИВЕРСИТЕТСКИЙ**

Посвящается Кассо

О устав многострадания,
О устав терпения,
Сотворивший в храмах знания
Мерзость запустения!
Чадо века просвещения,
Луч из поднебесия,
Ты бывал оплотом тления,
Стражем мракобесия.
Видел ты физиономии
Многих просветителей,
Ведал блага автономии
И бичи гасителей.
Покрываясь часто новыми
Швами и заплатками,
Смело пунктами суровыми
Спорил с «беспорядками»,
Иль, совсем забытый сферами
И чинами ярыми,
Скромно ты смолкал пред мерами
И пред циркулярами...

О устав многострадания,
О устав терпения,
Отражавший колебания,
Знавший настроения...

⟨1910⟩

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ

На углах больших проспектов
Тьма таинственных субъектов...
Натянув над тротуаром
От пальто и до пальто
Паутину взглядов острых,
Хищники с коварством ярим
Весь поток прохожих пестрый
Сеют, как чрез решето:
Ищут в уличном движении,
В смене шапок и штанов
Злых бацилл ниспроверженья
И шатания основ...
На углах больших проспектов
Тьма таинственных субъектов:
Тот торчит с серьезной миной
Пред аптекарской витриной,
Тот гуляет, с виду хлесткий,
Тот скрывается за дверью,
Тот — за выступом стены...
Ах, недаром перекрестки,
По народному поверью,
Разной нечисти полны...

⟨1911⟩

М. Я. ПУСТЫНИН

СОН

О, в этом сне так много странного,
Так фантастичен этот сон:
Из отделения охранного
Выходит бережно Гапон.

И на кладбище загорóдное,
Крадúчись, ночью он спешит,
И часто сердце благородное
В груди бегущего стучит.

Пришел... С улыбкою умильною
Венки рассматривает он
И на плиту глядит могильную:
«Георгий здесь лежит Гапон».

«Все, что газеты куролесили,—
Он говорит,— пустая ложь!
Лишь потому *тебя* повесили,
Что *на меня* ты был похож!»

Гапона вдруг слезами крупными
Покрылось бледное чело.
«Служить с жандармами преступными
Немного, право, тяжело!

Но подружиться со шпионами
Мне все ж удастся как-нибудь,
И благородными жетонами
Мою украсят скоро грудь!

Прощай!..» С улыбкою умильною
Выходит размышляя, он

И на плиту глядит могильную:
«Георгий здесь лежит Гапон».

...Домой спешил походкой прыткой
Гапон, боязнью одержим,
И сторож дремлющий калиткою,
Зевая, хлопнул вслед за ним.

Вернувшийся под сень «охранного»,
Был встречен кликами Гапон...
О, в этом сне так много странного,
Так фантастичен этот сон!

1906

ПАРОДИИ, ЭПИГРАММА

Когда гвардейский полк волнуется, как нива,
И черный лес штыков блестит издалека,
Когда по улицам вечерним горделиво
Шагают верные правительству войска;
Когда всеобщая пылает забастовка
И не клубится дым из ярко-красных труб,
Когда ретивая орудует винтовка
И грозно падает за трупом новый труп,—
Больной души моей тогда растет кручина,
И собираются морщины на челе,
И горе я могу постигнуть на земле,
И пред собой я вижу — Мина...

Декабрь 1905 или январь 1906

КОРНЕТ

Пародия

Посвящается Фролову

Пока не требуют корнета
По предписанью в эскадрон,—
В заботах суетного света
Он малодушно погружен.

Молчат в нем страсти командира,
А револьвер не заряжен,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он

Но лишь крамольное *долой*
До слуха чуткого коснется,
Корнет отважный вострепнется
И на коне летит стрелой.

Как хищник, лютый и суровый,
Туда, где буйствует народ,
Бесстрашный мчится патриот,
Рубить мятежников готовый...

⟨1906⟩

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

Нам цензор встарь давал «уроки»,
Но как бы цензор ни был строг —
В статьях обычно были строки,
И мы читали между строк.

Теперь беру газет я груду,
Но в них зияют «островки»:
Как между строк читать я буду
Статью, в которой — ни строки?.

⟨1915⟩

ЕВГЕНИЙ ВЕНСКИЙ

АРЕСТ... ТЬФУ, АКАДЕМИЧЕСКАЯ

Две пары портянок
Да пара котов,
Кандалы надеты,—
Д'я в Сибирь готов...

Белая подкладка,
Голубой картуз,
Бравая ухватка,
Штрипки у рейтуз;

На лице отвага
И на лбу — «mon cher»¹;
По панели шпага,
Где-то револьвер.

Как у мериноса
Ляжки позади.
Двадцать три доноса
В преданной груди.

С Шуркой у «Эрнеста»
Триста суток в год.
Вдруг зовут «на место» —
«Задурил народ».

Раз опять свобода,
Роты на мосту —
Значит, стой у входа
Честно на посту.

Тихо, смирно, гладко
Льет профессор речь.
Нужно для порядка
Лекцию сберечь.

Мой дорогой (франц.).

Чудная наука —
Римские права:
Не понять ни звука,
Пухнет голова.

С неба упадают
Звезды и чины...
.....
Сколько пропадает
Даром ветчины!
<1912>

САМОЕ АДЕКВАТНОЕ

Омское переселенческое управление циркулярно распорядилось, чтобы крестьяне, образовавшие новые поселки, воздержались от названий их в честь писателей, а именовали их по местным горам, рекам и озерам, а также в честь героев русской истории.

Были злобны, словно волки,
Все «слова» пустили в ход.
Чуть не до ночи в поселке
Бушевал сердитый сход.

Как назвать поселок новый:
Ни озер, ни гор, ни рек;
Есть ручей да пень еловый,
Дальше степь, земля и снег...

«Безозерный»?.. «Бездубровный»?
«Белоснежный»?.. «Земляной»?
«Беспредельный»?.. «Бескоровный»?
«Двухъеловый»?.. иль «Степной»?

Вышел Тишкин (из штундистов):
«Назовем «Толстовским»?!» — «Ври!
Вот дурак! А вдруг да пристав?
Отсидишь недельки три...»

Был прибит Иван Уренский,
Был обруган Пров Нагой:

Первый хочет, чтобы «Венский»!
И «Аверченко» — другой.

Вышла баба Ковалиха:
«„Тэффи“ ладно бы назвать!»
Обругали бабу лихо:
«Надо, дура, понимать!»

Волновались, кипятились,
Все со зла передрались,
С братом брат перебрались...
Утром снова принялись.

Был денечек!.. Злее втрое,
Стал искать название сход,
Каждый лучшего героя
Из истории сует:

«Штакельберг»!.. «Хвостов»!.. «Муратов»!..
«Трепов»!.. «Марков»!.. «Толмачев»!..
«Зеленой»!.. «Бирон»!.. «Скуратов»!..
«Стессель»!.. «Герич»!.. «Левашов»!..

Пятый день в поселке смута:
Лезут в драку, спорят, бьют...

.

А поселок почему-то
Вдруг Нееловкой зовут...

⟨1912⟩

ОСТАЛИСЬ ЛАЗЕЙКИ

«Дождались мы светлого мая,
Цветы и деревья цветут...»
И, длань на печать поднимая
Законы с угрозой ползут.

«Спокойно ложись на полати
И лапу блаженно соси...» —
Вот новый закон о печати
Смиряющий резвость Руси.

Заснуть ли?.. Возьмутся ль за лапу?
Умрет ли навеки печать?
Опять не придется сатрапу
Вторые законы писать?

Заплачет бедняга издатель,
Редактор поплачет за ним,
За ним коновод-подстрекатель,
Передовик-аноним.

Заплачут политики кучей,
Забыв вызывающий тон;
Повоет без рифм и созвучий
Строчащий в стихах фельетон.

Корректор заплачет, читатель;
Читателей сват и свояк;
Читателей дальний приятель .
И ближний читателей враг.

Там все предусмотрено строго,
Кружится кругом голова,
Но все ж, попущением бога,
Останется пресса жива,

И будет сильна и здорова, —
Ее не покроет кора,
Читателя кот и корова
Забыты в законе!.. Ура!!

В законе о них ни полслова,
О, как еще много свобод!
Читателя кот и корова
Доставят немало хлопот...

1913

ГЕРОЙ

Писал он громкие стишки,
Тангльфут-статьи и горе-прозу,
Толстожурнальные кружки

Его причислили к обозу.
И там он шел... Стерег журнал,
Был в убеждениях сталактитом...
Талантов новых не пускал
И был без трех минут «маститым»,
Пришла гроза... Ударил гром.
К оружию встало пол-Европы
И молчаливо напролом
Пошли в кровавые окопы.
Пошли туда — за ратью рать,
В борьбе ища Христова лика,
И побеждать и умирать
Без громких возгласов и крика...
Чтоб свергнуть крупновский кумир
Своими жизнями и кровью
И завещать потомкам мир
С неугасаемой любовью,
В молчаньи строгом шли на бой.
Полки в окопах пропадали
И, обреченные судьбой,
В молчаньи строгом умирали...
Он долго думал и — решил!
Он «спек» статью, отнес в газету!
Разнес «Полдневный крокодил»
Его кудахтанье по свету:
«Писатель, если только он —
Волна, а океан — Россия,
Не может быть не возмущен,
Когда возмущена стихия.
Под зов трубы туда я рвусь,
Лечу потоком... Завтра, в среду,
Варшавский, час, — за матку Русь
Я умирать, как все, поеду...
Я буду петь вам о боях,
Взнесенный сказочным моментом!!»

В ту среду он врагам на страх
Уехал в Тверь — корреспондентом.

1914

Пуста, как выси Сен-Готарда,
Моя унылая мансарда,
Жилье мечтательного барда:
Всё, всё в объятиях ломбарда...
Шагаю взад-вперед два ярда
И пересчитываю Тарда...
Купил бумаги у Говарда,—
Строчу стихи: огонь! петарда!
Острей клинка кавалергарда
И горячее Льва Ричарда!
Добраться б мне до биллиарда,
Я накатал бы два миллиарда.
«Пришла,— зовет меня личарда,—
Тебя описывать кокарда».

⟨1916⟩

ИЗДАТЕЛЬ

Занял на́ день у кухарки
Пять рублей:
Полтора рубля — на марки,
Рубль — на клей,
Где-то в долг достал бумаги.
И в обед
Йздал с другом, полн отваги,
«Гром побед».
Чудо вышел первый номер,
Юн и свеж:
«Франц сегодня ночью помер!!!
Отнят Льеж!!
Флот французский занял Краков!!
Вот так та́к,—
Покраснел не хуже раков
Австрияк!!»
Да читатели-то звери —
Бунтари:
Им пиши хоть про потери,
Да не ври.
Предлагаешь: «Нате, ешьте»...
Не берут.

Чай, живем не в Будапеште,—
 Здесь не врут.
 Эх, расейские порядки!
 Эх, удел!
 «Гром побед» без правды-матки
 Похудел.
 А какой был первый номер!..
 В цвете лет
 У мальчишек в сумрак помер
 «Гром побед».
 Вновь иди на службу клерком...
 Без афер...
 Здесь не знают: «A la guerre comme
 A la guerre»¹.
 Клей пропал, пропали марки...
 Вой, как волк:
 Как отдать теперь кухарке
 Крупный долг?..
 <1916>

ПАРОДИИ

И. Рукавишников

...У моей невесты Доры
 Золотые были волосы,
 У моей невесты Доры
 Гроб был белый...

У моей невесты Доры
 Белый памятник из мрамора.
 У моей невесты Доры
 Были губы.
 У моей невесты Доры
 Белый памятник из мрамора,—
 У моей невесты Доры
 Были зубы.

(И т. д. можно воспеть все части тела, цензурою к упоминанию дозволенные.)

1909 (?)

¹ На войне, как на войне (*франц.*).

ПИРАМИДА БИЛЛИАРДА В «БЕЛГРАДЕ»

Я
Где?
На Уде —
льной сажу.
Доктор мой, жу-
лик, сбрил мне лыси-
ну... Написал письмо Анфисе:
Спаси меня, мать, хлопочи у Гурлянда,
Выручай своего верного Фердинанда.
Ведь я теперь не Иван Рукавишни-
ков... Мое Богоборчество захотело вишни.
1909 (?)

«БОКАЛ ИЗ «ВЕНЫ»

Испугались литераторы
разбежались плагиаторы
как в «Давыдку» я пришел
крикнул: «Пива!», сел за стол
меня вывели лакеи, взял
под ручку полисмен
дал тихохонько по шее
старый хрен
просыпа-
юсь,
нет
пути.

Удивляюсь, изумляюсь,
я в Коломенской части.

1909 (?)

Этой штукой, гремя и звеня, бьет частенько супруга меня.

1909 (?)

К. Бальмонт

Ст. Бальмонта об Уолте Уитмене «Певец жизни» списана с книги Симондса»

Кор. Чуковский

Корней Чуковский!.. О критик «Венский»!
К чему ты тронул Парнаса monde?
Ведь я не Горький и не Каменский,
Не Лев Толстой я, а... Сам Бальмонт!
Чего ж ты поднял, Корней сердитый,
О, ядовитый, — кругом пургу?
Тобой убитый в край ледовитый
Я, знаменитый, не убегу.
О, плагиатность, моя халатность,
О, перепевность чужих статей...
Чуже-слиянность, о интендантность,
О, гонорарность статьи моей!
О, век ревизий, исканий, сыска!
О, Нат-Чуковский!.. Сходи к врачу!
Ты истеричен, как суффражистка,
Сходи скорее! Я так хочу!

Хочу любви я, как кошка в марте!
Любви в азарте всю жизнь служу.
О Евдокия! Тебе, Астарте,
Обед по карте я закажу.
С тобой ночуя, восторги чуя,
За все плачу я... Не удирай!
Не хочешь, мила,— придет Людмила,—
В café вас сила... Знай выбирай.
Придет ли Саша, придет ли Маша,
Или Палаша... Я заплачу.
Не та, другая,— уйдет нагая,
Меня ругая... Я так хочу.

⟨1910⟩

Хочу на дачу... Хочу к чухонцам...
Хочу столицу скорей забыть.
Купаться в море весь день под солнцем,
Варить варенье и сливки пить.
И, в огородность уйдя под иву,
Копать там грядки и счастьем млеть,
Хочу читать я лишь «Свет» и «Ниву»...
«У моря ночью» закат смотреть.
Столичной жизни забуду вздорность,
Газет, кузенов, жены родню.
Забью забором дверь в коридорность,—
Счастливо-гордым себя возмню.
А вечер — еду винтить к соседу...
А ночью — в садик, и там кучу.
Итак, я еду на дачу в среду...
Ни слова, теща! Я так хочу!..

⟨1910⟩

А. Блок

Покою душа объята.
Мой кутенок и бел, и мал.
В саду визжит хиавата.
А Кованько вчера летал.
В четверг на Апраксином рынке...

Не сходить ли в кафе «Бристоль»?
Коломбина на старой машинке
Что-то жарит... Кажись, фасоль.
Кувыркаются на Брокене лешие.
В мозгу шляпа с пером — «Матчиш».
Недалек, пожалуй, от плечи я.
В Озерках голубой камыш.
«Руно» читает крендель над кондитерской.
Смеется, — попался дядя Михей.
Познакомился с Незнакомкой Питерской.
Под Киевом тьма чертей.
И каждый вечер за слагбаумами
Чуковский ходит, голосист.
Всех декадентов зовет хамами.
Испытаннейший публицист!
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.
Мои стихины полусонные
Пьют чай и чешутся в мозгу.

⟨1910⟩

Скиталец

Я мыслить не учен! Учитесь вы, буржуи!
Я пролетар-кузнец! И бью я подлецов!
Я гулкий медный зов, рожденный где-то в Шуге
Средь босяков.
Вы, подлые холуи капитала,
Мерзавцы и скоты! Вас ненавижу я!
Самодовольные! Четвертовать вас мало!
Живете вы, жуя.
Моя ж мечта: усесться у «Ермошки»,
И под машиной сотку заказать,
Дерябнуть «Марь-Сергевну» на гармошке
И в морду дать!

*ЭРОТИКА РОССИЙСКАЯ
ОТ В. К. ТРЕТЬЯКОВСКОГО, ПУШКИНА
И ПРОДЧИХ ДО ДНЕ СЕГО*

Взгляд ретроспективный¹

ЭПОХА ПСЕВДО-КЛАССИЧЕСКАЯ

В. К. Тредиаковский

О, сколь любезна мне девица Лисавета,
И сколь посмешищем у ней мне тяжко быть,
Всю длинну ночь до утрення рассвета
Любовь пия. Но лъзя ль ее забыть!
И уст красу, и кринолин шаршавый,
И персей чаровность, и златокудрость влас —
Се воспою аз в оде величавой, —
Да взбеленится завистью Парнас.

ЭПОХА РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ

А. А. Измайлов

Мы ушли с тобой в темные аллеи,
Где рыдал на иве песню соловей,
Обманув домашних, аки фарисеи.
Я был твой, конечно, ты была моей.
Замер сад и речка. Все вокруг уснуло.
И во всей вселенной только ты да я.
Да щенок «Аорист» (мамочка смекнула:
Все-де есть свидетель... охлаждения для).
Пела ты «Голубку», тихо, но с эффектом.
Честь дала конфетам, такожде и мне.
Только сие было все в plusquamperfectum,
Сиречь в милом прошлом, ароматном сне.

ЭПОХА НАРОДНИЧЕСКАЯ

Кольцов

...И уехала
В путь далекую...
Горючьми слезми,
Подоплекою,

¹ Здесь помещены произведения только в стихотворной форме.

Уж я плачу день,
Уж я плачу ночь...
На слезах плетень
Уплывает прочь...

Некрасов

Так, держись же, нерушимое
Обещаньице даю,
У отца дитя любимое, —
Ты попомни речь мою.

.....
И тебя, душа-заснобушка,
В церковь Божью поведу.

* * *

Трезвый — все колотит,
Пьяный — все бранит,
Сам, что ни попало,
Из дому тащит.

ЭПОХА «МАРКСИСТСКАЯ»

Тан

...Рядом в камере сидела Воскресенская Аглая,
Нигилистка, террористка и курсистка из Москвы.
Раз тюрьма у нас запела, группу ссыльных провожая,
Через Томск до Минусинска. Храбры были, словно львы.
Слышу, — в камере Аглая низким тенором профундо
В блоке с басом завопила про Нарым и Акатуй.
Постучал я, весь пылая: «Я люблю вас... Я из «Бунда».
Отвечала: «Ишь ты, рыло. Сразу видно, что буржуй»...

ЭПОХА СКОРПИОННО-ЗЛАТО-РУННАЯ

В. Брюсов

Я взойду с рассветом дня
В хлев к тирольским мягким козам.
Напоят оне меня

Своих запахов наркозом.
При лазоревой луне
Влезет месяц обнаженный
И застынет, верьте мне,
У окна замороженный.
Застыдится Сологуб,
Сплюнет деточка Каменский,
Визг поднимет женский клуб,
Укорит Сергеев-Ценский.
Двинет пристав головой,—
Заберут нас полисмены
За любовь мою с козой,
Где лужайку сжали «Вены».

ЭПОХА СТИЛЯ «MODERNE»

З. Гиппиус

...И я такая липкая,—
Влюблюсь, так присосусь.
Люблю мужчинок шибко я.
Люблю,— не оторвусь.
Я нежная и милая,
Как критик и поэт,
Возьму, наемся мыла я
И взбаламучу свет.
Умильная и мыльная,
К вам в сердце заползу,—
Пиита новостильная,—
Стихами загрызу.
Чего хочу,— не ведаю:
Курить иль петь дьячком?
Пить чай или быть Ледою?
Иль драться с муженьком?..

Ф. Сологуб

Хорошо быть палачом,
Инквизитором — монахом.
Жизнь чужая нипочем,
Жизнь своя — всегда под страхом.
Хорошо в пещерах жить!
Сотни выходов и клеток

Коридоров тайных нить
Прячет сотни тихих деток.
День — печатанье в тиши
Анархистских прокламаций,
Вечер — таинство души
С девой — полненьких «формаций».
«Чавьи Нары» по ночам,
Упокойнички, Иуды,
Шпики, стражники, Бедлам,
И Ортруды, и Ортруды...
Чудно в сумраке пещер,
В свете розовой лампадки
(A la guer comme a la guer!)¹
Ублажать свои повадки.
Розги солью проварить, —
Тихих мальчиков-сироток
Постепенно обнажить
И пороть аккордом плеток.
Брызжет кровь... Чуть слышен стон...
Чуден запах детской крови.
Позвоночник обнажен.
Тихо, мирно в нашем крове.
Я целую детский труп,
Отдаюсь любовной страсти...
...Браво, браво, Сологуб!..
Ты велик! В твоей мы власти!..

*MENS MALA IN CORPORE MALO*²

Попечитель Петербургского учебного округа
констатирует в отчете сильнейший упадок
умственного и физического развития молодежи
за этот год.

Надо мной певала Кас... ушка,
Колыбель мою качаючи:
«Будешь счастлив, Калистратушка,
Будешь жить ты припеваючи».

И сбылось по воле божией
Предсказанье доброй Кас... ушки:

Сохранено правописание автора (На войне как на войне!) (франц.).

² В нездоровом теле слабый дух (лат.).

Нет покорней, нет пригожее,
Нет смирнее Калистратушки.

Слаб я мозгом лишь, детинушка,
И в науках я профанушка;
Говорят, что я дубинушка, —
Настоящий Митрофанушка.

Не Цифиркины нас мучили,
Не Кутейкин, враг цугундера, —
Мы глаза все время пучили
За шагистикой на ундера.

Было важное открытие
(В нем немного, правда, логики),
Будто детское развитие —
Не задача педагогики;

Будто с ружьями гимнастика
(Взять хоть самого ледащего)
Превращает головастика
В гражданина настоящего.

И шагали мы баранами,
Как к войне вооруженные,
Всё гуляли с барабанами,
Пели песни забубенные.

Вот гордитесь пред Европами
Вы плодами просвещения —
Молодыми недотепами
От моднейшего течения...

〈1913〉

П. П. ПОТЕМКИН

ПАДЕНИЕ И СОВПАДЕНИЕ

Уж много лет я жил в карнизе
И видел множество картин.
Я видел, как маркиз маркизе
Дарил любовно георгин,
Я видел, как, в тугих лосинах,
В мундире шитом, генерал,
Ища причин во всех причинах,
О Ватерлоо дамам врал.
Но вот сегодня голубь юркий
Карниз родимый стал клевать,
И я, кусочек штукатурки,
Постыдно должен был бежать.
Внизу приехал кто-то важный,
Стоял без шапок весь народ,
И лысин ряд густой и влажный
Смотрел в далекий небосвод.
В тот миг, когда я пал, несчастный,
С карниза в мир страстей и слез,
Мне подвернулся сизо-красный,
Особы очень важной, нос.
И вот теперь лежу в пыли я,
А надо мною конский топ,
И слышу вопль и крики злые:
«Ужасный замысел! Подкоп!
Все это шулки демократов!
Где их притоны?! Кто их вождь?..»
А серый цвет небес так матов
И мелкий так печален дождь!

〈1908〉

**НЕКОТОРЫЕ ЖЕЛАНИЯ
КУЗИНЫ МОЕЙ НЮРЫ**

Нюра, пылкость обнаружа,
Хочет мужа,
Но какого?!
Льва Толстого!
Чтоб он был умен и славен,
Чтоб богам был славой равен,
Чтоб громил он казни гневно,
Чтоб пахал он ежедневно,
Чтоб был с блудом незнаком,
Чтоб ходил он босиком,
Чтоб он был мирам кумир,
Написав «Войну и мир»,
Принимал корреспондентов,
Чтоб ругал он декадентов,
Чтобы блузу он носил,
Рыбу с Репиным ловил,
Чтоб в церквах он проклинался,
Чтобы злу не противлялся,
Чтоб он сделал другом дома
Сергеенку с Тенеромо...
Но совсем не хочет Нюра
(И у ней губа не дура),
Чтоб Толстой был слаб и сед,
И восьмидесяти лет,
И чтоб ныне и доныне
Он женат был на графине.

⟨1908⟩

**НА ВЫСТАВКЕ
«ТРЕУГОЛЬНИК»**

Шутки

1

ШМИТ-РЫЖОВА

Шмит-Рыжова падка
К рифмам на «адко»,
Все очень сладко,
Тона — помадка,
А в общем...

2

С. ГОРОДЕЦКИЙ

На грязной рогоже
Рожь на рожь...
Художь —
Ство тоже!

3

В. БУРЛЮК

(«Моя сестра»)

Коль у тебя фантазия востра —
Взгляни-ка на портрет «Моя сестра»
И объясни: чем разнится от бурдюка
Сестрица Бурлюка?

4

Д. БУРЛЮК

(«Зимняя баня»)

Пальцем, выпачканным в сажу
(В бане не был я давно)
Я все мажу, мажу, мажу
Терпеливо полотно.
И нечистый плод исканий
Называю «Зимней баней».

5

СТАТУЭТКА

Колено, изрытое оспой,
Будет весь век колено —
 Это нередко, —
А полено, изрытое оспой,
Будет уже не полено,
 А статуэтка.

1910

Было много женских лиц
На обычном вернисаже:
Дам, подростков и девиц,
И седых старушек даже,
Но среди носов и глаз,
Буклей, челок и накладок
Тотчас я заметил вас
И привел себя в порядок.
Как стрела, как быстрый стриж
Над речною гладью звонкой,
Вы, куда ни поглядишь,
Проносились с компаньонкой,
Наконец я вас поймал
У портрета дамы в черном:
Взор ваш милый засверкал
Чем-то радостным и вздорным.
Не успел я рта открыть,
Как уж вы мне рассказали,
Что с утра вы во всю прыть
Здесь носились и устали.
А когда я вас спросил,
Для чего вам нужно это,—
Вас давно и след простыл,
Только смех звучал ваш где-то...
И один остался я,
Ничего не понимая,
Но пришли мои друзья
И сказали мне, зевая:
«Боже правый, как ты глуп!
У нее же кличка лани.
Вернисаж же — это клуб
Для рекламы и свиданий».
«А картины?» — «Ну, холстов
Тут, наверно, не заметят,
Разве только в шесть часов
Электричество засветят».

〈1912〉

Околоточный Ива́нов злым домой
Из участка полицейского вернулся.
Хлопнул дверью, двинул пса ногой,
А на вой собачий и не обернулся.
Прямоком прошел Ива́нов в кабинет,
И фальшиво не свистел он «Периколу» —
Нынче времени на «Периколу» нет,
Нынче он идет излавливать крамолу
Приставом своим назначен нынче он
В лекционный зал на реферат дежурить,
И ему придется прения сторон
Олегальить, оскопить и цензурировать.
Ну, а как цензурировать, если Ива́нов
(Иль Ива́нов, это, в общем, безразлично)
Не знал значения иностранных слов,
Кроме слов «шикарно» или «симпатично»?
И решил Ива́нов бедный почитать
Хоть немножко перед лекцией по книжкам —
После обыска на Курской, сорок пять,
У него брошюр имеется с излишком.
Вынул книжку, начал разбирать — куда!
Ничего не понял и позвал сынишку,
И сынишка-гимназист не без труда
Начал объяснять ему лихую книжку.
Через час взопрел и младший Ива́нов:
«Нет, папаша, будет! Я вам приготовлю
Список нецензурных иностранных слов,
С этим списком и ступайте вы на ловлю».
Так и сделали. Сынишка написал
Сорок с лишним измов, уций, аций,
Бибель, Каутский, и Бокль, и «Капитал» —
Все сюда попали, даже сам Гораций.
Только Маркса околоточный изъял,
Вычеркнув из списка и испортив строчку:
Карла Маркса знал он, ибо получал
«Ниву» с приложениями семь лет в рассрочку.

⟨1912⟩

БАСНИ, ЭПИГРАММЫ

ДУБАСОВ И СВЕЧКА

Придя к Дубасову, копеечная Свечка
С ним о заслугах стала толковать
И утверждать,
Что он пред ней смиренная овечка.
«Превосходительный, судите сами вы, —
Так Свечка говорила. —
Сожгли вы только треть Москвы,
А я так всю Москву спалила».

Декабрь 1905 или январь 1906

ПЕШКА, КОРОЛЬ И ФЕРЯЗЬ

Шахматная басня

В своем бессилии уверясь,
Сказала Пешка: «Друг мой Фёрязь,
Скажи мне, отчего, как я ни бьюсь,
Все в Короли не проберусь,
Хотя, не скрою,
Фигурой сделаться могу любую?»
«Утешься, не горюй о том, —
Ей Ферязь говорит с усмешкой, —
Ты не бываешь Королем, —
Зато Король бывает Пешкой!»

8 января 1906

СВОБОДА, СОЖАЛЕНИЕ И ЧИТАТЕЛЬ

Однажды нам была дарована Свобода,
Но, к Сожалению, такого рода,
Что в тот же миг куда-то затерялась.

Тебе, Читатель мой, она не попадалась?

⟨8 января 1906⟩

Он был прокурор из палаты,
Она же — родная печать.
Она о свободе мечтала,
А он — как бы крестик поймать.
И с горя она побледнела,
Померкнул сатиры задор...
И грезится ей беспрестанно:
«Сто третья», арест, прокурор.

〈10 апреля 1906〉

МАНИФЕСТ И ТАРАТАЙКА

Наняв газетчик Таратайку,
Пук Манифестов вез с собою,
Но, подвернувшись под нагайку,
Лечим был преданной женою.
Читатель, в басне сей откинув Манифесты,
Здесь помещенные не к месту,
Ты только это соблюди:
Чтоб не попробовать нагайки,
Не ездь ты на Таратайке
Да и пешком не выходи.

〈1906〉

ДЕВОЧКА ДУМА

(Сказка для маленьких детей)

Довольно тихо и совсем без шума
У матушки-Руси родилась Дума,
И наскоро она одета
В мундирчик узенький и новенький «кадета»;
Но милому, послушному ребенку
Уже готовит бабушка Реакция пеленку;
Кроватька стелется пока не жестко,
Но куплена уж дедой Трепой соска,
Чтоб молочком ребеночка кормить,
А в случае чего и рот ему забить...
Вокруг дитяти много нянюшек прилежных,
Чтобы хранить ребеночка от дум мятежных,
У каждой в кумовьях — о, не городской,
А околодочный, а то и «набольшой».
Папашей куплены превкусные конфетки,
Но для послушного и умненького детки,
А если шалости он вздумает завести,
То для него и розги есть...
Итак, у матушки-Руси без шума
Родилась девочка, дано ей имя — Дума!

Читатель, я даю совет:
Коль у тебя есть сын кадет,
То не стриги ты этому ребенку,
Как остальным, головку под гребенку,
А то тебя презреньем заклеят,
Пе-пекой назовут и скажут: «Бюрократ!»

1906

Нейтрален политически,
На жизнь смотрю практически,
Имея артистически
Отменно тонкий нюх.
В дни бурные, свободные
Про горести народные
Я мысли благородные
Высказываю вслух.

Громлю дотла полицию,
Венчаю оппозицию
И вот, войдя в амбицию,
Ношу я красный бант!
Массовки... пресса... фракции...
Но лишь свободы акции
Падут — и я реакции
Покорный адъютант!

Над правою газетою
Скорблю и горько сетую
И вместе с ней советую:
«Пороть, лупить, прижать!
Скосить покосы вольные,
Чтоб пугала подпольные,
Развратные, крамольные,
Не вылезли опять!»

Нейтрален политически,
На жизнь смотрю практически,
Умея артистически
Нос по ветру держать!

〈1908〉

ТРИУМФАТОРЫ

1907—1908 гг.

Жалкая кучка кривляк,
Выродков нашей эпохи,
Севши на смрадный тюфяк,
Сыплет и ахи, и охи,

Нет идеалов?.. Так что ж?
Разве не хватит нахальства
Сдабривать похоть и ложь
Крепкой приправой бахвальства?
Сенька напишет рассказ —
Сеньку расхвалит приятель:
«Это — бесценный алмаз!
Это — поэт-созерцатель.
Гибкий, сверкающий слог...
Беклин, Уайльд... откровенья...»
Целая тысяча строк;
Что ни строка — воскуренье!

«Что нам читатель?.. Эхма!»
Выпустив 22 тома,
Буйно ликует Фома,
Нагло грохочет Ерема.
Славы немеркнувшей чад
Губит порой и таланты —
Диво ль, что этак кричат
Эти... «пророки-гиганты»?
Слабенький череп венца
Выдержать больше не может,
Похоти скотской певца
Червь самомнения гложет.
Это не наглость... о нет!
Взрывы подобного смеха —
Лишь истерический бред,
Вызванный ядом успеха.

С кресел всю ночь не встает
Жрец извращенного чувства;
Целую ночь напролет
Кистью «святого» искусства
Жадно марает свой лист.
(Плод нездорового бреда
Завтра прочтет гимназист.)
«Леда! свободная Леда...»
.....
Жадно марает он лист,
Славит он Леду-царицу.
(Тайно идет гиназист
Тайно лечиться в больницу.)

Вот современнейший том —
Сборник издательства «Плошка».
Что за печать! за объем! —
Боже, какая обложка!
Диккенс, Тургенев, Золя —
Прочь посрамленные стяги:
В четверть аршина поля!
Около пуда бумаги!
Ну-с, а сюжетики... Да-с!
Прелесть, восторг, объеденье!
Верите ль: что ни рассказ —
Двадцать четыре растленья!!
Красочность, живость пера,
Виден балъ-шой наблюдатель!
Сочно, душисто... Ура,
Наш современный писатель!!

Крики, и хохот, и гам,
Речи бессвязны и пылки;
Шумно и весело там —
Всюду стаканы, бутылки...
Что же, зайдемте? Для нас,
Право, не будет убытка:
Это — российский Парнас,
Это — трактирчик «Давыдка»!
Вон, за отдельным столом,
Бросивши всякую меру,
«Наш гениальный Пахом»
Дует коньяк и мадеру.
Рядом — издатель юлит,
Типик проныры-нахала:
«Мы-то?.. да мы, — говорит, —
Всё, — говорит, — для журнала!..
Триста?.. Извольте!.. Для вас —
Не пожалеем и триста!..»

Так продается у нас
Честь и перо беллетриста.

1908

О, СКОЛЬКО НЕНУЖНОГО, НУДНОГО ШУМА

О, сколько ненужного, нудного шума:
«Четвертая дума! Четвертая дума!!
Четвертая дума кадетскою будет,
Четвертая дума нас с властью рассудит!!
Четвертая дума, поверьте, — не Третья:
Начало рассвета, конец лихолетья!!!»

.....
Но рвется наружу предательский вздох:
«Не будет ли, братцы, довольно и трех?»

1912

НАШ «СВИСТОК»

Молниеносен и жесток,
Как бич в руках ковбоя,
Он будет эхом, наш «Свисток»,
Ревущего прибоя.
Пусть Робость жметя по углам,
Пусть Трусость хнычет... Стыд и срам!
Вперед с веселым свистом!
Рази, наш бич! И первый шрам —
Почтенным октябристам!

За что? За добрые дела!
За ложь! За лиходейство!
За робкий лай из-за угла
И громкое лакейство!

За что? За то! За галуны
Поношенной ливреи!
За гибкость шеи и спины!
За то, что Руси не нужны
Природные лакеи!

⟨1913⟩

ПАРАЗИТЫ ВОЙНЫ

Сперва издатель чуть не помер:
Война! Застой во всех делах,

Торговле — мат, журналам — крах!
Потом, мах-мах —
«Военный номер»
Слепил и выпустил... Аллах,
Какой успех! — все до едина
Торгаш распродал номера!..
Ура, товарищи, ура, —
Какая чудная картина!

Там где-то кровь течет и хлещет,
Там где-то бьются грудь о грудь,
А здесь — галерка рукоплещет,
Приветствуя гнилую муть
Беллетристической дешевки
Производителей «Биржевки»:
Война ли, мир ли — все едино
Для «гениального пера»...
Ура, товарищи, ура, —
Какая чудная картина!

Редактор «Синего журнала»,
Шебуев, гордо заявил,
Что он помрет в расцвете сил,
Коль скоро русских будет мало,
Чтоб Русь от немцев защитить...
Какая прыть! какая прыть!..
Там где-то — акт высокой драмы:
Шрапнель, фугасы, волчьи ямы,
Что пункт, то ад, что яма — гроб!..
А здесь — в целях саморекламы —
Свинцом дырявят медный лоб!
Чернь рукоплещет: «Вот мужчина!
Он между нами — что гора!»
Ура, товарищи, ура, —
Какая чудная картина,
Какая дивная пора!

1914

* * *

В былые, давние лета
Жилось нам туго дети,
И только «общие места»
Мы видели в газете.

Теперь уж музыка не та,
Мир выступил с протестом:
В газетах «общие места»
Сменились... белым местом.

⟨1915⟩

КАИНОВА ПЕЧАТЬ

Летописцы текущей войны
Безусловно отметить должны,
Как откликнулось наше купечество
На мольбы и стенанья отечества.

Как неслыханно хлеб дорожал,
Как кричали ребята голодные
И без дров, замерзая, дрожал
Угловик в эти ночи холодные.

Дел постыдных нельзя замолчать.
Буря стихнет, гроза успокоится,
Но с чела их позора печать —
Никакими веками не смоесться!

1915

ТРЕБНИК КАПИТАЛИСТА

1

СОБОРНАЯ МОЛИТВА

Для спасенья наших касс,
Наших прибылей и нас
Просвети сознание масс,
Господи!

Докажи, как дважды два,
Что на сладкий кус права
Монополия буржуа,
Господи!

Ведь коль скоро люд поймет,
Что полыни слаще мед,
Пчельник он — себе возьмет,
Господи!

Будет сам блюсти рои,
Сочных сот ломать слои
И в карманы класть — свои,
Господи!

Мы ж, без вкладов и без рент,
Кончим жизнь свою в момент,
Угодив под монумент,
Господи!

Ведь нигде и никогда
Не вкушали мы труда —
Ждет нас лютая нужда,
Господи!

Для спасенья наших касс,
Вкладов, рент и грешных нас, —
Затемни сознание масс,
Господи!

2

ВЕРУЮ

Во единого бога-отца,
Золотого тельца,
Жизнь дающего полною мерою, —
Верую!

В чудотворный процент,
Силу вкладов и рент
С их влияний чудовищной сферою —
Верую!

В благородный металл,
Во святой капитал,
Возносящий над участью серою, —
Верую!

Обещаюсь идти
По святому пути,
Не смущаем иною карьерою,—
Верую!

3

Процент! Творящее начало!..
Ты, как горчичное зерно,
В пыли теряешься сначала,
А после верным, как оно,—
Даешь приют под мирной сенью
Своих чертогов дорогих,
Даруя воспоенным ленью
Возможность жить за счет других!

Процент! Великий чудотворец!..
Ты, как господь, из ничего
Творишь миры и, богоборец,
Свергаешь бога самого!
Твой дивный рост ежеминутен:
Растет, гнетет, пьет кровь, разит;
Тобою жив вселенский трутень
И социальный паразит!

Процент! В тебе мои надежды,
В тебя я верю без конца:
Ты — светоч знания для невежды;
Ты — верный посох для слепца!
Твоею силой чудотворной
Я над землею вознесен
И, недалекий, средний вздорный,
Царю, никем не потрясен!

А там у ног моих, на лыке
Полубут, полуодет,
Безмолвно гибнет ум великий,
Нуждой замучен с малых лет.
Дам знак — и в тот же миг проворно
Ко мне сбежится цвет земли
И будет тихо и покорно
Лежать у ног моих в пыли!

О верный страж дегенерата,
Телохранитель торгаша,
Тебя, волнением подъята,
Благоговением объята, —
Тебя поет моя душа!

Декабрь 1916

ЖИВОЙ ТРУП

IV ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

«Представители народа»...
Подтасованного рода:
Через сотни мелких сит
Вверх проташенный Терсит,
Что, под фирмою Патрокла,
Лихо втиснут был за стекла
Казовых оранжерей —
Тешь Европу и жирей!

И такой-то плод законный
Черной магии исконной
Незабвенных держиморд
И доднесь, пятная борт
Корабля моей отчизны,
Смеет, в тоне укоризны,
Рулевому, так сказать, —
Направление казать?

Но ведь это же... курьезно!
Нет, подумайте серьезно:
Полусгнивший, жалкий труп
Покидает мирный сруб
И с зловонного погоста
Шлет отчизне (очень просто!)
Свой кладбищенский указ:
«Ближе к берегу баркас!»

Нет, почтеннейшие трупы,
Мы не так просты и глупы,
Чтобы слушать мертвеца
С безмятежностью лица!

Не для вас командный мостик:
Не угодно ль — на погостик?
Вас создавшие — мертвы;
Значит, таковы — и вы!

Март 1917

ВЗЯТИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Вот в воинственном азарте,
Презирая смерть, — каков? —
Цареград берет на карте
Иностранный Милюков.

В куцей курточке кадетской,
Ужас вражьих баррикад,
Ух, какой он молодецкий,
Князь Олега дубликат!

Бранным бурям сердце радо,
В голове победный хмель —
На воротах Цареграда
Трепыхается портфель!

Турки валятся, как чурки,
Туркам худо, туркам — мат;
На коне, в партийной куртке,
Милюков вступает в град.

Трупов горы, крови — реки,
Взрывы, пламя, стоны, гам...
Пала турок мощь навеки —
Слава Павлу! Слава нам!

Город Храброго встречает,
Город гимн поет ему
И с поклонами вручает
Шаровары и чалму.

Тишина на поле сечи,
Тает огонь, стихает гром,
Словно знамя, номер «Речи»
Гордо реет над вождем.

Манифесты... приказанья...
Звон оружия... денег звон...
И обрядом обрезастья
День победы завершен...

В Петрограде ж бестолково
На Жуковской рой кадет
Рыщет, ищет Милюкова,
Но... увы... простыл и след!
Нет кадета Милюкова,
Есть султан Абдул-кадет!!

Апрель 1917

БУРЖУАЗНАЯ ГАЗЕТА

Пять человек — Враль, Трупиков, Отпетый,
Мерзавкер и Жулье — прилежно, день за днем,
Публичным занимаются враньем
И вкупе называются — *газетой*.

Поистине, их следовало б высечь
И выставить потом к позорному столбу,
Но на челе их грозное табу:
Подписчики и розница 100 000!

Попробуйте-ка, троньте хлебодаров, —
Такой ли будет рев, что боже упаси:
Знай поскорее ноги уноси
От града сокрушительных ударов!

Пять человек — Враль, Трупиков, Отпетый,
Мерзавкер и Жулье — прилежно, день за днем,
Барашье стадо пичкают враньем
И вкупе называются — *газетой*...

Ко мненьям их прислушиваясь жадно,
Баран живет враньем передовиц:
Прикажут, и лежит пред Иксом ниц,
Прикажут — ненавидит беспощадно.

Подбором фактов, тонким и умелым,
Как будто тьмой паучьих веретен,

На диво и убит и оплетен —
Бараний мозг с бараньим вкупе телом!

Пять человек — Враль, Трупиков, Отпетый,
Мерзавкер и Жулье — прилежно, день за днем,
Публичным занимаются враньем,
И это называется — газетой.

Июль 1917

ЭПИГРАММЫ, ПАРОДИИ

В АЛЬБОМ С. Ю. ВИТТЕ

Внимает он привычным ухом
Руси протест.
И пишет он единым духом
Свой мани-фест...
И обещаеньями он свету
Терзает слух.
Проходит время, и ... он в Лету
Свободы бух!..

1906

О КА-ДЕТКАХ

Детская песенка

Их устои — шатки,
Их победы — редки,
Но их речи — сладки,
Их сравненья — метки.
Вечные нападки
Заслужили ль детки?
Бедные ребятки,
Паиньки ка-детки.

<1908>

ПРИЗНАНИЕ МОДЕРНИСТА

Для новой рифмы
Готовы тиф мы
В стихах воспеть,
И с ним возиться,
И заразиться,
И умереть.

1908

КАЗИМИР

Мой приятель Казимир
Мыслит очень здраво:
Если вправо есть трактир —
Он идет направо.
И хоть тресни левый стан,
Он — не повернется!
Разве только ... ресторан
Слева попадется.

〈1910〉

В. В. КНЯЗЕВ И П. П. ПОТЕМКИН

ДМИТРИЮ ЦЕНЗОРУ

Дружеская шалость

Дмитрий цензор плачет сдуру:
«Дал же бог такую кличку!
Все суют меня в цензуру —
Мне ж цензура не в привычку,
Я хочу в литературу».
Дмитрий Цензор, слезы вытри,
Ты повсюду в ложной шкуре, —
Всё тебе не по натуре:
Ты в поэзии Лжедмитрий
И лжецензор ты в цензуре.

〈1915〉

ЩЕКОТЛИВЫЙ ВОПРОС

Министр просвещения любезно дает
Вновь мне фельетонную тему,
Решивши ввести, без хлопот и забот,
Опять «курсовую систему».

Ну, что же? Попытимся, значит, опять
Подобно классическим ракам!
Нам к этому способу не привыкать!
Что делать? Наш жребий не лаком!

По международной культурной меже
Идем мы с зулусами рядом,
Зане Alma mater¹ давненько уже
К науке поставлена задом!

На всех факультетах — священная тишь,
Лишь педель спросонья ругнется,
Услышав, что где-то какая-томышь
Вне правил последних скребется.

Да изредка вдруг забежит покурить
Студент, от тоски изнывая...
И тихо, и пусто!.. — позвольте спросить:
«А... это... система какая?

Система текущих, последних двух лет,
Привитая нынешней школе?!»

¹ Мать-кормилица (лат.). Традиционное старинное название высшей школы.

«Предметная?» — «Нет!» — «Курсовая?»
«О, нет!»
«Какая ж? Разгонная, что ли?!»
(1913)

ПРОЕКТ

Лекции «назначенных профессоров»
по-прежнему проходят перед пустой
аудиторией.

Из газет

Хотя горчичное зерно
Никак не может по рождению
Дать ананаса... все равно —
«Профессора по назначению»
Играют в лекции давно!
Во избежанье инцидентов
Нельзя ли экстренно для них
«Назначить» собственных студентов
Из отставных городских?!
(1913)

«ШАШЛЫК НА ВЕРТЕЛЕ»

Без платья и белья
Лежит наука кротко,
Не видно у нея
Ни глаз, ни подбородка.

Один сплошной синяк!
«Откуда? — вот вопрос-то!»
«Синяк? — Да просто так!»
И даже — очень просто!»

Подбили, значит. Да-с,
Кому, а ей — нет спуску!
Наука ведь у нас
Так... «блюдо на закуску»...

Покойся ж на столе,
С филе телячьим в паре,
Шашлык на вертеле,
То бишь — на циркуляре!

⟨1913⟩

СКАЗКА О ТРЕХ НАБОБАХ

Где-то давно друг от друга особо
Жили да были три старых набоба...
Верили твердо они с давних пор,
Что, мол, спина — это пыльный ковер.
Но как-то раз их раскаянье взяло,
И порешили они, для начала,
Так управлять, чтоб всегда без забот,
В масле катался их добрый народ.
С этою целью сошлись на совете
Первый, второй и задумчивый третий...
И, опираясь десницею в лоб,
Молвил восторженно первый набоб:
«Всею душой устремляясь к народу,
Я упраздняю плохую погоду,
Зонтик огромный воткну в небосвод,
Чтоб не чихал мой любезный народ».
Было торжественно слово второго:
«Я же готов для народа родного
Соорудить грандиознейший мост
В царство далеких, загадочных звезд...»
И, умиленные каждый особо,
Слушали третьего оба набоба:
«Я же, для блага отчизны родной,
Просто — возьму и уйду на покой...»

⟨1916⟩

ГИЛЬОТИНА

Король дал пергамент с печатью кольца —
Внести гильотину под окна дворца!
Барабан, бей тревогу!

Запели литавры и трубы! И вот:
Сбежался на площадь вприпрыжку народ!
Барабан, бей тревогу!

Но дни, месяца и года у окна
Стояла, не вздрогнув ни разу, она!
Барабан, бей тревогу!

Но как-то, услышав под окнами гул,
Король из окошка платком ей махнул!
Барабан, бей тревогу!

И вздрогнула сталь! И был долог и густ
В стране той голов перерезанных хруст!
Барабан, бей тревогу!

И, мертвыми веками зашевелив,
Последней была голова короля!
Барабан, замолчи!

1917

РАССЕЯННЫЙ КОРОЛЬ

Затянут шелком тронный зал.
На всю страну сегодня
Король дает бессчетный бал
По милости господней.
Как и всегда, король там был
Галантен неизменно
И перед дамой преклонил
Высокое колено...
Старый шут, покосившись на зал,
Подняв тонкую бровь, прошептал:
«Он всегда после бала веселого
Возвращается без головы!..
Как легко вы теряете голову!
Ах, король, как рассеянны вы!»

Затянут красным тронный зал!
На всю страну сегодня

Народ дает свой первый бал
Без милости господней!
Как и всегда, король там был
Галантен неизменно
И перед плахой преклонил
Высокое колено...
Старый шут, покосившись на зал,
Подняв тонкую бровь, прошептал:
«Он всегда после бала веселого
Возвращается без головы...
Как легко вы теряете голову!
Ах, король, как рассеянны вы!..»

1917

ЖЕСТОКИЙ

Дубровин с тощею сумой
Стоял, просящий подаянья
На «Знамя русское» с мольбой
И для себя — на пропитанье...

Копейку только он просил,
И взор являл живую муку...
Тут Пуришкевич проходил
И ... плюнул доктору на руку...

Так иногда кадет иной,
От оптимизма весь неистов,
Победы ждет... А за спиной
Давно стоит суровый пристав...

У некоего г. Лермонтова позаимствовал Арк. Б-в <1908>

ДВА НАПОЛЕОНА

Да, были два Наполеона:
Один из книг, с гравюр и карт,
Такая важная персона,
Другой был просто — Бонапарт.

Один с фигурой исполина,
Со страхом смерти не знаком,
Другого била Жозефина
В минуты ссоры башмаком.

Один, смотря на пирамиды,
Вещал о сорока веках,
Другой к артисткам нес обиды
И оставался в дураках.

Мне тот, другой, всегда милее,
Простой обычный буржуа,
Стихийный раб пустой идеи,
Артист на чуждом амплуа.

Я не кощунствую: бороться
Со всей историей не мне...
Такого, верю, полководца
Не будет ни в одной стране.

Наполеон был наготове
Всесильной логикой штыка
По грудам тел и лужам крови
Всего достичь наверняка.

Ему без долгих размышлений
Авторитетов разных тьма
Прижгла ко лбу печатью: «гений»
Взамен позорного клейма...

Но тот, другой, всегда с иголки
Одетый в новенький мундир,
В традиционной треуголке,
Незрелых школьников кумир,

Мне и милей и ближе второе,
И рад я ставить всем в пример,
Как может выбиться в герои
Артиллерийский офицер.

⟨1912⟩

ПОЭТАМ

Пусть душа безвременьем убита:
Если в сердце алая мечта,
Не бросайте розы под копыта
Табунов усталого скота.
Замолкайте. Время не такое,
Чтобы нежность белого цветка
Разбудила гордое в герое,
Увлекла на подвиг дурака...
Все мертво. Ни песен, ни улыбок,

Стыд, и муть, и вялость без конца,
Точно цепь содеянных ошибок
Нам связала руки и сердца...
Все сейчас — моральные калеки,
Не для них ли, думаете вы,
Говорить о счастье, человеке
И о тихом шелесте травы...
Не поймут, не вникнут, хоть убейте, —
Вашу святость примут за обман,
Не играйте, глупые, на флейте
Там, где нужен только барабан...
Нашим дням, когда и на пророке
Шутовства проклятого печать,
Не нужны ласкающие строки:
Научитесь царственно молчать.

⟨1912⟩

ПИСЬМО К РЕДАКТОРУ

В душе омерзительно сиро,
Всё выела жуткая моль,
Но просит редактор сатиру...
Смеяться? Ну что же: изволь...

На днях у границы болгарской
В какой-то веселенький миг
Был в виде котлеты пожарской
Изрублен столетний старик.
Старуху гранатой убило,
Да что ей — слепа и глуха...
Вот смеху-то, смеху-то было:
Желудок распорот... Ха, ха!

Какой-то помещик на юге
Комический выявил пыл:
Под смех трехрублевой подруги
Двух старых евреев убил.
Кричал он: «Я всех бы их в груди
Кромсал и не чуял греха!»
Посмейтесь же, добрые люди!
Ну, что же, редактор: ха-ха!

В провинции власть без поблажки
Там метод решительно мил:
Профессор сидел в каталажке
За, что он паспорт забыл.
Ученого хлебом кормили
С водой, а водица плоха...
Спасибо еще, не побили.
Редактор! Ну что же: ха-ха!

Мучительно наше сегодня,
Где всё — наболевший вопрос;
Редактор, не будьте же сводней
Сатиры и искренних слез.
Смеяться нетрудно, но верьте,
Что жизнь — не пустой балаган
И в жуткой процессии смерти
Противно пускаться в канкан...
<1913>

ТРАГЕДИЯ КУБИЗМА

Критическое стихотворение

Рыдала девушка о брате.
.
Ты понял миг и воплотил:
Поставил окуня в квадрате
И кубом бок ему закрыл.
Замазал небо острым клином,
Вбил абажур от лампы в нос
И, сделав подпись гуталином
К друзьям на выставку повез.
Пришел туда же критик строгий,
Угрюм, начитан и сердит.
Порывшись в новом каталоге,
Нашел он: «Женщина грустит».
«Грустит... — подумал он, — однако
Зачем же зонтик вместо глаз?
А на бровях сидит собака
И ест отточенный алмаз?
Зачем на ухе — точно глыбы
Каких-то розовых камней,
А самый облик — в форме рыбы,

И восемь ромбов жмутся к ней?!
Зачем у ней фонарь под носом?!
Фонарь и нос... Фонарь... Зачем?»
Он приставал к тебе с вопросом,
Но ты молчал, красиво-нем.
Стемнело. Выставку закрыли.
И опустел печально зал...
Как лошадь загнанная, в мыле,
Усталый критик познавал:
«Зачем здесь рыба?.. и в квадрате?!
Что должен куб обозначать?!»
И рвал он волосы и платье,
Не в силах смысла разгадать...
Рыдал — и не было ответа...
Когда ж забрезжил свет вдали,
К крыльцу подъехала карета:
В больницу критика свезли...
И там, в припадке истеричном,
Кричал он, ужасом объят:
«Хочу быть смелым и кубичным!!
Зачем, зачем я — не квадрат?!!»

〈1913〉

ЛЕГЕНДА О СТРАШНОЙ КНИГЕ

Сергею Горному

Ему надевали железный сапог
И гвозди под ногти вбивали,
Но тайну не выдать измученный смог:
Уста горделиво молчали.
Расплавленным оловом выжгли глаза
И кости ломали сердито,
Был стон, и струилась кроваво слеза,
Но тайна была нераскрыта.
Сидит инквизитор, бледней полотна:
«Еще отпирается?! Ну-ка!»
Горящая жердь палачу подана,
Готовится новая мука.
«Сожгите! Но тайну узнайте вы мне —
Пусть скажет единое слово».
Шипит человеческий жир на огне,

Но — длится молчание снова.
Заплакал палач и бессильно сложил
К работе привыкшие руки,
Судья-инквизитор слезу уронил,
Как выдумать лучшие муки?!Конвой зарыдал, и задумался суд,
Вдруг кто-то промолвил речисто:
«О ваше сиятельство! Пусть принесут
Стихи одного футуриста.
И пусть обвиняемый здесь же прочтет
Страничку, какую захочет...»
Судья предложившему руку трясет,
Палач, умилившись, хохочет.
Велели — и книгу на стол принесли:
Такая хорошая книга...
Измученный молча поднялся с земли
В предчувствии страшного мига.
«Довольно! — сказал он. — Пытали огнем,
Подвергли ненужным обидам,
Я гордо и честно стоял на своем
И только твердил вам: «Не выдам!»
Но если стихи футуриста читать —
Нет: лучше ботинок железный...
Какую там тайну вам надо узнать?!
Пожалуйста — будьте любезны...»
И выдана тайна. В глухой полумгле
Рассказана чья-то интрига.
Свершилось. И грозно лежит на столе
Кровавая страшная книга...

〈1913〉

ВСПОМНИТЕ!

Юбилейное

Много вас, в провинциальной тине
Утопивших грустно имена,
Все еще питается доньяне
Распыленным прахом Щедрина.
Много вас, с повадкой хитрой, волчьей,
Под цензурным крепким колпаком
Подбирает капли едкой желчи,
Оброненной умным стариком.

Ваш читатель ласковой и проще,
Чем у нас, — он любит простоту,
Но устал: от гласных, и от тещи,
И от нравов граждан Тимбукту...
Знаю я: когда сосед — Европа,
Тяжело перо переломить,
Между строчек, с запахом Эзопа,
Шедриным исправника громить...
Тяжело потертые словечки
Доставать из пожелтевших книг,
Старый смех топить в газетной речке,
Потеряв свой собственный язык.
Так-то так... А все-таки берете,
В тине душ бессилье затая:
Шедриным, друзья мои, живете,
Шедриным питаетесь, друзья...
Мы рабы одной каменоломни,
Что зовется — русская печать,
И теперь одно лишь слово «вспомни!»
Мне собрату хочется сказать...
Вспомни, брат, того, кто нам когда-то
Дал слова, какие знал один...
.....
И услышу отповедь собрата:
«Что пристал? Я сам себе — Щедрин».

〈1914〉

ПРИЯТНЫЙ СОБЕСЕДНИК

Набросок желчью

Мысли — как трамвайные билетки,
Жалкие, от станции до станции.
Говорит он много об эстетике,
О Бодлере, Ницше и субстанции.

Весь такой он чуткий и мистический,
Весь такой он нежный и лирический.
Не люблю его я органически,
Я при нем страдаю истерически.

Сколько он со мной ни разговаривал,
Сколько ни прикладывал старания —

Никогда его не переваривал
И на то имею основания.

Я смотрю: за черепной коробкою
Этой тли природою положена
Смесь трухи с изжеванной пробкою
И какой-то слизью переложена.

Ничего другого. Ни горения,
Ни сердечных взрывов, ни сомнения,
Ни тоски, ни страсти, ни мучения...
Человек? Нет: недоразумение.

От портного — брюки с заворотами,
От брошюр — солидные суждения,
От кого-то — фразы с оборотами,
От себя — лишь ужас вырождения.

Лучше жить пустыми небылицами,
Углубиться в мерзость запустения,
Чем возиться с этими мокрицами...

Плюнь на них — хоть в **Этом** утешение.

⟨1915⟩

ТЫЛОВИК

Ног и чести не жалея,
Деньги хапая сплеча,
За войну он из пигмея
Превратился в богача.

Раболепствуя в прихожей
Снисходительных персон,
Этот тип с суконной рожей
Не один скопил миллион.

Здесь — поставит, там — укажет,
Здесь — припомнит, там — солжет,
Здесь — влиятельного смажет,
Там — разиню обстрижет.

Для кого война — забота,
Для него она — дурман,

Для него лишь все — охота,
От которой сыт карман.

Раньше, робкий и прыщавый,
Говорлив, труслив и мал,
Котелок носил дырявый
И швейцаров обегал.

А теперь в другом наряде
И с улыбкой наглеца,
То, что раньше было сзади,
У него — взамен лица.

Это он пускает первый
По столице грязный слух,
Это он нам треплет нервы,
Фабрикант слонов из мух.

Он теперь везде внакладе,
Все хватает, что плывет.
По головке случай гладит.
В каждой щелочке везет.

Но когда настанет время
И вода зальет пожар,
Тот же самый случай — в темя
Нанесет ему удар.

И когда его с миллионом
Втянет жирная земля,
Все со вздохом облегченным
Скажут: «То-то... Сдохла тля».

〈Февраль 1917〉

ПАРОДИЯ

Если бы...

(Кусочек литературного фельетона)

Недавно исполнившееся столятидесятилетие со дня смерти Ломоносова осталось почти незамеченным. Писали об этом немного и немногие.

Если бы мы обратились к Игорю Северянину с предложением высказаться по поводу литературного значения Ломоносова, маститый поэт, мы не сомневаемся, ответил бы стихами:

Ломоносов в шампанском! Ломоносов в шампанском!
Удивительно вкусно, свежо и остро...
Весь я в чем-то ужасном, крикливо мещанском,
Но рукою привычной я берусь за перо.
Я к поэзии прошлой отношусь, как к химере.
Что писал Ломоносов — ужасно старо.
Ломоносов — в малаге, Ломоносов — в мадере!
С ананасом в желудке? — вот это остро.

1915

А. Д'АКТИЛЬ

ПОДОХОДНОЕ

Ужасно трудно знать доход
(Хоть разбивай с досады лоб там!)
Того, кто перепродает
Россию в розницу и оптом.

Застукать их — немалый труд
И абсолютно нету шансов.
Ах! «Патриоты» не ведут
Счетов, доходов и балансов.

Держа на привязи язык,
Расчетливы необычайно,
Не доверяют цифрам книг
Свои коммерческие тайны.

И нет того, чтоб, глупый страх
Отбросив, взяться неуклонно
И заприходовать в графах,
И подсчитать свои миллионы.

Мол, там и там-то сдан подряд
По разработке для журналов
Национальных идеалов —
По курсу «франко Петроград»...

Ах! Книг, каналы, не ведут,
А хапнут — и давай бог ноги.
Какие ж отчисленья тут
И подоходные налоги?

Страну, подлец, распродаст
Поверстно и поидеально,

А спросишь, чем и как живет,
Вздыхнет, помудрствует печально,

Всплакнет, душой беззлобной чист,
И поместит в опросный лист,
Под рубрикой: «Доходы жителей», —
«На средства родителей».

〈Январь 1917〉

TRANSIT GLORIA MUNDI¹

*Без издательства, но
с сочувствием Маркову II,
Замысловскому и иже с
ними*

Всю жизнь старался «патриот»
И надрывал до боли глотку,
И в жажде лил в бездонный рот
Патриотическую водку.

Юлил (все средства хороши!),
Искал (удобны все лазейки!),
Брал за старание гроши
И брал за преданность копейки.

Кричал, придумывал, писал
И в гневном раже лез на стенку,
Россию-матушку спасал
За минимальную расценку.

И вдруг — конец. И вдруг — потоп.
И вдруг — циклон переворота.
И лезут в ужасе на лоб
Глаза страдальца «патриота».
Все обаяние — к чертям!
Взошли плоды крамольных зерен...
Великий лозунг взят на срам...
Эпитет громкий опозорен.

Из сливок света — в босяки!
Из сильных мира — в арестанты!

¹ Земная слава проходит (лат.).

Сиди и дохни от тоски
И слушай мрачные куранты.

И уж какой тебе почет —
Воротит рыло даже взломщик...

Судьба-с, товарищ «патриот»!
Что делать, гражданин погромщик!

〈Апрель 1917〉

БУРЖУА

Манифест самосохранения

Пусть мир помешан на марксистах
И нерушимости их слов.
Я ж был и есть поборник чистых
И взглядов и воротничков.
Враждуя с мачехой-судьбою,
Я при разборе ампула
Все ж остаюсь самим собою...
Я — буржуа, я — буржуа.

Перед свободой — вот поди же! —
Я слепо не склоняюсь ниц.
Порочность гения мне ближе
Непогрешимости тупиц.
И, всем их стадом презираем,
Я — plus royale gue le roi¹,
Не увлекусь эсдечьим раем...
Я — буржуа, я — буржуа.

Что? Все равны? Пошляк и гений?
Бодлер и унтер Середа?
На этот вздор без возражений
Не соглашусь я никогда.
Любовью масс не дорожу я,
Пускай их злятся... Ma foi²
Приемлю прозвище буржуа.
Я — буржуа. Я — буржуа.

¹ Большой роялист, чем сам король (*франц.*).

² По правде говоря (*франц.*).

Событья преломив, как призма,
Свободой пьяны, как вином,
Пусть победители царизма
Довольным ходят табуном.
Я их идей не сдамся плену,
И *par soi* и *pour soi*¹
Хомут свободы не надену...
Я — буржуа. Я — буржуа.

〈Апрель 1917〉

ТРИ ГОДА

Безумству трех кровавых лет,
Что мы блуждаем без дороги,
Уныло подвели итоги
Обозреватели газет:
«Да, да, мы знаем: были беды!
Но близок час, но тщетен страх...»

Ах, им-то, с перьями в руках,
Легко сражаться до победы!

Август 1917

ПАРОДИИ, ЭПИГРАММЫ

НЕ ТОТ КОЛЕНКОР

Необходимая пародия

В наш ситец можно было бы окутать
мумии всех пышных периодов Египта...
Вслед за генералами Черняевыми идут туда
в лоно Ориента русские фабриканты сит-
ца... Им пели ситец, как «муэдзин поет
лучи восходящего солнца...»

Л. Пасынков, «Биржевые ведомости»

На минарете колосится
Святое зарево седин —
То о цветных разводах ситца
Поет священный муэдзин:

¹ Сам, для себя (франц.).

«Не смеет нагло заноситься
Над добродетелью порок!
Нет в мире ситца, кроме ситца,—
И фабрикант его пророк.
Не разогнутся рабы спины,
Пока, тупя свои клыки,
Ткут за аршинами аршины
Ситцепрокатные станки;
Пока, сказав надменно «баста!»
Сукну, шелкам и крепдешин,
Не принесет любой аршин
По крайней мере двести на сто...»

На минарете колосится
Святое зарево седин —
То о цветных разводах ситца
Поет экстазный муэдзин.
Но ах! Мечеть дрожит, косится —
И бард — на землю кувырком...
И поделом: не пой о ситце
Таким суконным языком!

1915

БРЕШКО

ПРЕЖДЕ

Бойкой темы ища среди газетного вздора,
Он без страха хватает быка за рога...
Тут минута отваги — и та дорога!
Вот она — жизнь матадора!

ТЕПЕРЬ

Исколесил он, гениальный,
И оксидент, и ориент:
«Наш собственный», «наш специальный»
Тореадор-корреспондент!

⟨1916⟩

СЕДЬМАЯ ДЕРЖАВА

Петроградский городской голова закрыл
двери заседаний Управы для представи-
телей печати.

«Седьмая держава? Да гнать ее в шею!
Позвать Феоктиста! Сказать Досифею!»
И, правды светильником путь осветя,
Седьмая держава уходит, кряхтя.

Седьмая держава, сильнейшая в мире,
Садится за столик в дешевом трактире,
И плачет, и пишет часы напролет
О варварстве этом подробный отчет.

Пропитанный желчью, исполненный скорби,
Отчет сей поведает urbi et orbi¹ —
Со строчки по несколько жалких грошей —
О том, как державу прогнали взашей.

А робкий редактор невинные строчки
Счеркнет и поставит (бесплатные) точки...
Как жертва принципа: «Схватить и держать!»
Недаром державой зовется печать.

1916

ЭПИТАФИЯ

Господь! Во все часы и дни
Не наказуй, и не кляни,
И не взирай на нас сурово:
От рабства слова нас храни,
А паки — от свободы слова!

Август 1917

¹ На весь мир, всему миру.

И. С. ЛОГИНОВ

ПОЭТУ-МЕЩАНИНУ

Не тот поэт, кто гладко пишет
И рифмы звонкие плетет.
А тот, чей стих борьбою дышит
И к новым формам мир зовет.
Лишь тот поэт и бард вселенной,
Кто, позабыв давно Парнас,
Движенью жизни современной
Слагает гимны каждый час.
Но ты ль достоин называться
Поэтом, бардом и певцом,
Когда удел твой — преклоняться
Перед заезженным словом.

〈Январь 1917〉

ТРИО

1

«БИРЖЕВКА»

Обладание Царьградом глубочайшим
образом пересоздаст нашу внутреннюю и
внешнюю жизнь.

*«Биржевые ведомости», 1 января
1917 года*

Кто это там кричит «ура»
Так лихо, молодецки?
Из «Биржевых» профессора
Берут Стамбул турецкий.

«РУССКОЕ СЛОВО»

Мы будем ждать спокойно и уверенно
слова Государственной думы.

«Русское слово», 4 января
1917 года

Сама судьба ему дала
Долготерпение вола.
Его стегают чем попало,
А он мычит, что очень мало.

3

«РЕЧЬ»

Политическим центром страны остается
Государственная дума.

А за волом
Идет шажком
Свой тост изречь —
Газета «Речь».

Между 1 и 23 января 1917

400...

В Чите. Забайкальская тюремная инспекция получила предложение из Петрограда спешно выстроить новые каторжные тюрьмы для четырехсот заключенных. Постройка тюрем уже начата.

«День», 1917, № 28

Не для певцов с зеленых веток
Четыре сотни новых клеток.
Не для зверей
И не для птиц,
А для людей —
Крамольных лиц.

Между 30 января и 18 февраля 1917

ВОЯКИ

Керенский распорядился выдать пять-
сот штук ружей первому женскому полку
«Русская воля»

Есть винтовки, есть и пушки,
Есть гранаты и штыки.
Есть и воины-старушки...
Только свистнуть — и полки.

〈Июль 1917〉

БРАТАНИЕ

В Швейцарии на днях происходил
тайный съезд австрийских, французских,
германских и английских финансистов для
обсуждения условий мира.

Из газет

Чтоб за позорную войну
Рабочим в плен не сдаться,
Тайком в нейтральную страну
Явились мы брататься.

Для нас отечество — овца,
А родина — коровка.
От первой — шерстка для купца,
Второй — сырку головка.

Пускай дерутся бедняки
И все социалисты,
Но не такие дураки
Акулы-финансисты.

Чтоб за позорную войну
Рабочим в плен не сдаться,
Тайком в нейтральную страну
Явились мы брататься.

Август 1917

ЧАСТУШКИ

Соглашательский азарт
Факт, а не утопия...
Был в Париже Бонапарт,
В Петрограде — копия.

Голосок я слышу женский,
То поет эсерочка:
«На окраинах — Керенский,
А на Невском — Керочка».

Средь рабочих разных стран
Ширится движенье,
Даже русский Либердан
Терпит поражение.

Несмотря на вой и крик
В уличных газетах,
Побеждает большевик
В Думах и Советах.

Сентябрь 1917

ЭМИЛЬ КРОТКИЙ

МОНУМЕНТ

Враг кумиров, вольных даней
Не ношу им все равно...
А из питерских ваяний
Всех забавней мне одно:

Туша-всадник, конь неловкий,
Бронзы — целый капитал!
Две приезжие поддевки
Озирают пьедестал.

Смотрят вверх, дивятся хмуро,
О минувшем говоря...
Грозно высится фигура
Предпоследнего царя.

На чугунной кобылице
Между питерских громад
Виды видевшей столице
Он показывает зад.

Грузный конь под масть громадам,
Грузен корпус седока:
Мол, задавим конским задом
Всю Россию, как жука!

Затевали панегирик —
Вышел вылитый памфлет,
И, увы, любезный лирик,
Здесь тебе поживы нет.

Бред мечтательный наруша,
Всей поэзии в контраст,
Эта будничная туша
Настроений не создаст.

Вишь, уперся в бок свой локтем,
Давит стремя груз ноги.
Так и ждешь: запахнут дегтем
Тихоходы-сапоги.

Дрема знойная от тела,
Особливо — жарким днем,
И одежда пропотела
Мешковатая на нем.

Царь-урядник — ужас пашен...
Эка глыба! Экий рост!
А ни малости не страшен —
Сразу видно: ух, как прост!

«Не бессмертная громада! —
Счет поддевки подвели. —
Их, вчерашних, нам не надо,
Коли нынешних смели!»

〈Июнь 1917〉

Проказник бунт! Лихому сорванцу
Неведомо искусство грузных жестов.
Надменность византийских манифестов
Свободе молодежавой не к лицу.

Не стяг, а флаг. Не знамя, а плакат.
Простой язык без «оних» и без «коих».
И в пышных императорских покоях —
Провинциальный адвокат.

Июль 1917

ДОРОЖНОЕ

Сквозь болотные туманы
Пробирается страна.
Ждет-пождет, как оной манны,
«Блиzkих» выборов она.

Труден путь. Не слишком бойко
Поспешает тройка-Русь.
Ах, куда ты мчишься, тройка,—
Догадаться не берусь!

То кружишь, пути не зная,
То пред Думой ров глубок,
То, на горе, пристыжная
По-кадетски тянет вбок...

Что-то слышится родное
В новых песнях ямщика,—
Точно «тпру» очередное
Из кадетского ЦК.

Ни езды, ни «твердой власти»...
И, почуяв поворот,
Сотни мосек черной масти
Голосят из-под ворот!

〈Август 1917〉

ПОЧТИ БИБЛЕЙСКОЕ

Предпарламент, по словам «Русской
воли», должен явиться заменяющим дом
легким сараем, палаткой, лишь бы укрыть-
ся от дождя!

Скучно! Сеет, как из сит.
День какой-то куций.
Монотонно моросит
Дождик резолюций.
Все смешалось. Ералаш.
Музыка знакома!

Легкий временный шалаш
 Строим вместо дома.
То ль бывало на уме?
 Впрочем, строим бойко.
То-то вырастет к зиме
 Дачная постройка!
Чьих-то доводов картечь
 Воеет заунывней, —
Мол, а если в крыше — течь?
 Милуй бог от ливней!
Мне, ей-ей, не по душе
 Карканье Сибиллы:
«С милым рай и в шалаше, —
 Был бы только милый!»

Сентябрь 1917

ЭПИГРАММЫ

На опрокинувшемся троне
Мятеж улегся, смел и груб.
И чернь веселая хоронит
Колосса рухнувшего труп.

Орлов растоптаны останки...
А царь в вагонное окно
Прочел на скучном полустанке
Слегка насмешливое: «Дно».

Март 1917

НА СТАРЫЙ ЛАД

«С листком суворинским — несчастье...»
 «Вот те на!
 Жалею о газете».
«Да... в Лету канула она!»
 «Жалею я о Лете».

Между 4 и 7 августа 1917

ИЗ ЦИКЛА «РОДНОЕ»

1

«О Предпарламенте вопрос
В объеме, видите ль, возрос.
К тому же кадеты смотрят косо...
Нам нужен выход. Дайте нить!»
«Пред-предпарламент учредить —
Для обсуждения вопроса!»

2

«Финал?»

«Чудесные дела:

Гора мышонка родила».

«Мышонка только лишь? Быть может.

Я совещанья не виню,

Но... вдруг «мышонок» нам подложит

Традиционную «свинью»?!»

23 сентября 1917

В. В. МАЯКОВСКИЙ

ВАМ!

Вам, проживающим за оргией оргию,
имеющим ванную и теплый клозет!
Как вам не стыдно о представленных к Георгию
вычитывать из столбцов газет?!

Знаете ли вы, бездарные, многие,
думающие, нажраться лучше как,—
может быть, сейчас бомбой ноги
выдрало у Петрова поручика?..

Если б он, приведенный на убой,
вдруг увидел, израненный,
как вы измазанной в котлете губой
похотливо напеваете Северянина!

Вам ли, любящим баб да блюда,
жизнь отдавать в угоду?!
Я лучше в баре блядям буду
подавать ананасную воду!

⟨1915⟩

ГИМН СУДЬЕ

По Красному морю плывут каторжане,
трудом выгребая галеру,
рывком покрыв кандалное ржанье,
орут о родине Перу.

О рас Перу орут перуанцы,
где птицы, танцы, бабы

и где над венцами цветов померанца
были до небес баобабы.

Банан, ананасы! Радостей груды!
Вино в запечатанной посуде...
Но вот неизвестно зачем и откуда
на Перу наперли судьи!

И птиц, и танцы, и их перуанок
кругом обложили статьями.
Глаза у судьи — пара жестянок
мерцает в помойной яме.

Попал павлин оранжево-синий
под глаз его строгий, как пост,—
и вылинял моментально павлиний
великолепный хвост!

А возле Перу летали по прерии
птички такие — колибри;
судья поймал и пух и перья
бедной колибри выбрил.

И нет ни в одной долине ныне
гор, вулканом горящих.
Судья написал на каждой долине:
«Долина для некурящих».

В бедном Перу стихи мои даже
в запрете под страхом пыток.
Судья сказал: «Те, что в продаже,
тоже спиртной напиток».

Экватор дрожит от кандалных звонов.
А в Перу бесптичье, безлюдье...
Лишь, злобно забившись под своды законов,
живут унылые судьи.

А знаете, все-таки жаль перуанца.
Зря ему дали галеру.
Судьи мешают и птице, и танцу,
и мне, и вам, и Перу.

⟨1915⟩

Народонаселение всей империи —
люди, птицы, сороконожки,
ощетинив щетину, выперев перья,
с отчаянным любопытством висят на окошке.

И солнце интересуется, и апрель еще,
даже заинтересовало трубочиста черного
удивительное, необыкновенное зрелище —
фигура знаменитого ученого.

Смотрят: и ни одного человеческого качества.
Не человек, а двуногое бессилие,
С головой, откусанной начисто
трактатом «О бородавках в Бразилии».

Вгрызлись в букву едящие глаза, —
ах, как букву жалко!
Так, должно быть, жевал вымирающий ихтиозавр
случайно попавшую в челюсти фиалку.

Искривился позвоночник, как оглоблей ударенный,
но ученому ли думать о пустяковом изъяне?
Он знает отлично написанное у Дарвина,
что мы — лишь потомки обезьяньи.

Просочится солнце в крохотную щелку,
как маленькая гноящаяся ранка,
и спрячется на пыльную полку,
где громоздится на банке банка.

Сердце девушки, вываренное в йоде.
Окаменелый обломок позапрошлого лета.
И еще на булавке что-то вроде
засушенного хвоста небольшой кометы.

Сидит все ночи. Солнце из-за домишки
опять ослабилось на людские безобразия,
и внизу по тротуарам опять приготовишки
деятельно ходят в гимназии.

Приходят красноухие, а ему не нудно,
что растет человек глуп и покорен;
ведь зато он может ежесекундно
извлекать квадратный корень.

〈1915〉

ГИМН КРИТИКУ

От страсти извозчика и разговорчивой прачки
невзрачный детеныш в результате вытек.
Мальчик — не мусор, не вывезешь на тачке.
Мать поплакала и назвала его: критик.

Отец, в разговорах вспоминая родословные,
любил поспорить о правах материнства.
Такое воспитание, светское и салонное,
оберегало мальчика от уклона в свинство.

Как роется дворником к кухарке сапа,
щебетала мамаша и кальсоны мыла;
от мамыши мальчик унаследовал запах
и способность вникать легко и без мыла.

Когда он вырос приблизительно с полено
и веснушки рассыпались, как рыжики на блюде,
его изящным ударом колена
провели на улицу, чтобы вышел в люди.

Много ль человеку нужно? — клочок —
небольшие штаны и что-нибудь из хлеба.
Он носом, хорошеньким, как построчный пятачок,
обнюхал приятное газетное небо.

И какой-то обладатель какого-то имени
нежнейший в двери услышал стук.
И скоро критик из имениного вымени
выдоил и брюки, и булку, и галстук.

Легко смотреть ему, обутому и одетому,
молодых искателей изысканные игры
и думать: хорошо — ну, хотя бы этому
потрогать зубенками шальные икры.

Но если просочится в газетной сѣти
о том, как велик был Пушкин или Дант,
кажется, будто разлагается в газете
громадный и жирный официант.

И когда вы, наконец, в столетний юбилей
продерете глазки в кадильной гари,
имя его первое, голубицы белей,
чисто засияет на поднесенном портсигаре.

Писатели, нас много. Собирайте миллион.
И богадельню критикам построим в Ницце.
Вы думаете — легко им наше белье
ежедневно прополаскивать в газетной странице!
<1915>

ГИМН ОБЕДУ

Слава вам, идущие обедать миллионы!
И уже успевшие наестся тысячи!
Выдумавшие каши, бифштексы, бульоны
и тысячи блюдищ всяческой пищи.

Если ударами ядр
тысячи Реймсов разбить удалось бы —
по-прежнему будут ножки у пулярд,
и дышать по-прежнему будет ростбиф!

Желудок в панаме! Тебя ль заразят
величием смерти для новой эры?!
Желудку ничем болеть нельзя,
кроме аппендицита и холеры!

Пусть в сале совсем потонут зрачки —
все равно их зря отец твой выделал;
на слепую кишку хоть надень очки,
кишка все равно ничего б не видела.

Ты так не хуже! Наоборот,
если б рот один, без глаз, без затылка, —
сразу могла б поместиться в рот
целая фаршированная тыква.

Лежи спокойно, безглазый, безухий,
с куском пирога в руке,
а дети твои у тебя на брюхе
будут играть в крокет.

Спи, не тревожась картиной крови
и тем, что пожаром мир опоясан,—
молоком богаты силы коровьи,
и безмерно богатство бычьего мяса.

Если врежется последняя шея бычья
и знак последний с камня серого,
ты, верный раб твоего обычая,
из звезд сфабрикуешь консервы.

А если умрешь от котлет и бульонов,
на памятнике прикажем высечь:
«Из стольких-то и стольких-то котлет миллионов—
твоих четыреста тысяч».

⟨1915⟩

ВНИМАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ВЗЯТОЧНИКАМ

Неужели и о взятках писать поэтам!
Дорогие, нам некогда. Нельзя так.
Вы, которые взяточники,
хотя бы поэтому,
не надо, не берите взяток.
Я, выколачивающий из строчек штаны,—
конечно, как начинающий, не очень часто,
я — еще и российский гражданин,
беззаветно чтущий и чиновника и участок.
Прихожу и выплакиваю все мои просьбы,
приникши щекою к светлому кителю,
Думает чиновник: «Эх, удалось бы!
Этак на двести птичку вытелю».
Сколько раз под сень чинов ник,
приносил обиды им.
«Эх, удалось бы, — думает чиновник, —
этак на триста бабочку выдоим».
Я знаю, надо и двести и триста вам —
возьмут, все равно, не те, так эти;

и руганью ни одного не обижу пристава:
может быть, у пристава дети.

Но лишний труд — доить поодиночно,
вы и так ведете в работе года.

Вот что я выдумал для вас нарочно —
Господа!

Взломайте шкапы, сундуки и ларчики,
берите деньги и драгоценности мамашины,
чтоб последний мальчонка в потненьком кулачике
зажал сбереженный рубль бумажный.

Костюмы соберите. Чтоб не было рваных.

Мамаша! Вытряхивайтесь из шубы беличьей!

У старых брюк обшарьте карманы —
в карманах копеек на сорок мелочи.

Все это узлами уложим и свяжем,
а сами, без денег и платья,

придем, поклонимся и скажем:

Нате!

Что нам деньги, транжирам и мотам!

Мы даже не знаем, куда нам деть их.

Берите, милые, берите, чего там!

Вы наши отцы, а мы ваши дети.

От холода не попадая зубом на зуб,
станем голые под голые небеса.

Берите, милые! Но только сразу.

Чтоб об этом больше никогда не писать.

<1915>

ЧУДОВИЩНЫЕ ПОХОРОНЫ

Мрачные до черного вышли люди,
тяжко и чинно выстроились в городе,
будто сейчас набираться будет
хмурых монахов черный орден.

Траур воронов, выкаймленный под окна,
небо, в бурю крашенное, —
все было так подобрано и подогнано,
что волей-неволей ждалось страшное.

Тогда разверзлась, кряхтя и нехотя,
пыльного воздуха сухая охра,

вылез из воздуха и начал ехать
тихий катафалк чудовищных похорон.

Встревоженная ожила глаз масса,
гору взоров в гроб бросили.
Вдруг из гроба прыснула гримаса,
после —

крик: «Хоронят умерший смех!» —
из тысячегрудного меха
гремел омиллионенный множеством эх
за гробом, который ехал.

И тотчас же отчаяннейшего плача ножи
врезались, заставив ничего не понимать.
Вот за гробом, в плаче, старуха-жизнь —
усопшего смеха седая мать.

К кому же, к кому вернуться назад ей?
Смотрите: в лысине — тот —
это большой, носатый
плачет армянский анекдот.

Еще не забылось, как выкривил рот он,
а за ним, ободранная, куцая,
визжа, бежала острота.
Куда — если умер — уткнуться ей?

Уже до неба плачей глыба.
Но еще,
еще откуда-то плачики —
это целые полчища улыбочек и улыбок
ломали в горе хрупкие пальчики.

И вот сквозь строй их, смолкших в один
сплошной изрыдавшийся Гаршин,
вышел ужас — вперед пойти —
весь в похоронном марше.

Размокло лицо, стало — каша,
смятая морщинками на вымуренном лбу,
а если кто смеется — кажется,
что ему разодрали губу.

⟨1915⟩

Не высидел дома.
Анненский, Тютчев, Фет.
Опять
тоскою к людям влекомы,
иду
в кинематографы, в трактиры, в кафе.

За столиком.
Сияние.
Надежда сияет сердцу глупому.
А если за неделю
так изменился россиянин,
что щеки сожгу огнями губ ему?

Осторожно поднимаю глаза,
роюсь в пиджачной куче.
«Назад,
наз-зад,
н а з а д!»
Страх орет из сердца.
Мечется по лицу, безнадежен и скучен.

Не слушаюсь.
Вижу,
вправо немножко,
неведомое ни на суше, ни в пучинах вод,
старательно работает над телячьей ножкой
загадочнейшее существо.

Глядишь и не знаешь: ест или не ест он.
Глядишь и не знаешь: дышит или не дышит он.
Два аршина безликого розоватого теста:
хоть бы метка была в уголке вышита.

Только колышутся спадающие на плечи
мягкие складки лоснящихся щек.
Сердце в исступлении,
рвет и мечет.
«Назад же!
Чего еще?»

Влево смотрю.
Рот разинул.
Обернулся к первому, и стало иначе:
для увидевшего вторую образину
первый —
воскресший Леонардо да Винчи.

Нет людей.
Понимаете
крик тысячедневных мук?
Душа не хочет немая идти,
а сказать кому?

Брошусь на землю,
камня корою
в кровь лицо изотру, слезами асфальт омывая.
Истомившимися по ласке губами тысячью поцелуев
умную морду трамвая.

В дом уйду.
Прилипну к обоям.
Где роза есть нежнее и чайнее?
Хочешь —
тебе
рябое
прочту «Простое как мычание»?

ДЛЯ ИСТОРИИ

Когда все расселятся в раю и аду,
земля итогами подведена будет —
помните:
в 1916 году
из Петрограда исчезли красивые люди.
<1916>

СКАЗКА О КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ

Жил да был на свете кадет.
В красную шапочку кадет был одет.

Кроме этой шапочки, доставшейся кадету.
ни черта в нем красного не было и нету.

Услышит кадет — революция где-то,
шапочка сейчас же на голове кадета.

Жили припеваючи за кадетом кадет,
и отец кадета, и кадетов дед.

Поднялся однажды преболюшущий ветер,
в клочья шапчонку изорвал на кадете.

И остался он черный. А видевшие это
волки революции сцапали кадета.

Известно, какая у волков диета.
Вместе с манжетами сожрали кадета.

Когда будете делать политику, дети,
не забудьте сказочку об этом кадете.

〈Июль 1917〉

Нетрудно, ландышами дыша,
писать стихи на загородной дачке.
А мы не такие.

Мы вместо карандаша
взяли в руки
по новенькой тачке.

Господин министр,
прикажите подать!

Кадет, пожалуйста, садитесь, нате.

В очередь!

В очередь!

Не толпитесь, господа.

Всех прокатим.

Всем останется — и союзникам, и врагам.
Сначала большие, потом мелкота.
Всех по России

сквозь смех и гам
будем катать.

Испуганно смотрит
невский аристократ.
Зато и Нарвская,
и Выборгская,
и Охта
стократ
раскатят взрыв задорного хохота.

Ищите, не завалилась ли какая тварь еще?
Чтоб не было никому потачки.
Время не ждет,
спешите, товарищи!
Каждый берите по тачке!

Лето 1917

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ БАСНЯ

Петух однажды,
дог
и вор
такой скрепили договор:
дог
соберет из догов свору,
накрасть предоставлялось вору,
а петуху
про гром побед
орать,
и будет всем обед.
Но это все раскрылось скоро.
Прогнали
с трона
в шею
вора.

Навертывается мораль:
туда же
догу
не пора ль?

Между февралем и октябрем 1917

ЭПИГРАММЫ

В. Я БРЮСОВУ НА ПАМЯТЬ

Брюсов выпустил окончание
поэмы Пушкина «Египетские но-
чи». Альманах «Стремнины»

Разбоя след затерян прочно
во тьме египетских ночей.
Проверив рукопись
построчно,
гроши отсыпал казначей.
Бояться вам рожна какого?
Что
против Пушкину иметь?
Его кулак
Навек закован
в спокойную к обиде медь!

1916

* * *

Ешь ананасы, рябчиков жуй,
день твой последний приходит, буржуй.

Сентябрь или октябрь 1917

ПРИМЕЧАНИЯ

К. К. СЛУЧЕВСКИЙ

(1837—1904)

Константин Константинович Случевский, поэт, прозаик, переводчик, родился в Петербурге в семье сенатора К. А. Случевского. Окончив 1-й кадетский корпус с отличием в 1855 г., служил в гвардии, затем поступил в Академию генерального штаба. Спустя год, в 1860, вышел в отставку и уехал учиться за границу (Париж, Берлин, Лейпциг, Гейдельберг). Вернувшись на родину в 1866 г. со степенью доктора философии, поступил на гражданскую службу. В последние годы был членом Совета министерства внутренних дел, членом Ученого комитета народного просвещения. Умер в Петербурге.

Литературная деятельность К. К. Случевского началась с опубликования нескольких оригинальных стихотворений и переводов из Гюго, Барбье и Байрона. Своеобразная лирика поэта, появившаяся в «Современнике» и «Отечественных записках», привлекла внимание не только читателей, но и вызвала самые противоположные отзывы критики: от в высшей степени хвалебных до яростных нападок и пародий. После значительного периода молчания в начале 1870-х годов вновь начали появляться стихи поэта (сначала под псевдонимами, позднее под собственным именем) и прозаические произведения: роман «От поцелуя к поцелую» (1872), повести и рассказы. Проза К. Случевского уступает его поэтическому творчеству. Вместе с тем она примечательна остротой сюжетов, страстностью обличения махинаций дельцов, угодливости и продажности чиновничества, развращенности великосветского общества. Тематический круг поэзии Случевского весьма широк: это и медитативно-философская, любовная лирика, здесь и стихотворения, посвященные истории России, и конечно же описания природы, но не как фон для передачи переживаний героя, а как самостоятельный образ. Литературная слава К. Случевского была капризной. Периоды отрицания ценности его творчества сменялись популярностью, но по-настоящему успех пришел к нему лишь в последние годы жизни. В 1898 г. выходят «Сочинения» К. К. Случевского в шести томах; в первых трех собраны стихи и поэмы, в остальных — проза. Последняя книга «Песни из Уголка» увидела свет в 1902 г.

ТОЖЕ НРАВСТВЕННОСТЬ. *Ф. В. Вишневский* (1838—1916), поэт и переводчик философских сочинений. *Спикер* — в английском парламенте, состоящем из двух палат (палата лордов и палата общин) — председатель палаты общин. *Хартия* — здесь имеется в виду «Великая хартия вольностей» (1215), грамота, подписанная английским королем, ограничившая его власть. *Дюшесса* — (франц.) герцогиня. *Копи Лабрадора* — Лабрадор — полуостров в сев.-вост. части Северной Америки, где были найдены богатые залежи железной и медной руды. *Плюмаж* — украшение из перьев на головном уборе военного. *Виктория* (1819—1901), королева Великобритании с 1831 г., императрица Индии с 1876. Время ее правления названо викторианским веком. *Помпеи* — город в Италии близ Неаполя. Рядом с городом находятся руины др.-рим. города Помпеи, засыпанного пеплом при извержении вулкана Везувий в 79 г. н. э. *Ампир* (Empire) — в архитектуре, живописи, мебели стиль эпохи наполеоновской империи. *Раут* — званый вечер без танцев. *Швабия* — провинция в Германии.

ИЗ ЦИКЛА «МЕФИСТОФЕЛЬ». *Мефистофель* — дух зла, демон, бес, дьявол, чаще всего, по преданию, падший ангел, сатана. Разные писатели осмыслили образ Мефистофеля по-своему. Так в философской трагедии «Фауст» И. В. Гёте *М.* — искушитель, антагонист Фауста, в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского *М.* — черт, у Т. Манна в «Докторе Фаустусе» он — воплощение морального нигилизма. К. Случевский дал свою трактовку этому образу, *М.* у него — обличитель людских пороков и несовершенства бытия.

МЕФИСТОФЕЛЬ В СВОЕМ МУЗЕЕ. *Астарот* — финикийское божество, своим покровительством какому-либо лицу вызывавшее к нему общее расположение. *Вампир* — по древним верованиям — мертвец, выходящий по ночам из могилы, чтобы высасывать кровь у спящих людей. *Самотрацские кабиры*. Кабиры — в др.-греч. верованиях божества плодородия земли, их культ был распространен на островах Средиземного моря, в частности в Самофракии (здесь: Самотракия), а также в Малой Азии. Позднее К. стали также покровителями мореплавателей. *Кардинал де Рец* (1404—1470) — маршал Франции, известный своими преступлениями и жестокостью.

ИЗ ДНЕВНИКА ОДНОСТОРОННЕГО ЧЕЛОВЕКА. ВСЕ ЮБИЛЕИ, ЮБИЛЕИ... *Пантеон* (греч.) — 1) храм или место, посвященное всем богам (Пантеон в Риме); 2) усыпальница великих людей (напр., Пантеон в Париже). *Вестминстерское аббатство* — собор св. Павла в Лондоне, где происходит коронование английских королей. Здесь же находятся захоронения королей, крупных государственных деятелей, ученых, поэтов.

Владимир Сергеевич Соловьев, русский религиозный философ, публицист, поэт, критик, переводчик, родился в Москве в семье известного русского историка С. М. Соловьева, автора многотомного труда «История России с древнейших времен». Окончив гимназию, В. Соловьев занимается на историко-филологическом, затем физико-математическом факультетах Московского университета. Вскоре, оставив естественные науки, сдает экзамен экстерном за историко-филологический факультет. После получения диплома прослушал курс в Московской духовной академии. В 1874 г., защитив магистерскую диссертацию на тему «Кризис западной философии (Против позитивистов)», стал доцентом Московского университета. В 1875 г. он совершает первую поездку за границу, сначала в Лондон, затем в Египет. По возвращении на родину продолжает заниматься философией. Результатом его труда явилась докторская диссертация «Критика отвлеченных начал» (1880). Высочайшая историко-филологическая культура позволила ему уже в 1878 г. начать чтение курса лекций по философии религии (вышли в свет под названием «Чтения о богочеловечестве»). В. С. Соловьев резко отзывался о ряде акций правительства, в частности о смертном приговоре народовольцам (в связи с убийством царя Александра II). После речи, произнесенной в их защиту 28 марта 1881 г., был вынужден оставить университет. В 80-х годах выступал преимущественно как публицист, проповедуя объединение «Востока» и «Запада» через воссоединение церквей, борясь за свободу совести, против национально-религиозной дискриминации.

Поэтическое творчество занимает у В. Соловьева сравнительно небольшое место. Значительна его философская лирика, продолжающая традиции, с одной стороны, Жуковского, с другой — Тютчева и Фета.

1890-е годы — период особенно плодотворный в жизни В. Соловьева. Он пишет великолепные статьи о поэзии Пушкина и Тютчева, создает оригинальные «Три разговора» и наконец свой основной труд — «Оправдание добра». Кроме того, В. Соловьев известен как переводчик Петрарки, Данте, Шиллера, Гофмана и других крупнейших поэтов западной литературы. Умер в подмосковном имении князей Трубецких Узкое.

ПОСВЯЩЕНИЕ К НЕИЗДАННОЙ КОМЕДИИ, написанное в 1880-м, было впервые опубликовано лишь в 1891 г. Само название стихотворения объясняется тем, что комедия «Белая лилия, или Сон в ночь на Покрова. Мистерия-шутка в 3-х действиях» появилась в печати лишь спустя два года после опубликования этого стихотворения.

РАЗМЫШЛЕНИЕ О НЕИЗМЕННОСТИ ЗАКОНОВ ПРИРОДЫ. *Goré* (см. с. 444.)

1. БЛАГОНАМЕРЕННЫЙ И ГРУСТНЫЙ АНЕКДОТ! Появление эпиграммы вызвано отрицательным отношением автора к политике нетерпимости, проявляемой церковью к религиозным сектам, и сообщениям о «собеседованиях» духовных отцов со старообрядцами.

2. ПРОТЯЖЁННО-СЛОЖЁННОЕ СЛОВО — перефразированное выражение из басни И. А. Крылова «Парнас» — «красно-хитро-сплетенное слово». *Сруб* — на Руси до Петра I сожжение старообрядцев совершалось в срубах. *Двойственный грех*. Одно из отличий старообрядчества от ортодоксального православия — осенение крестным знамением двумя перстами.

ПРОРОК БУДУЩЕГО. Первоначальное заглавие было «Пророк». Некромантия — гадание на трупах или посредством обращения к душам усопших. *Вид* — паспорт, свидетельство для проживания, проезда. *Но так как в правильном развитии* — ироническая характеристика «триады» немецкого философа Г. В. Ф. Гегеля (1770—1831).

ВИДЕНИЕ. *Сочинено в состоянии нутурального гипноза* — автор иронизирует по поводу распространенного в то время увлечения (и им самим в т. ч.) необъяснимыми проявлениями человеческой психики. 1-я строка — перефраз стихотворения М. Ю. Лермонтова «Ангел» («По небу полуночи ангел летел»).

ПРИЗНАНИЕ ДАМЕ, СПРАШИВАЮЩЕЙ АВТОРА, ОТЧЕГО ЕМУ ЖАРКО — перепев стихотворения М. Ю. Лермонтова «Мне грустно...» *Гафиз* (Хафиз), ок. 1325—1389(90?) — персидский поэт.

ТАИНСТВЕННЫЙ ПОНОМАРЬ. ОСЕННЯЯ ПРОГУЛКА РЫЦАРЯ РАЛЬФА. Пародии на романтические баллады. *Алтарь, стихарь* — (см. с. 444, 445).

ГОРОД ГЛУПЫЙ, ГОРОД ГРЯЗНЫЙ! — перефразируются строки из стихотворения А. С. Пушкина (1799—1837) «Город пышный, город бедный». *Смесь Каткова и куты*. В. Соловьев неоднократно критиковал реакционную направленность издаваемого М. Н. Катковым (см. с. 436.) «Русского вестника». *Кутья* — каша с изюмом из риса, пшеницы или обдирного ячменя, подаваемая на стол на похоронах или приносимая в церковь при поминках. Зд. в переносном смысле как образец религиозного ханжества.

ЗНАМЕНИТОМУ ГРАЖДАНИНУ. Адресат — князь В. П. Мещерский (1839—1914), писатель и публицист, издавал монархическую газету «Гражданин». *На руинах просвещения* — ярый противник социальных реформ 60-х годов В. П. Мещерский выступал против преобразований в сфере просвещения.

ГИМН. *Содома князь и гражданин Гоморры* — кн. В. П. Мещерский (см. примеч. выше). *Большая газета* — так Мещерский называл издаваемую им газету «Гражданин».

КАЮСЬ, ДРЕВНЯЯ ОСЛИЦА. Здесь автор использует библейскую легенду о заговорившей ослице. *Шеол* — преисподняя, ад, иногда могила. Шеол рисуется чудовищем, пожирающим мертвецов.

ИЗ ПИСЬМА. В стихотворении автор в иронической форме критикует субъективизм Канта. *Тот доказал методом априорной* — имеется в виду априорный метод Канта, где речь идет о знании, изначально присущем сознанию, независимо от опыта. По мнению Соловьева, этот метод вел к этическому релятивизму («На все нам наплевать»). *А этот — эмпирически бесспорно* — известная легенда из Библии о спасении Ноя во время всемирного потопа.

〈АКРОСТИХИ〉. *Акростих* — стихотворение, в котором начальные буквы каждой строки, читаемые по вертикали, составляют имя, слово или (реже) фразу. Два цикла акrostихов, посвященные С. М. Мартыновой, в которую был влюблен поэт, созданы в 1892 г. Первый («Сафо»), второй — «Матрена». При жизни поэта не публиковались.

НА К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА. *К. П. Победоносцев* (см. с. 437.). *Пиетист* — 1. Человек, настроенный мистически. 2. Лицемер, ханжа. *И как юрист старушку обобрал* — по образованию юрист, Победоносцев совершил противоправный акт: издал книгу «Церковная история» А. Н. Бахметьевой (1825—1901) без указания автора. Как результат, авторство стали приписывать издателю.

Н. Я. ГРОТУ 1. *Н. Я. Грот* (1852—1899), профессор философии, первый редактор журнала «Вопросы философии и психологии», был другом В. Соловьева. *Со святыми упокой!* — слова заупокойной молитвы. 2. Грот в смысле «пещера» и фамилия философа использованы здесь как каламбур.

ПРИЗНАНИЕ. *Страхов Н. Н.* (1828—1896), *Розанов В. В.* (1856—1919), *Тихомиров Л. А.* (1852—1923) — публицисты, общественные деятели, с которыми Соловьев неоднократно вступал в полемику. *Я был ревнитель правоверия* — строка, свидетельствующая об изменении его взглядов на церковь. *И съела бы меня свинья*. Критика церкви в статьях В. Соловьева вызывала не только негодование со стороны духовенства, но и оборачивалась практикой цензурного запрета. Приведенная выше строка связана, видимо, с созданным Салтыковым-Щедринным образом «развешегося животного» (т. е. разгула реакции), пожирающего Правду.

МЕТЕМПСИХОЗА (матампсихоз) — от греч. metempsychosis — «переселение душ» — религиозно-мистическое учение о переселении души умершего в другой организм. Метемпсихоза является частью некоторых религий, в т. ч. буддизма. *Сочинено во время холерных судорог* — пародия на стихи старших символистов (Брюсова, Бальмонта и др.), написанная во время эпидемии холеры летом 1894 г.

〈АВТОПАРОДИЯ〉. Поэт пародирует свое собственное стихотворение «Воскресшему», которое считал неудачным. *Торгуй, несчастный, сапогами* — строка, видимо, навеяна притчей «Сапожник» А. С. Пушкина: каждому следует заниматься своим делом — «Суди, дружок, не свыше сапога!»

〈Я. П. ПОЛОНСКОМУ〉. *С жизнью алмазная свадьба поэта!* Сти-

хотворение послано Я. П. Полонскому 4 декабря 1895 г. к 75-му его юбилею (см. с. 437.).

ВЫ — СТАДО БАРАНОВ. Как свидетельствовал Ф. А. Кони (1809—1879), редактор и издатель театральных журналов, эпиграмма-экспромт была сочинена на обеде у М. М. Стасюлевича (1826—1911), историка, журналиста, общественного деятеля. *Стадом баранов* — министр юстиции Н. В. Муравьев (1850—1908) назвал суды присяжных. Его выпады против института присяжных были подхвачены реакционными публицистами (см. последнюю строку четверостишия).

〈ТРИ ПАРОДИИ〉 на раннюю поэзию символистов, раскрывающие особенности их стиля и манеры, принадлежат к числу лучших в истории этого жанра.

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВ

(1821—1908)

Алексей Михайлович Жемчужников, поэт, прозаик, соавтор сочинений Козьмы Пруткова, родился в местечке Почеп Черниговской губернии в семье, принадлежащей к старинному дворянскому роду. До 14 лет поэт рос и воспитывался в семье. После смерти матери поступил в гимназию, затем в Училище правоведения (1835), которое наряду с царскоевильским Лицеум было учебным заведением для детей высшего сословия. После училища Жемчужников поступает на службу в Сенат. Вернувшись из поездки за границу, с 1849 г. служит в Государственной канцелярии. В 1858 г., отказавшись от блестящей карьеры, выходит в отставку, переезжает сначала в Калугу, где женится, затем в Москву. Позднее был вынужден с семьей выехать вновь за границу. После возвращения на родину в 1884 г. живет попеременно в деревне и в городе. В 1900-е годы избран почетным академиком. Умер в Тамбове, похоронен в Москве.

Литературная судьба А. Жемчужникова складывалась непросто. Первые стихи, написанные в 30-х годах, увидели свет лишь в 1850 г. В 1854 г. в «Современнике» появились «прутковские» басни, стихи, пародии (за коллективным псевдонимом Козьмы Пруткова стоят, как известно, три интереснейших поэта: братья А. М. и В. М. Жемчужниковы и А. К. Толстой). Убежденный «реформист», либерал, человек, не принимавший революционного учения, он охотно сотрудничал с демократической прессой, в своих статьях и стихах, воюя против реакции в политике, жизни, искусстве. На протяжении десятилетий поэзия Жемчужникова откликалась на все большие и малые события, происходящие в России, кончая революцией 1905 г.

НА РОДИНЕ. *Рунгорт* — имение сестры поэта, которое находилось в Витебской губернии. *Они — повапленные гробы* (от глагола «повапить» — выбелить или окрасить) — сравнение лжецов и фарисеев с красиво окрашенными снаружи гробами, которые «внутри полны мертвых костей и всякой мерзости».

СТОЛКОВАЛИСЬ. В автографе заглавие «Сговорились». Печатается по изд. 1892 г.

«ДУХА НЕ УГАШАЙТЕ». Стихотворение напечатано не было по цензурным соображениям. «Я придумал, — писал поэту 21 декабря 1888 г. М. М. Стасюлевич (см. с. 382.) — следующее средство, чтобы сделать Вам наглядным то, что могло не представляться наглядным в рукописи: я распорядился набрать, чтобы, увидев свое поистине прелестное стихотворение в печати, Вы невольно воскликнули: «Нет, это невозможно! Увы, такие вещи пишутся, но не набираются». «Духа нет, дух угасили!» Ведь это произведение «духа», как же Вы хотите, чтобы оно было напечатано там, где «спят, кощунствуя во сне!» (Цит. по: А. М. Жемчужников. Избранные произведения. М.—Л., 1963, с. 362—363.) *Я знаю: был объят за родину тревогой // Ты, русский гражданин, в те смут крамольных дни* — видимо, автор имеет в виду террористические акты 1870—1880-х годов и серию покушений на царя Александра II.

НОВАЯ ВАРИАЦИЯ НА СТАРУЮ ТЕМУ. *Твоя наставница — московская печать* — имеется в виду газета «Московские ведомости», редактируемая М. Н. Катковым в 1851—1855 гг. и в 1863—1887 гг. Выражения «разбойники пера», «мошенники печати» были направлены в адрес либеральных петербургских газет «Голос» и «Санкт-Петербургские ведомости». Нападки на эти газеты объясняются изменением позиции Каткова, который в начале 60-х годов перешел на сторону крепостнической реакции. *Рассказы о творце военных поселений* — речь идет об А. А. Аракчееве, временщике при дворах Павла I и Александра I. При Николае I с 1817 г. занимал пост главного начальника «военных поселений». Известная жестокость Аракчеева и методы его управления породили слово «аракчеевщина».

КОНЬ КАЛИГУЛЫ. Стихотворение не было напечатано ни в «Вестнике Европы», ни в «Неделе», куда оно было отослано. Спустя два года оно было включено в сборник, подготовленный Обществом любителей российской словесности. Эпиграф взят автором из стихотворения «Вельможе» Г. Р. Державина. *Калигула* (прозвище от лат. *caligula* — *бука*, сапожки. Получил его за сапожки солдатского образца, которые носил ребенком). Наст. имя Гай Юлий Цезарь (12—41), римский император, отличавшийся чрезмерным честолюбием, жестокостью и подозрительностью. Жемчужников иронически переосмысливает сохранившуюся историю о том, как Калигула привел своего коня в сенат, чтобы сделать его консулом. *Денник* — (см. с. 444.)

ПИСЬМО К ЮНОШЕ О НИЧТОЖНОСТИ. *Прозелит* (от греч.

prosēlytos — букв. пришелец) — новообращенный в какую-нибудь веру; горячий приверженец чего-либо.

«СКЕРЦО» НА ГРАЖДАНСКИЕ МОТИВЫ. *Скерцо* (ит. scherzo — букв. шутка) — муз. пьеса веселого характера. Взятое в кавычки слово *скерцо* выражает отнюдь не веселые думы поэта. *Что наши заботы // Все — ради окраин* — в конце XIX столетия правительство начало усиленно проводить политику русификации окраин. *Отсюда досада // У нас на финляндца* — в Финляндии с 1863 года существовал сейм, который образовывал правительство. Царский манифест от 15 декабря 1899 г. утверждал правомочность русских властей издавать законы для Финляндии помимо сейма. *Поляков и полек // Нас бесит привычка* — речь идет о подчиненном положении Польши, которая боролась за свою независимость. Реакционная печать поддерживала политику правительства в отношении этих народов. *Мы наши расколы // Преследуем строго* — религиозные секты и общества в России, стоявшие в оппозиции к официальной церкви, издавна преследовались в судебном порядке. *Хоть был бы я, скажем, самим Ювеналом* (см. Ювенал, с. 439.). *Бартенев положит // В портфели «Архива»* — Бартенев П. И. (1829—1912), историк, археограф, библиограф. С 1863 г. издавал журнал «Русский Архив», где публиковал материалы по русской истории XVIII—XIX вв. и литературно-биографические данные о русских писателях.

ЗА ШЛАГБАУМОМ. Стихотворение было напечатано лишь после смерти поэта в 1908 г., как он этого хотел сам.

ПОСМЕРТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА. См. выше биографию А. М. Жемчужникова.

В. П. БУРЕНИН

(1841—1926)

Виктор Петрович Буренин, поэт, переводчик, драматург, публицист, журналист, родился в семье художника в Москве. В 1859 г. окончил архитектурное училище. В 1863 г. переехал в Петербург, где первое время работал архитектором. Вскоре, однако, он оставил службу и посвятил себя целиком литературе. Умер в Ленинграде.

Первые подражательные стихи были написаны Бурениным еще в детстве. В архитектурном училище проявил себя как автор сатирических стихов. Серьезная литературная работа началась с корреспонденции в лондонский «Колокол» А. И. Герцена (1861). В середине 1860-х годов печатался в «Искре», «Современнике», ряде других прогрессивных изданий. С 1865 г. — один из постоянных сотрудников «С.-Петербургских ведомостей». Особым успехом пользовались его стихотворения, поэмы, пародии, в которых обличалось социальное неравенст-

во, реакционная журналистика (журналы Каткова, Краевского). Сатира Буренина, язвительная и ядовитая, испытывавшая влияние сатирических стихов Гейне, не всегда, однако, попадала в печать из-за жесткой цензуры. В начале 1870-х годов Буренин порывает с «Отечественными записками» и «Искрой» и начинает сотрудничать в газете «Новое время». Буренин является автором многочисленных прозаических и драматургических произведений. Отдельными изданиями выходили: «Очерки и пародии» (1874), «Былое» (1880), «Стрелы» (1881) и др. Известен также как переводчик Барбье, Байрона, Гейне и др.

САРА БЕРНАР ПРИЕХАЛА!

ПУБЛИКА. Этот цикл стихотворений написан в связи с приездом в Россию знаменитой французской актрисы Сары Бернар (1844—1923) в 1881 г. Печатается по кн.: Песни и шаржи. Новые стихотворения В. Буренина. Спб., 1886. 1. *Боборыкин П. Д.* (1836—1921) — литератор, журналист, драматург, театральный критик. *Критик известный Чуйко* — Чуйко В. В. (1839—1899), литературный и художественный критик, переводчик, издатель. 2. *Весталка* — в древнем Риме — жрица богини Весты, давшая обет безбрачия и целомудрия. 3. *Жозефина Стасюлаки* Стасюлевич М. М. *Ривка Шмуль, Мошка Шабаш* — по-видимому, вымышленные имена. *Орас барон* — бар. Гинцбург Г. О. (1833—1909), банкир, меценат. *Ицка Шутин* — Утин Е. И. (1843—1894), адвокат, публицист, автор многих работ по драматургии и театру. «*Маньифик!*» (от франц. *magnifique*) — великолепный, блестящий.

ЦЕНИТЕЛИ И СУДЬИ. *Стасов В. В.* (1824—1906) — известный деятель культуры, археолог, историк, искусствовед, этнограф, литературный и музыкальный критик. *Утин, Чуйко* — см. выше.

ПОКЛОННИКИ. *Адриена* — имеется в виду пьеса О. Э. Скриба и Э. Легуве «Адриена Лекуврер» (1849). *Маргарита* — Сара Бернар исполняла роль Маргариты Готье в пьесе А. Дюма-сына «Дама с камелиями».

ПОД ВЕТКОЙ СИРЕНИ. В стихотворении пародируется весьма распространенная эпигонская любовная лирика 1870—1880-х гг.

〈ШАГИ КОМАНДОРА〉. А. Блок, как отмечает в своей книге «Последние годы Блока» К. И. Чуковский (1882—1969), по поводу этой пародии сказал следующее: «У него 〈Бурешина〉 была хорошая пародия на мои «Шаги командора». (Цит. по кн.: Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XX в.). Библиотека поэта, Б. С., 2-е изд., Советский писатель. Л., 1960, с. 813.)

Владимир Сергеевич Лихачев, поэт, прозаик, драматург, переводчик, родился в Полтаве. Первые поэтические опыты относятся к годам обучения в гимназии. После ее окончания Лихачев поступает в Петербургский университет, однако вскоре был вынужден оставить его из-за нехватки материальных средств. По возвращении домой в течение года учится в Харьковском университете, который не смог окончить по той же причине. В 1871 г. вновь приезжает в Петербург, живет случайными литературными заработками. Вскоре поступает на службу в министерство финансов. В 1877—1878 гг. в период русско-турецкой войны, отправляется на фронт добровольцем. После окончания войны вернулся на прежнее место, где и прослужил 25 лет.

Первая публикация — стихотворение в газете «Петербургский листок» — датируется 1869 годом. Начало серьезной литературной деятельности приходится на конец 70-х годов после возвращения В. С. Лихачева с русско-турецкой войны. В это время он активно сотрудничает в «Стрекозе», «Отечественных записках», «Вестнике Европы» и др. В 1889—1890 гг. редактировал литературно-юмористический журнал «Слово». Становится известным также как драматург (пьесы «Проучила», «В родственных объятьях», «Жизнь Илимova»). Ему принадлежат переводы произведений Мольера, Шиллера, Корнеля, Т. Тассо, Гейне, Байрона и других классиков западноевропейской литературы.

ПРОВОКАТОР. В печати стихотворение появилось с подписью «Читатель». *«Граф — настоящий реформатор!»* — речь идет о С. Ю. Витте.

ЕЩЕ. Опубликовано в журнале «Зритель» за подписью «Мирный». Стихотворение появилось после опубликования приказа Николая II о дополнительной мобилизации казачьих полков Войска Донского для подавления крестьянских бунтов в разных губерниях.

ТИШЬ ДА ГЛАДЬ. Дата написания стихотворения дана предположительно на основании содержания текста. При жизни Лихачева последний неурожай был в 1908 г.

ИСТОРИЯ В ЧЕТВЕРОСТИШИИ. *Передонощина* — от имени центрального персонажа повести Ф. Сологуба «Мелкий бес» учителя гимназии Передонова, воплотившего в себе тупую озлобленность, трусость, лицемерие. *Азефщина* — от имени Азеф. Азеф Евно Фишелевич (1869—1918), один из лидеров партии эсеров, провокатор, секретный сотрудник департамента полиции с 1892 г.

ПИСАТЕЛЮ САМОЗВАНОВУ. Напечатано в «Зрителе» с подписью «Читатель». В стихотворном каламбуре без труда угадывается Николай II и царствующая фамилия. Следствием опубликования стихотворения было привлечение к судебной ответственности редактора-издателя.

ЭКСПРОМТ. *Он отвечает лишь: «Я тронут»* — он — царь Николай II Автор обыгрывает слово «тронут», которым отвечал Николай II на приветствия. «Тронут», как известно, означает также «тронутый умом», «слаб головой».

ДОЖДАЛИСЬ. Выражение *«торжествующая свинья»* — как олицетворение воинствующей реакции, взято сатириком из очерков М. Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом» (1880—1881).

М. П. СВОБОДИН

(ум. в 1906)

Михаил Павлович Свободин, поэт, переводчик, журналист. Публиковался в петербургских газетах «Биржевые ведомости», где был литературный отдел, «Новая жизнь», «Вечерний голос». В 1905—1906 гг. активно сотрудничал в сатирических и юмористических журналах «Забияка», «Зарницы», «Сигнал», «Стрелы» и др.

РЕФОРМАТОРЫ. *Столоначальник, повытчик* (см. с. 444, 445.). *Храбрый Павлов-дворянин* — автор статей в поддержку правительства, выступавший в реакционных газетах. Подписывался «Дворянин Павлов».

ИЗ ПЕСЕН О СВОБОДНОМ СЛОВЕ. Опубликовано в журнале «Зритель» за подписью «Эс». *Целый ряд мероприятий* — в ноябре 1905 г. вышли «Временные правила о повременных изданиях», где говорилось об отмене цензуры на периодические издания. Однако вся ответственность за их содержание возлагалась на редакторов. В результате такой «отмены» цензуры огромное количество редакторов было арестовано и предстало перед судом. *Пять штук обглоданных «свобод»!* (см. Манифест 17 октября, с. 443.).

МЕРЫ. Перепев поэмы «Приговор (Легенда о Констанцском соборе)» А. Н. Майкова (1821—1897). Опубликовано в журнале «Забияка» за подписью «Д'ин». *Дурново, Трепов, Дубасов, Коковцев, Игнатьев, Граф Поргсмутский* — С. Ю. Витте (см. с. 434.).

Под стихотворениями «ПОСТЕПЕННО», «БАЛЛАДА О ГЕНЕРАЛАХ», «ПОД УСИЛЕННОЙ ОХРАНОЙ» стоит подпись «Зоил» (см. прим. с. 408.).

БАЛЛАДА О ГЕНЕРАЛАХ. *«Чай, вконец придушили соседа?» Есть моря — не доищешься флота* — речь идет о русско-японской войне 1904—1905 годов, где русская армия и флот потерпели поражение на суше и в морском сражении у о. Цусима.

ПОД УСИЛЕННОЙ ОХРАНОЙ. *Помечтай о храбром Мине* — Мин Г. А. (см. прим. с. 411.). В «Государстве Русском» *милы* — имеется в виду официальная газета «Русское государство», поддерживавшая реакционную политику правительства.

Александр Валентинович Амфитеатров, прозаик, поэт, драматург, журналист, публицист, издатель, родился в семье священнослужителя в Калуге. В 1885 г. закончил юридический факультет Московского университета. В 1886—1887 гг., находясь в Италии, присылал свои корреспонденции в газету либерального направления «Русские ведомости», позднее в 1888—1891 гг. печатался в «Новом обозрении». В 1891—1899 гг. активно сотрудничал в консервативном издании «Новое время», помещая корреспонденции из Москвы под псевдонимом Old Gentleman (до 1896 г.), потом — воскресные фельетоны. Под впечатлением нарастающих революционных выступлений расстался с редакцией «Нового времени» и совместно с В. М. Дорошевичем основал газету «Россия». За фельетон Амфитеатрова «Господа Обманы», в котором содержалась критика самодержавия, в январе 1902 г. газета была закрыта, а сам Амфитеатров сослан в Минусинск на 5 лет. В конце того же года он переводится в Вологду. В 1905 г. выехал в Париж, где в течение ряда лет издавал революционный журнал «Красное знамя». Сотрудничал также в русской оппозиционной прессе: «Русь», «Молва», «Двадцатый век» и др. В 1916 г. вернулся в Россию и возглавил редакцию «Русской воли». В 1920 г. эмигрировал за границу. Умер в Леванто (Италия).

Амфитеатров является автором многочисленных книг о быте и нравах конца XIX века, об эпохе крепостного права и др. В период первой русской революции 1905—1907 гг. Амфитеатров публикует ряд острых сатирических произведений против либералов, «героев» своего времени, членов правительства, жандармов, верноподданнейшей прессы. Он явился также составителем сборника «Забытый смех» (сб. 1—2, 1914—1917), в который вошли сатирические стихи поэтов-искровцев. В период послеоктябрьской эмиграции написал роман «Зачарованная степь» (1921), кн. «Демонические повести XVII в.», «Литература в изгнании» (1929).

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. На книгу «Современные сказки», куда вошла эта сатира, был наложен арест. «*Пью смело тост за незнакомку!!!*» — т. е. за конституцию. *Хожалый* — служащий полиции, здесь, видимо, городской. *Новый Муций* — Сцевола Гай Муций — древнеримский легендарный герой (конец VI — начало V в. до н. э.). Согласно преданию, был схвачен при попытке убить Царя Парсену, врага римлян. Чтобы доказать, что никакие наказания ему не страшны, и из презрения к пыткам Муций сам опустил правую руку в огонь, не издав при этом ни единого стога. *Паладин* — в средние века рыцарь в свите короля или феодального государя, переносное значение — верный рыцарь. «*Гражданин*» — политическая и литературная газета-журнал, изд. в Петербурге в 1872—1914 гг., орган реакционного дворянства. *Суворин А. С.* (1834 —

1912) — публицист, литератор, издатель. *Левендаль Л. Н.* был известен как организатор еврейских погромов. *Бобрищев-Пушкин А. В.* — адвокат, член «Союза 17 октября». *«Карманьола»* — французская революционная песня, которую сложил народ в 1792 г. по случаю падения королевской власти. *«Славься, русский царь»* — хор из оперы «Иван Сусанин» М. И. Глинки (1804—1857) (по настоянию двора опера была названа «Жизнь за царя»).

ПЕРВАЯ ЗАПОВЕДЬ. *П. Н. Дурново* (см. с. 435.). *Да не будут тебе божи // Инии разве мене!* — первая заповедь Ветхого Завета «Да не будет у тебя других богов кроме меня!». *Подражать Маркизу Позе* — Маркиз Поза главный герой драматической поэмы «Дон Карлос, инфант испанский» И. К. Шиллера (1759—1805), образ, исполненный благородства и непреклонности, проявленных в борьбе с деспотизмом. *Натянул я нос «весне»* — в печати «весной» назывался период (осень 1904 г.) деятельности министра внутренних дел П. Д. Святополка-Мирского, пытавшегося склонить правительство на уступки для разрядки политической ситуации в стране накануне первой русской революции (см. также с. 438.). *Витте тащится в обозе* — по-видимому, автор иронизирует по поводу того, что С. Ю. Витте, по мнению Дурново, проводит слишком мягкую политику в этот период. *Суд — в акимовском психозе* — вероятно, речь идет о М. Г. Акимове (1847—1914), зяте Дурново. Став министром юстиции в кабинете Витте в декабре 1905 г., он предпринял реорганизацию судопроизводства в связи с увеличением количества политических процессов и процессов против печати. *Кремль — в дубасовском огне* (см. с. 435.). *Соберу я дани мнози — // Где овсом, где на зерне* — намек на крупные махинации П. Н. Дурново с поставками овса. *Брань гремит в стихах и прозе // Даже всей моей родне* — действительно, имя П. Н. Дурново беспрестанно появлялось в сатирических стихах того времени. Подвергались критике и его братья, занимавшие ответственные посты в государственном аппарате.

АКАФИСТ. *Акафист* — церковная хвалебная песнь и молитвы Спасителю, Богородице и святым угодникам. «Акафист» — пародия Амфитеатрова, нелегально распространялся во многих городах. *Сергий Каменноостровский* — граф С. Ю. Витте, названный так по месту жительства (проживал на Каменноостровском проспекте на Петроградской стороне, теперь Кировский проспект). *Сице (нар.-церк.)* — так, таким образом. *Радуйся, конституции вилами на водах песнотворче* — имеется в виду Манифест 17 октября 1905 г., который был подготовлен Витте. *Жену свою приведший в православие* — вторая жена Витте по происхождению была еврейкой. *Велий* (см. с. 444.). *Произведший Вуича в Скуратова Малюту!* Вуич Э. И. (1849 — ?) — прокурор Петербургской судебной палаты, в правительстве Витте — директор департамента полиции (1905 — 1906), с 1906 г. сенатор. Скуратов-Бельский Г. Л. (Малюта), (? — 1573), один из руководителей опричнины при Иване Грозном, организатор

террора. *Обещавший нам четыре свободы* — речь идет о свободах, обещанных в царском Манифесте: неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов. *Доверия напрасное прошение* — имеется в виду обращение Витте к общественности оказать ему доверие для реализации обещанных свобод. *Трепов* (см. с. 439.). *Орлов А. А.* (? — 1911) — ген.-майор, возглавлял карательный отряд в Прибалтике, руководил массовыми расстрелами крестьян в 1905 — 1906 гг. *Меллер-Закомельский А. Н.* (1844 — 1928) — ген., один из участников подавления Севастопольского восстания в 1905 г., в следующем году возглавил карательный отряд на Сибирской железной дороге. *Алиханов А. М.* (1846—1907) — ген.-губернатор Тифлиса, применявший жестокие репрессии против восставших крестьян. *Карангозов К. А.* — ген.-губернатор Одессы (1905—1906), стяжавший «славу» жестокими репрессиями. *Дубасов* (см. с. 435.), *Гурьев А. Н.* (1864—?) — редактор газеты «Русское государство», которая субсидировалась правительством. *Елицы* (см. с. 444.). *Шарапов С. Ф.* (1855—1911) — редактор газеты «Русское дело», которая получала финансовую помощь от правительства. *Манасевич-Мануйлов И. Ф.* (1869—1918) — журналист, сотрудничал с охранным отделением, за рубежом выполнял поручения Витте, носившие неофициальный характер. *Касперов В. И.* (1862—?) — экономист, занимавшийся вопросами международного хлебного рынка. *Финансов русских вивисекция* — автор указывает на тяжелое финансовое положение страны, которое правительство пыталось поправить с помощью иностранных займов под большие проценты. *Звездная палата* — речь идет о группе титулованных персон, которые фактически вершили судьбы страны. *«С.-Петербургское телеграфное агентство»* — агентство по обслуживанию петербургских газет. *Кречинский* — главный герой комедии «Свадьба Кречинского» А. В. Сухово-Кобылина (1817—1903), человек смелый и находчивый, но наглый и циничный. *Сахалина пополам разделение* — подписанный Витте в 1906 г. Портсмутский мирный договор предусматривал передачу южной половины о. Сахалин Японии. *Из оной академии Максима Горького изгнание* — имеется в виду непризнание царем действительным избрание М. Горького почетным академиком и как знак протеста — отказ от этого звания А. П. Чехова и В. Г. Короленко — «получивший нос от Чехова и Короленки!». *Издателю газеты без подписчиков* — газета реакционного направления «Русское государство». *Испросивший субсидию им на бутерброды* — речь идет об огромных средствах, потребовавшихся на содержание этой газеты, в т. ч. на бесплатные завтраки — «бутерброды» для большого штата ее сотрудников. *Сигма* (псевд.; наст. фам. Сыромятников) С. Н. (1864—?) — писатель и публицист, сотрудник ряда газет, в т. ч. «Нового времени». *Никольский Б. В.* (1870—1919) — юрист и литературовед, черносотенец. *Гурлянд И. Я.* (1868—?) — писатель, редактор правительственной газеты «Россия». *Матюшенский И. А.* — сотрудничал с Гапоном. *Гапон* (см. с. 434.). *Мещерский В. П.* (см. прим. с. 380.). *Превращение*

Николая Второго в целовальника! — имеется в виду введение по инициативе Витте государственной винной монополии в 1894 г. *Отдание выборов под кулак Держиморды* — автор говорит о выборах в I Государственную думу в феврале — марте 1906 г. *Тимирязева богохульника* — Тимирязев В. И. (1849—1919), — русский государственный деятель, представитель финансовой олигархии. Скандально известен попыткой возродить гапоновщину в 1906 г. *Толстой* — Толстой И. И. (1858—1916) — министр народного просвещения при Витте. Туга — (см. с. 445.). *Балмашев С. В.* (1882—1902) — студент, член организации эсеров, был казнен за убийство министра внутренних дел Д. С. Сипягина 2 апреля 1902 г. *Карпович П. В.* (1874—1917) — студент, эсер. Смертельно ранил (1901) министра народного просвещения Н. П. Благолепова, за что был осужден и заточен в Шлиссельбургскую крепость. *Архистратиг* — крупный военачальник. *Мариинская храмина* — Мариинский дворец на Исакиевской площади в Петербурге, место проведения заседаний Государственного Совета (ныне там размещен Ленинградский Горисполком).

СТИХИРЫ РОССИЙСКИЕ. *Стихира* — церковные песнопения на библейские сюжеты. «Стихиры» — пародии писались А. Амфитеатовым в Париже. За публикацию их, как свидетельствовал сам автор, газета «Русь» была закрыта, а ее редактор оказался под судом.

1. *На Балетную, // На оперетную* — здесь обыграна фамилия артистки Михайловского театра в Петербурге Балетта, любовницы вел. князя Алексея, которого считали виновником бедственного положения флота из-за краж и воровства.

2. *Куропаткинская* — Куропаткин А. Н. (см. с. 436.). *Взбранный воевода* — (церк.) крепкий в брани, бою.

3. *На допросе неумытном* — неумытый — неподкупный, беспристрастный, честный.

4. *Вуич Э. И.* (см. прим. с. 389.). *Петру Николаевичу овса отведь* (см. П. Н. Дурново, примеч. к стих. «Первая заповедь» того же автора).

5. *Прокимен, скимен* (см. с. 445.). *Акимов* (см. прим. с. 391.).

6. *Исполняется на радениях иоаннитов* — Духовно-рыцарский орден Иоаннитов (от Иоанна Крестителя) был основан в Палестине крестоносцами в XII в. В настоящее время организации иоаннитов имеются в ряде европейских стран (ФРГ, Швеция, Швейцария). В России основателем секции иоаннитов был Иоанн Кронштадтский (Иван Ильич Сергиев, 1829—1908), протоиерей Андреевского собора в Кронштадте, член Синода, реакционный клерикал. *Радения* — в некоторых сектах религиозный обряд с песнопением. *Дреймадерный* — от названия вина «дреймадера»

7. *«Русское государство»* — на создание этой реакционной газеты правительством было выделено 609 тыс. рублей. Несколько позднее редактор обратился к Витте поддержать существование газеты, на что требовалось еще 900 тыс. рублей. *Матюшенский И. А.* — журналист, рато-

вал за восстановление гапоновских организаций. *Ушаков М. А.* агент охранки. *Зубатов* (см. с. 435.).

8. *Чухнин Г. П.* (1848—1906), будучи командующим Черноморским флотом, подавил Севастопольское восстание в ноябре 1905 г. Был убит матросами. *Шмидт П. П.* (см. с. 439.).

9. В ноябре 1905 г. во время восстания матросов и солдат в Севастополе броненосец «*Св. Пантелеймон*», крейсер «*Очаков*» и несколько других кораблей присоединились к восставшим.

10. *Иссоп* — синий зверобой, используется как лекарственное растение.

11. *Укорение Спиридоновой не женственное* — имеется в виду противоправное обращение с подсудимой Спиридоновой М. А. (1884—1941), лидером партии левых эсеров. М. А. Спиридонова (1884—1941), один из лидеров партии левых эсеров. Арестованная за убийство (смертельно ранила) начальника охранки Г. Н. Луженовского в г. Козлове. *Яко сельный крин* как полевая лилия. *Святыя Анны* — орденом Св. Анны (3-й и 4-й степени) награждались лишь офицеры за храбрость. Это был крест, который носился на эфесе сабли или шашки.

12. Первое четверостишие — пародия на один из сюжетов Библии о Давиде. *Подчасок* — лицо, назначаемое для смены часового в случае необходимости.

13. *Подвели меня под «процент»!* — в дореволюционной России для людей еврейской национальности существовала определенная процентная норма при приеме в высшие учебные заведения. *Бундист* член Бунда (Всеобщего еврейского социал-демократического союза, см. с. 440.). *Кадников* — небольшой город в северной части Вологодской губернии. «*Кресты*» — тюрьма с одиночными камерами и жестким режимом в Петербурге, построенная в 1892 г. Название связано с расположением двух корпусов, которые пересекаются в виде креста.

14. *Да твоё не расстреляет* — здесь вновь напоминание о расстреле мирной демонстрации в Петербурге 9 января 1905 г.

15. *Стихира романовская* — злая пародия на государственный гимн Российской империи «Боже, царя храни...». «*Полярная звезда*» название яхты, принадлежащей царю Николаю II.

БЛАГОДАРИЮ — перепев стихотворения Е. П. Ростопчиной (1811—1858) под тем же названием. *Кадетский законопроект о печати* — речь идет о «Проекте закона о печати, составленного партией народной свободы для внесения в Государственную думу. *Священно сохранен порядок «диффамаций»* — диффамация — помещение в печати материалов, бросающих тень либо на отдельное лицо, либо на целое учреждение.

РУССКИЕ В 1906 г. *Изгоев А. С.* (1872—?) — публицист, член партии кадетов. *Ли Хунчан* (Ли Хун-Чжан, 1823—1901) — китайский государственный деятель и искусный дипломат.

ЗЛОВРЕДНЫЙ ПОЛКОВНИК И СПАСИТЕЛЬНЫЙ КОСТЕР перепев народной песни «Ой, ладо, ой, ладушки-ладо». *Учебник пол-*

ковника Кладо — имеются в виду «Очерки военных действий в море во время русско-японской войны». В *разборе цусимских позиций* — речь идет о поражении 2-й русской Тихоокеанской эскадры под командованием З. П. Рожественского у о. Цусимы в Корейском проливе 14—15 (27—28) мая 1905 г.

(ТРИ ПАРОДИИ). Даты написания пародий неизвестны. Сатирик пародирует эстетизм, экзотические рифмы, сюжеты бунинских стихов 1903—1907 гг., созданных во время путешествия на Восток. *Бедекер* — название широко распространенных путеводителей по странам для путешественников и туристов (название получил по имени немецкого книгопродавца и издателя К. Бедекера, 1801—1859). *Буль-буль* (турец.) — соловей. *Маразли Г. Г.* — известный филантроп. На свои средства построил городскую публичную библиотеку, лечебницу и другие учреждения. *Он важен, как Анубисова крипта* — Анубис — в древ. егип. мифологии бог-покровитель мертвых. Изображался в виде волка, шакала или человека с головой шакала. *Крипта* — в древ. Риме подземное сводчатое помещение; позднее в Зап. Европе — часовня под храмом, где хоронили умерших. *Озирис* (Осирис) — в древ.-егип. мифологии бог умирающей и воскрешающей природы, покровитель и судья мертвых. Изображался в виде мумии. *Абдул-Гамид // Под стражею в крамольных Салониках* — Абдул-Хамид II, прозванный «кровавым султаном», после подавления младотурками контрреволюционного путча в апреле 1909 г. был низложен и арестован. *Пинд* — в греч. мифологии горный массив с вершинами Парнас и Геликон, где обитали музы. *Аника-воин* — герой русских народных «духовных стихов», вступавший в схватки со смертью. *Ассаргадон* (?—668 до н. э.) — ассирийский царь. *Кир* — автор имеет в виду Кира старшего (Кир II Великий, ?—530 до н. э.), завоевавшего много городов в Малой и Средней Азии, также и Вавилон. Потерпел поражение и погиб в походе против массагетских племен в Средней Азии. По преданию он был убит царицей скифов-массагетов *Томирисой*.

О. Н. ЧЮМИНА

(1864—1909)

Ольга Николаевна Чюмина, поэтесса, прозаик, переводчик, родилась в Новгороде в роду потомственных военных. Литературной деятельностью занималась постоянно, а потому замужество практически ничего не изменило в ее жизни. Позднее семья переехала в Петербург, где поэтесса и скончалась после тяжелой болезни.

Первым своим стихам О. Чюмина не придавала значения. Но уже в начале 1880-х годов они стали появляться в известных журналах и газетах «Зритель», «Русская мысль», «Вестник Европы», «Новое

время» и др. В этот период происходит знакомство писательницы с Я. П. Полонским, В. М. Гаршиным, А. П. Чеховым. После выхода ряда сборников революционной сатиры в 1905—1906 гг. под псевдонимами «Бой-Кот» и «Оптимист» («В ожидании. Фельетоны в стихах», «На темы дней свободы» и др.) ее имя ставится в ряд наиболее заметных сатириков-журналистов начала века. Последний сборник «Осенние вихри» вышел в 1908 г. О. Чюмина — автор психологических романов «На жизнь и на смерть» (1895) и «За грехи отцов» (1896). Примечательна еще одна область ее интересов — тесное сотрудничество с Московским художественным театром и дружба с К. С. Станиславским. Чюмина известна также как переводчик произведений Данте, Мильтона, Теннисона; ее переводы неоднократно отмечались премиями Академии наук и почетными отзывами.

ПЕСНЬ ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ НЕВИННОСТИ. *Прекращение парламентской сессии* — имеется в виду роспуск I Государственной думы (создана 27 апреля, распущена 8 июля 1906 г.). «*Сибирский поход*» — ссылки политзаключенных в Сибирь.

ПРЕЖДЕ ВСЕГО. *Курлов П. Г.* (1860—1923) — товарищ министра внутренних дел.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ. Перепев «Казачьей колыбельной песни» М. Ю. Лермонтова. *Светом факелов Нерона* — автор как бы проводит образную параллель между деятельностью Трепова и пожаром, случившимся в 64 г. в царствование Нерона в Риме.

ЗАЕМ. Перепев известного стихотворения «Финдлей» шотландского поэта Роберта Бернса (1759—1796).

АРИЯ РЕДАКТОРА. Перепев арии Ленского из оперы «Евгений Онегин» П. И. Чайковского (1840—1893). *Ор. 129* — имеется в виду Уголовное уложение о привлечении к ответственности лиц, высказывающихся письменно или устно против существующего государственного строя. *Другими — деньги внесены* — речь идет о денежном залоге, который освобождал «провинившегося» редактора от предварительного заключения. «*День*» — газета славянофилов, издавалась в Москве в 1861—1865 гг. *Кобеко Д. Ф.* (1837—1918) — сенатор, член Государственного Совета, директор Публичной библиотеки.

К ФЕМИДЕ. *Фемида* — в греч. мифологии богиня правосудия: изображалась с повязкой на глазах (как символ беспристрастности) и весами в руках. *Песня ль щеголовитая* — видимо, намек на И. Г. Щеголовитова (1861—1918), министра юстиции, проводящего реакционную политику; один из тех, кто ратовал за введение военно-полевых судов в армии.

Ф. С. ШКУЛЕВ

(1868—1930)

Филипп Степанович Шкулев, поэт, издатель, родился в бедной крестьянской семье в дер. Печатники вблизи Москвы. С 11 лет вынужден был пойти работать на фабрику.

В начале 1890-х годов Шкулев познакомился с М. Леоновым и группой писателей из народа И. Ивиным, Г. Коньковым, С. Лютовым и др. В 1902 г. вместе с единомышленниками Шкулев создает «Московский товарищеский кружок писателей из народа», переименованный впоследствии в «Суриковский литературно-музыкальный кружок». В конце 1905 г. совместно с В. Е. Миляевым предпринял попытку издания собственного печатного органа «Шрапнель». Однако удалось выпустить лишь два номера этого сатирического журнала, после чего он был запрещен, а Шкулев приговорен к шести месяцам тюремного заключения. В течение 1907—1908 гг. ему удалось организовать выпуск газет «Молодая воля», «Новая пашня», «Мужицкая правда» и др. Издания эти отличались ярко выраженной политической направленностью и потому существовали крайне недолго. Ряд журналов («Гроза», 1908, «Народный рожок», 1910, и др.) он не только редактировал, но и был в них автором многих фельетонов, эпиграмм, пародий, басен. В 1912 г. сотрудничал в большевистских газетах «Звезда» и «Невская звезда». Выехав в Архангельск после начала 1-й мировой войны, работает в местной газете «Северное утро», позднее издает сатирические журналы «Заноза» и «Северное жало». После февральской революции вернулся в родную деревню. Позднее вошел в объединение пролетарских писателей «Кузница», печатался во многих журналах. В 1922 г. вышел наиболее полный сборник стихов Шкулева «Гимн труду»

ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ СХОДСТВА. *Тоска и Дума разгоняются* — речь идет о I (апрель — июль 1906) и II (февраль — май 1907) думах.

КАК БУДТО ИЗ ГЕЙНЕ — перепев стихотворения М. Ю. Лермонтова (перевод из Г. Гейне) «Сосна».

ПОСТНИК — человек, соблюдающий посты. *А бедных на книжку* часть заработка многие рабочие получали в виде продуктов по заборным книжкам.

А. И. ГОМОЛИЦКИЙ

Александр Иванович Гомолицкий, поэт. Начало литературной деятельности относится к 1890-м годам. Публиковался на страницах сатирических и юмористических изданий: «Осколки», «Искра», «Будильник».

«Спрут» и др. Был сотрудником первого советского сатирического издания «Соловей» (1918).

НА ДАЧЕ. *Шубинский Н. П.* (1853—1921) — помещик, депутат III Государственной думы. *Но в «списках» нет его при этом!* — имеются в виду списки кандидатов на выборы в Думу. *Родзянко* (см. с. 438.).

РАЗГОВОР С АНГЛИЧАНИНОМ — перепев русской народной песни «Дубинушка». Основой для написания стихотворения послужил приезд в Россию английской парламентской делегации в 1912 г. *Он живет в полосе недорода* — неурожай в 1911—1912 гг. вызвал страшный голод в 60 губерниях России.

ПРЕДВЫБОРНОЕ. Эпиграмма написана перед выборами в IV Государственную думу.

НЕЦЕНЗУРНАЯ МЕБЕЛЬ. *Это кабинет* — здесь: кабинет министров.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

(1868—1936)

Максим Горький (псевд.; наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков) родился в Нижнем Новгороде. Начав трудовую жизнь с 11 лет, перепробовал многие профессии. Попытка поступить в Казанский университет в 1884 г. окончилась неудачей. 80-е годы — период интенсивных идейно-нравственных исканий писателя, чтения марксистской литературы, самообразования. В начале 1906 г. уезжает в Америку, где публично выступает с речами в защиту рабочего класса России. С осени 1906 г. Горький живет в Италии на о. Капри. После правительственной амнистии в 1913 г. возвращается на родину. В 1912—1914 гг. сотрудничает в большевистских газетах «Звезда» и «Правда».

В 1921 г. в связи с обострением туберкулеза писатель вновь едет лечиться за границу (Германия, Чехословакия, Италия). В 1931 г. Горький окончательно возвращается на родину, где ведет огромную общественно-политическую работу (инициатор издания ряда журналов, серии книг «Жизнь замечательных людей», «Библиотеки поэта» и др.). Горький был организатором и председателем Первого Всесоюзного съезда советских писателей (1934). Умер в 1936 г., похоронен на Красной площади в Москве.

Первая публикация — рассказ «Макар Чудра» в 1892 г. В 1898 г. вышел первый сборник его очерков и рассказов. Широкую известность Горькому принесли романтические рассказы («Старуха Изергиль»), героико-романтические «Песня о Соколе» (1895) и «Песня о Буревестнике» (1901). Конец XIX — начало XX в. — время создания реалистических романов «Фома Гордеев», «Трое» и первых пьес «Мещане» и «На дне», поставленных Московским художественным театром. В 1904 — 1905 гг. создаются пьесы, посвященные интеллигенции («Дачники», «Дети солнца», «Варвары»).

Новая тема — подъем революционной борьбы пролетариата — отражена в пьесе «Враги» и ставшем всемирно известном романе «Мать» (1906). Находясь на о. Капри, Горький пишет ряд повестей и пьес, наиболее известные из которых «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина», «Васса Железнова». Круг тем писателя в этот период необычайно широк: рост сознательности рабочего класса («Сказки об Италии», 1911—1913), художественная автобиография («Детство», «В людях», 1913—1916), ряд других произведений. Разносторонняя общественно-публицистическая деятельность писателя пореволюционных лет сочеталась с созданием новых вещей: повесть «Мои университеты» (1922), романы «Дело Артамоновых» (1925), «Жизнь Климата Самгина», литературные портреты (Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, В. Г. Короленко и др.), очерк («В. И. Ленин»). В 30-х годах появляются пьесы, посвященные теме ухода буржуазии и прихода на смену завоевавшего власть пролетариата («Егор Булычов и другие», 1932, «Достигаев и другие», 1933), выходит 2-я редакция «Вассы Железновой». Собственно сатирических произведений в богатом наследии писателя сравнительно мало: это цикл сатирических очерков «В Америке» (1906), памфлеты «Мои интервью» (1906), сатирические «Русские сказки» (1912 и 1917), где высмеиваются основные мотивы декадентской поэзии, ряд небольших рассказов после Октябрьской революции.

〈СТИХИ ПОЭТА СМЕРТЯШКИНА ИЗ РУССКИХ СКАЗОК〉. Данный цикл пародирует пессимистическую лирику декадентов. *Смертяшкин* — персонаж сказки, фамилию этого героя в качестве псевдонима взял для себя поэт Е. Закивакин. *Но придет однажды парка* — парк в римской мифологии богини судьбы (Нона, Децима, Морта), прядущие и обрезающие нить жизни.

〈НА Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО〉. *Мережковский Д. С.* (1866—1941) — русский писатель, философ, литературовед, один из представителей русского декаданса. По отношению к Советской России занимал враждебную позицию, в 1920 г. эмигрировал за рубеж.

Эпиграмма впервые была опубликована в 1957 г.

А. А. РАДАКОВ

(1879—1942)

Алексей Александрович Радаков — художник-карикатурист, поэт. Был постоянным сотрудником журналов «Сатирикон» и «Новый сатирикон». После Октябрьской революции совместно с В. В. Маяковским создавал агитационные плакаты, работал в «Окнах сатиры РОСТА», как художник выступал в многочисленных сатирических изданиях.

ЭВОЛЮЦИЯ. *Вперед без страха и сомнения* — слова из стихотворения «Вперед! Без страха и сомненья!» А. Н. Плещеева (1825—1893).

ОТВЕТСТВУЙ, ГРАЖДАНИН. *И сладок для тебя отчизны станет дым* — ироническое переосмысление знаменитого изречения Чацкого из комедии А. С. Грибоедова (1795—1829) «Горе от ума» — «И дым отечества нам сладок и приятен».

ЖИРНЫЙ. *Голконда* — феодальное государство в Южной Индии (XVI—XVII вв.), славилось ткацкими и другими ремеслами, а также добычей алмазов.

ПЕЧАТЬ. Газеты «*Речь*» (см. прим. с. 412), «*День*» (см. прим. с. 430.). «*Колокол*» — реакционная газета, выходившая в 1905—1907 гг. *Гостомысл* — легендарный предводитель новгородских словен (1-я половина IX в.), первый князь или посадник.

САТИРИКОН — еженедельный иллюстрированный сатирико-юмористический журнал, выходивший с 1908 по 1914 г. За печатание острых материалов подвергался цензурным репрессиям вплоть до конфискации отдельных номеров. В нем постоянно сотрудничали многие известные сатирики. В 1913 г. группа сотрудников во главе с А. Аверченко порвала с журналом и создала «Новый сатирикон» (выходивший вплоть до 1918 г.). Цензура не щадила и этот журнал, конфисковывая наиболее острые номера. Стихотворение написано к 300-летию со дня смерти великого испанского писателя Сервантеса (крещен 9.X.1547—1616). *Дон Кихот* — главный герой романа «Хитроумный идальго Дон-Кихот Ламанчский» — странствующий рыцарь, *Санчо Панса* — его оруженосец, *Дульцинея Тобосская* — простая крестьянка, которую Дон-Кихот вообразил идеальной женщиной. *Россинант* — конь Дон-Кихота.

С. А. БАСОВ-ВЕРХОЯНЦЕВ

(1869—1952)

Сергей Александрович Басов-Верхоянцев, (псевд.; наст. фам. Басов.), поэт, родился в дворянской семье в Туле. Учился в Тульской гимназии, затем в Высшей школе общественных наук в Париже. В течение ряда лет работал народным учителем, чернорабочим, кузнецом. В 1887 г. руководил стачкой на тульском заводе, неоднократно подвергался арестам. В 1896—1904 гг. находился в ссылке в Верхоянске. Член ВКП(б) с 1919 г. В 1927 г. был награжден почетным оружием за служение делу революции. Умер в Москве.

Первая публикация в 1896 г. в «Русском богатстве». Активно начал заниматься литературой в 1905 г. В 1906 г. революционное издание Распопова, воспользовавшись оплошностью царской цензуры, опубликовало сатирическую сказку Басова-Верхоянцева «Конек-Скакунок». Сказка «Конек-Скакунок» наравне с политическим памфлетом Басова-Верхоянцева «Что делал со своим народом французский король...» в 1907 г. была конфискована полицией, а за ее чтение грозила судебная расправа. Однако в

течение продолжительного времени сказка «Копек-Скакунок» издавалась подпольно. Подпольно печатались и другие произведения Басова-Верхоанцева: «Дедущка Тарас» (1907), «Черная сотня» (1907) и др. В после-революционные годы опубликовал ряд произведений «Расея» (1923), «Калинов город» (1925), «Царь-капитал» (1929). Басов-Верхоанцев является основателем особого жанра в русской поэзии — революционно-художественного лубка.

КОНЕК-СКАКУНОК. При жизни автора вышло 20 изданий поэмы-сказки, одно из них подпольное под псевдонимом С. Серый и названием «Шапка-невидимка» с вымышленным адресом типографии в г. Казани (1907).

Царь Берендей — Николай II. *Две заморские девицы* — имеются в виду две царицы: мать Николая II Мария Федоровна — дочь датского короля Кристина IX Луиза София Фредерика Дагмара, 1847—1928 и жена Николая II Александра Федоровна (наст. имя Алиса Гессен-Дармштадтская, 1872—1918). *Сын наследничек* — Алексей, сын Николая II. *Девять лет он в тишине // Будет царствовать в стране* — коронование Николая II происходило в 1896 г. *На десятом же году // Повстречает он беду* — в «предсказании» речь ведется о революции 1905 г. *«Царь, в столице возмущенье»* — на самом деле мирное шествие народа ко дворцу 9 января 1905 г. *Злой кудесник — не то поп // Не то дьяволов холоп* — Победоносцев К. П. *Воевода, // По прозванию Сысой* — С. Ю. Витте. *Надо Думой величать* — имеется в виду I Государственная дума, которая просуществовала всего два с небольшим месяца (27 апреля — 8 июля 1906 г.) и была срочно распущена как чересчур либеральная. *Папуша* — связка, пучок табачных листьев, бумаг и т. п.

Ф. СОЛОГУБ

(1863—1927)

Федор Сологуб (псевд.; наст. фам. Тетерников Федор Кузьмич), поэт, прозаик, драматург, переводчик, родился в бедной семье (отец — портной, мать — крестьянка). По окончании учительского института в 1882 г. преподавал математику в провинции. В 1892 г. возвращается в Петербург, здесь происходит сближение с символистами (принадлежал к символистам «старшего» поколения наряду с Н. Минским, Д. Мережковским, З. Гиппиус, В. Брюсовым, К. Бальмонтом и нек. др.). Умер в Ленинграде.

Первые стихи Ф. Сологуба появились в 1884 г. В конце XIX — начале XX в. выходит ряд произведений, характерных для его мировоззрения тех лет: цикл «Звезда Маир», 1898—1901; «Мы — плененные звери», 1905; кн. «Пламенный круг», 1908 и др. В 1905—1907 гг., сотрудничая в антиправительственных изданиях, поэт пишет язвительные стихи и эпиграммы на

даря и его окружение. В русскую литературу Сологуб вошел и как неординарный прозаик благодаря романам «Тяжелые сны» (1895) и прежде всего «Мелкий бес» (1907). После революции выходят сборники стихов «Голубое небо», 1920; «Одна любовь», 1921; «Свирель» и «Городская чаша», 1922; сб. революционных стихов разных лет «Соборный благовест», 1921 и дополненное издание «Великий благовест», 1923. Ф. Сологуб выступал и как переводчик с французского, немецкого, английского, венгерского языков (Вольтер, Ги де Мопассан, Г. Гейне, О. Уайльд, Ш. Петефи).

ШУТ. *Что, вас радуют четыре...* — речь идет о Манифесте 17 октября (см. с. 443.). *Владыка здешних мест* — царь Николай II.

У ПРАВИТЕЛЬСТВА—НАГАЙКИ. Стихотворение является откликом на всероссийскую забастовку, которая прошла в октябре 1905 г.

ВЕСЕЛАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ. Первоначальное заглавие было «Веселая деревенская песня».

ЗА ЧАЙ, ЗА МЫЛО. Стихотворение является перепевом старинной солдатской песни «Солдатушки, бравы ребятушки».

ХАЛДЕЙСКАЯ ПЕСНЯ. *Халдеи* — семитские скотоводческие племена, жившие в 1-й пол. I тысячелетия до н. э. на сев.-зап. берегу Персидского залива. Здесь имеются в виду взаимоотношения царя Николая II с народом.

СТОЯТ ТРИ ФОНАРЯ. В кн. А. Белого «Начало века» (М.—Л., 1933) автор предварил эпиграмму Ф. Сологуба следующим пояснением: «В 905 году он очень ярко откликнулся на расстрел рабочих; его жалающие пародии на духовенство и власть были широко распространены в Петербурге: без подписи, разумеется». (Цит по кн.: Русская эпиграмма второй половины XVII—начала XX в. Библиотека поэта, Б. С., 2-е изд., Советский писатель, 1975, с. 883.)

К. Д. БАЛЬМОНТ

(1867—1942)

Константин Дмитриевич Бальмонт, поэт, критик, переводчик, родился в дер. Гумнищи Владимирской губернии в дворянской семье. Поступил во Владимирскую гимназию, но в 1884 г. был исключен из 7-го класса за участие в революционном кружке. Год спустя после начала занятий (1886) на юридическом факультете Московского университета был отчислен в связи с участием в студенческих волнениях. Стихотворения первых сборников («Сборник стихотворений», 1890; «Под северным небом», 1894) отразили настроения и темы, присущие поздней народнической поэзии: гражданская скорбь, самоотречение. Но уже с середины 1890-х годов Бальмонт выступил как один из талантливейших поэтов-символистов «старшего» поколения — книги «В безбрежности», 1895; «Будем как солнце», 1903. Приближающаяся революция 1905 г. захватила далеко не всех сим-

волистов. Среди тех, кто откликнулся на бурные общественные события, были Брюсов, Бальмонт, Сологуб. В эти годы выходит в свет ряд гневных сатирических произведений поэта. Вынужденный покинуть Россию из-за общественных выступлений в период революции 1905—1907 гг., Бальмонт возвращается на родину уже после объявления политической амнистии в 1913 г. В период эмиграции он совершает кругосветные путешествия, посещает ряд стран в Центральной и Южной Америке, Индию, Индонезию. Впечатления от поездок по разным странам получили отражение на страницах книг «Змеиные цветы. Путевые заметки из Мексики», 1910; «Край Озириса», 1914 (о Египте); «Белый Зодчий», 1914 (об Индонезии). Одновременно пишет статьи по вопросам литературы, в т. ч. литературные портреты О. Уйяльда, М. Метерлинка и др., обращается к изучению народного творчества (кн. «Жар-птица. Свирель славянина», 1907), стремится познакомить русского читателя с культурой народов других стран. Бальмонт известен также как переводчик П. Б. Шелли, Э. По, П. Кальдерона, Ш. Бодлера, а также польских и чешских поэтов. Первый перевод поэмы «Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставели — тоже заслуга Бальмонта. В 1921 г. он покинул Россию. В эмиграции вышло несколько сборников стихов поэта: «Марево», 1922, «Стихи о России», 1924, «В раздвинутой дали», 1930. В 1923 г. вышли две книги автобиографической прозы — «Под новым серпом» и «Воздушный путь». Умер в Нуази-ле-Грап, близ Парижа.

ПРИТЧА О ЧЕРТЕ. *Горел огромный дом, пятнадцатизэтажный* — речь идет о царской (в 1613 г. на Земском соборе Михаил Федорович Романов был избран русским царем), а позднее, с 1721 г. — императорской династии Романовых. За триста лет ее правления (1613—1917) насчитывается 15 наиболее известных царствующих особ.

НАШ ЦАРЬ — Николай II (1868—1918). *Мукден* — имеются в виду военные операции под Мукденом 6—25 февраля 1905 г., закончившиеся поражением русских войск в русско-японской войне 1904—1905 гг. *Ходынка* — речь идет о трагедии 18(30) мая 1896 г. на Ходынском поле (сев.-зап. Москвы, ныне в черте города), в дни коронации Николая II.

НАРЫВ. *В дворце его — громила* — имеется в виду Д. Ф. Трепов (см. с. 439). *Другой холоп* — намек на С. Ю. Витте.

В. Я. БРЮСОВ

(1873—1924)

Валерий Яковлевич Брюсов, поэт, прозаик, критик, литературовед, переводчик, родился в Москве в зажиточной купеческой семье. В 1899 г. окончил историческое отделение историко-филологического факультета Московского университета. В этом же году организовывается книгоиздательство «Скорпион», как центр русского символизма, где Брюсову принад-

лежит руководящая роль. Большое значение в жизни поэта имел журнал «Весы», в издании которого он принимал активное участие. В 1910—1912 гг. возглавляет литературно-критический отдел кадетского журнала «Русская мысль», редактировавшегося П. Б. Струве. Во время 1-й мировой войны он корреспондент газеты «Русские ведомости» на фронте. В мае 1915 г. возвращается из Варшавы в Москву. Патриотический подъем в начале войны резко сменяется гневным осуждением тех, кто ее начал («Тридцатый месяц», 1917). В этот период происходит его сближение с Горьким. В 1920 г. Брюсов вступает в Коммунистическую партию, ведет огромную общественную работу. В 1921 г. организывает Высший литературно-художественный институт (позднее ему было присвоено имя поэта). В этом же году становится профессором Московского университета. Умер в Москве.

Поэтические способности В. Брюсова проявились уже в гимназии. В 1892—1894 гг. пишет стихи и наброски под названием «Символизм». Знакомство с французскими (Верлен, Малларме, Бодлер) и русскими (Д. Мережковский, Ф. Сологуб, З. Гиппиус) символистами содействовало формированию взглядов поэта и выработке собственной эстетической программы. Брюсов осуществляет свое решение стать вождем «новой поэзии», поэзии декадентов, свободной от служения обществу. В 1894—1895 гг. выходят три альманаха «Русские символисты», состоящие в большинстве своем из стихов и переводов самого поэта. Вскоре появляются его сборники «Chefs d'oeuvres» («Шедевры», 1895) и «Me cum esse» («Это — я», 1896). Параллельно со стихами, характерными для декадентской литературы 90-х годов прошлого века, поэт создает картины совершенно реального современного ему быта, будничной тяжелой жизни людей («Подруги», «Три свидания», 1895; «На бульваре», 1896). Начало творческой зрелости поэта — сборники стихов «Tertia vigilia» («Третья стража», 1900), «Urbi et Orbi» («Граду и миру», 1903), «Stephanos» («Венок», 1906), где Брюсов выступает как певец сильных чувств и страстей, как поэт, предвосхитивший грядущие события, неизбежность революции (поэма «Замкнутые», 1900—1901, стих. «Каменщик», 1901 и др.). После Великой Октябрьской революции один за другим выходят сборники его стихов («Последние мечты», «В такие дни», «Миг» и др.). Наследие Брюсова велико и многообразно, оно подготовило почву для многих советских поэтов.

НА СЕБЯ. Впервые опубликована в «Вечерней Москве» в 1934 г., 4 октября. Автор пародирует свои стихи на темы древнего мира.

НА З. Н. ГИППИУС. *З. Н. Гиппиус* (1869—1945) — русская писательница и критик, один из представителей «старшего» поколения символистов. Дата и место опубликования этой и остальных пародий те же, что и пародии «На себя».

Я ИСПАНЕЦ, Я В БОЛЁРО, ШПАГОЙ МОЙ УКРАШЕН БОК. Пародия на стихотворение Бальмонта «Как испанец ослепленный» («Горящие здания», М., 1900).

ИЗ ЦИКЛА «ИСТОРИЯ ЛИРИКИ ОТ ТРЕТЬЯКОВСКОГО ДО КУЗЬМИНА 1902 ГОД». *Кузмин М. А.* (1875—1936) — прозаик, поэт, переводчик, драматург; в начальный период своей литературной деятельности был близок к символистам. *Силены* — в греч. мифологии демоны плодородия, составляли свиту Диониса; отличались задиристым характером, любовью к вину и забавам с нимфами. *Дриады* — в греч. мифологии нимфы деревьев, обитающие в лесах.

А. А. БЛОК

(1880—1921)

Александр Александрович Блок родился в Петербурге в дворянской семье. Будущий поэт рос и воспитывался в доме деда, известного ботаника, ректора Петербургского университета А. Н. Бекетова. Окончив гимназию, А. Блок поступает на юридический факультет университета, а спустя три года, в 1901 г., переходит на историко-филологический факультет (славяно-русское отделение), который заканчивает в 1906 г. Примерно в эти годы происходит знакомство с А. Белым и В. Брюсовым. Октябрьскую революцию Блок встретил восторженно: «Мы, русские, переживаем эпоху, имеющую не много равных себе по величию <...>. Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию» (ст. «Интеллигенция и революция», 1918). После тяжелой болезни скончался в Петрограде.

Писать стихи А. Блок начал с раннего детства. Первые поэтические опыты частично были собраны в цикл «*Ante Lucem*» (лат. «Перед светом»). В 1904 г. публикует сб. «Стихи о Прекрасной Даме», где предстает как оригинальный поэт-символист, на которого оказала заметное влияние поэзия Вл. Соловьева. 1910-е годы — расцвет творчества писателя, создавшего такие произведения, как поэмы «Возмездие» (1910—1921), «Соловьиный сад» (1915), драму «Роза и крест» (1913). Трагическое восприятие поэтом современности, «страшного мира» несправедливости, буржуазно-мещанской пошлости, вызвало к жизни цикл «Пляски смерти» (1912—1914), в котором общая тональность задана романтической сатирой. Идеи и мечты поэта получили воплощение также в пьесах 1906 г. «Незнакомка», «Балаганчик», «Король на площади». После Октябрьской революции Блок создает свою знаменитую поэму «Двенадцать» и стихотворение «Скифы» (1918). С начала 1900-х годов и особенно интенсивно в период революции он выступал со статьями по вопросам литературы, искусства, общественно-политической жизни страны.

ПОЭТЫ. Первоначальный вариант стихотворения был написан еще в 1903 г. во время проживания Блока в Германии.

КАК ТЯЖКО МЕРТВЕЦУ СРЕДИ ЛЮДЕЙ. Стихотворение из цикла «Пляски смерти».

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ БАЛЬМОНТА ИЗ МЕКСИКИ. Здесь дан полный вариант стихотворения. Позднее, в 1908 г., оно было сокращено и подписано «Григорий Е. (псевдоним)». Подпись шуточная по имени ежа Григория, которого поймал и принес в шахматовский дом Блок. Поэт в манере письма самого К. Д. Бальмонта пародирует содержание его писем, которые посылались им из своего путешествия по разным странам и печатались в нескольких номерах журнала «Весы».

ЧУЛКОВ И Я СТРЕЛОЙ АМУРА. ЧУЛКОВ «ОДНОЮ НОЧЬЮ» ЗАНЯТ.— *Чулков Г. И.* (1879—1939) — писатель-символист, поэт, драматург, критик, литературовед, с которым Блок познакомился в 1904 г.

В. П. ВАЛЕНТИНОВ

(1871—1929)

Валентин Петрович Валентинов (псевд.; наст. фам. Соболевский) — поэт, драматург, композитор. Автор ряда комических оперетт и фарсов (иногда писал к ним музыку). Публиковался в сатирических изданиях. В 1905 г. напечатал сб. стихов «Дни свободы».

ЧТО ФРАНЦУЗ НАМ НИ СБОЛТНЕТ. На сборник «Дни свободы», где помещено стихотворение, был наложен арест за нелояльное, враждебное отношение к правительству. *Балетта*— (см. прим. с. 391.). *Пепермент* — безалкогольный напиток. *Предварилка* — Дом предварительного заключения на Шпалерной (ныне ул. Воинова) в Петербурге.

А. А. ИЗМАЙЛОВ

(1873—1921)

Александр Алексеевич Измайлов, прозаик, поэт, публицист, критик, родился в семье священнослужителя в Петербурге. Когда Измайлову было три года, отец умер, оставив четырех детей. Детство и отрочество будущего поэта прошли в крайней нужде. После школы Измайлов поступил в Петербургскую духовную академию, которую окончил в 1897 г. Некоторое время занимался педагогической деятельностью (по духовному ведомству). В 1898 г. начал работать в газете «Биржевые ведомости» в качестве критика-публициста. После Октябрьской революции выступал с лекциями в институте журналистики. Умер в Петрограде.

Первая публикация в 1895 г. Кроме «Биржевых ведомостей» печатался в «Живописном обозрении», «Сыне Отечества», «Новостях», «Русском слове» и др. Отдельными изданиями выходили сб. «Черный ворон» (1901), «Рыбье слово» (1903), «В бурсе» (1903), роман «Ураган» (1909). Наибольшую популярность принесли Измайлову литературные пародии и

шаржи («Кривое зеркало», 1908 и др.) на деятелей литературы, а также быт и нравы современного ему общества. Объектом своей сатиры Измайлов избирал писателей и литераторов разных направлений, включая и таких крупнейших художников, как Блок, Горький, Маяковский. В отличие от пародистов 60-х годов, Измайлов свой критический пафос направляет, как правило, на внешнюю форму, оставляя как бы незамеченными социальные мотивы пародируемых авторов. Литературно-критические труды Измайлова собраны в сб. «На переломе» (1908), «Помрачение божков и новые кумиры» (1910) и в ряде других.

ЗНАМЕНИТЫЕ ВСТРЕЧИ. *Анкудин Козодоев* — вымышленный персонаж. *На музыке в Павловске* — в помещении вокзала г. Павловска (под Петербургом) в летнее время устраивались музыкальные вечера, на которые приглашались знаменитые дирижеры, в т. ч. И. Штраус (1825—1899). *Автор «Мертвого дома»* — сокращ. от «Записок из мертвого дома» Ф. М. Достоевского. *Слепцов П. А.* — губернатор Твери. *Лубянка* — Лубянская площадь. *Тенеромо И.* (псевд.; наст. фам. Фейнерман И. Б., 1885—1915) — один из секретарей Л. Н. Толстого. *Сергеенко П. А.* (1854—1930) — секретарь Л. Н. Толстого. *Якушкин П. И.* (1822—1872) — писатель-демократ. *Мойка* — река, проходящая через центр Петербурга. *Старчевский А. В.* (1818—1910) — журналист, редактор «Библиотеки для чтения».

РОТМИСТР НА ВОЕВОДСТВЕ. Перспексис басни И. А. Крылова (1769—1844) «Слон на воеводстве». Две последние строчки принадлежат Крылову. *Тевтон* — в прямом значении слова член духовно-рыцарского, Тевтонского (немецкого) ордена. Зд. немецкий солдат.

Я ПЛАВАЛ ПО НИЛУ. Смешивая географические названия, мифы и исторические факты, мифологические образы и простонародные имена, Измайлов пародирует стихи Бальмонта, написанные им во время кругосветного путешествия. *Тоledo* — город в Испании. *Леда* — в греч. мифологии жена спартанского царя Тиндарея. Пленившись красотой Леды, Зевс превратился в лебедя, чтобы добиться ее любви. *Ирбит* — город, расположенный в бассейне р. Обь, основан в 1631 г. *Термопилы* (Фермопилы) — горный проход в Греции, где в 480 г. во время греко-персидских войн спартанский царь Леонид, отправив все войска для защиты Афин, сам с 300 воинами преградил путь в ущелье многотысячной армии царя Ксеркса. В этом неравном сражении погибли все спартанцы.

ЛУНА В БЕЛОМ ЧЕПЧИКЕ С УЗОРОМ. При пародировании стихов Блока Измайлов не оригинален, он пользуется такими стереотипами, как «крендель над булочной», «белая Дева» и пр., используемыми и другими поэтами. *Вскую шаташася, языцы?* — Почто блуждаете, народы? (Фраза из Псалтири.)

УГЛЕМ КРУГИ НАЧЕРЧУ. Эпиграф — строки стихотворения «Боль» З. Н. Гиппиус (1869—1945).

ТУЧИ В КУЧУ ВЗБАЛАМУЧУ. Пародия на стихотворение «Я под солнцем беспечальным» из кн. «Ярь» С. М. Городецкого (1884—1967).

МНЕ ВМЕСТО ГОЛОВЫ ДАЛА ПРИРОДА МОЛОТ. Эпиграфом служат строки из стихотворения «Кузнец» Скитальца (псевд.; наст. имя и фам. С. Г. Петров, 1869—1941). Поэт принадлежал к демократическому лагерю, участвовал в горьковских сборниках «Знание».

ТИЛИ-ТИЛИ-ТИЛИ-БОМ — пародия на «Хулиганскую песенку» (в эпиграфе дана полностью) в книге «Пепел» А. Белого (1880—1934).

НОВЫЙ ВЕК. *Дульцинировало, альдонсировало* — глаголы, образованные от имени крестьянки Альдонсы Лоренсо (роман «Дон-Кихот» Сервантеса), которую Дон-Кихот называл Дульцинейей. *Гиль* — вздор, чепуха. *Рамолизирует свой стиль* — глагол образован от франц. *ramolli* — старчески расслабленный, близкий к слабоумию. *Чулков Г. И.* — (см. прим. с. 402.) *Кузмин М. А.* (см. прим. с. 403.). *Что санатолит ей Каменский* — глагол, образованный от имени Каменского Анатолий. *И нафедорит Сологуб* — от имени Сологуба Федор.

ЧУЖ-ЧУЖЕНИИ

(1873— после 1930)

Чуж-Чуженин (псевд.; наст. фам. Фалеев) Николай Иванович, поэт, драматург, журналист. Первая публикация появилась в журнале «Зритель» в 1901 г. В период революции 1905—1907 гг. был членом редколлегии этого журнала. Публиковался во многих сатирико-юмористических журналах: «Волшебный фонарь», «Застрельщик», «Леший», сатирической газете «Вихрь», сборнике «Еж», «Альманахе» Чехонина и др. В 1917 г. издал сб. стихов «Песенник революционного солдата». После Октябрьской революции сотрудничал в советских сатирических журналах.

ОТРЫВОК ИЗ НЕПРИЯТНОЙ МЕТАМОРФОЗЫ. Подпись под стихом Нео-Овидий относит нас к «Метаморфозам» римского поэта Овидия (43 до н. э.— 17 н. э.). *Октава* — строфа из 8-ми стихов с рифмовкой. *Гороховый костюм* — пальто сыщиков были горохового цвета.

ПО МОЙКЕ. На наб. р. Мойки в Петербурге помещалось несколько учреждений: возглавляемый Дурново отдел Министерства внутренних дел, Главный военный суд, военно-окружной суд и др.

НЕБЫВАЛЬЩИНИ. *Готтентоты дали денег под процент* — готтентоты — народ, живущий в Африке (ныне территория Намибии и ЮАР). *Ерш Шпионович* — образовано от Ерша Ершовича из «Повести о Ерше Ершовиче» (первая редакция 1596 г.), относящейся к памятникам демократической сатиры XVII века.

СВОБОДНЫЕ СКОТЫ. Басня написана по поводу восторгов либеральной буржуазии, приветствовавшей Манифест 17 октября 1905 г *Пастух* — Николай II.

КАРАНДАШ И ЦИРКУЛЯР. *Метранпаж* — верстальщик, старший наборщик, верстающий полосы (страницы) набора в типографии. *Статья ... сто сороковая* Устава о цензуре и печати налагала запрет на публичное обсуждение вопросов государственной важности.

ПЕСНЬ ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ СВИНЬИ. Пояснение к названию см. прим. 387. *Рептильная печать* — пресмыкающаяся, услужливая пресса.

ЧТО ЗНАЧИТ «АВТОНОМНЫЙ»? Поводом для написания стихотворной басни послужил приказ ректора закрыть Московский университет в связи с тем, что студенты постановили прервать чтение лекций, чтобы почтить память павших за свободу. *День скоромный* — день, когда едят скоромную пищу, т. е. мясо, молоко, масло (животное), яйца и т. п. *Фельдфебельский Вольтер* — невежественный солдафон, взявший на себя роль просветителя. Здесь перефразировка выражения из комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова (1795—1829) «Фельдфебеля в Вольтеры дам».

В. В. ТРОФИМОВ

(1874—1916)

Владимир Васильевич Трофимов, поэт, журналист, редактор. В период 1-й русской революции 1905—1907 гг. активно сотрудничал в сатирических и юмористических изданиях. Публиковался в «Водовороте», «Занозе», «Мефистофеле», «Пчеле», «Юмористическом альманахе». В январе-марте 1906 г. был редактором петербургского литературно-художественного и сатирического журнала «Зарево». В 1908 г. редактировал журнал «Сыны отечества».

О ЧЕМ МОЖНО ПИСАТЬ. Статья 128 Уголовного уложения предусматривала наказание лиц за антиправительственные высказывания (устные или письменные). Статья 103 гласила о привлечении к ответственности лиц, виновных в неуважении или оскорблении особ царствующей фамилии, выраженном в любом виде, (устном или письменном высказывании, изображении и т. п.), а также в действиях, угрожающих их жизни.

СОН. *Свобода всех союзов и собраний, // Свобода <...> слов и печати* и др. — речь идет о свободах, провозглашенных в Манифесте 17 октября 1905 г.

Н. Г. ШЕБУЕВ

(1874—1937)

Николай Георгиевич Шебуев, поэт, прозаик, публицист, журналист, издатель, родился в семье профессора математики в с. Шигалево Ка-

занской губернии (ныне Татарская АССР). Закончил курс юридического факультета Казанского университета. Литературной деятельностью начал заниматься с 1892 г. В период 1-й русской революции 1905—1907 гг. сотрудничал в газетах «Русь», «Двадцатый век», журналах «Оса», «Серый волк», печатался в «Юмористическом альманахе». Был редактором, издателем и единственным автором текстов сатирического журнала «Пулемет» (вышло 6 номеров), первый номер которого был конфискован с формулировкой «за оскорбление императорского величества и дерзостное неуважение к верховной власти». Сам Шебуев был приговорен к 1 году заключения в крепость. В 1906—1907 гг. издавал «независимую» «Газету Шебуева», сотрудниками которой были многие известные поэты того времени: Н. Агнцев, В. Трофимов и др. В 1908—1914 гг. издавал (с перерывами) журнал «Весна», в котором печатались произведения Л. Андреева, К. Бальмонта, Н. Гумилева, И. Северянина. Является автором двух романов-пародий «Дьяволица. Чрезвычайно уголовный роман» и «Берта Берс. В сетях шпионажа» (оба в 1915 г.). После Октябрьской революции писал сценарии для эстрады, сотрудничал в «Газете для чтения», в сатирических журналах «Безбожник», «Лапотъ» и др. Умер в Москве.

РАНЬШЕ ЛУЧШЕ. *Вас крестят то овсокрадом Адриат П. Н.* Дурново (см. с. 435.). Стихотворение было написано в крепости, куда был заключен автор за выпуск первого номера журнала «Пулемет», в статьях которого содержалась язвительная критика правительства.

ФЕДОР СОЛОГУБ. *«Навьи чары»* — чары мертвецов. Трилогия Ф. К. Сологуба — «Творимая легенда», «Капли крови», «Навьи чары» — первоначально печаталась под общим заглавием «Навьи чары». В сюжете этих произведений персплетены реальная жизнь и фантастика, лирика, сатира и мистика.

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ. *В. И. Иванов* (1866—1949) — русский поэт, драматург, историк. При написании сатирических стихов на Вяч. Иванова поэты, как правило, пародировали пристрастие его к архаической лексике, нарочито усложненному синтаксису (в подражание Тредиаковскому), увлечение античностью. *Купидо* — в рим. мифологии бог любви. *И младоста-риц легионы* — вероятно, имеется в виду чтение лекций В. Ивановым на Высших женских курсах в Петербурге. *Менада* — в греч. мифологии вакханка. *Зоилы праздным дружным хором* — имя др.-греч. риторика и критика Зоила стало нарицательным для характеристики недоброжелательного, излишне придирчивого обозревателя литературного процесса. *Сором* — срам, стыд, позор. *Ты и профессор* — Вяч. Иванов имел звание профессора.

Давид Иосифович Гликман, поэт, журналист. В период 1-й русской революции 1905—1907 гг. был сотрудником многих сатирических журналов: «Вампир», «Дятел», «Зарницы», «Метеор», «Серый волк», «Спрут», «Стрелы» и др.

КАШИЦА — перепев стихотворения А. К. Толстого (1817—1875) «Государь ты наш батюшка». *Сергей Юльевич* — Витте.

В ЧЕМ НАШЕ СПАСЕНЬЕ? *Сувориных служителей* — имеются в виду журналисты, поддерживающие политику правительства. *В поддельных депутациях* — в январе 1905 г. к Николаю II была направлена специально организованная депутация от рабочих и служащих заводов и фабрик в Петербурге для выражения верноподданнических чувств.

ВОСПОМИНАНИЯ — перепев стихотворения «То было раннею весной» А. К. Толстого (1817—1875). *То было раннею весной... // Доверие всходило. То было раннею весной, // При Святополке было. И земцы шумно потекли...* — министр внутренних дел П. Д. Святополк-Мирский провел ряд либеральных реформ. *Лидваль и Гурко были* — шведский подданный Лидваль и товарищ министра внутренних дел по продовольствию были уличены в махинациях с продажей ржи для голодающих губерний и отданы под суд.

А. А. ВЕЙНБЕРГ

Андрей Адрианович Вейнберг, поэт, журналист, редактор. В 1905—1906 гг. широко публиковался в литературно-сатирических журналах «Бурелом», «Вампир», «Спрут», «Стрелы» и др. Редактировал в 1906—1907 гг. петербургскую газету «Сегодня».

ЖАЛОБА МИНИСТРА. Адресат стихотворения — С. Ю. Витте. *Но Мендельсон забастовал* — факт обращения к Германии с просьбой о займе действительно имел место. В просьбе было отказано по политическим соображениям. *Бежит блаженный Иоанн* — Иоанн Кронштадтский. Здесь имеется в виду побег из крепости Иоанна во время вооруженного восстания матросов и солдат в октябре 1905 г. *Взят Севастополь, // И целый флот забастовал* — речь идет о Севастопольском восстании моряков Черноморского флота и солдат гарнизона города. Руководители восстания — лейтенант П. П. Шмидт, матросы С. П. Частник, Н. Г. Антоненко и А. И. Гладков были расстреляны.

ГУЧКОВСКИЙ ГИМН. *А за нас — премьерзкий брат* — речь идет о бра-

те министра внутренних дел А. А. Столыпина, который являлся сотрудником газеты «Новое время». *Что Шипов и Трубецкой?* И. П. Шипов — министр финансов при Витте. Е. Н. Трубецкой — профессор философии Московского университета. Вместе организовали партию мирного обновления. (см. с. 440.)

ТЭФФИ

(1872—1952)

Надежда Александровна Лохвицкая (по мужу Бучинская), русская писательница, младшая сестра поэтессы Мирры Лохвицкой, родилась в дворянской семье в Волынской губ.

Первая публикация — стихотворение в журнале «Север» в 1901 г. Одновременно с лирикой Тэффи начала писать небольшие сатирические зарисовки, юморески, фельетоны. Сотрудничала в «Биржевых ведомостях» и «Русском слове». В 1905—1907 гг. в условиях общего революционного подъема в России печаталась в большевистской «Новой жизни» с обличительными произведениями. Однако ее прогрессивные взгляды не выходили за рамки умеренного либерализма. В 1907 г. А. Аверченко организовал новое периодическое издание «Сатирикон», где Тэффи стала одним из основных сотрудников. В 10-х годах опубликовала ряд сборников юмористических и сатирических рассказов, сборник стихов «Семь огней» (1910), написала также ряд песен.

После революции Тэффи оказалась за границей, хотя это объясняется скорее стечением обстоятельств, нежели сознательным неприятием произошедших перемен. С 1920 г. жила в Париже. На протяжении последних тридцати лет занималась литературной деятельностью. В 20-х годах ее произведения, посвященные в основном жизни русских людей в эмиграции, публиковались на страницах «Правды», выходили отдельными изданиями у нас в стране. Умерла в Париже.

ПАТРОНЫ И ПАТРОН. Д. Ф. Тренов (см. с. 439.). Прославившийся жестокой политикой подавления бастующих в 1905 г., был вынужден под сильным давлением общественного мнения оставить пост товарища министра внутренних дел, который занимал лишь полгода. Сразу же после отставки был назначен дворцовым комендантом.

БЕДНЫЙ АЗРА. *Азра* — образ влюбленного в кн. «О любви» франц. писателя Стендаля (1783—1842). *Аничков* мост через р. Фонтанку находится на Невском проспекте в Ленинграде. *Гименей* — в греч. и римск. мифологии бог брака, изображается нагим юношей, украшенным гирляндами цветов, с факелом в руке.

ИЗ МИЦКЕВИЧА. Перепев стих. польского поэта и деятеля национально-освободительного движения А. Мицкевича (1798—1855) «Воевода».

переведенного Пушкиным («Поздно ночью из похода»). *Писарёвский воевода*. Писаревский С. П. — контр-адмирал, командир Черноморской флотской дивизии; был ранен выстрелом в спину при попытке разогнать сходку в Севастополе 11 ноября 1905 г.

ТЫ ПОЙДИ, МОЯ КОРОВУШКА, ДОМОЙ. Перепев русской народной песни под тем же заглавием. *Партия П. П.* — партия правового порядка (создана в 1905 г.), представлявшая интересы крупных помещиков, торгово-промышленной буржуазии и чиновничества. «Русская» — «Союз русского народа». (см. с. 442.).

ИЗ ГЕЙНЕ. Перепев стих. немец. поэта и публициста Г. Гейне (1797—1856) «На севере диком стоит одиноко» в переводе Лермонтова. *Дубасов* (см. с. 435.). *Мин Г. А.* (1855—1906) отличился жестокой расправой над восставшими в Москве в декабре 1905 г., командуя лейб-гв. Семеновским полком.

В. В. ВОИНОВ

(1878—1938)

Владимир Васильевич Воинов, поэт, прозаик, родился в семье донского казака. Принимал участие в 1-й русской революции 1905—1907 гг. Был постоянным сотрудником «Сатирикона» и «Нового Сатирикона», печатался в журналах «Мухомор», «Красный смех», «Бич». В 1916 г. выпустил роман «Чертово колесо», в 1917 г. — книгу «Политические сказки и басни». После Октябрьской революции работал в РОСТА, печатался в «Красной газете», сатирических журналах «Красный ворон», «Пушка», «Бегемот». Кроме стихотворных фельетонов и басен написал несколько эстрадных обозрений, комедию, текст первой советской оперы-оратории «Фронт и тыл» (1931). Автор книг для детей. Умер в Ленинграде.

ПОЭТ НАД ОЗЕРОМ. Здесь автор иронизирует над пристрастием некоторых поэтов к салонно-будуарным стихам. *Не зываю к Сущему* — к богу. *Перун* — бог грозы в индоевроп. и славяно-русской мифологии. В IX—X вв. Перун считался покровителем князя и дружины.

CURRICULUM VITAE — посвящено А. И. Гучкову, который был провален на выборах в 4-ю Государственную думу в 1912 г. *Был в «маврах»...* // *И смело может уходить* — автор перефразирует известную фразу из драмы «Заговор Фнеско в Генуе» И. Ф. Шиллера (1759—1805) «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить». Октябрист член «Союза 17 октября» (см. с. 442.).

МЫ. Один из путей создания комического эффекта, используемый автором, состоит в замене рифменного звучания словами самого благонамеренного содержания.

РУКАВА. В основе стихотворения действительный случай, происшедший с Буниным в Петербурге 6 октября 1913 г.

ОЧЕВИДЕЦ. Я. О.— Я. Окунев, В. Б.— Вадим Белов — авторы рассказов о 1-й мировой войне. *Чемоданы* — так называли крупнокалиберные снаряды. *Крупновский секрет* — концерт «Крупп», один из крупнейших в ФРГ. Еще в 1870—1871 гг. во время франко-прусской войны активно создавал военный потенциал Германии, работал также на армию в 1-ю мировую войну. Был одним из главных поставщиков оружия для фашистской Германии. *Сапажу* — цепкохвостые обезьяны, обитающие в лесах Южной Америки. *Откормлены на дерти* — дерть — крупно драное зерно (хороший корм для лошадей). *Дерпт* — старинный университетский город в Эстонии. Носил это название в 1224—1893 гг. Известен с 1030 г. как город Юрьев. С 1893 по 1919 снова Юрьев, с 1919 — г. Тарту.

БРЕШЬ. *Брешко* — Н. Н. Брешко-Брешковский (1874—1943), беллетрист, автор многих бульварных романов. Был корреспондентом ряда буржуазных изданий на фронтах 1-й мировой войны.

РОССИЯ В КАВЫЧКАХ. Перепев стихотворения К. Бальмонта «Ангелы опасные». «*Россия*» — официозная правительственная газета, с 1906 г. — орган Министерства внутренних дел. *Мирнобутербродная* — слово «бутербродный» было синонимом беспринципного журналиста.

ИЗ ОБЗОРА ПЕЧАТИ. 1. Первое четверостишие — перепев стихотворения М. Ю. Лермонтова «Воздушный корабль». «*Русь*» — литературно-политическая газета. *И на братце Иоанне* — поэт акцентирует внимание на том, что вся оппозиционность газеты замыкается на разоблачениях Иоанна Кронштадтского (см. прим. с. 408.). 2. «*Речь*» — петербургская газета, центральный орган кадетов; выходила в 1906—1917 гг. «*Дело*», «*Мысль*» — журналы. 3. «*Русское знамя*» — ежедневная газета, орган «Союза русского народа» (1905— март 1917); выходила в Петербурге. «*Дни измены*» — в официальной печати так назывался период революции 1905—1907 гг.

САША ЧЕРНЫЙ

(1880—1932)

Саша Черный (псевд.; наст. имя и фам. Александр Михайлович Гликберг), поэт, прозаик, переводчик, родился в семье провизора в Одессе. Учился в Житомирской гимназии, служил в ведомстве сборов. В 1905 г. переехал в Петербург. В 1906—1907 гг. находился в Германии, был слушателем Гейдельбергского университета. В 1908 г. возвратился в Россию. В 1912 г., будучи в Италии, посетил А. М. Горького. Был участником 1-й мировой войны. После Октябрьской революции уехал в Вильно, в 1920 г. эмигрировал. Умер в Провансе (Франция).

Первая публикация в 1904 г. в газете «Волинский вестник». В период 1-й русской революции печатался в петербургских сатирических журналах «Зритель», «Леший», «Маски» и др. Первый сборник стихов «Разные мотивы» (1906) был конфискован полицией. В 1908—1911 гг. Саша Черный постоянный сотрудник «Сатирикона». В 1910-х годах выпустил ряд сборников: «Сатиры», «Сатиры и лирика», писал для детей, выступал также в качестве переводчика. Расставшись с редакцией «Сатирикона», публикуется в различных сатирико-юмористических изданиях. В 1914 г. издал наиболее значительное свое произведение — поэму «Ной». Является автором цикла стихов о войне, написанных в 1916—1917 гг. в Пскове. В эмиграции вышел третий сборник стихов «Жажда» (1923), сборник прозаических произведений «Солдатские сказки» (1933), «Несерьезные рассказы» (1928).

ОТ РУССКОГО ФЛОТА ОСТАЛИСЬ ОДНИ АДМИРАЛЫ — речь идет о гибели русского флота в рус.-япон. войну 1904—1905 гг. *Чухнин* (прим. с. 392.). *Бирилев А. А.* (1844 — 1915) — вице-адмирал, морской министр (1905 — 1907). *Дмитрий Ложный* — Лжедмитрий I (? — 1606), самозванец, авантюрист, выдававший себя за царевича Дмитрия Ивановича. Царствовал в 1605 — 1606 гг. Был убит в результате заговора знати во главе с кн. В. И. Шуйским. *Сергей, миротворец Портсмутский* — С. Ю. Витте. (см. с. 434.)

МУНДИРНУЮ ЧЕСТЬ ЗАЛИВАЮТ ВИНOM. Петербургский комитет по делам печати нашел, что стихотворение содержит «оскорбительные для армии выражения», и посему принял решение о привлечении к судебной ответственности лиц, причастных к его выпуску.

К ПРАЗДНИКУ. Направлено против П. Н. Дурново.

ЧЕПУХА. *Нейдегарт Д. В.* — градоначальник Одессы, сторонник реакционного курса в политике. *Курлов П. Г.* (1860 — 1923), минский губернатор в 1905 — 1906 гг. В октябре 1905 г. отдал приказ о расстреле массовой манифестации, за что был привлечен к ответственности «за превышение власти». *Алексеев Е. И.* (1843—1909) — адмирал, наместник на Дальнем Востоке (с 1903 г.), в период русско-японской войны главнокомандующий сухопутными и морскими силами. Проявив полную беспомощность в командовании войсками, был смещен и отозван в Петербург. *Крушеван П. А.* (1860—1909) — кишиневский реакционный публицист, член II Государственной думы. *Линевич Н. П.* (1838—1908) — генерал, командующий армией во время русско-японской войны, был известен своей нерешительностью. *Витте* (см. с. 434.). *Разорвался апельсин // У Дворцова моста* — речь идет о случайном выстреле боевым зарядом во время святок в декабре 1905 г. *Высокий гражданин // Маленького роста* — Николай II. *Сей высокий человек // Едет за границу* — имеется в виду секретная встреча Николая II с императором Вильгельмом II в Бьерке летом 1905 г. *Фролов* (см. прим. с. 421.). *Хому-*

тов П. Ф. — казанский губернатор, отдал приказ о расстреле митинга в октябре 1905 г.: под давлением общественности был вынужден оставить свой пост. *Безобразов А. М.* (1855—1931) — гос. секретарь, член Особого комитета Дальнего Востока. *Стессель А. М.* (1848—1915) — русский военачальник, сдавший крепость Порт-Артур японским войскам. *Суворин А. С.* (см. примеч. с. 388.). «Начало» — легальная меньшевистская газета, выходила в ноябре — декабре 1905 г. в Петербурге. *Появился Серафим // Появились дети* — намек на мистическую веру царицы и придворных, связывавших рождение наследника престола с открытием мощей святого Серафима Саровского. *Папа* — Николай II. *Неметти* — театр В. А. Неметти в Петербурге.

КОМУ ЖИВЕТСЯ ВЕСЕЛО. *Манежному оратору* — т. е. представителю черносотенцев, которые устраивали собрания в помещении Манежа. *Меньшиков М. О.* (1859—1919) — публицист, известный своими реакционными взглядами, печатался в «Новом времени».

〈ИЗ ЦИКЛА «ЭПИГРАММЫ»〉 1. «Салон Ослиной кожи» — имеется в виду группа художников «Ослиный хвост», которую возглавлял М. Лаионов.

А. С. ГРИН

(1880—1932)

Александр Грин (псевд.; наст. имя и фам. Александр Степанович Гриневский), поэт, прозаик, новеллист, родился в семье служащего — поляка, участника польского восстания 1863 г. в г. Слободском Вятской губернии. В 1896 г. окончил Вятское городское училище и уехал в Одессу. Сменил множество профессий: был матросом, рыбаком, золотоискателем. Будучи призванным в армию, бежал из полка. Вел революционную пропаганду среди матросов и солдат Севастополя. Сидел в тюрьмах, трижды ссылался. В 1912 г. приехал в Петербург. В 1924—1930 гг. жил в Феодосии, умер в Старом Крыму. Первый рассказ «Заслуга рядового Пантелеева» (1906), вышедший отдельным изданием, был конфискован. В 1907 г. опубликовал сатирический фельетон «Элегия» о II Государственной думе. В 1914—1916 гг. сотрудничал в «Новом сатириконе». За «оскорбление царской фамилии» летом 1916 г. был выслан из Петербурга. В послеоктябрьские годы печатался в советских периодических изданиях «Пламя», «Мухомор» и др. Широко известен как автор романтических произведений «Алые паруса» (1923), «Бегущая по волнам» (1918) и др.

РАБОТА. *Консонанс, диссонанс* — виды рифмующихся созвучий; неточная рифма. *Аника-воин* (см. прим. с. 393.).

ЭСТЕТ И ШИ. *Природы антраша и ужас мирозданья* — антраша в классическом балетном танце — легкий прыжок. *Альфонс-ралле картинок* —

т. е. неприличных картинок. *«Пробужденье»* («Пробуждение») — литературно-художественный журнал либерального направления.

ЭЛЕГИЯ. Перепев стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива...» М. Ю. Лермонтова. *Дума* — речь идет о II Государственной думе.

СЕРГЕЙ ГОРНЫЙ

(1880—1949)

Сергей Горный (псевд.; наст. имя и фам. Александр Андреевич Оцуп), поэт, пародист, прозаик, журналист, родился в Царском селе. Получил образование горного инженера. Первые публикации — в 1906—1907 гг. в сатирических журналах «Русь», «Момент», «Сказки» и др. Был постоянным сотрудником «Серого волка», печатался также в «Сатириконе» и «Новом сатириконе», др. периодических изданиях. Автор сб. «Почти без улыбки» (1914), «Ржавчина духа» (1915). В 1917 г. работал в газете в Екатеринославе, затем в Киеве, Одессе. В 1919 г. служил в армии генерала Деникина, был эвакуирован англичанами на о. Кипр. В 1922 г. оказался в Берлине, где жил в течение нескольких лет. Здесь был редактором «Свободных мыслей» и журнала «Театр и жизнь». В 20-х годах выпустил книги «Янтарный Кипр» (1922), «Санкт-Петербург» (1926) и др. В 30-х годах жил в Париже, был сотрудником газеты «Последние новости». Умер в эмиграции.

ТЫ СЛЫШИШЬ ПРИЗНАНИЯ, ПРИЗНАНИЯ ПЕРВЫЕ. *Чулковская соборность* — имеется в виду мистико-декадентская трактовка «соборности» как некоторой сверхличной свободы; об этом писал в своем вступлении в книге Г. И. Чулкова «О мистическом анархизме» (1906) известный поэт и теоретик символизма начала XX века Вяч. Иванов (1866—1949).

ШКОЛА БРЮСОВА. *Вена* — ресторан в Петербурге.

ЯРЫ, ЯРЫ, ЯНЫЧАРЫ. *С. Городецкий* (1884—1967) — русский советский поэт. Здесь пародируются стихотворения из сб. «Ярь» (1907). *Муэдзин* (арабск.) — у мусульман мулла, призывающий с минарета верующих на молитву. *Навыи чары* (см. прим. с. 408.). *Одалиска* — рабыня или прислужница в гареме; в западноевропейской литературе — наложница в гареме.

АНКЕТА О ВОЙНЕ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ. Имеется в виду 1-я буржуазная революция в Турции, известная под названием Младотурецкая революция 1908 года, целью которой было свержение деспотичного режима султана Абдул-Хамида II и введение конституционного правления.

ХОЧУ БЫТЬ СМЕЛЫМ... Относительная легкость пародирования манеры письма Бальмонта привела к тому, что только в 1907—1910 гг.

на него было написано более ста пародий, из них примерно два десятка на стихотворение «Хочу быть дерзким, хочу быть смелым...».

Я ВИЖУ КАМНИ, ВИЖУ ГОРОД. *Тирсофор* — человек, носящий тирс (вид жезла) во время праздника Диониса. *Абдул Гамид II* (см. прим. с. 393.).

НЕ ХОЧУ Я ИДТИ НА ВОЙНУ! *Рукавишников И. С.* (1877—1930) — поэт, прозаик.

Е. Э. СНО

(1880—1941)

Евгений Эдуардович Сно, поэт, прозаик, журналист. Литературной деятельностью начал заниматься в 1905 г. Был редактором «Юмористического альманаха» и журнала «Дятел» (еженедельный орган политической и общественной сатиры). Вышел только первый номер журнала, который был конфискован по распоряжению Петербургского цензурного комитета, а редактор приговорен к шестимесячному тюремному заключению с лишением права заниматься издательской деятельностью сроком на 5 лет. Печатался во многих сатирических журналах: «Звонарь», «Поединок», «Спрут», «Леший» и др. Автор ряда юмористических рассказов.

КОНСТИТУЦЬЯ СТИЛЬ НУВО. Имеется в виду Манифест 17 октября 1905 г., подписанный Николаем II. *Шлиссельбургом станет Русь*. Шлиссельбург — крепость в истоках Невы, построена в 1323 г. новгородцами (до 1611 носила название Орешек). С начала XVIII в. потеряла военное значение и была превращена в тюрьму для политзаключенных.

СКАЗКА-БЫЛЬ. *Трепов, Витте-Портсмутский* — Витте С. Ю. (см. с. 434.).

МОИМ ЗНАКОМЫМ. «*Пересыльная*» — тюрьма в Петербурге. «*Шпалерная*» — Дом предварительного заключения на Шпалерной ул. в Петрограде (ныне в Ленинграде, ул. Воинова).

〈«ИЗ СОВРЕМЕННОЙ ЧЕПУХИ»〉 *Арцыбашев стал писать // Сказки для малюток* — Арцыбашев М. П. (1878—1927) — русский писатель, в годы реакции стал известен как автор, проповедующий натуралистические и эротические мотивы, сексуальную невоздержанность и т. п. (роман «Санин», 1907, и др.). *А Куприн, чтоб не отстать, // Для... для... институток* — здесь подразумевается, видимо, 1-я часть повести «Яма» (1909), где вскрывается такое социальное зло, как проституция. Слово «...институток» как бы вуалирует другое, точное — «проституток». *Часть куплетов — чепуха // Остальное враки* — почти точное повторение двух последних строк стих. «Чепуха» (1905) С. Черного (см. с. 439.).

А. Т. АВЕРЧЕНКО

(1881—1925)

Аркадий Тимофеевич Аверченко, поэт, прозаик, фельетонист, драматург, родился в купеческой семье в Севастополе. Первоначально служил конторщиком па горном заводе. С 1906 г. занимался литературной деятельностью. В 1906—1907 гг. редактировал юмористический журнал «Штык» (Харьков), сотрудничал в ряде сатирических изданий: «Меч» (Харьков), «Харьковский будильник», «Стрекоза», «Утро», «Зритель» и др. В 1908 г. становится сотрудником, а позднее редактором «Сатирикона» (с 1913 г. «Нового сатирикона»). Автор ряда юмористических пьес, сатирических сборников «Веселые устрицы» (1910), «Круги по воде» (1912) и др. После Октябрьской революции покинул Россию и выехал во Францию. С 1922 г жил в Праге. За границей выпустил сборники «Кипящий котел» (1922), «Рассказы циника» (1925) и др. Будучи в эмиграции, занял непримиримую позицию по отношению к Советской власти. Его сборник «Дюжина ножей в спину революции» был охарактеризован В. И. Лениным как талантливая книга, написанная с позиций «озлобленного почти до умопомрачения белогвардейца». Умер в Праге.

АДМИНИСТРАТОРУ. *«Все это было бы смешно»* — этими строками заканчивается стихотворение М. Ю. Лермонтова «А. О. Смирновой» («Без Вас хочу сказать Вам много...»).

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ИСТОРИИ. *Кошмар войны* — имеется в виду рус.-япон. война 1904—1905 гг. *Лидваль* — (см. прим. с. 409.).

ИЗ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ МОТИВОВ. *Навозну кучу разрывая* — строка из басни И. А. Крылова «Петух и жемчужное зерно».

В. А. ЗОРГЕНФРЕЙ

(1882—1938)

Вильгельм Александрович Зоргенфрей, поэт, переводчик, родился в семье военного врача в Аккермане под Одессой. Первая публикация — в газете «Новая жизнь» (1904). В период 1-й русской революции 1905—1907 гг. печатался в петербургских сатирических журналах «Маски», «Зритель», «Молот». В последующие годы активно сотрудничал в «Сатириконе». После Октябрьской революции издал сборник стихов «Страстная суббота» (1922). Известен как переводчик западно-европейских писателей: Гейне, Шиллера, Т. Манна, С. Цвейга и др. Трагически погиб, реабилитирован посмертно.

С.-ПЕТЕРБУРГ. *Нововременской крамолой* — имеется в виду реакционная газета «Новое время». *Решетка вокруг дворца* — во время царствования

Николая II Зимний дворец был обнесен чугунной решеткой. *Совещанием Кобека* — здесь намек на работу Д. Ф. Кобеко в качестве председателя комиссии по выработке нового законопроекта о печати в 1905 г. *Храмом начатым Христа* — имеется в виду храм Воскресения Христова (1883—1907), возведенном на месте покушения на Александра II 1 марта 1881 г.

БЛАГОДАРЮ. Перепев стихотворения Е. Ростопчиной «Благодарю». Стихотворение направлено против казачьих войск, принявших активное участие в подавлении восставшего народа. *За то, что на войне* — имеется в виду русско-японская война 1904—1905 гг.

〈ИЗ ЦИКЛА «ЭПИТАФИИ НА СЛУЧАЙ КОНЧИНЫ»〉. 1. *Санин* — герой одноименного романа М. П. Арцыбашева (см. прим. с. 416.). 2. *«Четыре»* — рассказ А. П. Каменского (1907), в котором проповедуется идея «свободной любви». 3. *«Грех»* — повесть В. В. Муйжеля (1908). 4. *Брешко-Брешковский* (см. прим. с. 412.).

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

(1883—1945)

Демьян Бедный (псевд.; наст. имя и фам. Ефим Алексеевич Придворов), поэт, родился в семье крестьянина-бедняка в дер. Губовка Херсонской губернии. В 1890—1896 гг. учился в сельской школе, после окончания которой поступил в Киевскую военно-фельдшерскую школу (окончил в 1900). В 1900—1908 гг. учился в Петербургском университете на историко-филологическом факультете. В период 1-й мировой войны служил фельдшером.

Первая публикация — в газете «Киевское слово» (1899). Активно литературной деятельностью начал заниматься с 1909 г. в народническом журнале «Русское богатство». В 1911 г. было опубликовано в газете «Звезда» его стихотворение «О Демьяне Бедном, мужике вредном». Именно с этого момента началось тесное сотрудничество поэта с большевистскими изданиями, партией большевиков. С 1912 г. он постоянный сотрудник «Правды» (в первом номере было помещено его стихотворение «Полна страданий наша чаша...»). Является автором многочисленных сатирических произведений, стихотворных фельетонов, памфлетов, басен, песен и агитационных стихов. Используя богатую фразеологию и лексику устного народного творчества, Д. Бедный создавал произведения, близкие по жанру и духу песне, частушке. В 1923 г. за большую и плодотворную литературную деятельность был награжден орденом Красного Знамени. Умер в Подмосковье.

КУПЛЕТИСТЫ. В *Петербурге* — виноват — в первые дни войны с Германией Петербург был переименован в Петроград.

«ПЕТЕЛЬКИ». Написано в связи с пересмотром партий кадетов своей политики по аграрному вопросу.

КОЛЕСО И КОНЬ. Здесь подразумеваются тяготы войны, выпавшие на долю простого народа. *Скрипящее колесо* — буржуазная пресса.

19 ФЕВРАЛЯ. 19 февраля 1911 г. отмечалась 50-летняя годовщина издания царского манифеста 1861 г. об отмене крепостного права.

НИ ТЬМА, НИ СВЕТ. В указанных в эпиграфе статьях из газеты «Утро России» содержалась критика заявления министра внутренних дел А. А. Макарова по поводу расстрела рабочих на Ленских приисках (1912), который сказал: «Так было — так будет». «Утро России» — ежедневная газета (1907—1918, с перерывами), фактическим издателем которой являлся крупнейший промышленник и банкир П. П. Рябушинский (1871—1924), лидер либерально-монархической партии «прогрессистов» (см. с. 441.).

ПРО «ДЕМАГОГИЮ» СЛОВА. *Н. И. Коробка* (1872—1920) — буржуазный критик и публицист, выступавший с резкими статьями в адрес партии большевиков. В 1912 г. в журнале «Запросы жизни» обвинил большевиков в «демагогии».

«ГАЗЕТА-КОПЕЙКА». «Газета-копейка» — газета бульварного характера, выходила в 1908—1918 гг. *Секретные картинки* — т. е. порнографические.

«СОВРЕМЕНКА». «Современка» — т. е. «Современное слово» (1907—1918) — петербургская газета, орган кадетов. «Речь» (см. прим. с. 412.)

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ЮМОР. «Утро юга» — газета, выходившая в Ростове-на-Дону в 1913—1915 гг. В статье «Необходимо кричать» рассказывалось о проходящем в Петербурге съезде представителей промышленности и торговли.

НА СВОЕМ МЕСТЕ. *Пуришкевич В. М.* (см. с. 437.).

«МЕСТ БОЛЬШЕ НЕТ». *Без Манифеста* — Манифест Николая II об отречении от престола в пользу своего брата Михаила был издан 2 марта 1917 г., в то время как самодержавие было свергнуто 27 февраля 1917 г. в ходе Февральской революции.

«ВЛАСТЬ» ТОСКОВАЛА ПО «ТВЕРДЫНЕ». «Власть» в подходящей обстановке — намек на то, что царские министры, арестованные во время Февральской революции, были помещены в Петропавловскую крепость.

БРАТАНИЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ. Написана в ответ на воззвание меньшевистско-эсеровских лидеров Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов продолжать войну «до победного конца».

Ф. Ф. БЛАГОВ

(1883—1957)

Федор Федорович Благов, поэт, сатирик, фельетонист, драматург. Литературной деятельностью начал заниматься с 1908 г. Сотрудничал в га-

зетах «Русь», «Раннее утро», «Наша мысль», журнале «Будильник», сборниках и альманахах. Автор ряда одноактных комедий-шаржей. После Октябрьской революции печатался в сатирических изданиях «Безбожник», «Крокодил», «Красный перец», «Мухомор», «Смехач» и др. Писал также для эстрады (см. также Вступительную статью.).

ЖЕРТВА ТРАМВАЯ. Пародируются мотивы и стиль письма некоторых стихотворений А. Блока.

«ПЛАМЕННЫЙ КРУГ» Ф. СОЛОГУБА. Пародия на стихи Ф. Сологуба из одноименной книги, кстати, высоко оцененной М. Горьким. *Убаюкал меня мелкий бес* — «Мелкий бес» (1907) — роман Ф. Сологуба, получивший широкую известность.

ВИЖУ НА ЗАПАДЕ ВСПЫШКИ Я. Пародия на стихотворение «Гроза на закате» А. Белого из книги «Золото в лазури» (М., 1904). За год до этого оно было напечатано в альманахе «Гриф» под заглавием «Гроза на Западе», откуда и взят данный эпиграф.

КРАСНЫЙ

(1883/4—1919)

Красный (псевд.; наст. имя и фам. Константин Михайлович Антипов), поэт, сатирик, переводчик, критик, журналист, родился в Петербурге. Начало литературной деятельности приходится на период первой русской революции. Печатался в сатирических журналах «Стрелы», «Час полуденный» и др. В последующие годы публиковал свои произведения на страницах «Стрекозы», «Будильника», «Солнца России». Был одним из организаторов и постоянных сотрудников журналов «Сатирикон» и «Новый сатирикон». После Октябрьской революции заведывал литотделом газет «Беднота» и «Коммунар», работал в РОСТА. Известен как переводчик западноевропейской поэзии (в 10-х годах издал антологию «Молодые немецкие поэты», в которую были включены его переводы). В 1919 г., будучи в служебной командировке, заболел сыпным тифом и умер на станции Раевка под Уфой.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИРИКА. *В те дни* — первые дни русской революции 1905—1907 гг. *Туман и мрак опять кругом* — намек на начало политической реакции, последовавшей после разгрома революции.

ТО И ДРУГОЕ. *Кюба́* — ресторан в Петербурге.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЧАЙ. *Вождем «трудоспособной»* — «трудоспособной» называла себя партия октябристов (см. с. 442.).

ХОР РОССИЙСКИХ ОБЫВАТЕЛЕЙ. *После бури* — т. е. революции 1905—1907 гг. *Вождем правительства* — т. е. П. А. Столыпин. *Дума третья* — в состав III Государственной думы (ноябрь 1907—июнь 1912) вошли в основном представители черносотенно-октябристского лагеря.

ПЕСНЯ ПРО УСТАВ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ. *Университетский устав* — имеется в виду устав 1884 г., отменивший автономию университетов (в т. ч. выборность руководства). В 1905 г. некоторые права университетов были восстановлены; в годы реакции они вновь были регламентированы. *Посвящается Кассо*. Кассо Л. А. (1865—1914) — министр народного просвещения (1911—1914), проводник крайне реакционной политики в области образования.

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ. *Тьма таинственных субъектов* — т. е. агентов тайной полиции.

М. Я. ПУСТЫНИН

(1884—1966)

Михаил Яковлевич Пустынин (псевд.; наст. фам. Розенблат), поэт-сатирик, драматург, родился в Одессе. Окончил техническое училище. Первая публикация в 1902 г. в газете «Одесские новости». В 1905 переехал в Петербург. В период 1-й русской революции в сатирико-юмористических журналах «Водоворот», «Заноза», «Зритель», «Пламень», «Серый волк» публиковал фельетоны, эпиграммы, басни с критикой политического строя России. В последующие годы сотрудничал в «Сатириконе» и «Новом сатириконе». После Октябрьской революции публиковался в «Красной газете», вместе с В. Маяковским участвовал в создании «Окон сатиры РОСТА». Организовал первый театр революционной сатиры. Был редактором «Крокодила», сотрудничал в журналах «Смехач», «Красный перец» и др. Совместно с А. Архангельским опубликовал в 30-х годах роман-пародию «Евгений Онегин в Москве» и сатирическую комедию «Конкурс на лучшую семью». Умер в Москве.

СОН. Написано в связи с убийством Гапона (см. с. 434.). Одновременно в прессе того времени появились сообщения о том, что Гапон якобы остался жив. *И благородными жетонами* — жетонами награждались служащие полиции; здесь намек на службу Гапона в охранном отделении.

КОГДА ГВАРДЕЙСКИЙ ПОЛК ВОЛНУЕТСЯ, КАК НИВА. Перепев стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива» М. Ю. Лермонтова.

КОРНЕТ. Перепев стихотворения «Поэт» А. С. Пушкина. *Фролов* — корнет, кавалерист л.-гв. Конного полка; во время разгона митинга ударил ножами палаша известного историка, впоследствии академика АН СССР Е. В. Тарле.

ЕВГЕНИЙ ВЕНСКИЙ

(1884—1943)

Евгений Венский (псевд.; наст. имя и фам. Евгений Осипович Пяткин), поэт, сатирик, родился в семье священнослужителя (дьячка) в

с. Тимерсяны Симбирской губ. В 12 лет был отдан в бурсу (Симбирск), затем поступил в Казанскую духовную семинарию, из которой был исключен после четырех лет обучения. Проработав непродолжительное время учителем, полностью посвятил себя литературе. Трагически погиб.

Начало литературной деятельности приходится на 1905 г. В 1906—1907 гг. принимал участие в издании журнала «Метеор» (Казань). Публиковался в многочисленных сатирических и юмористических изданиях, был постоянным сотрудником «Сатирикона» и «Нового сатирикона». В дореволюционные годы издал ряд сборников сатир и пародий: «Мое копыто. Книга великого пасквиля» (1910), «О немцах, извините за выражение» (1915), «В тылу» (1915). После Октябрьской революции печатался в советских сатирических изданиях «Красный ворон», «Бегемот», «Смехач», «Красный перец», «Крокодил» и др.

АРЕСТ... ТЬФУ, АКАДЕМИЧЕСКАЯ. *Арест* — недописанное слово «арестантская». *Голубой картуз* — жандармская фуражка. *Меринос* — порода овец. «*Эрнест*» — название ресторана. *Нужно для порядка // Лекцию сберечь* — во время публичных лекций для «обеспечения порядка» выставлялись полицейские посты в аудиториях. *Римские права* — курс римского права входил в курс лекций для студентов юридического факультета.

САМОЕ АДЕКВАТНОЕ. *Переселенческое управление* — учреждение, занимавшееся переселением крестьян из Центральной России в Сибирь, Среднюю Азию и районы Дальнего Востока. *Штундисты* — члены евангелическо-баптистской секты. *Штакельберг Г. К.* — ген.-лейтенант, один из виновников поражения русских сухопутных войск в русско-японской войне. *Хвостов А. Н.* (1872—1918) — крупный землевладелец, реакционер, известен был крайне правыми выступлениями в Государственной думе. *Муратов Н. П.* — тамбовский губернатор в 1912 г. *Марков Н. Е.* (см. прим. с. 429.). *Толмачев И. Н.* (р. 1863) — одесский градоначальник. *Зеленой П. А.* (1833—1909) — генерал-лейтенант, с 1885 г. одесский градоначальник. *Стегсель А. М.* (см. прим. с. 414.). *Герич В. А.* — чиновник канцелярии Новороссийского университета (Одесса) в 1912 г. *Левашов С. В.* — ректор Новороссийского университета в 1912 г.

ОСТАЛИСЬ ЛАЗЕЙКИ. *Новый закон о печати* (см. прим. с. 387.). *Передовик* — здесь: автор передовой статьи.

ГЕРОЙ. *Тангльфут (англ.)* — липкая бумага для мух. *Крупновский кумир* — т. е. Германия. «*Полдневный крокодил*» — вымышленное название газеты. *Варшавский* — вокзал в Петербурге.

КАК Я ЖИВУ. *Сен-Готард* — перевал на юге Швейцарии на высоте более 2 км. *Тард Г.* (1843—1904) — французский социолог и криминалист. *Говард* — писчебумажная фирма. *Лев Ричард* — Ричард I Львиное Сердце (1157—1199), английский король. *Личарда* — слуга. *Кокарда* — Зд.: судебный пристав.

ИЗДАТЕЛЬ. *Франц* — Франц-Иосиф I (1830—1916), император Австрии и король Венгрии. *Льеж* — провинция в восточной части Бельгии с административным центром г. Льеж.

У МОЕЙ НЕВЕСТЫ ДОРЫ. Пародия на стихотворение, напечатанное в 6-й кн. «Стихотворений» Ив. Рукавишников (СПб, 1909).

ПИРАМИДА БИЛЛИАРДА В «БЕЛГРАДЕ». «Фигурные стихи», написанные Ив. Рукавишниковым в подражание средневековой схоластической поэзии (в виде ромба, треугольника, креста и пр.), часто пародировались разными поэтами. «*Белград*» — ресторан в Петербурге. *Удельная* — дачная станция под Петербургом (теперь в черте Ленинграда), где находилась психиатрическая больница. *Гурлянд И. Я.* — реакционный журналист, позднее редактор газеты «Россия». *Фердинанд* — автор имеет в виду Поприщина, героя «Записок сумасшедшего» Н. В. Гоголя.

БОКАЛ ИЗ «ВЕНЫ» — «*Вена*», «*Давыдка*» — рестораны в Петербурге.

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ!.. О КРИТИК «ВЕНСКИЙ»! *Уитмен Уолт* (1819—1892) — американский поэт. *Парнаса тонде* — мир поэзии. *Каменский В. В.* (1884—1961) — русский советский поэт, входил в группу «кубофутуристов» *Суффражистка* — сторонница движения за предоставление женщинам равных с мужчинами избирательных прав (от фр. *suffrage* — голос, право голоса).

ХОЧУ ЛЮБВИ Я, КАК КОШКА В МАРТЕ. *Астарта* (греч.) — название главной финикийской богини Аштарт.

ХОЧУ НА ДАЧУ... ХОЧУ К ЧУХОНЦАМ... *Чухонец* — обозначение финна (иногда употреблялось с пренебрежительным оттенком). «*Нива*» еженедельный иллюстрированный журнал, выходил в Петербурге с 1870 по 1918 г.

ПОКОЕМ ДУША ОБЪЯТА. *Хиавата* — Зд.: музыка к танцу. *Кованько А. М.* (1856—1919) — деятель воздухоплавания в России, ген.-лейтенант. *Озерки* — дачное место под Петербургом (ныне входит в черту Ленинграда).

Я МЫСЛИТЬ НЕ УЧЕН! *Скиталец* (псевд.; наст. фам. Петров С. Г.) (1869—1941), русский советский писатель, произведения которого проникнуты сочувствием к тяжелой судьбе народа. Здесь пародируется манера письма некоторых стихотворений поэта.

ТАН (псевд.; наст. фам. Богораз В. Г.) (1865—1936), русский советский этнограф, писатель, языковед, общественный деятель.

Эпоха скорпионно-злато-рунная. «Скорпион» — изд-во в Москве (1900—1916), выпускавшее как западноевропейскую, так и русскую литературу (книги русских символистов, рассказы и письма классиков русской литературы и многое другое). «*Золотое руно*» — ежемесячный художественный и литературно-критический журнал, выходивший в Москве в 1906—1909 гг. Вначале в нем печатались крупнейшие поэты-символисты. Вскоре В. Брюсов, А. Белый и некоторые другие вышли из редакции журнала. Его авторами были также самые известные художники начала века.

Ф. СОЛОГУБ. Пародируются некоторые мотивы творчества поэта, в частности пристрастие Сологуба к теме смерти. «*Навьи чары*» (см. прим. с. 408.). И *Ортруды*, и *Ортруды...* — намек на произведение Сологуба «Королева Ортуда».

MENS MALA IN CORPORE MALO — перепев стихотворения «Калистрат» Н. А. Некрасова. Заглавие стихотворения — перефразированное изречение Ювенала («Сатиры») «*Mens sana in corpore sano*» — «В здоровом теле — здоровый дух». *Кас...ушка* — Кассо Л. А. (см. прим. с. 421.). *Митрофанушка*, *Цифиркин*, *Кутейкин* — персонажи комедии «Недоросль» Д. И. Фонвизина. *Цугундер* — расправа, наказание. *Шагистика* — военные строевые упражнения.

П. П. ПОТЕМКИН

(1886—1926)

Петр Петрович Потемкин, поэт, переводчик, драматург, прозаик, театральный критик, родился в Орле. Начало литературной деятельности приходится на 1905 г. Активно сотрудничал в петербургском журнале «Сигнал» (позже «Сигналы»), после запрещения которого печатался в сатирических изданиях «Рапира», «Комета», «Еж» и др. В 1906 г. произошло сближение Потемкина с поэтами-символистами, он знакомится с Ф. Сологубом, Вяч. Ивановым, Г. Чулковым. Первая книга стихов «Смешная любовь» (1908) принесла успех автору. В том же году он стал сотрудником «Сатирикона», а позднее секретарем редакции. В 1912 г. вышел второй его сборник — «Герань». В 10-х годах писал короткие репризы для исполнения на сценах таких известных кабаре, как «Летучая мышь», «Бродячая собака», «Кривое зеркало» и др. Выступал как театральный критик с обзорами и рецензиями в газ. «Русская молва», «День», «Русское слово». Написал также ряд рассказов: «Влюбленные», «Записки фланера» и др. В 1914—1917 гг. занимался переводами с чешского и немецкого. В 1920 г. эмигрировал в Румынию, затем переехал в Прагу, оттуда в Берлин, где в 1923 г. издал сборник стихов «Отцветшая герань». Потемкин тягостно переживал разлуку с родиной. В последние годы жизни занимался в основном драматургией: совместно с С. Л. Поляковым-Литовцевым написал комедию «Дон-Жуан — супруг смерти» (1924), имевшую успех в «Театре независимых» в Риме, создал ряд пьесок, ставившихся в парижских театрах.

Умер в Париже, похоронен на кладбище Пантен, впоследствии его прах был перенесен в склеп Тургеневского общества на Пер-Лашез.

ПАДЕНИЕ И СОВПАДЕНИЕ. *Лосины* — штаны из лосиной кожи. *Ватерлоо* — местечко в Бельгии, где в 1815 г. была окончательно разбита армия Наполеона.

НЕКОТОРЫЕ ЖЕЛАНИЯ КУЗИНЫ МОЕЙ НЮРЫ. *Чтоб громил он*

казни гневно — Л. Толстой неоднократно выступал за отмену смертной казни. *Рыбу с Репиным ловил* — Л. Н. Толстой и И. Е. Репин были вегетарианцами. *Чтоб в церквах он проклинался* — в 1901 г. Л. Толстой был отлучен от церкви и предан анафеме. *Сергиенко П. А.* — секретарь Толстого. *Тенеромо* — (см. прим. с. 405.).

НА ВЫСТАВКЕ «ТРЕУГОЛЬНИК». *Выставка «Треугольник»* — первая выставка рисунков и автографов русских писателей, проходившая в 1910 г. в Петербурге. 1. *Шмит-Рыжова Л. Ф.* — русская художница. 2. *На грязной рогоже* — имеются в виду два этюда С. М. Городецкого, выполненных на рогоже. 3. *«Моя сестра»* — картина «Портрет сестры» художника В. Д. Бурлюка. 4. *«Зимняя баня»* — этюд «Баня (зимний вид)» художника и поэта, одного из первых футуристов в России Д. Д. Бурлюка (1882—1967). 5. *Статуэтка* — предполагается, что ее автором была скульптор Л. П. Афанасьева.

ИДИЛЛИЯ. *«Перикола»* — оперетта Ж. Оффенбаха. *Курская* — улица в Петербурге. *Бебель А.* (1840 — 1913) — один из основателей (1869) и руководитель германской социал-демократической партии и I Интернационала. *Каутский К.* (1854 — 1938) — один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и II Интернационала. *Бокль Г.* (1821 — 1862) — английский историк и социолог-позитивист. *Маркса знал он* — здесь имеется в виду издатель и книготорговец А. Ф. Маркс (1838 — 1904), выпускающий в том числе журнал «Нива».

СВОБОДА, СОЖАЛЕНИЕ И ЧИТАТЕЛЬ. Перепев басни Козьмы Пруткова «Пастух, молоко и читатель». *Однажды нам была дарована Свобода* — речь идет о Манифесте 17 октября 1905 г. (см. с. 443.).

ОН БЫЛ ПРОКУРОР ИЗ ПАЛАТЫ. Перепев из стихотворения «Он был титулярный советник...» П. И. Вейнберга. *Палата* — здесь: судебная палата.

МАНИФЕСТ И ТАРАТАЙКА. Перепев басни «Незабудки и запятки» Козьмы Пруткова.

В. В. КНЯЗЕВ

(1887—1938)

Василий Васильевич Князев, поэт, прозаик, журналист, родился в купеческой семье в Тюмени. Учился в Екатеринбургской гимназии, затем в 1904—1905 гг. — в земской учительской семинарии в Петербурге, из которой был исключен за участие в юношеских социал-демократических кружках. В 1905 г. — начало литературной деятельности. В период 1-й русской революции печатается во многих сатирических журналах: «Застрельщик», «Овод», «Серый волк», «Маски» и др. С 1908 г. постоянный сотрудник «Сатирикона». В 1914 г. уходит из «Нового сатирикона» и публикуется в газете либерального направления «День»

После Октябрьской революции перешел на сторону большевиков, начал сотрудничать в «Красной газете» В. Володарского. В дни обороны Петрограда в 1919 г. вступил в Красную гвардию, выезжал с агитвагоном Пролеткульта на фронт. Печатался в стихотворных сборниках «Сатирические мотивы» (1910), «Двуногие без перьев» (1914), «Красное Евангелие» (1918), «Песни красного звонаря» (1919) и др. В 1924 г. издал сборник памяти вождя «Капля крови Ильича». Широкую известность приобрела написанная Князевым «Песня коммуны». В 20—30-х годах сотрудничал в различных периодических изданиях, подготовил новые сборники частушек, «Книгу пословиц» (1930). В 1934 г. под псевдонимом Иван Седых напечатал роман «Деды» из жизни сибирского купечества. Трагически погиб. Реабилитирован посмертно.

ДЕВОЧКА ДУМА. В мундирчик узенький и новенький «кадета» — большинство депутатов I Государственной думы (27.04—8.07 1906) составляли кадеты; здесь обыгрывается и второе значение слова «кадеты» — воспитанники кадетского корпуса. *Деда Трепа* — Д. Ф. Трепов. *Пе-пека* — здесь: член партии правого порядка (1905—1907) — партии крупных землевладельцев, буржуазии, а также высших государственных чиновников.

ТРИУМФАТОРЫ. *Бёклин А.* (1827—1901) — по всей вероятности, речь идет о швейцарском художнике, представителе символизма и стиля «модерн». *Леда* — здесь: имя героини одноименного рассказа А. П. Каменского (1907), воспринятого современниками как порнографическое произведение. *«Плошка»* — здесь подразумевается «огарок»; литература, проповедовавшая аморальность, духовное разложение, получила название «огарочной» литературы. *«Давыдка»* — ресторан в Петербурге, где собирались представители богемы.

О, СКОЛЬКО НЕНУЖНОГО, НУДНОГО ШУМА. Написано осенью 1912 г. перед выборами в IV Государственную думу (1912—1917).

«НАШ СВИСТОК» — еженедельный юмористический журнал, издавался в Москве в 1911—1914 гг. Наряду со статьями на банальные темы журнал печатал острые злободневные материалы, высмеивал партии кадетов, октябристов, Государственную думу.

ПАРАЗИТЫ ВОЙНЫ. *Сперва издатель чуть не помер* — имеется в виду издатель газеты «Биржевые ведомости» (1902—1916) С. М. Проппер. *«Биржевка»* — «Биржевые ведомости», ежедневная газета промышленников и банкиров в Петербурге.

В БЫЛЫЕ, ДАВНИЕ ЛЕТА. *Сменилось... белым местом* — после того, как материал изымался цензором, в периодических изданиях оставались пустые места.

ТРЕБНИК КАПИТАЛИСТА. *Требник* — церковная книга, по которой отправляются некоторые священные обряды (требы).

ЖИВОЙ ТРУП. В дни Февральской революции правящие круги России пытались возобновить деятельность IV Государственной думы, часть

депутатов которой высказывалась за сохранение монархического строя. *Терсит* — персонаж «Илиады» Гомера, отличавшийся физическим уродством и злоречием. *Патрокл* — один из героев «Илиады», известный своей храбростью и бесстрашием.

ВЗЯТИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ. *Цареград берет на карте* — Царьград-Константинополь (Стамбул); захват Дарданелльского пролива и как результат этого выход в Средиземное море являлся одной из целей России в 1-й мировой войне. *Иностранный Милюков* — министр иностранных дел (см. с. 436.). *Павел* — П. Н. Милюков. *На Жуковской* — ул. Жуковского в Петрограде. *Абдул-кадет* — по аналогии с Абдул Хамидом II (см. прим. с. 393.).

В АЛЬБОМ С. Ю. ВИТТЕ. Написано в связи с отставкой С. Ю. Витте. Перепев эпиграммы «История стихотворца» А. С. Пушкина.

ДМИТРИЮ ЦЕНЗОРУ. *Цензор Д. М.* (1879—1947) — русский советский поэт, в 1910-х годах сотрудник «Сатирикона».

Н. Я. АГНИВЦЕВ

(1888—1932)

Николай Яковлевич Агнивцев, поэт, родился в дворянской семье. В период первой русской революции 1905—1907 гг. печатался в петербургской «Газете Шебуева» (издатель Н. Г. Шебуев). В 10-х годах активно сотрудничал во многих сатирических журналах. В 1913 г. издал книгу стихов «Студенческие песни». Является автором многочисленных юмористических стихов, куплетов для эстрады, которые принесли ему широкую известность у публики. После Октябрьской революции выехал за границу. Вернулся в Россию в 1923 г., публиковался в советских сатирических журналах «Мухомор», «Дрезина», «Заноза» и др. В 1926 г. вышел сборник «От пудры до грузовика. Стихи 1916—1926». Автор более двадцати книг для детей: «Чашка чая» (1925), «Винтик-шпунтик» (1925) и др. Умер в Москве.

ШЕКОТЛИВЫЙ ВОПРОС. *Министр просвещения* — Л. А. Кассо (см. прим. с. 421.). *Зулусы* — народ, основное население провинции Наталь в ЮАР; здесь: в значении отсталый народ. *Зане* — ибо, потому что, так как. *Педель* — надзиратель в высшем учебном заведении. *Разгонная* — здесь подразумевается разгон полицией студенческих выступлений.

ПРОЕКТ. «*Назначенные профессора*» — имеются в виду назначенные министром народного просвещения Л. А. Кассо профессора, которые заменили преподавателей, покинувших в знак протеста университетские кафедры.

СКАЗКА О ТРЕХ НАБОБАХ. *Набоб* — искаженное от «наваб», наместник провинции Могольской империи в XVII в. в Индии; нарицательное название быстро разбогатевшего человека.

Аркадий Сергеевич Бухов, прозаик, поэт, драматург, родился в семье железнодорожного служащего в Уфе. В 1907 г. поступил в Казанский университет на юридический факультет. За участие в студенческих выступлениях был исключен из университета и сослан в Кочкарь (на Урал). Учился на юридическом факультете Петербургского университета. Призванный в армию в 1914 г., служил как «политически неблагонадежный» в маршевой роте. Позднее был демобилизован. В 1918 г. эмигрировал в Литву. В 1927 г., приняв советское гражданство, вернулся на родину. Трагически погиб.

Литературной деятельностью начал заниматься с 1906 г. Сотрудничал в журналах «Сатирикон», «Стрекоза», «Метеор» и др. Был редактором «Синего журнала». Автор ряда юмористических и сатирических сборников: «Жуки на булавках», «Тихие неприятности», «Цветки в петлице», «Кесарево-кесареви» и др. В советское время опубликовал сборники юмористических рассказов и водевилей «Рассказы на предъявителя» (1928), «Таинственный хулиган» (1935), сатирический роман «История трех святых и некоторых посторонних» (1930), политический роман-хронику «Черное кольцо» (1931). Сотрудничал в сатирических изданиях «Бич», «Бегемот», «Смехач», заведовал литературным отделом в «Крокодиле».

ЖЕСТОКИЙ. Перепев стихотворения «Нищий» М. Ю. Лермонтова. *Дубровин А. И.* (1855—1918) — один из основателей монархически-черносотенного «Союза русского народа», редактор реакционной газеты «Русское знамя», по профессии врач. *Просящий подаяния* — речь идет о временном прекращении субсидии, которая выделялась правительством на издание газеты. *Тут Пуришкевич проходил* — Пуришкевич В. М. (см. с. 437.). Служа в Министерстве внутренних дел, Пуришкевич в этом случае не смог помочь Дубровину, своему политическому единомышленнику.

ДВА НАПОЛЕОНА. Стихотворение было написано к 100-летию со дня начала Отечественной войны 1812 г. *Жозефина* — первая жена Наполеона I. *Один...* // *Вещал о сорока веках* — согласно легенде, Наполеон во время неудачной экспедиции с целью завоевания Египта (1798—1801) обратился к своим солдатам со следующими словами: «Солдаты! Сорок веков смотрят на вас с высоты этих пирамид».

ЛЕГЕНДА О СТРАШНОЙ КНИГЕ. *Сергей Горный* — поэт-сатирик. **ВСПОМНИТЕ!** Стихотворение было помещено в журнале «Новый сатирикон», 17-й номер которого за 1914 г. был посвящен 25-летию со дня смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина. Направлено против той категории юмористов, которые вместо продолжения традиций гневной сатиры Щедрина преподносили читателю поверхностное обличительство на уровне сиюминутной злобы дня. *Тимбукту* (Томбукту) —

древний город в западной части Африки (здесь иносказательно).

ПРИЯТНЫЙ СОБЕСЕДНИК. *Мерзость запустения* — выражение из Библии (Книга пророка Даниила, 9, 27).

А. д' АКТИЛЬ

(1890—1942)

Анатолий Адольфович д'Акtilь (псевд.; наст. фам. Френкель), поэт, журналист, фельетонист. Активной литературной деятельностью начал заниматься с 1914 г. Сотрудничал в «Новом сатириконе», других сатирических и юмористических изданиях. В период гражданской войны писал стихотворные агитки и фельетоны. Автор хорошо известной песни «Марш буденновской конницы». После Октябрьской революции печатался в советских сатирических журналах «Бегемот», «Красный ворон», «Заноза», «Дрезина», «Крокодил». В 1928—1930 гг. опубликовал пять сборников сатирической поэзии. Умер в Перми.

ПОДОХОДНОЕ. *По курсу «франко Петроград»* — с оплатой доставки в Петроград.

TRANSIT GLORIA MUNDI. *Марков* 2-й Н. Е. (1866—?) — помещик, лидер крайне правых в Государственной думе. *Замысловский* Г. Г. (1872—1918) — депутат III и IV Государственных дум. Один из руководителей черносотенного «Союза русского народа». *Циклон переворота* — имеется в виду Февральская буржуазная революция в России в 1917 г. *Мрачные куранты* — часы на Петропавловской крепости в Петрограде, куда был заключен ряд государственных чиновников.

БУРЖУА. *Не увлекись эсдечьим раем* — т. е. многообещающими заявлениями членов социал-демократической партии (сокращ. с.-д.).

ТРИ ГОДА. Стихотворение написано в связи с трехлетней годовщиной 1-й мировой войны.

НЕ ТОТ КОЛЕНКОР. «Биржевые ведомости» (см. прим. с. 426.). *Черняев* М. Г. (1828—1898) — военный и общественный деятель, генерал-лейтенант, проводил в Средней Азии военные операции. *Ориент* — восток. «*Нет ситца.../его пророк*» — перефразированный догмат мусульманской религии «Нет бога, кроме бога, и Магомет пророк его». Это выражение часто употребляется иронически, причем слова «бог» и «магомет» заменяются соответствующими данному случаю словами.

БРЕШКО. *Брешко-Брешковский* Н. Н. (см. прим. с. 412.). *Оксидент* — запад.

СЕДЬМАЯ ДЕРЖАВА. *Седьмая держава* — печать.

ЭПИТАФИЯ. В июле 1917 г. по решению Временного правительства были закрыты большевистские газеты и введена предварительная военная цензура. Автор иронизирует над провозглашенными «свободами» (слова, печати, собраний), которые просуществовали менее полугода.

И. С. ЛОГИНОВ

(1891—1942)

Иван Степанович Логинов, поэт, фельетонист, родился в крестьянской семье в деревне Паршуки Костромской губ. После окончания сельской школы некоторое время был учеником в шапочной мастерской. С 14 лет работал на заводах в Петербурге. За участие в забастовке был уволен. В 1912 г. вступил в партию большевиков. С 1918 г. постоянно сотрудничал в петроградской «Красной газете», позднее работал в библиографическом отделе Госиздата, был библиотекарем в Институте истории партии. Летом 1941 г. вступил добровольцем в народное ополчение. Погиб во время блокады Ленинграда.

Первое стихотворение «Надо счастья, надо воли» было напечатано в газете «Звезда» в 1911 г. До Октябрьской революции в основном выступал на страницах большевистской «Правды». В его политических стихотворениях, памфлетах, сатирах звучал призыв к свержению самодержавия, критика устоев буржуазного общества, провозглашались идеи равноправия и братства трудящихся. В послеоктябрьские годы издал несколько сборников стихов: «У станка» (1917), «На страже» (1919), «Накануне» (1919), «Под знаменем правды» (1925).

«БИРЖЕВКА». «Биржевка» — петербургская газета «Биржевые ведомости» (см. прим. с. 426.). *Обладание Царьградом* — Царьградом в средние века в русских текстах называли Константинополь. Через проливы Босфор и Дарданеллы Россия и ее союзники надеялись добиться свободного прохода из Черного моря в Средиземное.

«РУССКОЕ СЛОВО» — московская газета, издававшаяся в период с 1895 по 1917 г.

400... «День» — либерально-буржуазная газета, выходившая в Петербурге с 1912 по октябрь 1917 г. После Февральской революции стала печатным органом меньшевиков.

ВОЯКИ. *Женский полк* — полк из женщин, сформированный Временным правительством.

ЧАСТУШКИ. *В Петрограде* — копия — автор имеет в виду Керенского А. Ф. *Керочка* — имя уличной женщины. *Либердан* — прозвище меньшевиков (составлено из имен двух меньшевистских деятелей — Либера и Дана).

ЭМИЛЬ КРОТКИЙ

(1892—1963)

Эмиль Кроткий (псевд.; наст. имя и фам. Эммануил Яковлевич Герман), поэт-сатирик, фельетонист, родился в Каменец-Подольске. Первая публикация появилась в 1911 г. в «Одесском листке». Сотрудничал в

«Новом сатириконе», «Летописи» и др. периодических изданиях. С 1917 г. выступал как автор сатирических фельетонов. В 1918 г. выпустил сб. стихов «Растопленный полюс», годом позже опубликовал поэму «Разговор с Вильсоном». В 20-х годах издал книгу «Скифский берег. Стихи о России», печатался в советских сатирико-юмористических журналах. С 1930 г. постоянный сотрудник «Крокодила». Э. Кроткий — автор многочисленных пародий, афоризмов, памфлетов, собранных в «Портрете и зеркале» (1956), книге «Сатирик в космосе» (1959). Также писал стихи для детей. Умер в Москве.

МОНУМЕНТ. *Туша-всадник, конь неловкий* — речь идет о конном памятнике царю Александру III с подчеркнута грузными, тяжеловесными фигурами всадника и коня (скульптор П. П. Трубецкой). Памятник был установлен в 1909 г. в центре Петербурга на Знаменской площади перед Николаевским (ныне Московским) вокзалом. *Фигура предпоследнего царя* — Александра III.

ДОРОЖНОЕ. Перепев стихотворения «Зимняя дорога» А. С. Пушкина. «*Близкие*» выборы — имеются в виду неоднократно отодвигаемые Временным правительством на более дальний срок выборы в Учредительное собрание из-за боязни, что оно «даст большинство крестьянам более левым, чем эсеры» (В. И. Ленин). *Сотни мосек черной масти* — черносотенцы.

ПОЧТИ БИБЛЕЙСКОЕ. *Предпарламент* — совещательный орган при Временном правительстве в России, который был создан Всероссийским Демократическим совещанием. *Сибилла* — в греч. мифологии пророчица, прорицательница, предрекающая будущее (обычно бедствия, несчастья). «*С милым рай и в шалаше*» — фраза из стихотворения Н. М. Ибрагимова «Русская песня» («Вечерком красна девица»).

НА ОПРОКИНУВШЕМСЯ ТРОНЕ. *Орлов растоптаны останки* — в результате Февральской революции в России произошло свержение самодержавия, эмблемой которого был двуглавый орел. *А царь в вагонное окно* — на станции Дно должны были состояться переговоры между Николаем II и председателем Государственной думы М. В. Родзянкой. Царский поезд, выехавший в ночь с 28 февраля на 1 марта из Могилева в Петроград, был остановлен на ст. Дно и, ввиду отказа со стороны Совета рабочих депутатов Петрограда на эту встречу, был направлен в Псков.

НА СТАРЫЙ ЛАД. *С листком суворинским* — несчастье — речь идет о реакционной «маленькой газете» (в последний месяц называлась «Народная газета»), издаваемой А. А. Сувориным (сыном А. С. Суворина, известного журналиста и издателя). Страницы газеты заполнялись в основном низкопробным чтивом, перемежаемым нападками на большевиков. Прекратила существование в августе 1917 г.

В. В. МАЯКОВСКИЙ

(1893—1930)

Владимир Владимирович Маяковский, поэт, драматург, родился в семье лесничего в с. Багдади, близ г. Кутаиси в Грузии. В 1902—1906 гг. учился в Кутаисской гимназии. В 1905 г. участвовал в революционных митингах и демонстрациях. После смерти отца семья переехала в Москву. В 1908 г. вступил в РСДРП(б), участвовал в революционной деятельности, три раза был арестован, сидел в Бутырской тюрьме. В 1911 поступил в Московское училище изящества и зодчества, в 1914 г. был исключен за участие в студенческих митингах. В 1915—1917 гг. на военной службе. После Октябрьской революции жил в Петрограде, в 1919 г. переехал в Москву. Работал в РОСТА. В 20-х годах неоднократно выезжал за границу. Покончил жизнь самоубийством.

Первая публикация в 1912 г. — стихи «Ночь» и «Утро» в альманахе «Пощечина общественному вкусу», ставшем манифестом русских кубо-футуристов, к группе которых примкнул Маяковский осенью 1911 г. Однако, в отличие от приверженцев этого направления, огульно отвергавших культурное наследие прошлого, Маяковский впоследствии переоценил свои взгляды. С обличительным пафосом, направленным против пороков современной ему жизни, поэт гневно выступил против бездуховности, пошлости, мещанства, поразивших общество. В 1915—1917 гг. выступал с сатирическими стихами на страницах «Нового сатирикона» — известные циклы «гимнов» («Гимн взятке», «Гимн критику» и др.), цикл «Издательства» и другие. В 1917 г. сотрудничал в газете «Новая жизнь» и журнале «Соловей». В период гражданской войны участвовал в создании «Окон сатиры РОСТА». В 1921 г. организовал сатирический журнал «БОВ», печатался в сатирических изданиях «Красный перец», «Смехач», «Крокодил» и др. В 20-х годах вышел сб. сатирических произведений «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается» (1923), «Обряды» (1923), «Маяковская галерея» (1923) и др. Он также автор сатирических комедий «Клоп» (1928) и «Баня» (1929).

ВАМ! *Георгий* — орден в честь святого христианской религии Георгия Победоносца (введен в 1769 г.) — награда за боевые заслуги; с 1913 г. — Георгиевский крест. *Северянин* (псевд.; наст. фам. Лотарев) И. В. (1877—1943) — русский поэт. Многие стихи, написанные на «ресторанно-будуарную» тематику в предреволюционные годы, пользовались шумным успехом у буржуазно-мещанской публики. Однако его многогранное лирическое дарование было высоко оценено рядом известных литераторов.

ГИМН СУДЬЕ, ГИМН УЧЕНОМУ и др. Маяковский создает цикл пародийно-сатирических гимнов, в которых трагифицируется, наполняясь новым содержанием, традиционная природа жанра.

ГИМН КРИТИКУ. *Сапа* — прикоп, траншея, прикрытый валом ров.

Построчный пятачок — гонорар, выплачиваемый автору за строчку печатного текста.

ГИМН ОБЕДУ. *Реймс* — имеется в виду собор Нотр-Дам в Реймсе (XIII—XIV вв.) во Франции, разрушенный германской артиллерией в сентябре 1914 г. *Ножки у пулярд* — пулярка — жареная курица. *Крокет* — игра, в которой участвуют 2 игрока или 2 команды.

ЧУДОВИЩНЫЕ ПОХОРОНЫ. *Изыдавшийся Гаршин* — Гаршин В. М. (1855—1888) — русский писатель, обостренно, порой болезненно реагирующий на общественное зло и несправедливость, на трагическое положение личности в условиях гнета самодержавия. *Рябое // прочту «Простое как мычание»* — сб. стихотворений Маяковского, вышедший в том же году в издательстве «Парус», где вместо запрещенных цензурой строк были проставлены точки, поэтому текст выглядел как бы рябым.

СКАЗКА О КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ. Стихотворение написано в связи с тем, что группа кадетов-министров (Шингарев, Мануйлов, Шаховской) 2(15) июля 1917 г. подали в отставку после ликвидации I коалиционного правительства и установления в результате июльского кризиса в стране диктатуры контрреволюционной буржуазии.

НЕТРУДНО, ЛАНДЫШАМИ ДЫША. Было написано для сатирического журнала «Тачка», издание которого планировалось при газете «Новая жинь». Однако журнал не был создан. Частично текст был использован Маяковским в одном из «Окон сатиры РОСТА». *Взяли в руки // по новенькой тачке* — в то время среди рабочих практиковался «вывоз» на тачках неугодных хозяев предприятий и администраторов.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ БАСНЯ. *Петух..., // дог// и вор* — речь идет о Тройственном союзе государств в 1-й мировой войне против Германии: Франция (эмблема страны — «галльский петух»), Англия (дог) и Россия (имеется в виду царь Николай II — вор).

ЕШЬ АНАНАСЫ, РЯБЧИКОВ ЖУЙ. В статье «Только не воспоминания» Маяковский писал: «В такт какой-то разухабистой музычке я сделал двустиишие... Это двустиишие стало моим любимейшим стихом: петербургские газеты первых дней Октября писали, что матросы шли на Зимний, напевая какую-то песенку: «Ешь ананасы...» и т. д. (Цит. по: Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Библиотека поэта, Б. С. Советский писатель, 1975, с. 905.)

А. Ершов

**СПИСОК ИМЕН
НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫХ ЛИТЕРАТОРОВ,
УЧЕНЫХ, ОБЩЕСТВЕННЫХ, ПОЛИТИЧЕСКИХ
И ВОЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ**

- Александр I* (1777—1825), российский император с 1801 г.
- Александр II* (1818—1881), российский император с 1855 г.
- Александр III* (1845—1894), российский император с 1881 г.
- Анненский И. Ф.* (1856—1909), русский поэт, переводчик, критик.
- Аракчеев А. А.* (1769—1834), генерал, временщик при дворах Павла I и Александра I. Военный министр (1808—1810), председ. департамента военных дел Гос. Совета (с 1810).
- Бодлер Ш.* (1821—1867), франц. поэт, критик.
- Бонапарт* (см. Наполеон I).
- Вильгельм II* (1792—1849), король Нидерландов с 1840 г.
- Витте С. Ю.* (1849—1915), русский государственный деятель. Министр финансов (с 1892), председ. Кабинета министров (с 1903), с окт. 1905 по апр. 1906 г. возглавлял Совет Министров. Вышел в отставку в 1906 г. По инициативе Витте была введена винная монополия (1894), сооружена Сиб. ж.-д. магистраль, осуществлена денежная реформа (установлен свободный обмен кредитного рубля на золото). Был сторонником привлечения иностранных капиталов в промышленность, банки; разработал основные положения аграрной реформы (1903—1904), использованные позднее П. А. Столыпиным. Во внешнеполитическом курсе на Д. Востоке стремился к сближению с Китаем, был против военного конфликта с Японией. Возглавлял делегацию, подписавшую в 1905 г. Портсмутский мирный договор после поражения России в русско-японской войне 1904—1905 гг., за что получил графский титул. Согласно договору, Россия признала Корею сферой влияния Японии, уступила ей Южный Сахалин и права на Ляодунский п-ов с Порт-Артуром и Дальним. Договор потерял силу после капитуляции Японии во 2-й мировой войне. Витте также является автором Манифеста 17 октября (подробнее о Манифесте см. с. 442.).
- Гапон Г. А.* (1870—1906), священник, агент охраны, один из организаторов проправительственного «Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга». Инициатор петиции рабочих царю Николаю II и шествия к Зимнему дворцу 9 янв. 1905 г. Неудавшаяся попытка проникнуть в «боевую организацию» эсеров кончилась его

разоблачением. Был судим и повешен рабочими дружинниками в Озерках под Петербургом.

Гиппиус З. Н. (1869—1945), русская писательница, представитель декадентства, проповедовавшая наряду с чувственной любовью религиозное смирение, страх смерти, тлена.

Горемыкин И. Л. (1839—1917), государственный деятель. С апр. 1906 г. — председ. Совета Министров, в июле того же года заменен на этом посту П. А. Столыпиным. Был враждебно настроен против 4-ой Гос. думы и партии «Прогрессивный блок».

Гурко, Ромейко-Гурко В. И. (1864—1937), русский генерал от кавалерии. Участник рус.-япон. войны 1904—1905 гг. В июле 1917 арестован за переписку с Николаем II и выслан за границу. В 1919 г. отказался командовать армией интервентов на Севере и Северо-Западе.

Гучков А. И. (1862—1936), русский капиталист, политический деятель, основатель и лидер партии октябристов («Союз 17 октября», см. с. 442.). Член, затем председ. III Гос. думы. Военный и морской министр во Временном правительстве. В 1918 г. эмигрировал в Берлин.

Данте А. (1265—1321), итал. поэт, гуманист, автор всемирно известной «Божественной комедии».

Дарвин Ч. Р. (1809—1882), англ. естествоиспытатель.

Державин Г. Р. (1743—1816), поэт, государственный деятель при дворе Екатерины II. В 1802—1803 гг. — министр юстиции. Автор многих од и стихотворений.

Дубасов Ф. В. (1845—1912), русский адмирал, генерал-адъютант, участник рус.-тур. войны 1877—1878 гг. Руководил разгромом вооруженного восстания в Москве в дек. 1905 г. Член Гос. Совета (1906), член Совета гос. обороны (1907).

Дурново П. Н. (1845—1915), русский государственный деятель. Директор департамента полиции (1884—1893), министр внутренних дел в кабинете Витте (1905 по апр. 1906), член Гос. Совета (1906). Известен жесточайшими репрессиями в годы революции 1905—1907 гг. Был приговорен в 1906 г. эсерами к смерти, приговор в исполнение привести не удалось.

Зубатов С. В. (1864—1917), жандармский полковник, сторонник политики «полицейского социализма». С 1880-х гг. платный агент охраны в Москве, провокатор. Начальник московского охранного отделения Министерства внутренних дел (1896—1902). Начальник особого отделения департамента полиции в Петербурге (1902). Интриги против В. К. Плеве привели к его отставке в 1907 г. В дни Февральской революции 1917 г., опасаясь суда, застрелился.

Игнатъев А. П. (1842—1906), реакционный политический деятель, сторонник усиления политических репрессий, противник созыва Гос. думы. Убит эсером С. Н. Ильинским.

Кант И. (1724—1804), нем. философ.

Катков М. Н. (1818—1887), журналист, публицист, переводчик. До 60-х гг. выразитель умеренно-либеральных взглядов. Сотрудничал в «Московском наблюдателе» (1838—1839) и «Отечественных записках» (1839—1841). С 1856 г. — издатель журнала «Русский вестник». В 60-х гг. резко меняет позицию и становится сторонником и проводником реакционной политики правительства.

Керенский А. Ф. (1881—1970), русский буржуазный политический деятель, глава Временного правительства. В июльские дни 1917 г. возглавил расправу над рабочими и солдатами. В день Октябрьского вооруженного восстания бежал из Петрограда и возглавил контрреволюционный мятеж. В 1918 г. эмигрировал во Францию, с 1940 г. жил в США.

Коковцов В. Н. (1853—1943), русский государственный деятель, граф (с 1914). Служил в Министерстве юстиции, Главном тюремном управлении, был тов. министра финансов С. Ю. Витте, затем министром финансов. После убийства П. А. Столыпина — председ. Совета Министров (совмещал с должностью министра финансов, 1911—1914). По ряду причин вышел в отставку в 1914 г. Эмигрировал во Францию в 1918 г.

Куропаткин А. Н. (1848—1925), русский военачальник, участвовал в завоевании Средней Азии, в рус.-тур. войне 1877—1878 гг. Военный министр (1898—1904), главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке (1904—1905). После поражения под Мукденом смещен с должности. Член Гос. Совета (с 1906). Туркестанский ген.-губернатор (1916—1917). После революции отверг предложение эмигрировать. Автор ряда военно-исторических и военно-географических трудов.

Леонардо да Винчи (1452—1519), итал. живописец, инженер, ученый-экспериментатор, архитектор, скульптор.

Ломоносов М. В. (1711—1765), первый русский ученый-естествоиспытатель, поэт, художник, историк.

Луначарский А. В. (1875—1933), советский государственный деятель, писатель, драматург, теоретик и критик советского искусства.

Милюков П. Н. (1859—1943), русский политический деятель, историк, публицист. Один из организаторов кадетской партии (с 1907 г. председ. ее ЦК) и редактор ее центрального органа — газеты «Речь». Член Гос. думы 3 и 4-го созывов. Во время 1-й мировой войны сторонник ее продолжения «до победного конца». В I составе Временного правительства — министр иностранных дел. После Апрельского кризиса 1917 г. вышел в отставку. С 1920 г. в эмиграции. Во время 2-й мировой войны выступил против сотрудничества белой эмиграции с фашизмом, приветствовал успехи Красной Армии.

- Минин (Сухорук) Кузьма* (? — 1616), один из организаторов и руководителей второго ополчения в период Польской и шведской интервенции начала XVII в., один из наиболее популярных героев русского народа. В Москве на Красной площади в 1818 г. установлен памятник К. Минину и Д. М. Пожарскому (скульптор И. П. Мартос).
- Наполеон I, Наполеон Бонапарт* (1769—1821), франц. государственный деятель и полководец, первый консул Французской республики (1799—1804), император (1804—1814 и март — июнь 1815).
- Некрасов Н. А.* (1821—1877), русский поэт, сатирик, драматург, критик, крупный литературный деятель, редактор демократического журнала «Современник».
- Николай II* (1868—1918), последний российский император. Расстрелян вместе с членами семьи в Екатеринбурге.
- Островский А. Н.* (1823—1886), драматург, много сделавший для развития русского национального театра.
- Павел I* (1754—1801), российский император с 1796 г. Был убит в Михайловском замке в Петербурге в результате заговора офицеров.
- Плеве В. К.* (1846—1904), русский государственный деятель, директор департамента полиции (с 1881), министр внутренних дел и шеф жандармов (с 1902), проводил крайне реакционную политику. Убит эсером Е. С. Сазоновым.
- Победоносцев К. П.* (1827—1907), русский государственный деятель, обер-прокурор Синода (Высший орган управления православной церковью в России нач. XVIII — нач. XX вв., после 1917 г. — совещательный орган при патриархе московском и всея Руси). Вдохновитель крайне реакционной политики правительства, автор *Манифеста 29 апреля 1881 г. об укреплении самодержавия*. После издания *Манифеста 17 октября 1905 г.* вышел в отставку.
- Пожарский Д. М.* (1578—1642), государственный и военный деятель России, князь. Участник Первого ополчения (1611) против польско-литовских интервентов, один из руководителей Второго ополчения. В 1818 г. в Москве на Красной площади сооружен памятник К. Минину и Д. М. Пожарскому.
- Полонский Я. П.* (1819—1898), русский поэт.
- Пуришкевич В. М.* (1870—1920), русский политический деятель, один из основателей «Союза русского народа» (см. с. 442.), после его раскола возглавил «Союз Михаила Архангела». Депутат II—IV Гос. думы. Сторонник войны «до победного конца». Один из участников убийства Г. Е. Распутина. Ярый сторонник монархии, после Февральской буржуазной революции 1917 г. выступал за ее реставрацию. В октябре 1917 г. возглавил контрреволюционный мятеж в Петрограде. Был осужден, но вскоре амнистирован, умер в России от тифа.
- Пушкин А. С.* (1799—1837), русский писатель, основоположник новой русской литературы.

- Родзянко М. В.* (1859—1923), русский политический деятель, один из лидеров партии октябристов. Депутат Гос. думы 3 и 4-го созывов (1907—1911), с 1911 г. ее председатель. В период гражданской войны находился в армии генерала Деникина. В 1920 г. эмигрировал в Югославию, где и умер.
- Рябушинский П. П.* (1871—1924), один из 8 братьев Рябушинских, русских промышленников и банкиров. Накануне Октябрьской революции стал лидером контрреволюционной буржуазии. В период Гражданской войны поддерживал военную интервенцию в Россию. В эмиграции продолжал борьбу против Советской республики.
- Салтыков-Щедрин* (наст. фам. *Салтыков*, псевд. *Н. Щедрин*) *М. Е.* (1826—1889), русский писатель, творчество которого связано с традициями передовой русской демократической литературы, а также с традициями великих сатириков (Ф. Рабле, С. Сервантеса, Дж. Свифта).
- Святополк-Мирский П. Д.* (1857—1914), князь, русский государственный деятель. Тов. министра внутренних дел и командующий корпусом жандармов (1900—1902), министр внутренних дел (с 1904). Политика Святополка-Мирского, направленная на смягчение порядков в стране, т. н. «эпоха доверия», не предотвратила революции 1905—1907 гг. Был уволен в отставку 18 янв. 1905 г.
- Сервантес С.* (1547—1616), исп. писатель, драматург, приобретший мировую известность благодаря роману «Дон-Кихот».
- Сергеев-Ценский* (псевд.; наст. фам. *Сергеев*) *С. Н.* (1875—1958) — русский советский писатель.
- Скуратов-Бельский Г. Л.* (Малюта) (? — 1573), активный организатор опричного террора. Его имя связано с жестокими казнями в царствование Ивана IV (Грозного). Убит в бою.
- Слепцов В. А.* (1836—1878), русский писатель, актер, режиссер, публицист, оставивший заметный след в истории русской литературы.
- Сократ* (470/469—399 до н. э.), др.-греч. философ.
- Столыпин П. А.* (1862—1911), русский государственный деятель. Министр внутренних дел (с 1906), одновременно председ. Совета Министров. Руководил подавлением революции 1905—1907 гг., поощрял деятельность военно-полевых судов и применение смертной казни. Предложил аграрную реформу — создание хуторов и отрубов как опорной базы «крепкого крестьянства». Был смертельно ранен эсером Д. Г. Богровым.
- Толстой Л. Н.* (1828—1910), русский писатель, оказавший огромное влияние на развитие реалистических традиций в русской и мировой литературе.
- Тредиаковский В. К.* (1703—1768), русский поэт, переводчик, академик, начавший реформу стихосложения в русском языке (завершил М. В. Ломоносов), которая впоследствии во многом определила развитие русской поэзии.

Трепов Д. Ф. (1855—1906), ген.-майор, московский обер-полицмейстер (с 1896), генерал-губернатор Петербурга (с 1905), тов. министра внутренних дел, комендант Петергофского, а затем Зимнего дворца. Во время Октябрьской Всероссийской стачки 1905 г. именно он отдал войскам приказ: «Холостых залпов не давать и патронов не жалеть».

Тургенев И. С. (1818—1883), русский писатель, чье творчество явилось новым этапом в развитии русского реализма.

Тютчев Ф. И. (1803—1873), поэт, крупнейший представитель русской философской лирики XIX в.

Фет (Шеншин) А. А. (1820—1892), русский поэт, переводчик.

Черный Саша (наст. имя и фам. Александр Михайлович Гликберг) (1880—1932), русский поэт.

Шмидт П. П. (1867—1906), русский революционер, один из руководителей Севастопольского восстания 1905 г. Был приговорен к смертной казни и расстрелян вместе с другими руководителями восстания на о. Березань. На месте казни в 1972 г. воздвигнут памятник.

Эзоп (VI в. до н. э.), др.-греч. баснописец.

Ювенал Д. Ю. (ок. 60—ок. 127), римский поэт-сатирик. Создатель 16 сатир в 5 книгах (последняя не закончена). Сатиры 1—3 книг полны обличительного пафоса, тон их грозный и непримиримый. Произведения 4-5 книг носят характер отвлеченных рассуждений на моральные темы.

АННОТИРОВАННЫЙ СПИСОК ОСНОВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

БУНД («Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России»), оппортунистическая мелкобуржуазная националистическая партия. Основана в Вильно в 1897 г. С 1906 г. автономная организация в РСДРП. Бунд поддерживал «экономистов», меньшевиков, ликвидаторов, троцкистов. В 1912 г. исключен из РСДРП 6-й (Пражской) партконференцией. В 1-ю мировую войну стоял на позициях социал-шовинизма. В 1917 г. поддерживал буржуазное Временное правительство. После Октябрьской революции руководство Б. примкнуло к контрреволюции. В 1920 г. Б. отказался от борьбы с Советской властью, в 1921 г. самоликвидировался; часть членов была принята в РКП(б).

КАДЕТЫ — конституционно-демократическая партия (официальное название — партия «народной свободы»). Основная партия контрреволюционной либерально-монархической буржуазии в 1905—1917 гг. Программа партии: конституционная и парламентарная монархия, буржуазные свободы (слова, совести, собраний, передвижений, неприкосновенности жилища и т. д.), сохранение помещичьего землевладения, законодательное решение «рабочего вопроса». После декабрьских вооруженных восстаний 1905 г. к. резко повернули вправо. В 1915 г. при решающей роли к. возник *«Прогрессивный блок»* (см. ниже). После Февральской буржуазной революции 1917 г. к. стали играть руководящую роль в буржуазном Временном правительстве. Следствием июльских событий 1917 г. явилась подготовка к. контрреволюционного переворота и установления военной диктатуры. После Октябрьской революции к. были объявлены «партией врагов народа». Уйдя в подполье, к. активно сотрудничали с генералами Калединым, Деникиным, Колчаком, Врангелем, входили в состав некоторых белогвардейских правительств. Позднее многие лидеры эмигрировали за границу.

ПАРТИЯ МИРНОГО ОБНОВЛЕНИЯ — умеренно-либеральная партия (1906—1912). Объединяла бывших левых октябристов и бывших правых кадетов. Программа: законодательное «урегулирование» рабочего вопроса, организация переселения малоземельных крестьян. В 1907 г. объединилась с партией демократических реформ. Лидеры: П. А. Гейден, Д. Н. Шипов, Н. Н. Львов. Печатные органы — газета «Слово» и журнал «Мос-

ковский еженедельник». Влилась в партию прогрессистов (см. ниже).

«ПРОГРЕССИВНЫЙ БЛОК» — образован в результате объединения 6 буржуазно-помещичьих фракций Гос. думы («прогрессивные» националисты, группа центра, земцы-октябристы, «Союз 17 октября», кадеты, прогрессисты) в 1915 г. Создан в ситуации, когда царское правительство оказалось неспособным вести успешную войну и когда требовалось предотвратить реально назревавший в стране революционный кризис. Ведущее место в «П. б.» занимали кадеты. Его программа: создание «правительства доверия», проведение политики, направленной на «сохранение внутреннего мира», частичная амнистия политзаключенных, восстановление профсоюзов и т. д. Т. о., программа «П. б.», пытаясь сохранить самодержавие на основе минимальных либеральных реформ, имела целью довести войну «до победного конца» и предотвратить революцию. После Февральской революции 1917 г. многие из руководителей «П. б.» вошли в состав Временного правительства.

«ПРОГРЕССИСТЫ» («Прогрессивная партия») — национал-либеральная партия крупной буржуазии и помещиков, занимавшая место между кадетами и октябристами. В начале 1-й мировой войны выступила с призывом забыть «внутренние распри» и объединиться вокруг царя. В 1915 г. ее члены вошли в «Прогрессивный блок» (см. выше). В 1916 г. вышли из него из-за отказа последнего включить в декларацию блока пункт об ответственности правительства перед Гос. думой. После Февральской буржуазной революции партия распалась.

РСДРП. На I съезде (1898), где было провозглашено создание марксистской рабочей партии, она была названа: Российская социал-демократическая рабочая партия. С 1917 г. — РСДРП (б), VII съезд (1918) переименовал партию в РКП(б), XIV (1925), — в ВКП(б), XIX (1952) — в КПСС. На II съезде РСДРП оформились два течения внутри партии: большевизм (большевики — рев. марксисты, сплотившиеся вокруг Ленина) и меньшевизм (меньшевики-оппортунисты). Большевики руководили борьбой рабочего класса в период первой русской революции 1905—1907 гг. и во время Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г., свергнувшей самодержавие в России. Возглавляемый большевистской партией рабочий класс и беднейшее крестьянство совершили Великую Октябрьскую социалистическую революцию в 1917 г. (Подробнее см. соответствующую литературу.) Центральные печатные органы: газета «Искра», нелегальная «Рабочая газета», «Звезда», «Правда».

«СОЮЗ МИХАИЛА АРХАНГЕЛА» («Русский народный союз имени Михаила Архангела») — черносотенная организация, образовавшаяся в 1908 г. в результате выхода ряда ультрареакционных деятелей из «Союза русского народа» (см. ниже). Председателем союза стал В. М. Пуришкевич (до февраля 1914 г.). Программа сходна во многом с программой «Союза русского народа», но признавала необходимость Гос. думы (при условии ограниченного представительства Польши и Кавказа и ли-

шения избирательных прав евреев). Прекратила существование после Февральской революции 1917 г.

«СОЮЗ РУССКОГО НАРОДА» — черносотенная организация создана в 1905 г. в Петербурге для борьбы с революцией. Основные программные положения: единство и нераздельность России, сохранение самодержавия, единение с народом в совещательном органе (Земский собор), антисемитизм; имела свои отделения в других городах и селах. Основатели: А. И. Дубровин (председ. Гл. совета), В. А. Грингмут, В. М. Пуришкевич и др. Основной печатный орган — газета «Русское знамя», печатались также в газетах «Московские ведомости», «Гражданин», «Киевлянин» и др. В 1908—1910 гг. «С. р. н.» распался на несколько организаций. В феврале 1917 года все они были распущены.

«СОЮЗ 17 ОКТЯБРЯ» («Октябристы») получил название от *Манифеста 17 октября 1905 г.* Контрреволюционная партия крупных помещиков и торгово-промышленной буржуазии. Основан в ноябре 1905 г. в Москве, затем Петербурге, позднее были созданы отделения «Союза» в других губерниях. Основные положения программы: сохранение единства и нераздельности России, конституционная монархия с двухпалатным представительством, политические свободы, зафиксированные в Манифесте 17 октября 1905 г., поддержка политики царского правительства в борьбе с революционными выступлениями. В декабре 1913 г. партия раскололась на 3 блока: левые О., земцы-О и правые О. Во время 1-й мировой войны выступила с призывом поддержать курс царского правительства. Очевидная неспособность царизма управлять страной привела к объединению 6 фракций разных партий и созданию «*Прогрессивного блока*» (см. выше). После победы Октябрьской революции октябристы всеми возможными средствами боролись против Советской республики, занимая видные посты в белогвардейских правительствах и организациях.

«СОЮЗ СОЮЗОВ» — политическая организация либерально-буржуазной интеллигенции, объединившая в 1905—1907 гг. в профессиональные по форме, политические по существу союзы. Партия организована в мае 1905 г. на 1-м съезде представителей 14 союзов, выступивших от имени людей разных профессий. Программа: ликвидация существующего политического строя и передача власти Учредительному собранию, созванному на основе всеобщего избирательного права, прямым, равным и тайным голосованием. Оказывал материальную помощь участникам вооруженного восстания в декабре 1905 г. Борьба между радикальным крылом и либеральным усилила разногласия в союзе, и к концу 1906 г. его деятельность прекратилась.

ЭСЕРЫ (Партия социалистов-революционеров), левая буржуазно-демократическая партия, просуществовавшая с 1901 по 1922 гг., до 1917 г. на нелегальном положении. Партия эсеров выражала интересы мелкой городской и сельской буржуазии, позднее сомкнулась с помещичьей контрреволюцией. В момент организации во главе стояли М. А. Натансон,

Е. К. Брешко-Брешковская, В. М. Чернов, А. Р. Гоц и др. В программе партии, принятой на 1-м съезде (дек. 1905—январь 1906) основные требования сводились к следующему: установление демократической республики, политические свободы, всеобщее избирательное право, созыв Учредительного собрания, введение рабочего законодательства и др. В основе аграрной программы — *социализация* земли, т. е. передача земли крестьянам, что привлекло на их сторону массы крестьянства. Одним из главных методов борьбы — индивидуальный террор, готовящийся специальной БО (боевой организацией) во главе с Г. А. Гершуни, позднее Е. Ф. Азефом, оказавшимся провокатором, и затем Б. В. Савинковым. В результате террористических актов были убиты министры внутренних дел Д. С. Сипягин, В. К. Плеве и ряд других лиц. После Февральской революции 1917 г., отвергая большевистский лозунг «Вся власть Советам», выступили в поддержку Временного правительства. После победы Октябрьской революции начали создавать подпольные организации для борьбы с Советской властью. Раскол в партии в 1917 г. привел к созданию двух фракций: левые эсеры и правые эсеры. В годы гражданской войны правые эсеры развернули террор против руководителей Советского государства (убийство В. Володарского, М. С. Урицкого, покушение на В. И. Ленина). В 1922 г. после окончательного разгрома мятежей, потеряв опору в массах, партия распалась. Часть ее лидеров была арестована, другая часть эмигрировала за границу. Печатные органы: газета «Революционная Россия», журнал «Вестник русской революции».

Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» Николая II был опубликован в дни Октябрьской Всероссийской политической стачки 1905 г. Подготовлен С. Ю. Витте, считавшим, что конституционные уступки — единственное средство спасти самодержавие. Манифест провозгласил гражданские свободы (неприкосновенность личности, свободу слова, совести, собраний и союзов) и законодательную думу. Последняя должна была быть органом, без одобрения которого никакой закон не мог войти в силу. Произошли изменения в составе правительства. Совет Министров возглавил С. Ю. Витте. Д. Ф. Трепов был уволен в отставку. Вместо А. Г. Булыгина министром внутренних дел был назначен П. Н. Дурново. 21 окт. правительство объявило политическую амнистию, была отменена предварительная цензура печати (24 нояб. 1905 и 26 апр. 1906). 11 дек. 1905 г. был утвержден новый избирательный закон, по которому круг избирателей расширился.

Либеральная буржуазия объявила цель революции достигнутой. Большевики убеждали массы не верить этому маневру царского правительства и призывали к продолжению всеобщей забастовки и подготовке вооруженного восстания (Обращение «К русскому народу» ЦК РСДРП от 18 окт.). Подавив Декабрьские вооруженные восстания 1905 г., правительство пошло на свои «конституционные» обещания.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ СЛОВ

алтарь — 1) специальное возвышение, на котором приносили жертву богу; 2) в православной церкви восточная оконечность, отделенная иконостасом и дверьми

бармы — принадлежность парадного наряда московских князей и царей, надевавшаяся на плечи

велий (церк.-слав.) — великий

гайдук — гайдамак, ратник. Служитель у вельможи для прислуги при езде

горé — ввысь, к небу

городовой — полицейский служитель, обычно в чине урядника, унтер-офицера

денник — 1) хлев, загон; 2) просторное стойло в конюшне, где лошади стоят без привязи

десница — правая рука, вообще рука

елицы (церк.-слав.) — те, которые; еликий — скользкий

земский (начальник) — название должностного лица, объединявшего в своих руках административную и судебную власть над местным крестьянством

околоточный — до революции город состоял из околотков (районов). Околоточный — полицейский чин, в чьем ведении находился определенный

околоток — район.

повытчик — лицо, занимавшееся делопроизводством в суде

подъячий — в московской Руси писец и делопроизводитель в приказной канцелярии, помощник дьяка

понамарь (пономарь) — лицо, которое прислуживает в церкви

пристав — 1) *становой п.* — начальник полицейского стана (административного подразделения) в уезде, подчиненный исправнику; 2) *участковый п.* — начальник полицейского участка в городах, подчиненный полицмейстеру

прокимен (церк.-слав.) — стих, избранный из псалтири предваряет чтение Апостола и Евангелия во время церковной службы

ротмистр — офицерский чин в кавалерии и в жандармерии, соответствовавший капитану в пехоте

скимен (церк.-слав.) — молодой лев, львенок

сором — срам, стыд, позор, поругание, бесчестье

стихарь — часть облачения архиереев и священников, верхнее дьяконов и церковнослужителей

столоначальник — заведующий канцелярским столом (отделом) в учреждении

тать — вор, грабитель, похититель

тесак — 1) особый плотничий топор; 2) рубящее и колющее оружие с широким обоюдоострым клинком на крестообразной рукояти (воен.-историч.)

требник (церк.-слав.) — книга, по которой отправляются таинства или священные обряды

туга (церк.-слав.) — скорбь

урядник — нижний чин уездной (сельской) полиции

целовальник — продавец вина в питейных домах и кабаках.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. ЕРШОВ. Русская стихотворная сатира конца XIX—</i> <i>начала XX веков</i>	<i>5</i>
<i>К. К. СЛУЧЕВСКИЙ</i>	<i>27</i>
<i>В. С. СОЛОВЬЕВ</i>	<i>38</i>
<i>А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВ</i>	<i>54</i>
<i>В. П. БУРЕНИН</i>	<i>87</i>
<i>В. С. ЛИХАЧЕВ</i>	<i>95</i>
<i>М. П. СВОБОДИН</i>	<i>100</i>
<i>А. В. АМФИТЕАТРОВ</i>	<i>106</i>
<i>О. Н. ЧЮМИНА</i>	<i>129</i>
<i>Ф. С. ШКУЛЕВ</i>	<i>136</i>
<i>А. И. ГОМОЛИЦКИЙ</i>	<i>139</i>
<i>М. ГОРЬКИЙ</i>	<i>145</i>
<i>А. А. РАДАКОВ</i>	<i>149</i>
<i>С. А. БАСОВ-ВЕРХОЯНЦЕВ</i>	<i>153</i>
<i>Ф. СОЛОГУБ</i>	<i>183</i>
<i>К. Д. БАЛЬМОНТ</i>	<i>188</i>
<i>В. Я. БРЮСОВ</i>	<i>190</i>
<i>А. А. БЛОК</i>	<i>193</i>
<i>В. П. ВАЛЕНТИНОВ</i>	<i>198</i>
<i>А. А. ИЗМАЙЛОВ</i>	<i>200</i>
<i>ЧУЖ-ЧУЖЕНИН</i>	<i>210</i>
<i>В. В. ТРОФИМОВ</i>	<i>218</i>
<i>Н. Г. ШЕБУЕВ</i>	<i>224</i>
<i>Д. И. ГЛИКМАН</i>	<i>228</i>
<i>А. А. ВЕЙНБЕРГ</i>	<i>232</i>
<i>ТЭФФИ</i>	<i>235</i>
<i>В. В. ВОИНОВ</i>	<i>238</i>
<i>САША ЧЕРНЫЙ</i>	<i>246</i>

<i>А. С. ГРИН</i>	257
<i>СЕРГЕЙ ГОРНЫЙ</i>	261
<i>Е. Э. СНО</i>	265
<i>А. Т. АВЕРЧЕНКО</i>	270
<i>В. А. ЗОРГЕНФРЕЙ</i>	272
<i>ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ</i>	276
<i>Ф. Ф. БЛАГОВ</i>	283
<i>КРАСНЫЙ</i>	289
<i>М. Я. ПУСТЫНИН</i>	294
<i>ЕВГЕНИЙ ВЕНСКИЙ</i>	297
<i>П. П. ПОСТЕМКИН</i>	313
<i>В. В. КНЯЗЕВ</i>	320
<i>Н. Я. АГНИВЦЕВ</i>	334
<i>А. С. БУХОВ</i>	339
<i>А. Д'АКТИЛЬ</i>	349
<i>И. С. ЛОГИНОВ</i>	355
<i>ЭМИЛЬ КРОТКИЙ</i>	359
<i>В. В. МАЯКОВСКИЙ</i>	364
 Примечания	 377
Список имен наиболее известных литераторов, ученых, общественных, политических и военных деятелей . . .	434
Аннотированный список основных политических пар- тий в России начала XX века	440
Словарь устаревших слов	444

Литературно-художественное издание

МУЗА ПЛАМЕННОЙ САТИРЫ

РУССКАЯ СТИХОТВОРНАЯ САТИРА
1880—1910-Х ГОДОВ

Составитель

Ершов Леонид Федорович

Редактор *И. Е. ПЛАХОТНИКОВА*

Художественный редактор *Е. В. АНДРЕЕВА*

Технический редактор *Е. А. ВАСИЛЬЕВА*

Корректоры *Г. П. ПАНОВА, Г. В. СЕЛЕЦКАЯ*

ИБ № 5277

Сдано в набор 4.09.89. Подписано к печати 16.04.90. Формат 84x108¹/₃₂. Гар-
нитура Об. новая. Печать высокая. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 23,52.
Усл. краск.-отт. 23,94. Уч.-изд. л. 22,19. Тираж 100 000 экз. Заказ 58.
Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам из-
дательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Полиграфическое предприятие «Современник» Государственного комите-
та РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
445043, г. Тольятти, Южное шоссе, 30

